Книга года
Financial Times and McKinsey Business Book

Премия Royal Society Science Book

БЕСТСЕЛЛЕР *THE SUNDAY TIMES*

НЕВИДИМЫЕ ЖЕНЩИНЫ

ПОЧЕМУ МЫ ЖИВЕМ В МИРЕ, УДОБНОМ ТОЛЬКО ДЛЯ МУЖЧИН

НЕРАВНОПРАВИЕ, ОСНОВАННОЕ НА ДАННЫХ

КЭРОЛАЙН КРИАДО ПЕРЕС

Кэролайн Криадо Перес

Невидимые женщины. Почему мы живем в мире, удобном только для мужчин. Неравноправие, основанное на данных

«Альпина Диджитал»

2019

Перес К.

Невидимые женщины. Почему мы живем в мире, удобном только для мужчин. Неравноправие, основанное на данных / К. Перес — «Альпина Диджитал», 2019

ISBN 978-5-9614-3871-0

Представьте себе мир, где врач, сам того не ведая, выписывает препарат, который вам вреден; где вероятность получения вами серьезных увечий в случае автомобильной аварии на 47 % выше, чем у другой половины человечества; где ваш домашний труд после напряженного рабочего дня мало кто замечает и ценит. Знакомая картина? Значит, вы, скорее всего, женщина. Кэролайн Криадо Перес вскрывает в книге серьезную проблему, напрямую влияющую на здоровье и благополучие женщин: разработчики различных продуктов и технологий опираются на данные, собранные о человеке, где «человек» по умолчанию «мужчина». Женщины же с их особенностями и потребностями остаются незамеченными. Автор обходит стороной глубокие дебаты о природе современного феминизма, но представляет бесспорные факты дефицита гендерных данных в самых разных областях – от политики и медицинских исследований до технологий, трудовых отношений, планирования городского пространства и медиа. Эта блестящая книга, получившая множество престижных наград, доказывает необходимость перемен и заставляет взглянуть на устройство нашего мира по-новому.

ISBN 978-5-9614-3871-0

Содержание

Кэролайн Криадо Перес
Невидимые женщины: Почему мы живем в мире, удобном только для мужчин. Неравноправие, основанное на данных

Переводчик *Валерия Башкирова*
Редактор *Ольга Бараш*
Главный редактор *С. Турко*
Руководитель проекта *М. Красавина*
Корректоры *А. Кондратова, О. Улантикова*
Компьютерная верстка *А. Абрамов*
Арт-директор *Ю. Буга*

Женщинам, упрямо твердящим:
«Останемся чертовски сложными»[1]

Изображение мира, как и сам мир, – дело мужчин; они описывают его со своей точки зрения, которую путают с абсолютной истиной.
Симона де Бовуар

[1] «Чертовски сложная женщина» (a bloody difficult woman) – характеристика, данная британским политиком Кеннетом Кларком экс-премьер-министру Великобритании Терезе Мэй. Мэй в интервью с удовольствием повторяла его слова. – *Прим. ред.*

Предисловие

Почти вся письменная история человечества содержит зияющий пробел в данных. Начиная с возникновения теории о мужчине-охотнике, хроникеры и историки практически не уделяли внимания женщинам и их роли в эволюции человеческого рода, как культурной, так и биологической. Население планеты как будто состояло исключительно из мужчин. История же другой половины человечества почти целиком скрыта завесой молчания.

Эта завеса лежит буквально на всем. Вся наша культура пронизана молчанием. Фильмы, новости, литература, наука, градостроительство, экономика. Истории, которые мы рассказываем себе о собственном прошлом, настоящем и будущем. Все это покрыто и искажено молчанием – «отсутствующим присутствием» женщин. Завеса молчания – это отсутствие гендерных данных.

Но дефицит гендерных данных – не просто завеса молчания. Постоянное умалчивание, отсутствие данных имеет последствия, изо дня в день влияющие на жизнь женщин. Влияние может проявляться, казалось бы, в мелочах. Например, в том, что женщины зябнут в офисах, где температура воздуха рассчитана на мужчин. Или в том, что они не могут дотянуться до верхней полки шкафа, высота которого тоже рассчитана на рост среднестатистического мужчины. Это неприятно? Конечно. Несправедливо? Вне всяких сомнений.

Но все это не смертельно. Иное дело – попасть в аварию в автомобиле, стандарты безопасности которого не рассчитаны на антропометрические параметры женщин. Или слечь с инфарктом, который врачи не могут распознать, потому что симптомы, видите ли, «нетипичны». В этих случаях мир, скроенный по меркам мужчин, таит в себе смертельную опасность для женщин.

Важно понимать, что дефицит гендерных данных, как правило, возникает не по злому умыслу, и вообще не по умыслу. Совсем наоборот. Это продукт тысячелетиями складывавшегося образа мысли – точнее, недомыслия. Даже двойного недомыслия: люди – это по умолчанию мужчины, а о женщинах можно и умолчать. Ведь говоря «люди», мы в общем и целом имеем в виду мужчин.

Сама по себе эта мысль не нова. Широкую известность она получила благодаря Симоне де Бовуар, которая в 1949 г. писала: «Человечество создано мужским полом, и это позволяет мужчине определять женщину не как таковую, а по отношению к самому себе; она не рассматривается как автономное существо. […] Он – Субъект, он – Абсолют, она – Другой»[2]. Нов лишь контекст, в котором женщины по-прежнему рассматриваются как «Другие». Контекст – это мир, который все больше зависит от данных, фактически находится у них в плену. В плену больших данных, которые, в свою очередь, обрабатываются на больших компьютерах с помощью больших алгоритмов, после чего превращаются в большую правду. Но если большие данные грешат большими пробелами, вместо правды мы получаем в лучшем случае полуправду. А в отношении женщин – попросту неправду. Как говорят программисты, «мусор на входе – мусор на выходе».

Этот новый контекст настоятельно требует ликвидации дефицита гендерных данных. Сегодня никого не удивишь тем, что искусственный интеллект помогает медикам ставить диагнозы, рассматривает резюме соискателей при приеме на работу и даже проводит с ними собеседования. Но системы искусственного интеллекта обучаются на массивах данных, в которых зияют огромные дыры, образовавшиеся из-за нехватки исходной информации, а поскольку

[2] Бовуар С. де. Второй пол. Т. 1 и 2: Пер. с франц. / Общ. ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой, коммент. М.В. Аристовой. – М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. – *Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, прим. пер.*

алгоритмы, будучи проприетарными программами, чаще всего закрыты, мы даже не знаем, учитываются ли эти дыры. Судя по всему, не учитываются.

Цифры, технологии, алгоритмы – все это играет ключевую роль в истории под названием «Невидимые женщины». Но они рассказывают только ее половину. Данные – это попросту сведения, а сведения можно черпать из самых разных источников. Да, статистика предоставляет нам сведения, но и человеческий опыт тоже. Поэтому я буду стоять на своем: если мы собираемся строить мир, удобный для всех, мы должны найти в нем место женщинам. Если решения, касающиеся всех нас, принимают почти исключительно белые, физически здоровые мужчины (причем девять из десяти – американцы), образуется информационная дыра – такая же, как при отказе испытывать воздействие лекарственных препаратов на женских организмах. Далее я постараюсь показать, что игнорирование женского ракурса данных ведет, пусть ненамеренно, к перекосу в пользу мужчин, выдаваемому (часто совершенно искренне) за гендерную нейтральность. Именно это имела в виду Симона де Бовуар, когда писала, что мужчинам свойственно путать свою личную точку зрения с абсолютной истиной.

Проблемы, с которыми сталкиваются женщины и которых не учитывают мужчины, существуют во множестве областей, но, читая эту книгу, вы увидите, что в ней постоянно фигурируют три темы: **особенности женского организма**, **неоплачиваемая женская работа по дому** и **мужское насилие в отношении женщин**. Проблемы в этих трех областях настолько серьезны, что затрагивают практически все сферы нашей жизни – от поездок в общественном транспорте до политики, от организации рабочих мест до здравоохранения. Но мужчины забывают о них, потому что не знают, каково это – жить в женском теле. Они, как мы увидим, выполняют лишь малую часть неоплачиваемой «женской» работы. И хотя они тоже сталкиваются с насилием со стороны представителей своего пола, это не то насилие, от которого страдают женщины. В итоге различия между мужчинами и женщинами игнорируются и мы исходим из того, что мужской организм и мужской опыт гендерно нейтральны. Это одна из форм дискриминации женщин.

На протяжении всей книги я буду оперировать двумя категориями: «пол» и «гендер». Под полом я понимаю биологические особенности индивидуума, которые делят людей на мужчин и женщин. То есть две X-хромосомы (XX) у женщин и одна X- и одна Y-хромосома (XY) у мужчин. Под гендером – социальные факторы, накладывающиеся на биологические, то есть отношение общества к женщине, *воспринимаемой* как существо женского пола. Обе категории умозрительны, но при этом отражают реальность. И обе они чреваты серьезными последствиями для женщин, вынужденных жить в мире, скроенном по меркам мужчин.

На протяжении всей книги я пишу и о поле, и о гендере, но, когда речь идет о нехватке *гендерных* данных, именно гендер выходит на первое место, потому что статистика не отражает потребностей женщин не из-за их пола. А из-за гендера. Давая определение феномену, который причиняет такой ущерб жизни столь многих женщин, я хочу четко назвать его первопричину, и, вопреки многим утверждениям, о которых вы прочтете на этих страницах, проблема – вовсе не женское тело как таковое. Дело в значении, приписываемом ему обществом, и в социально обусловленном игнорировании его особенностей.

«Невидимые женщины» – история об «отсутствующем присутствии», и писать о нем порой непросто. Притом что у нас мало гендерных данных в целом (мы ведь их не собираем, а если и собираем, то не разбиваем по половому признаку), этих данных практически нет, когда речь идет о цветных женщинах, женщинах-инвалидах, представительницах рабочего класса. Их нет не только потому, что они не собраны, но, повторюсь, и потому, что они не отделены от информации о мужчинах, то есть данные собираются без разбивки по полу. Статистические данные о представительстве групп в разных сферах, от академического сообщества до киноролей, содержат разделы «женщины» и «этнические меньшинства», так что данные по жен-

щинам – представительницам этнических меньшинств тонут в каждой из этих более широких категорий. Если данные есть, я их привожу, но чаще всего они отсутствуют.

Эта книга – не записки психоаналитика. Мне не дано проникнуть в глубины сознания тех, кто способствует сохранению дефицита гендерных данных, а значит, я не могу открыть читателю первопричины этого явления. Я могу лишь представить факты и предложить читателю оценить их. Меня также не интересует, являются ли производители орудий труда, разработанных по мужским меркам, тайными сексистами. Личные мотивы не важны – во всяком случае, до определенных пределов. Важны закономерности. Важно понять, можно ли считать дефицит данных (учитывая количество информации, которую я представлю читателю) всего лишь результатом колоссального совпадения.

Я утверждаю, что это не совпадение. Я буду настаивать: дефицит гендерных данных – одновременно и причина, и следствие заблуждения, будто человечество состоит исключительно из мужчин. Я покажу, как часто и в сколь многих областях проявляется этот «мужской перекос» и насколько он искажает считающиеся объективными данные, от которых все сильнее зависит наше существование. Я покажу, что даже в нашем сверхрациональном мире, которым все чаще управляют сверхбеспристрастные сверхкомпьютеры, женщины во многом так и остаются, по определению Симоны де Бовуар, «вторым полом», и что опасность оказаться оттесненными (в лучшем случае) на роль «подвида» мужчин сегодня велика как никогда.

Введение
По умолчанию – мужчины

Наше общество свыклось с тем, что люди – по умолчанию мужчины. Свыклось, поскольку это представление уходит корнями в глубокую древность – так же, как и сама теория эволюции человека. Уже в IV в. до н. э. Аристотель открыто заявлял, что человек – по умолчанию мужчина. Для него это был бесспорный факт. «Первое отступление от природы заключается в том, что приплод может оказаться не самцом, а самкой», – писал он в своем биологическом трактате «О возникновении животных» (оговаривая, впрочем, что «самка необходима по своей природе»)[3].

Более 2000 лет спустя, в 1966 г., Чикагский университет организовал симпозиум по первобытным обществам охотников и собирателей – *Man the Hunter* («Человек-охотник»). На симпозиуме присутствовали более 75 социоантропологов из многих стран мира. Обсуждалась центральная роль охоты в эволюции человека и развитии человечества. С тем, что именно охота играла центральную роль, были согласны все участники форума[4]. «Биологическими и психологическими особенностями, а также привычками, отделяющими нас от обезьян, – всем этим мы обязаны охотникам прошлого», – указывалось в одной из статей сборника, изданного по материалам симпозиума. Очень хорошо, вот только, как отмечали феминистки, в эту теорию не укладывалась эволюция женщин. Потому что из этого труда явствует: охота – чисто мужское занятие. Ведь если «наш интеллект, интересы, эмоции и основы социальной жизни – продукты эволюции, обусловленные успешным освоением охоты», что можно сказать о женской половине человечества? Если носителями эволюции человечества выступают мужчины, можно ли вообще считать женщину человеком?

В своей ставшей классической работе 1975 г. «Женщина-собирательница: “мужской перекос” в антропологии» (Woman the gatherer: male bias in anthropology) антрополог Салли Слокум поставила под сомнение определяющую роль «мужчины-охотника»[5]. Антропологи, утверждала она, «рассматривают эволюцию сквозь призму мужских занятий, как будто этого достаточно для ее объяснения». Она задала простой вопрос, который до нее никто не ставил: «А что делали женщины, пока мужчины охотились?» Ответ: они занимались собирательством и ухаживали за детьми, долгое время остававшимися беспомощными и нуждавшимися в присмотре. Оба эти занятия требовали сотрудничества. В свете этого, пишет Салли Слокум, утверждать, что «в основе человеческой эволюции лежит склонность мужчин к охоте и убийству», – значит «придавать слишком большое значение агрессии, которая является лишь одним из инструментов выживания».

Салли Слокум раскритиковала теорию «мужчины-охотника» более четырех десятилетий назад, но «мужской перекос» в теории эволюции сохраняется до сих пор. «Ученые считают, что в процессе эволюции у людей выработался инстинкт насилия и убийства» (Humans evolved to have an instinct for deadly violence, researchers find) – статья под таким заголовком была опубликована в 2016 г. на сайте *The Independent*[6]. В ней дается ссылка на работу «Филогенетические корни склонности к насилию и убийству у людей» (The phylogenetic roots of human lethal

---

[3] Аристотель. О возникновении животных / Пер. с древнегреч. В.П. Карпова. – М. – Л.: Издательство АН СССР, 1940.

[4] . http://science.sciencemag.org/content/164/3883/1045.1.

[5] Slocum, Sally (1975), ‘Woman the gatherer: male bias in anthropology,’ in Reiter, Rayna R. ed. (1975), *Toward an Anthropology of Women*. Monthly Review Press.

[6] http://www.independent.co.uk/news/science/human-evolution-violence-instinct-to-kill-murder-each-other-a7335491.html.

violence), авторы которой утверждают, что в результате эволюции люди стали убивать себе подобных в шесть раз чаще, чем в среднем любое другое млекопитающее[7].

Безусловно, это верно для представителей человеческого рода в целом, но дело в том, что себе подобных убивают почти исключительно мужчины. Анализ статистики убийств за 30 лет, проведенный в Швеции, показал, что девять из десяти убийств совершают мужчины[8]. Об этом же говорит и статистика убийств в других странах, в том числе Австралии[9], Великобритании[10] и США[11]. Исследование ООН, посвященное убийствам, выполненное в 2013 г., показывает, что во всем мире 96 %[12] лиц, совершивших убийства, – мужчины. Так у кого же выработался инстинкт убийства – у всех людей или только у мужчин? И если женщины в целом не убивают, что прикажете думать о женской «филогенетике»?

Похоже, подход, который можно обозначить как «мужчина-если-не-указано-иное», пустил корни во всех областях этнографической науки. Например, на наскальных рисунках часто встречаются изображения промысловых животных. Ученые всегда считали, что они сделаны мужчинами-охотниками. Но недавний анализ отпечатков пальцев, обнаруженных рядом с рисунками в пещерах во Франции и Испании, позволяет предположить, что в большинстве случаев рисунки были сделаны женщинами[13].

Подход «мужчина-если-не-указано-иное» не щадит даже человеческие останки. Думаете, что уж человеческие-то скелеты, найденные в раскопках, однозначно атрибутируются либо как мужские, либо как женские и «мужскому перекосу» тут места нет? Ошибаетесь! Более 100 лет скелет жившего в X в. викинга, известного как «воин из Бирки», считался мужским, несмотря на то что тазовые кости указывали на его принадлежность женщине. Он считался мужским, потому что был похоронен в полном боевом снаряжении, а рядом с ним были обнаружены скелеты двух коней, принесенных в жертву при погребении[14]. Содержимое захоронения указывало на то, что его «обитатель» был воином[15], – а раз воин, значит, мужчина. (Археологи считали многочисленные упоминания о женщинах-воинах в фольклоре викингов не более чем «мифами»[16].) Аргумент в пользу принадлежности скелета мужчине (наличие в захоронении оружия) перевешивал довод в пользу принадлежности скелета женщине (наличие у «воина» женского таза), но не смог перевесить результаты анализа ДНК, проведенного в 2017 г. и подтвердившего: скелет принадлежал женщине.

Дискуссии, однако, на этом не закончились. Они просто переместились в другую плоскость[17]. Кости могли быть перемешаны. Женщина могла быть похоронена с оружием не потому, что была воином, а по другим причинам. Скептически настроенные ученые, отрицающие принадлежность скелета особе женского пола, придерживаются одной из этих двух версий (хотя именно на основании содержимого захоронения первоначальные сторонники «мужской» версии отметали и ту и другую). Но упорство, с которым отвергается «женская» версия, весьма показательно – особенно учитывая, что принадлежность скелетов, обнаруженных в сходных

---

[7] https://www.nature.com/articles/nature19758.

[8] https://www.eurekalert.org/pub_releases/2016-06/uog-mdb061716.php.

[9] http://www.smh.com.au/lifestyle/news-and-views/social/no-women-arentas-likely-to-commit-violence-as-men-20141118-3km9x.html.

[10] https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/crimeandjustice/compendium/focusonviolentcrimeandsexualoffences/yearendingmarch2015/chapter2homicide#focus-on-domestic-homicides.

[11] https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/htus8008.pdf.

[12] http://www.unodc.org/documents/gsh/pdfs/2014_GLOBAL_HOMICIDE_BOOK_web.pdf.

[13] https://www.nationalgeographic.com/news/2013/10/131008-women-handprints-oldest-neolithic-cave-art/.

[14] https://www.theguardian.com/science/2017/sep/15/how-the-female-viking-warrior-was-written-out-of-history.

[15] https://news.nationalgeographic.com/2017/09/viking-warrior-woman-archaeology-spd/.

[16] Там же.

[17] https://www.nytimes.com/2017/09/14/world/europe/sweden-viking-women-warriors-dna.html.

захоронениях, мужчинам «не ставится под сомнение»[18]. Действительно, археологи почти всегда обнаруживают в захоронениях больше мужчин, чем женщин, а это, как сухо заметил антрополог Филип Уокер в своей книге по археологии 1995 г. (в главе, посвященной определению пола по черепу), «не укладывается в наши представления о соотношении численности представителей обоих полов в древних человеческих популяциях»[19]. Женщины у викингов имели право собственности, могли наследовать имущество и наживать богатство, занимаясь торговлей. Почему же нельзя предположить, что они могли также и воевать?[20]

В конце концов, скелет «воительницы из Бирки» – далеко не единственный скелет женщины-воина, найденный учеными. «Множество женских скелетов в полном боевом снаряжении было обнаружено в степях Евразии от Болгарии до Монголии», – пишет Натали Хайнс в *The Guardian*[21]. В частности, у таких народов, как скифы, сражавшимися верхом и использовавшими лук и стрелы воинами были не только мужчины. Результаты анализов ДНК скелетов более 1000 скифских воинов, захороненных с оружием в погребальных курганах от Украины до Центральной Азии, говорят о том, что около 37 % скифских женщин и девушек постоянно участвовали в сражениях[22].

О том, насколько глубоко подход «мужчина-если-не-указано-иное» проник в наше сознание, можно судить по тому, что он прочно закрепился в одной из главных несущих конструкций нашего общества – в языке. Так, Салли Слокум, критикуя «мужской перекос» в антропологии, отмечает, что он проявляется «не только в том, как интерпретируются скудные данные, но и в самом языке интерпретации». Слово «человек», пишет она, «настолько неоднозначно, что иногда невозможно понять, относится ли оно только к мужчинам или ко всем представителям человеческого рода». Из-за этой неоднозначности, подозревает Салли Слокум, «в сознании многих антропологов слово “человек”, предположительно относящееся ко всем представителям человеческого рода, на самом деле является синонимом слова “мужчина”». Как мы увидим далее, есть множество подтверждений ее правоты.

В поэме Мюриэл Рукейзер «Миф» старый слепой царь Эдип спрашивает Сфинкса: «Почему я не узнал свою мать?» Сфинкс отвечает, что Эдип неправильно ответил на заданный ему вопрос («Кто ходит утром на четырех ногах, днем – на двух, а вечером – на трех?»). «Ты ответил, что это человек, – говорит Сфинкс. – Но ты имел в виду мужчину. Ты забыл о женщине». Но, возражает Эдип, всем известно, что, когда мы говорим «человек», мы имеем в виду и женщин тоже.

На самом деле Сфинкс был прав, а Эдип ошибался. Когда мы говорим «человек», мы вовсе не имеем в виду женщин, хотя, по идее, формально *действительно* «всем известно», что понятие «человек» включает представителей обоих полов. Многочисленные исследования в области различных языков, проведенные за последние 40 лет, однозначно указывают на то, что слова так называемого общего (мужского) рода[23] (например, местоимение *he* («он») в английском языке, применяемое к лицам обоих полов) на самом деле не воспринимаются как «общие» для мужского и женского пола[24]. В подавляющем большинстве случаев они соотносятся лишь с представителями мужского пола.

---

[18] Там же.

[19] Walker, Phillip (1995), ‘Problems of Preservation and Sexism in Sexing: Some Lessons from Historical Collections for Palaeodemographers’, in Saunders, S. R. and Herring A. (eds.), *Grave Reflections, Portraying the Past through Cemetery Studies* (Canadian Scholars’ Press, Toronto); https://namuhyou.wordpress.com/2016/06/18/sexism-when-sexing-your-skull-cultural-bias-when-sexing-the-skull/.

[20] https://www.nytimes.com/2017/09/14/world/europe/sweden-viking-women-warriors-dna.html.

[21] https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/sep/18/battle-prejudice-warrior-women-ancient-amazons.

[22] https://www.foreignaffairs.com/articles/2015-05-06/warrior-women.

[23] Общий род – грамматическая категория, соотносимая с представителями как мужского, так и женского пола в гендерно нейтральном контексте.

[24] Hegarty, Peter and Buechel, Carmen (2006), ‘Androcentric Reporting of Gender Differences’, *APA Journals: 1965–2004 Review*

Слыша слова общего (мужского) рода, люди чаще представляют себе известного мужчину, чем известную женщину[25]. Если такое слово обозначает профессию, она воспринимается как преимущественно мужская[26]. Поэтому предпочтение при приеме на такие должности и назначении на ответственные политические посты отдается мужчинам[27]. Кроме того, если в объявлениях о вакансиях используются слова общего (мужского) рода, женщины реже подают заявления о приеме на работу и реже успешно проходят собеседования[28]. На самом деле слова общего (мужского) рода настолько часто воспринимаются как относимые только к мужчинам, что это восприятие перевешивает другие укоренившиеся стереотипные представления о различных занятиях, в результате чего даже такие традиционно «женские» профессии, как косметолог, начинают восприниматься как мужские[29]. Эта тенденция искажает в том числе и результаты научных исследований, создавая определенный дефицит гендерных метаданных. Исследование, проведенное в 2015 г. и посвященное предвзятости психологических опросов, показало, что использование слов общего (мужского) рода в анкетах влияет на ответы женщин и, соответственно, искажает «результаты опросов»[30]. Авторы исследования приходят к выводу, что использование слов общего (мужского) рода «может подчеркивать воображаемые различия между женщинами и мужчинами, чего не происходит при использовании гендерно нейтральных формулировок вопросов или естественных для данного языка форм рода».

Хотя уже несколько десятилетий назад было доказано, что употребление слов общего (мужского) рода создает только путаницу в понимании, официальная языковая политика многих стран по-прежнему строится на том, что это всего лишь формальность, которую необходимо соблюдать для… ясности речи! Не далее как в 2017 г. Французская академия, высшая инстанция в области французского языка, яростно выступала против «аберрации “инклюзивного написания”», утверждая, что «французский язык находится в смертельной опасности» из-за отступления от «нормативного» употребления слов общего (мужского) рода. В других странах, в том числе Испании[31] и Израиле[32], тоже было много шума вокруг этой проблемы.

Поскольку в английском языке нет грамматической категории рода как таковой, общий (мужской) род сегодня используется довольно ограниченно. Такие слова, как *doctor* («врач») или *poet* («поэт»), раньше относились к общему (мужскому) роду. Если нужно было указать,

---

of General Psychology, 10:4, 377–89; Vainapel, Sigal, Shamir, Opher Y., Tenenbaum, Yulie and Gilam, Gadi (2015), ‘The Dark Side of Gendered Language: The Masculine-Generic Form as a Cause for Self-Report Bias’, *Psychological Assessment Issue*, 27:4, 1513–19; Sczesny, Sabine, Formanowicz, Magda, and Moser, Franziska (2016), ‘Can Gender-Fair Language Reduce Gender Stereotyping and Discrimination?’, *Frontiers in Psychology*, 7, 1–11; Horvath, Lisa Kristina and Sczesny, Sabine (2016), ‘Reducing women’s lack of fit with leadership positions? Effects of the wording of job advertisements’, *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 25:2, 316–28; Stout, Jane G. and Dasgupta, Nilanjana (2011), ‘When He Doesn’t Mean You: Gender-Exclusive Language as Ostracism’, *Personality and Social Psychology Bulletin*, 36:6, 757–69; Vervecken, Dries, Hannover, Bettina and Wolter, Ilka (2013), ‘Changing (S) expectations: How gender fair job descriptions impact children’s perceptions and interest regarding traditionally male occupations’, *Journal of Vocational Behavior*, 82:3, 208–20; Prewitt-Freilino, J. L., Caswell, T. A. and Laakso, E. K. (2012), ‘The Gendering of Language: A Comparison of Gender Equality in Countries with Gendered, Natural Gender, and Genderless Languages’, *Sex Roles*, 66: 3–4, 268–81; Gygax, Pascal, Gabriel, Ute, Sarrasin, Oriane, Oakhill, Jane and Garnham, Alan (2008), ‘Generically intended, but specifically interpreted: When beauticians, musicians, and mechanics are all men’, *Language and Cognitive Processes*, 23:3, 464–85; Stahlberg, D., Sczesny, S. and Braun, F. (2001), ‘Name your favorite musician: effects of masculine generics and of their alternatives in German’, *Journal of Language and Social Psychology*, 20, 464–69.

[25] Stahlberg, Sczesny and Braun (2001).

[26] Sczesny, Formanowicz and Moser (2016); Vervecken, Hannover and Wolter (2013).

[27] Stahlberg, D. and Sczesny, S. (2001), ‘Effekte des generischen Maskulinums und alternativer Sprachformen auf den gedanklichen Einbezug von Frauen’ [The impact of masculine generics on the cognitive inclusion of women], *Psychol. Rundsch.*, 52, 131–40; Horvath and Sczesny (2016); Sczesny, Formanowicz and Moser (2016).

[28] Stout and Dasgupta (2011); Sczesny, Formanowicz and Moser (2016).

[29] Gygax, Gabriel, Sarrasin, Oakhill and Garnham (2008).

[30] Vainapel, Shamir, Tenenbaum and Gilam (2015).

[31] Ignacio Bosque, ‘Sexismo linguistico y visibilidad de la mujer’, http://www.rae.es/sites/default/files/Sexismo_linguistico_y_visibilidad_de_la_mujer_0.pdf.

[32] Vainapel, Shamir, Tenenbaum and Gilam (2015).

что лечит людей или пишет стихи именно женщина, употребляли слова *doctoress* («докторша») или *poetess* («поэтесса»), причем звучало это несколько пренебрежительно. В настоящее время слова *doctor* или *poet* считаются гендерно нейтральными. Но хотя формально общий (мужской) род сегодня употребляют лишь педанты, до сих пор настаивающие, что в значении *he or she* («он или она») достаточно использовать местоимение *he* («он»), а писать *he or she* («он или она») вовсе не обязательно, этот род в каком-то смысле возвращается к нам в форме таких якобы гендерно нейтральных разговорных американизмов, как *dude* («чувак», «братан») и *guys* («парни», «мужики»), или британского словца *lads* («парни», «ребята»). Впрочем, недавняя шумиха в Великобритании показала, что для некоторых общий (мужской) род сохраняет свое значение. Когда в 2017 г. Дэни Коттон, первая женщина – глава Пожарной бригады Лондона, предложила заменить слово *fireman* («пожарный»[33]) словом *firefighter* («огнеборец»), явно более выразительным и теперь уже вошедшим в обиход, она получила кучу возмущенных посланий[34].

Во флективных языках, то есть таких, в которых слова изменяются по родам (как, например, во французском, немецком и испанском), понятия мужского и женского вплетены в саму ткань языка. Все существительные в таких языках либо мужского, либо женского рода. В испанском языке «стол» – женского рода (*la mesa roja* – красный стол), а «автомобиль» – мужского (*el coche rojo* – красный автомобиль).

Что касается существительных, обозначающих людей, то, хотя они могут быть и мужского, и женского рода, стандартный род всегда мужской. Наберите в строке поиска Google запрос «“адвокат” по-немецки». Выскочит слово *Anwalt*, что буквально означает «адвокат-мужчина», но также может означать адвоката вообще, любого пола. Имея в виду женщину-адвоката, вы скажете *Anwaltin* (кстати, существительные женского рода, как в данном случае, часто образуются от существительных мужского рода – еще один тонкий способ позиционирования женщины как отклонения от (мужской) нормы, или, в терминах Симоны де Бовуар, как «Другого»). Общий (мужской) род также используется при обозначении групп людей, включающих представителей обоих полов или лиц, чей пол неизвестен. Соответственно, группу из ста женщин – преподавателей испанского языка назовут *las profesoras*, но если в ней будет хоть один мужчина, скажут *los profesores*. Такова сила убежденности в том, что люди – по умолчанию мужчины.

Во флективных языках общий (мужской) род по-прежнему используется достаточно широко, в частности в объявлениях о вакансиях для обозначения должностей – особенно руководящих[35]. Недавнее исследование, проведенное в Австралии и посвященное языку объявлений о вакантных руководящих должностях, показало, что соотношение слов общего (мужского) рода и словосочетаний «справедливого» рода (то есть слов, которые могут относиться и к мужскому, и к женскому роду) составляет 27:1[36]. Европейский парламент считает, что нашел решение проблемы: с 2008 г. он рекомендует вставлять в объявления о вакансиях (на флективных языках) обозначение *m/f* («мужчина или женщина»). По мысли членов Европарламента, это делает общий (мужской) род более «справедливым», так как вышеуказанное обозначение якобы напоминает о существовании женщин. Идея хорошая, но данные говорят о том, что эффект от ее реализации нулевой. Ученые обнаружили, что использование слов «справедливого» рода само по себе не оказывает никакого влияния на дискриминационные последствия употребления слов общего (мужского) рода. Вот вам еще одна иллюстрация того, что разработка политики должна начинаться со сбора данных[37].

---

[33] Fireman – от англ. fire (огонь) и man (человек, мужчина).

[34] https://www.theguardian.com/uk-news/2018/feb/01/dany-cotton-london-fire-chief-sexist-abuse-over-firefighter-sam-campaign.

[35] Horvath and Sczesny (2016).

[36] Там же.

[37] Там же.

Имеют ли все эти споры о словах какое-либо практическое значение? Безусловно. Анализ, проведенный Всемирным экономическим форумом в 2012 г., показал, что в странах, где говорят на флективных языках, то есть где практически в любом высказывании присутствует выраженная идея мужского или женского начала, уровень гендерного неравенства самый высокий[38]. Но вот что интересно: страны, где говорят на языках, в которых грамматическая категория рода отсутствует (как, например, в венгерском и финском языках), уровень гендерного неравенства отнюдь не самый низкий. Самый низкий уровень гендерного неравенства в третьей группе стран, где говорят на «гендерно нейтральных» языках (например, на английском). В этих языках пол, как правило, обозначается не с помощью флексий, а непосредственно лексически (*female teacher* – учительница, буквально «учитель-женщина»; *male nurse* – медбрат). Авторы исследования предположили, что если язык не позволяет каким-либо образом обозначить гендерную принадлежность, то «скорректировать» скрытый в нем «мужской перекос» за счет акцентирования «присутствия женщин в этом мире» невозможно. Иными словами, люди – по умолчанию мужчины, а о женщинах можно и умолчать.

Можно тешить себя мыслью, что «мужской перекос» в языке – наследие темного прошлого, но факты говорят об обратном. Самый «быстроразвивающийся» язык в мире[39], который применяют более 90 % пользователей интернета, – язык эмодзи[40]. Он возник в Японии в 1980-х гг.[41], и на нем чаще «говорят» женщины[42]: эмодзи постоянно используют 78 % женщин и лишь 60 % мужчин[43]. Тем не менее, как это ни удивительно, до 2016 г. мир эмодзи был мужским.

Эмодзи, которые есть в любом смартфоне, выбирает некоммерческая организация под громким названием Unicode Consortium – группа компаний Кремниевой долины, сотрудничающих в целях поддержки универсального международного стандарта программного обеспечения. Если Unicode Consortium решает, что конкретный эмодзи-символ (скажем, «шпион») следует добавить в существующий набор символов, она решает также, какой исходный код для этого использовать. Производители телефонов (или платформы, например Twitter и Facebook) затем разрабатывают собственный вариант «шпиона». Но все они будут использовать один и тот же код, и, таким образом, пользователи, обмениваясь сообщениями с различных платформ, в принципе будут пользоваться одними и теми же символами, то есть говорить на одном языке. Рожица с глазами-сердечками для всех будет рожицей с глазами-сердечками.

Изначально Unicode Consortium, как правило, не обращала внимания на пол эмодзи-символов. Символ, который на большинстве платформ изначально изображался в виде бегущего человека, не обозначал бегущего мужчину. Он обозначал любого бегущего человека. Точно так же символ, изображающий полицейского, Unicode Consortium обозначала не как полицейского-мужчину, а как человека, служащего в полиции. Но затем отдельные платформы начали приписывать этим гендерно нейтральным символам мужской род.

В 2016 г. Unicode Consortium решила, что с этим надо что-то делать. Отказавшись от своей изначальной «гендерно нейтральной» позиции, организация конкретизировала пол всех эмодзи, обозначавших людей[44]. Так, вместо символа «бегущий человек», который обозначал бегунов обоих полов, но изображался в виде мужчины, Unicode Consortium разработала символы для обозначения бегущего мужчины и бегущей женщины. В настоящее время существуют аналогичные варианты для всех профессий и видов спорта. Достижение небольшое, но важное.

---

[38] Prewitt-Freilino, Caswell and Laakso (2012).

[39] https://cdn.emogi.com/docs/reports/2016_emoji_report.pdf.

[40] http://www.adweek.com/digital/report-92-of-online-consumers-use-emojiinfographic/.

[41] Согласно большинству источников, первые эмодзи появились в 1998–1999 гг.

[42] https://unicode.org/L2/L2016/16160-emoji-professions.pdf.

[43] http://www.adweek.com/digital/report-92-of-online-consumers-use-emojiinfographic/.

[44] http://www.unicode.org/L2/L2016/16181-gender-zwj-sequences.pdf.

Можно сколько угодно обвинять производителей телефонов и платформы социальных сетей в сексизме (тем более что они, как мы увидим далее, действительно грешат им, хотя часто не отдавая себе в этом отчета), но дело в том, что даже если бы они исхитрились изобразить гендерно нейтрального «бегущего человека», большинство из нас все равно воспринимало бы его как мужчину – ведь мы обычно воспринимаем род как мужской, если нет особого указания на то, что он женский. Пусть даже (мы очень на это надеемся) суровые ревнители грамматики в конце концов поймут, что употребление в английском языке сочетаний типа *he or she* («он или она») – или (какой ужас!) даже *she or he* («она или он») вместо просто *he* («он») – это еще не конец света, на самом деле отказ от общего (мужского) рода будет только половиной победы. «Мужской перекос» так прочно укоренился в нашем сознании, что даже действительно нейтральные в гендерном отношении слова мы воспринимаем как слова мужского рода.

В ходе исследования 2015 г. было выявлено пять наиболее частотных английских слов, обозначающих людей, в статьях, опубликованных в 2014 г. и посвященных взаимодействию человека с компьютером. Обнаружилось, что все они на первый взгляд гендерно нейтральные: *user* («пользователь»), *participant* («участник»), *person* («индивид», «лицо», «человек»), *designer* («разработчик») и *researcher* («исследователь», «ученый»)[45]. Браво, специалисты по взаимодействию человека с компьютером! Великолепно! Вот только, как всегда, есть одна загвоздка. Когда участников исследования попросили в течение десяти секунд подумать над тем, что означают эти слова, а затем нарисовать образы, возникшие в воображении, оказалось, что эти, казалось бы, гендерно нейтральные слова отнюдь не воспринимаются как в равной степени относящиеся и к мужчинам, и к женщинам. Только «разработчика» представляли себе как мужчину менее 80 % участников эксперимента мужского пола (мужчину нарисовали «всего» 70 %). «Ученого» чаще изображали неким бесполым существом, чем женщиной. У участниц эксперимента «мужской перекос» проявлялся не так сильно, но в целом и они чаще воспринимали гендерно нейтральные слова как слова мужского рода, и только «индивида» и «участника» (которых около 80 % мужчин изобразили в виде мужчин) 50 % женщин нарисовали в виде представительницы своего пола.

Эти довольно удручающие результаты перекликаются с результатами серии экспериментов «нарисуй ученого», проводимых не один десяток лет. Большинство участников этих экспериментов упорно рисует мужчин (раньше «мужской перекос» был настолько силен, что о результатах недавнего исследования, в ходе которого женщин-ученых нарисовали аж 28 % детей, СМИ трубили на весь мир как о колоссальном достижении)[46]. Результаты «компьютерного» эксперимента 2015 г. в целом совпадают (что не может не настораживать) и с данными исследования 2008 г., в ходе которого пакистанских школьников в возрасте девяти-десяти лет просили нарисовать образ, возникающий в их воображении в связи со словом «мы»[47]. Ни одна школьница не нарисовала девочку – как, разумеется, и ни один школьник.

Восприятие мира как преимущественно «мужского» мы переносим даже на братьев меньших. В ходе одного исследования ученые демонстрировали участникам эксперимента гендерно нейтральное чучело животного, с помощью местоимений женского рода давая понять, что это чучело самки. Однако подавляющее большинство участников (дети, их родители и воспитатели) все равно воспринимало животное как самца и описывали его, используя местоимение «он»[48]. Исследование показало, что для того, чтобы хотя бы «половина участников описы-

---

[45] Bradley, Adam, MacArthur, Cayley, Carpendale, Sheelagh and Hancock, Mark, 'Gendered or Neutral? Considering the Language of HCI', Graphics Interface Conference 2015, 3–5 June, Halifax, Nova Scotia, Canada, http://graphicsinterface.org/wp-content/uploads/gi2015-21.pdf.

[46] https://genderedinnovations.stanford.edu/institutions/bias.html.

[47] Naureen Durrani (2008), 'Schooling the 'other': the representation of gender and national identities in Pakistani curriculum texts', *Compare: A Journal of Comparative and International Education*, 38:5, 595–610.

[48] Lambdin, Jennifer R., Greer, Kristen M., Jibotian, Kari Selby, Wood, Kelly Rice and Hamilton, Mykol C. (2003), 'The Animal =

вала чучело животного с помощью местоимения “она”, а не “он”», животное должно выглядеть «необыкновенно женственно».

Справедливости ради надо сказать, что такое восприятие животного далеко не всегда ошибочно: часто животное – действительно «он», а не «она». В рамках международного исследования 2007 г., в ходе которого было изучено 25 439 персонажей детских телепередач, обнаружилось, что только 13 % персонажей, не являющихся людьми, относятся к женскому полу (доля женщин в общем количестве «человеческих» персонажей была несколько выше, но тоже незначительной – 32 %)[49]. Анализ фильмов категории G (для детей), вышедших в период с 1990 г. по 2005 г., показал, что только 28 % ролей со словами достается персонажам женского пола. Еще более ярким свидетельством того, что люди – по умолчанию мужчины, была доля женщин в общем количестве участников массовых сцен – всего 17 %[50].

Мужских ролей в фильмах не только больше, чем женских, – на долю персонажей мужского пола приходится вдвое больше экранного времени, чем на долю персонажей женского пола, а в фильмах, где главный герой – мужчина (а таких большинство), даже втрое больше[51]. Только если главная роль в фильме – женская, на долю мужских и женских персонажей приходится равное количество экранного времени (обратите внимание, что даже в этом случае героиням не достается больше экранного времени, чем героям, как можно было бы ожидать). У персонажей-мужчин больше реплик, в целом они говорят вдвое больше женщин: в фильмах, где главный герой – мужчина, в три раза больше; а в фильмах, где две главные роли – мужская и женская, почти в два раза больше. Опять же, лишь в немногих фильмах, где главная роль – женская, персонажи обоих полов присутствуют на экране примерно равное количество времени. Такой дисбаланс обнаруживается не только на кино- и телеэкране. Он повсюду.

Он застыл в скульптурах. Я пересчитала все статуи в базе данных Британской ассоциации общественных памятников и скульптур, и оказалось, что скульптурных изображений одних только мужчин по имени Джон больше, чем изображений вошедших в историю и известных по имени женщин некоролевской крови (единственная причина, по которой я испытываю хоть какое-то почтение к королеве Виктории, – ее привычка повсюду возводить себе памятники, благодаря чему общее количество скульптурных изображений женщин (с учетом коронованных особ) значительно превосходит количество памятников Джонам).

Он проступает на банкнотах. В 2013 г. Банк Англии объявил о замене единственного изображения выдающейся женщины изображением мужчины (я боролась против такой замены не только в Великобритании, но и в других странах, включая Канаду и США, и небезуспешно)[52].

Он звучит в новостных программах. Раз в пять лет, начиная с 1995 г., проект «Глобальный медиамониторинг»[53] анализирует представленность женщин в печатных и других СМИ. В докладе, опубликованном в 2015 г., указывается, что «доля женщин в общем количестве людей, так или иначе представленных или упомянутых в газетах, на радио и на телевидении, составила лишь 24 %» – ровно столько же, сколько и в 2010 г.[54]

Male Hypothesis: Children’s and Adults’ Beliefs About the Sex of Non-Sex-Specific Stuffed Animals’, *Sex Roles*, 48:11–12, 471–482.

[49] http://www.br-online.de/jugend/izi/deutsch/forschung/gender/IZI_Guidelines_WEB.pdf.

[50] http://seejane.org/wp-content/uploads/key-findings-gender-roles-2013.pdf.

[51] http://wmc.3cdn.net/dcdb0bcb4b0283f501_mlbres23x.pdf.

[52] http://www.news.com.au/finance/money/australia-a-world-leaderin-female-representation-on-banknotes/news-story/3cf7c3b5ed3838075d571a64c7fcdff6.

[53] Проект «Глобальный медиамониторинг» (The Global Media Monitoring Project, GMMP) – крупнейший исследовательский и правозащитный проект, нацеленный на анализ освещения гендерной проблематики в СМИ. Каждые пять лет с 1995 г. проект собирает данные по таким направлениям, как присутствие женщин в СМИ, дискриминация по половому признаку и гендерные стереотипы. Последнее исследование проводилось в 2015 г. по 114 странам.

[54] http://cdn.agilitycms.com/who-makes-the-news/Imported/reports_2015/highlights/highlights_en.pdf.

Этот дисбаланс даже пропечатан в школьных учебниках. Анализ учебных пособий по языку, в течение 30 лет использовавшихся в разных странах, включая Германию, США, Австралию и Испанию, показал, что в предложениях-примерах мужчины фигурируют намного чаще, чем женщины (в среднем соотношение мужчин и женщин в примерах составляет примерно 3:1)[55]. Проведенный в США анализ самых популярных учебников истории для старших классов, опубликованных в 1960–1990-е гг., показал, что фотографии известных мужчин превосходят по численности фотографии известных женщин в соотношении примерно 100:18, а в указателях только 9 % имен и фамилий принадлежит женщинам (эта цифра сохраняется и в одном из учебников 2002 г.)[56]. Более поздний анализ (2017 г.) десяти вводных курсов по политологии показал, что женщинам в среднем отводится лишь 10,8 % страниц учебника (для некоторых учебников этот показатель составляет всего 5,3 %)[57]. Аналогичные результаты дал недавний анализ армянских, малавийских, пакистанских, тайваньских, южноафриканских и российских учебных пособий[58].

«Мужской перекос» и непропорционально высокая представленность мужчин настолько распространены в культуре, что создатели классической серии научно-фантастических экшн-игр Metroid воспользовались ими, чтобы удивить аудиторию. «Мы гадали, чем бы таким поразить геймеров, и решили снять шлем с [главного героя] Самуса. Кто-то воскликнул: “Народ будет в шоке, если Самус окажется женщиной!”», – вспоминали они в недавнем интервью[59]. А чтобы ни у кого не возникло сомнений в том, что Самус – женщина, они нарядили его в розовое бикини и заставили продемонстрировать попку.

Игра Metroid была и остается исключением из правил. Хотя в докладе Исследовательского центра Пью[60] 2015 г. указывалось[61], что в США в видеоигры играет одинаковое количество мужчин и женщин, только в 3,3 % игр[62], представленных на пресс-конференциях во время E3 (крупнейшая в мире ежегодная выставка игр)[63] 2016 г., главные герои были женщинами. Это даже ниже показателя 2015 г., который, по данным сайта Feminist Frequency[64], составил 9 %[65]. Если в демонстрационной версии игры и присутствуют персонажи женского пола, то часто лишь как одна из опций. На E3 2015 г. режиссер Fallout 4 Тодд Ховард продемонстрировал, насколько легко переключаться между «мужскими» и «женскими» версиями, – но лишь

55 Silvina Bongiovanni (2014), “No se preocupe la señora marquesa’: A study of gender bias in example sentences in the RAE grammar textbook’, *IULC Working Papers*, 14:1 https://scholarworks.iu.edu/journals/index.php/iulcwp/article/download/26200/31823.

56 Clark, Roger, Allard, Jeffrey and Mahoney, Timothy (2004) ‘How Much of the Sky? Women in American High School History Textbooks from the 1960s, 1980s and 1990s’, *Social Education*, 68:1, 57–62.

57 Amy L. Atchison (2017), ‘Where Are the Women? An Analysis of Gender Mainstreaming in Introductory Political Science Textbooks’, *Journal of Political Science Education*, 13:2, 185–199.

58 Iveta Silova (2016), ‘Gender Analysis of Armenian School Curriculum and Textbooks Policy Brief’, PhD (June 2016), Arizona State University, https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/24948/Gender0analysi0ooks000policy0brief.pdf?sequence=1&isAllowed=y; Chiponda, Annie F and Wassermann, Johann (2016), ‘The depiction of women in the verbal text of a junior secondary Malawian history textbook – an analysis’, *Yesterday & Today*, 16, 40–59; https://www.ei-ie.org/en/woe_homepage/woe_detail/15405/curriculum-textbooks-and-gender-stereotypes-the-case-of-pakistan; Durrani (2008); Ullah, Hazir and Skelton, Christine (2013), ‘Gender representation in the public sector schools textbooks of Pakistan’, *Educational Studies* 39:2; 2006, 2007, 2009 and 2010 studies cit. Chiponda, Annie F and Wassermann, Johann (2016).

59 http://www.siliconera.com/2016/12/02/metroid-developers-discuss-decided-make-samus-aran-woman-new-interview/.

60 Исследовательский центр Пью (Pew Research Center) – американский исследовательский центр, занимающийся изучением социальных и демографических проблем, а также общественного мнения в США и мире.

61 http://www.pewinternet.org/2015/12/15/gaming-and-gamers/.

62 http://wmc.3cdn.net/dcdb0bcb4b0283f501_mlbres23x.pdf.

63 Выставка электронных развлечений (Electronic Entertainment Expo, E3) – ежегодная выставка компьютерных игр, игровых приставок, аксессуаров и т. д., проводимая Entertainment Software Association (ESA).

64 Feminist Frequency – сайт, посвященный анализу изображений женщин в массовой культуре.

65 https://feministfrequency.com/2015/06/22/gender-breakdown-of-games-showcased-at-e3-2015.

для того, чтобы сразу же вернуться к «мужскому» варианту при показе демоверсии игры[66]. Как отмечалось на сайте Feminist Frequency, опубликовавшем данные по E3 2016 г., «персонажи игр – по умолчанию мужчины»[67].

Следствием непропорционально высокой представленности мужчин, столь прочно укоренившейся в культуре, является то, что опыт и представления мужчин рассматриваются как универсальные, а опыт женщин (то есть, как ни крути, половины населения планеты) – как, скажем так, нишевой. Именно потому, что «мужское есть универсальное», одна дама – профессор Джорджтаунского университета, назвавшая свой курс литературы «Писатели – белые мужчины», попала в заголовки СМИ, хотя бесчисленные курсы под названием «Женщины-писательницы» никого не удивляют[68].

Именно потому, что «мужское есть универсальное» (а женское – «нишевое»), фильм о борьбе британских женщин за избирательные права критиковали (не где-нибудь, а в *The Guardian*) за «чрезмерную ограниченность» (в нем якобы не освещались события Первой мировой войны). Это, к сожалению, доказывает, что замечание, сделанное Вирджинией Вулф в 1929 г. – «Критик считает книгу серьезной, если речь в ней идет о войне, и не стоящей внимания, если в ней описываются чувства женщин в гостиной», – актуально и по сей день[69]. Именно поэтому В.С. Найпол критикует сочинения Джейн Остин за «узость», но при этом никто не ждет от фильма «Волк с Уолл-стрит», что там будет показана война в Персидском заливе, а от норвежского писателя Карла Уве Кнаусгора – что он будет писать о ком-либо, кроме себя (или цитировать более одной писательницы), чтобы заслужить похвалу *The New Yorker* за освещение в своей шеститомной автобиографии «вопросов, волнующих всех нас».

Именно поэтому в статье в «Википедии», посвященной сборной Англии по футболу, речь идет о мужской сборной, а женской сборной посвящена отдельная статья. Именно поэтому в 2013 г. «Википедия» разделила американских писателей на «американских романистов» и «американских романисток». Именно поэтому в 2015 г. анализ статей в «Википедии» на разных языках показал, что в статьях, посвященных женщинам, встречаются такие слова, как «женщина», «представительница слабого пола» или «леди», а в статьях, посвященных мужчинам, нет слов «мужчина», «представитель сильного пола» или «джентльмен» (потому что люди – по умолчанию мужчины, а о женщинах можно и умолчать)[70].

Период XIV–XVII вв. мы называем эпохой Возрождения, хотя, как отмечает социопсихолог Кэрол Теврис в книге 1992 г. «Ложная мерка для женщин» (The Mismeasure of Woman), возрождение не коснулось женщин, которым по-прежнему не давали участвовать в интеллектуальной и творческой жизни. Мы называем XVIII в. эпохой Просвещения, но просвещение, хотя и расширило «права человека», «сузило права женщин, которым было отказано в праве самостоятельно распоряжаться своим имуществом, зарабатывать и получать высшее и профессиональное образование». Мы считаем Древнюю Грецию колыбелью демократии, хотя женщины (половина населения) там были лишены права голоса.

В 2013 г. СМИ превозносили британского теннисиста Энди Маррея за то, что «после 77 лет ожидания» он принес Великобритании победу на Уимблдоне, хотя на самом деле в 1977 г. ее добилась Вирджиния Уэйд. Три года спустя один спортивный репортер назвал Энди Маррея «первым, кто завоевал две олимпийские теннисные золотые медали» (на что Энди Маррей справедливо заметил, что «у Винус и Серены [Уильямс], кажется, по четыре такие медали»)[71].

---

66 https://www.kotaku.co.uk/2015/07/15/fifas-struggle-to-include-women-reveals-a-lot-about-gamings-problems-with-diversity.

67 https://feministfrequency.com/2016/06/17/gender-breakdown-of-games-showcased-at-e3-2016/.

68 http://www.nytimes.com/1991/03/03/nyregion/campus-life-georgetown-white-male-writers-is-the-title-of-english-112.html.

69 https://www.theguardian.com/film/2015/sep/05/suffragette-review-historical-drama-tub-thumps-hard-despite-having-your-vote.

70 https://ai2-s2-pdfs.s3.amazonaws.com/05e1/0638aab94ca0d46ddde8083ff69859a0401e.pdf.

71 https://www.theguardian.com/lifeandstyle/womens-blog/2016/aug/17/normal-society-means-male-andy-murray-venus-serena-

В США никто не сомневается в том, что сборная страны по футболу не только ни разу не выигрывала чемпионат мира, но даже ни разу не вышла в финал, хотя на самом деле это не так. Женская сборная США по футболу четырежды побеждала на чемпионате мира[72].

В последние годы имел место ряд похвальных попыток решить проблему неослабевающего культурного «мужского перекоса», но их обычно встречали в штыки. Когда компания Marvel Comics сообщила, что в четвертом фильме о супергерое Торе он будет женщиной[73], фанаты киновселенной взбунтовались, – хотя, как отмечал журнал *Wired*, «никто не пикнул», когда Тор появился на экране в виде лягушки[74]. Когда франшиза «Звездные войны» выпустила два фильма подряд с женщинами в главных ролях, взрыв возмущения сотряс маносферу[75]. Один из самых продолжительных британских телесериалов – «Доктор Кто», научно-фантастический сериал об инопланетянине, меняющем форму и периодически перевоплощающемся в новое обличье. 12 раз пришелец выступал в мужских телах. Но в 2017 г. он впервые превратился в женщину. Один из бывших исполнителей роли Доктора – Питер Дэвисон – выразил «сомнение» в правильности приглашения на роль Доктора Кто женщины[76]. По его мнению, лучше бы Доктор стал «мальчиком». Актер сокрушался о том, что «мальчикам не хватает примеров для подражания». Взбудораженные мужчины наводнили Twitter призывами к бойкоту телесериала и упреками в адрес его создателей за «политкорректность» и стремление угодить «либеральной» публике[77].

Колин Бейкер, сыгравший шестое воплощение Доктора Кто, не согласился со своим предшественником – Питером Дэвисоном, сыгравшим пятое воплощение. По его мнению, мальчикам «в качестве примеров для подражания 50 лет показывали одних мужчин». И вообще, заметил он, разве пример для подражания обязательно должен быть того же пола, как и те, для кого он предназначен? «Разве не может быть примером для подражания просто человек?» – вопрошал актер. На самом деле нет, Колин, потому что, как мы могли заметить, под словом «человек» подразумевается мужчина. Да и в любом случае, факты говорят о том, что если женщины, в общем-то, готовы брать пример с лиц противоположного пола, то мужчины – нет. Женщины покупают книги о мужчинах, а мужчины не покупают (или, по крайней мере, редко покупают) книги, написанные женщинами или о женщинах[78]. Когда в 2014 г. создатели серии компьютерных игр в жанре приключенческого боевика Assassin’s Creed объявили, что в новом кооперативном режиме, рассчитанном на нескольких игроков, не будет играбельных женских персонажей – ассасинов, некоторые геймеры-мужчины одобрили это решение[79]. Играть за женщин им неинтересно, заявили они.

Журналистка Сара Дитум отреагировала мгновенно. «Да неужели? – ехидно спрашивала она в своей колонке. – Вы играли за синих ежей. Вы играли за морских пехотинцев – киборгов. Вы играли за паршивых укротителей драконов. […] Но мысль о том, что главными персонажами игры могут быть женщины, со своим внутренним миром, с сильным характером, не укладывается у вас в голове?»[80] С одной стороны, Сара Дитум, разумеется, права – формально.

---

williams?CMP=fb_gu.

[72] https://www.ussoccer.com/stories/2016/08/05/19/54/160805-wnt-a-historyof-the-usa-at-the-olympic-games.

[73] http://www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/news/thor-aswoman-marvel-reveals-new-incarnation-of-superhero-in-comic-series-9608661.html.

[74] https://www.wired.com/2015/10/hugo-awards-controversy.

[75] http://www.mamamia.com.au/star-wars-movie-features-a-female-lead; http://screencrush.com/rogue-one-female-lead-angry-fans/.

[76] http://www.telegraph.co.uk/news/2017/07/21/former-doctor-peter-davison-says-female-choice-role-means-loss/.

[77] https://www.insider.com/doctor-who-first-woman-jodie-whittaker-sexist-reactions-2017-7.

[78] https://www.theguardian.com/books/2014/nov/25/readers-prefer-authors-own-sex-goodreads-survey.

[79] https://kotaku.com/ubisoft-cut-plans-for-female-assassins-in-unity-1589278349.

[80] http://www.kotaku.co.uk/2014/06/16/whole-assassins-creed-thing.

Технически куда проще вообразить себя женщиной, чем синим ежом. Но с другой стороны, она ошибается, потому что у синего ежа есть одна очень важная особенность, объединяющая его с геймерами-мужчинами, и она перевешивает видовые различия: еж Соник – самец. Мы знаем это, потому что он не розовый, у него нет бантика на голове и он не кривляется. Он принадлежит не к особому, нетипичному полу, а к стандартному, не нуждающемуся в опознавательных знаках.

Такого рода негативная реакция на инклюзию женщин наблюдается по всему культурному ландшафту. Когда в 2013 г. я боролась за то, чтобы на реверсе банкноты Банка Англии осталось изображение выдающейся женщины, некоторые мужчины так взъерепенились, что принялись угрожать мне, обещая изнасиловать, изувечить и убить. Разумеется, не все мужчины, не одобрявшие кампанию, заходили так далеко, но возмущение подобной несправедливостью прорывалось даже в самых взвешенных откликах, которые я получала. Помню, один мужчина уверял меня, что «женщины и так теперь повсюду». Ясное дело, что не «повсюду», раз мне пришлось так упорно отстаивать изображение одной-единственной женщины на банкнотах, но возражение моего оппонента было очень показательно. Для него и ему подобных даже самая робкая попытка инклюзии женщин – явное нарушение правил. Внутри мужского сообщества правила игры были одинаковыми для всех, и мужчинам кажется, что их засилье во всех областях – это объективное следствие их заслуг.

Прежде чем капитулировать, Банк Англии объяснял мужское «засилье» на банкнотах меритократическим подходом: отбор исторических фигур, изображаемых на деньгах, банкнотах, производился, как меня уверяли, на основе «объективных критериев». Чтобы войти в «золотой список ключевых фигур нашего прошлого», человек должен был удовлетворять ряду требований. Он должен был пользоваться широкой известностью и добиться выдающихся успехов в своей области. Его кандидатура не должна была вызывать разногласий в обществе. Наконец, «его вклад в историю страны должен был быть долгосрочным и заслуживать всеобщего признания». Читая этот субъективный перечень заслуг, я понимала, почему Банк Англии смог выбрать изображения только пятерых белых мужчин: из-за нехватки гендерных данных трудно было найти женщин, отвечающих хотя бы одному из этих «объективных» критериев.

В 1839 г. пианистка и композитор Клара Шуман написала в своем дневнике: «Когда-то мне казалось, что я обладаю творческими способностями, но я отказалась от этой мысли; женщина не должна сочинять музыку – ведь если до сих пор ни одной женщине этого не удавалось, почему я думаю, что у меня получится?» Трагедия была в том, что Клара Шуман ошибалась. Женщинам до нее *удавалось* сочинять музыку, и несколько самых талантливых, плодовитых и влиятельных композиторов XVII и XVIII вв. были именно женщинами[81]. Вот только они не «пользовались широкой известностью», потому что редко добивались признания при жизни – их имена тонули в бездне дефицита гендерных данных, или же их сочинения приписывали мужчинам.

Феликс Мендельсон опубликовал под своим именем шесть произведений своей сестры Фанни Гензель, а в 2010 г. было доказано, что ею написана еще одна партитура, ранее считавшаяся сочинением брата[82]. В течение многих лет специалисты по античной литературе полагали, что римская поэтесса Сульпиция Руфа не могла сама написать стихи, подписанные ее именем, – они были слишком хороши, не говоря уже о том, что слишком откровенны для женщины[83]. Юдит Лейстер, одна из первых голландок, принятых в гильдию художников, при жизни пользовалась известностью, но после смерти в 1660 г. была забыта, а работы художницы начали приписывать ее мужу. В 2017 г. были обнаружены новые полотна художницы XIX в.

---

81 См. также Anna Beer (2016): *Sounds and Sweet Airs: The Forgotten Women of Classical Music*, London.

82 http://www.bbc.co.uk/news/entertainment-arts-39191514.

83 https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/sep/18/battle-prejudice-warrior-women-ancient-amazons.

Каролины Луизы Дейли – ранее их авторами считались мужчины, один из которых вообще не был художником[84].

В самом начале XX в. выдающийся британский инженер, физик и изобретатель Герта Айртон заметила, что заблуждения «очень живучи […] но у заблуждений, связанных с авторством женщин, чьи работы приписываются мужчинам, больше жизней, чем у кошки». Она была права. Во всех учебниках по-прежнему пишут, что открытие роли хромосом в определении пола эмбриона (ранее считалось, что пол зависит от внешних условий) принадлежит Томасу Ханту Моргану, хотя на самом деле эксперименты на мучных червях проводила Нетти Стивенс. Это заблуждение живет и распространено и по сей день, несмотря на то что сохранилась переписка между двумя учеными, в том числе письмо, а котором Морган просит Нетти рассказать о подробностях ее эксперимента[85]. Открытие Сесилии Пейн-Гапошкиной, что солнце преимущественно состоит из водорода, часто приписывается ее научному руководителю – мужчине[86]. Возможно, самый известный пример подобной несправедливости – это история Розалинд Франклин, чьи исследования (в ходе экспериментов с рентгеновскими лучами и измерением отдельных клеток она пришла к выводу, что ДНК состоит из двух цепей и остатка фосфорной кислоты) подготовили почву для «открытия» структуры ДНК Джеймсом Уотсоном и Фрэнсисом Криком (за которое эта парочка получила Нобелевскую премию).

Все это не означает, что Банк Англии отказывался изображать женщин на банкнотах по злому умыслу. Дело лишь в том, что кажущаяся объективность на поверку может оказаться сильнейшим «мужским перекосом»: как показывают приведенные выше примеры, из-за распространенного в прошлом обычая приписывать женские заслуги мужчинам женщины ну никак не могли соответствовать требованиям Банка Англии. Ведь заслуги зависят от общественного мнения, а это мнение определяется культурной средой. И если эта среда, как у нас, страдает «мужским перекосом», она неизбежно ставит женщин в невыгодное положение по сравнению с мужчинами. Это происходит по умолчанию.

Пример Банка Англии и его субъективных критериев отбора исторических фигур, изображаемых на банкнотах, показывает также, что «мужской перекос» может выступать как причиной, так и следствием дефицита гендерных данных. Из-за того что Банк Англии не учитывал дефицит исторических гендерных данных, разработанная им процедура отбора исторических фигур основывалась на оценке исключительно мужских заслуг; даже такое, казалось бы, легко выполнимое требование, как бесспорность заслуг, весьма спорно – ведь, как блестяще заметила историк Лорел Тэтчер Ульрих, «женщины, которые хорошо себя ведут, не имеют шанса войти в историю». В итоге Банк Англии не только не способствовал ликвидации дефицита гендерных данных, но и усиливал его.

Субъективность критериев оценки заслуг, маскирующаяся под объективность, проявляется повсюду. В 2015 г. британская школьница выпускного класса Джесси Маккаби заметила, что из 63 музыкальных произведений, включенных в обязательную программу по музыке, не было ни одного сочиненного женщиной. Она пожаловалась в экзаменационный совет Edexcel[87], но не нашла понимания. «Учитывая, что женщины-композиторы не получили широкой известности в рамках западной (как и любой другой) классической традиции, – ответили экзаменаторы, – включение их произведений в учебную программу вряд ли имеет смысл». Здесь важна формулировка. Совет Edexcel не пишет, что женщин-композиторов не было, – в конце концов, только в «Интернациональной энциклопедии женщин-композиторов»[88] более 6000 статей.

---

[84] https://www.theguardian.com/world/2017/feb/01/caroline-louisa-daly-art-men-attribution.

[85] https://news.nationalgeographic.com/news/2013/13/130519-women-scientists-overlooked-dna-history-science/.

[86] http://www.newn.cam.ac.uk/about/history/biographies/.

[87] Edexcel – один из экзаменационных советов Великобритании, контролирующий присвоение учащимся и выпускникам средних школ аттестатов и квалификаций.

[88] Видимо, автор имеет в виду «Интернациональную энциклопедию женщин-композиторов» Аарона Коэна (International

Экзаменаторы ссылаются не на отсутствие женщин-композиторов, а на «канон», то есть набор произведений, роль которых в формировании западной культуры считается общепризнанной.

Формирование канона выдается за процесс отбора музыкальных произведений на основе объективных критериев, но на самом деле эти критерии так же субъективны, как и любое суждение, выносимое в обществе, где отсутствует равноправие. Ни одно произведение, сочиненное женщиной, не вошло в канон, потому что исторически женщины не могли добиться известности на поприще музыкальной композиции. На протяжении большей части истории, если им вообще позволялось сочинять музыку, их произведения звучали лишь для узкого круга родных и друзей. Они были практически лишены возможности сочинять большие оркестровые произведения, столь важные для репутации композитора, – подобное занятие считалось «неподобающим» для женщины[89]. Сочинение музыки было для женщин не более чем дамским рукоделием, не профессией[90]. Даже в XX в. Элизабет Мэконки (первая женщина, занявшая пост президента Гильдии композиторов Великобритании) была ограничена в своих притязаниях такими издателями, как Лесли Буси, который «не мог взять у женщины для публикации ничего, кроме песенок».

Даже если бы «песенки», которые дозволялось сочинять женщинам, включались в канон, у женщин все равно не было ни денег, ни влияния для того, чтобы сохранить свое наследие. В книге «Песни и напевы: забытые сочинительницы классической музыки» (Sounds and Sweet Airs: The Forgotten Women of Classical Music) Анна Беер сравнивает певицу и плодовитого композитора XVII в. Барбару Строцци (которая «за свою жизнь опубликовала больше музыкальных произведений, чем любой другой композитор ее времени») с одним из ее современников, Франческо Кавалли. Должность капельмейстера собора Святого Марка в Венеции (которую в то время могли занимать только мужчины) приносила Кавалли неплохой доход и обеспечивала достаточное влияние для того, чтобы все его работы, в том числе не опубликованные при жизни, хранились в библиотеке. Он мог позволить себе платить архивариусу, чтобы тот сохранял их. У него была возможность (которую он и использовал) заранее оплатить исполнение сочиненных им месс в годовщину его смерти. У Барбары Строцци таких возможностей не было, и она не могла позаботиться о сохранении памяти о себе так же, как Кавалли. Поэтому продолжать настаивать на определяющей роли канона, в который не вошли произведения женщин, подобных Строцци, – значит закреплять историческую несправедливость, порождаемую «мужским перекосом».

Теми же причинами, что исключение женщин из истории культуры, объясняется недопущение их во властные структуры, которым, в свою очередь, нередко оправдывают то, что школьные уроки истории посвящены почти исключительно жизни мужчин. В 2013 г. в Великобритании разгорелась дискуссия о преподавании истории, инициированная Майклом Гоувом, который в то время занимал пост министра образования и продвигал новую национальную учебную программу по истории, «возвращающую к основам»[91]. Он и его сторонники, этакая армия Грэдграйндов[92] XXI в., настаивали, что детям нужны «факты»[93]. Что им требуется «прочный фундамент для знаний».

Encyclopedia of Women Composers, by Aaron I. Cohen), впервые изданную в 1981 г. и включавшую более 5000 статей.

[89] Beer (2016).

[90] Несмотря на то, что Фанни Гензель с детства считалась необычайно одаренной, отец сказал ей, что профессионально сочинять музыку позволительно ее брату, Феликсу Мендельсону, а для нее музыка может и должна остаться лишь дамским рукоделием, приятным времяпрепровождением.

[91] http://www.telegraph.co.uk/women/womens-life/9790633/Will-Govesposh-white-blokes-history-curriculum-ignore-women.html.

[92] Грэдграйнд – персонаж романа Чарльза Диккенса «Тяжелые времена» (1854), «поклонявшийся только фактам». – *Прим ред.*

[93] www.telegraph.co.uk/education/educationopinion/9973999/Sorry-NUTGoves-history-reforms-are-no-pub-quiz.html.

Этот «прочный фундамент», сложенный из «кирпичиков-фактов», которые должен знать каждый ребенок, грешил, помимо прочих недостатков, почти полным игнорированием женщин. В программу для учащихся 7–11 Key Stage 2 («второй ключевой этап», или младшая ступень средней школы) не было включено ни одной женщины, кроме двух королев из рода Тюдоров. На «третьем ключевом этапе», или старшей ступени средней школы (11–14 лет), ученикам предлагалось познакомиться с жизнью всего лишь пяти женщин, четыре из которых (Флоренс Найтингейл, Мэри Сикол, Джордж Элиот и Анни Безант[94]) были «свалены в кучу» в разделе «Меняющаяся роль женщин», что давало все основания верно предположить, что остальная часть учебной программы была посвящена исключительно мужчинам.

В 2009 г. известный британский историк Дэвид Старки раскритиковал женщин-историков за то, что они, по его мнению, слишком много внимания уделяют женам короля Генриха VIII, а не самому монарху, который, по его словам, должен рассматриваться как «центральная фигура»[95]. Отвергая «мыльную оперу» его личной жизни как малозначимую по сравнению с официально признанными политическими заслугами (в частности, реформацией), Дэвид Старки настаивал, что, «если взглянуть на историю Европы непредвзято, мы увидим, что ее (за исключением последних пяти минут) творили белые мужчины, потому что именно у них были власть и влияние; делать вид, что это не так, – значит фальсифицировать историю».

Позиция Дэвида Старки основана на убежденности, что частная жизнь человека не имеет значения. Но разве это так? Взять хотя бы частную жизнь некой Агнес Хантингдон (род. после 1320 г.), о которой нам известно из материалов судебных разбирательств, связанных с двумя ее замужествами[96]. Мы выясняем, что она была жертвой домашнего насилия и что законность ее первого брака оспаривалась, поскольку родные не одобряли ее выбор. Вечером 25 июля 1345 г., после того как второй муж напал на нее, Агнес Хантингдон сбежала из дома. Той же ночью муж Агнес явился в дом ее брата. У него был нож. Насилие в отношении женщины, жившей в XIV в. (и отсутствие у нее свободы выбора), – что это: малозначимые подробности ее частной жизни или часть истории женского бесправия?

Произвольное разделение человеческой жизни на частную и общественную в любом случае носит безусловно искусственный характер. Частное и общественное тесно переплетаются друг с другом, одно не существует без другого. В беседе со мной Кэтрин Эдвардс, учительница истории, активно участвовавшая в кампании против реформ Майкла Гоува, обратила мое внимание на недавнее исследование, посвященное роли женщин в Гражданской войне в США. Эта роль была далеко не второстепенной: «женщины с их пониманием своего предназначения полностью подорвали боеспособность конфедератов».

Женщины, принадлежавшие к высшим слоям общества и воспитанные на безусловной вере в миф о своей слабости и беспомощности, просто не могли преодолеть уверенность, что настоящие леди не должны трудиться. Будучи не в силах заставить себя занять рабочие места, оставленные отправившимися на фронт мужчинами, они в письмах умоляли мужей дезертировать, вернуться домой и защитить их. Простые женщины проявили свое недовольство более активно – они организовали сопротивление политике конфедератов, «потому что практически голодали, и им нечем было кормить семьи». Игнорировать роль женщин при анализе итогов Гражданской войны в США – значит поддерживать дефицит не только гендерных данных, но и

---

[94] Найтингейл, Флоренс (1820–1910) – знаменитая британская сестра милосердия, социальный реформатор, статистик и основательница современного сестринского дела. Сикол, Мэри (1805–1881) – ямайская медсестра, участница Крымской войны. Элиот, Джордж (настоящее имя – Мэри Энн Эванс; 1819–1880) – английская писательница. Безант, Анни (1847–1933) – известный теософ, второй президент Теософского общества, борец за права женщин, писатель и оратор, сторонница независимости Ирландии и Индии. – *Прим. ред.*

[95] http://www.telegraph.co.uk/culture/tvandradio/5077505/History-hasbeen-feminised-says-David-Starkey-as-he-launches-Henry-VIII-series.html.

[96] https://teachingwomenshistory.com/teaching-resources/medieval-women/.

данных, касающихся становления Соединенных Штатов. Эта роль, пожалуй, из тех «фактов», которые не мешает знать.

История людей. История искусства, литературы, музыки. История самой эволюции человека. Все это преподносится нам как набор объективных фактов. Но на самом деле эти факты лгут. Все они искажены, потому что не учитывают половину человечества, – лгут даже сами слова, которыми мы передаем полуправду. Это искажение выливается в дефицит данных. Оно коверкает наше представление о самих себе и представления о том, что, как нам кажется, мы знаем о самих себе. Оно питает миф об универсальности мужчин. Вот это *действительно* факт.

Миф об универсальности мужчин отличается необычайной живучестью. Он и сегодня влияет на наши представления о себе – и если мы что-то поняли за последние несколько лет, так это то, что самоидентификация, то есть осознание своей половой, этнической или другой принадлежности, – отнюдь не мелочь. Самосознание – великая сила, которую мы игнорируем и искажаем себе на погибель: Трамп, Брекзит и ИГИЛ[97] (приведем лишь три свежих примера) – эти глобальные явления, опрокинувшие мировой порядок, – все это проекты, движущей силой которых, в сущности, служит самосознание. Искажать и игнорировать самосознание нас заставляет именно «мужской перекос», скрывающийся под маской гендерно нейтральной универсальности.

Мужчина, с которым у меня был короткий роман, пытался переубедить меня, уверяя, что я ослеплена идеологией. По его мнению, будучи феминисткой, я не могу воспринимать мир объективно и рационально, так как смотрю на него сквозь призму феминизма. Когда я возражала, что то же самое можно сказать и о нем (он считал себя либертарианцем), он не соглашался со мной. Нет! Он объективен. Его устами говорит здравый смысл, «абсолютная истина» Симоны де Бовуар. Свой взгляд на мир он считал универсальным, а взгляд феминистки – нишевым, идеологизированным.

Вспомнить об этом мужчине меня заставили президентские выборы в США 2016 г., когда, казалось, некуда было деваться от твитов, речей и газетных и прочих статей, где мужчины, преимущественно белые, поносили зло, проистекающее от так называемой «политики идентичности». Через десять дней после победы Дональда Трампа *The New York Times* опубликовала материал профессора Колумбийского университета, политолога Марка Лиллы, который критиковал Хиллари Клинтон за ее «заигрывание с избирателями из числа афроамериканцев, латиноамериканцев, представителей ЛГБТ-сообщества и женщин»[98]. Она, по его словам, обошла своим вниманием «белых представителей рабочего класса». Марк Лилла осуждал «риторику многообразия» Хиллари Клинтон как несовместимую с «широким видением». Он усматривал связь между «узостью взглядов» Хиллари Клинтон и настроениями, наблюдаемыми им в среде учащихся колледжей (видимо, Марк Лилла увлекался трудами В.С. Найпола). Сегодняшние студенты, писал он, до такой степени помешаны на многообразии, что «на удивление мало знают о таких универсальных понятиях, как классовое разделение общества, война, экономика и общее благо».

Через два дня после публикации статьи кандидат от демократов на президентских выборах 2016 г. Берни Сандерс заявил в Бостоне, куда он прибыл в рамках турне в поддержку своей книги[99], что «нехорошо говорить: “Голосуйте за меня, потому что я женщина!”»[100]. В Австралии Пол Келли, редактор журнала *The Australian*, назвал победу Трампа «бунтом против политики идентичности»[101], а в Великобритании депутат от лейбористской партии Ричард

---

[97] Организация, запрещенная в Российской Федерации.

[98] https://www.nytimes.com/2016/11/20/opinion/sunday/the-end-of-identity-liberalism.html?_r=0.

[99] http://www.wbur.org/politicker/2016/11/21/bernie-sanders-berklee.

[100] http://thehill.com/homenews/campaign/307014-sanders-dems-must-move-beyond-identity-politics.

[101] https://www.theaustralian.com.au/nation/inquirer/donald-trumps-election-a-rejection-of-identity-politics/news-story/147b11c08b64702d3f9be1821416cb72.

Бергон написал, что эта победа наглядно продемонстрировала, «что может произойти, если левые центристы, полагаясь на политику идентичности, отказываются реформировать экономическую систему»[102].

Саймон Дженкинс из *The Guardian* назвал 2016 г. *annus horribilis* и выступил с уничтожающей критикой «апостолов идентичности», «сосредоточившихся на защите» меньшинств и тем самым убивавших либерализм. «Я не принадлежу ни к какому племени», – написал он. Он не желал «поддаваться массовой истерии». Чего он хотел, так это «повторения славной революции 1832 г.», в результате которой право голоса в Великобритании получили несколько сотен тысяч богатых людей[103]. Действительно, 2016 г. выдался ужасным.

Все эти белые мужчины сходились во мнении, что политика идентичности – всего лишь политика идентичности, то есть осознания своей принадлежности к определенной расе или определенному полу; что расовая и половая принадлежность не имеют никакого отношения к «более общим» вопросам, таким как «вопросы экономики»; что желание удовлетворить специфические потребности женщин-избирателей или цветных избирателей – это «узость взглядов»; что рабочий класс состоит исключительно из белых мужчин. Кстати, по данным Бюро статистики труда Министерства труда США, в угольной промышленности, о которой во время президентских выборов 2016 г. постоянно твердили в связи с необходимостью создания рабочих мест для представителей рабочего класса (читай: мужчин), было занято в общей сложности 53 420 человек, а среднегодовая заработная плата составляла $59 380[104]. Сравните эти цифры с численностью женщин, занятых в «женских» отраслях, то есть работающих уборщицами и домохозяйками, – 924 640 человек и их среднегодовым доходом – $21 820[105]. И кто же после этого истинные представители рабочего класса?

Этих белых мужчин также объединяла принадлежность к белой расе и мужскому полу. Я подчеркиваю это, потому что именно белая кожа и половая принадлежность заставляли их всерьез озвучивать противоречащее логике представление, что самоидентификация волнует только тех, кто не принадлежит к белой расе и не является мужчиной. Если вы, будучи белым мужчиной, привыкли к мысли, что люди – по умолчанию мужчины, причем белые, нетрудно забыть, что осознание своей принадлежности к белой расе и мужскому полу – это тоже самоидентификация.

Пьер Бурдье писал в 1977 г., что «то, что существенно, не оговаривается особо, потому что само собой разумеется; традиция молчит именно потому, что она традиция»[106]. О принадлежности к белой расе и мужскому полу молчат именно потому, что их не нужно оговаривать особо. Белая раса и мужской пол абсолютны. Они безусловны. Это настройки по умолчанию. И это очевидно для тех, чья принадлежность не «настроена по умолчанию», для тех, о чьих нуждах и мнениях обычно забывают, для всех, кто привык противостоять миру, в котором их и их потребностей как бы не существует.

Восприятие принадлежности к белой расе и мужскому полу, как настройки по умолчанию, возвращает меня к моему неудавшемуся роману (ну ладно, романам) – ведь оно неразрывно связано с ложным представлением об объективности и рациональности точки зрения мужчин, принадлежащих к белой расе, – или, по выражению Кэтрин Маккиннон, их «точки не-зрения», то есть нежелания замечать очевидное. Поскольку эта точка зрения не оговаривается как принадлежащая представителям белой расы и мужского пола (в этом нет необходимо-

---

[102] https://twitter.com/RichardBurgon/status/822417591713075201.

[103] https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/dec/01/blame-trump-brexit-identity-liberalism.

[104] https://www.telegraph.co.uk/education/educationopinion/9973999/Sorry-NUT-Goves-history-reforms-are-no-pub-quiz.html.

[105] https://www.bls.gov/oes/current/oes372012.htm.

[106] Bourdieu, Pierre (1972) *Outline of a Theory of Practice*, Nice, Richard trans. (1977), Cambridge.

сти, это норма), она якобы не может быть субъективной. Предполагается, что она объективна. Представления мужчин претендуют на объективность, более того – на универсальность.

Эти претензии неоправданны. На самом деле сознание своей принадлежности к белой расе и мужскому полу ничем не отличается от сознания принадлежности к черной расе и женскому полу. Одно исследование, посвященное отношению именно белых американцев к выборам и кандидатам в президенты, показало, что успех Трампа обусловлен «политикой идентичности представителей белой расы», которую исследователи определили как «попытку защиты коллективных интересов белых избирателей с помощью урны для голосования»[107]. Они пришли к выводу, что «симпатии избирателей к Трампу в значительной степени обусловлены» именно их осознанием своей принадлежности к белой расе. Эти симпатии объясняются также осознанием своей принадлежности к мужскому полу. Анализ роли гендерного фактора в поддержке Трампа показал, что «чем более враждебно избиратели настроены по отношению к женщинам, тем с большей вероятностью они поддерживают Трампа»[108]. Фактически агрессивный сексизм выступал таким же мощным предиктором поддержки Трампа, как и принадлежность к республиканской партии. И это удивляет нас лишь потому, что мы привыкли к мифу об универсальности мужчин.

Этот миф – прямое следствие дефицита гендерных данных. Принадлежность к белой расе и мужскому полу могут считаться настройкой по умолчанию только в том случае, если большинство людей, отождествляющих себя с представителями другой расы или другого пола, никак не заявляет о себе. Однако миф об универсальности мужчин – это одновременно и *причина* дефицита гендерных данных: поскольку женщин не замечают и забывают и поскольку большая часть известных нам данных – это данные о мужчинах, представителей мужского пола *приходится* считать универсальными. Соответственно, женщин, составляющих половину населения планеты, приходится считать меньшинством – существами с нишевым самосознанием и субъективной точкой зрения. В таких условиях женщины, едва родившись, обречены на забвение. Их игнорируют. Без них можно обойтись – и в культуре, и в истории, и при сборе данных. В результате женщины становятся как бы невидимыми.

«Невидимые женщины» – книга о том, что происходит, когда мы забываем о половине человечества; о том, как дефицит гендерных данных вредит женщинам, когда жизнь более или менее стабильна; о том, как он проявляется в области городского планирования, политики, трудовых отношений. Это книга о том, что происходит с женщинами в «мужском» мире, скроенном по меркам мужчин, когда случается беда – когда женщины болеют, или когда в результате, например, наводнения они остаются без крова, или когда они покидают свои дома, спасаясь от войны.

Но книга сеет и семена надежды, потому что, когда женщины получают возможность выйти из тени, когда они становятся видимыми, а их голос – слышимым, ситуация начинает меняться. Информационная дыра закрывается.

Главный посыл книги – призыв к переменам. Слишком долго женщин считали отклонением от нормы, подвидом стандартного индивида, и именно поэтому мы позволили им стать невидимками. Пришло время взглянуть на женщин по-новому. Пора их увидеть.

[107] http://theconversation.com/donald-trump-and-the-rise-of-white-identity-inpolitics-67037.
[108] http://www.vox.com/2016/11/1/13480416/trump-supporters-sexism.

Часть I
Повседневная жизнь

Глава 1
Уборка снега и сексизм

Все началось с анекдота. В 2011 г. власти шведского города Карлскуга, увлекшись гендерной идеей, решили перестроить всю свою политику исходя из равенства полов. В процессе жесткого пересмотра всех сфер городского хозяйства один из отцов города неосторожно пошутил, что уж куда-куда, а в уборку снега сторонники гендерного подхода точно не сунутся. К несчастью, эта шутка как раз и заставила ревнителей гендерного равенства задуматься: а действительно ли уборка не ущемляет права женщин?

В то время в Карлскуге, как и в других городах Швеции, снег убирали сначала на крупных магистралях, а потом на тротуарах и велодорожках. Но такая последовательность по-разному сказывалась на мужчинах и женщинах, потому что мужчины и женщины передвигаются по городу по-разному.

У нас нет полных гендерных данных по всем странам, но даже имеющиеся цифры недвусмысленно указывают на то, что женщины чаще мужчин ходят пешком и пользуются общественным транспортом[109]. Во Франции две трети пассажиров общественного транспорта – женщины. В США в Филадельфии и Чикаго доля женщин в общем количестве пассажиров составляет соответственно 64 %[110] и 62 %[111]. Соответственно, мужчины во всем мире чаще передвигаются на личном автотранспорте[112], и если в семье есть автомобиль, им чаще пользуется мужчина[113] – даже в таком феминистском раю, как Швеция[114].

Гендерные различия обнаруживаются не только в выборе транспортных средств, но и в *маршрутах*. Мужской маршрут довольно прост: утром – на работу, в город, вечером – домой, за город. Женский маршрут сложнее. Во всем мире женщины выполняют 75 % неоплачиваемой работы по дому, и это сказывается на их транспортных потребностях. По дороге на работу женщины обычно отвозят детей в школу, днем иногда сопровождают пожилых родственников к врачу, а вечером, по пути с работы, закупают продукты. Образуется так называемая цепочка передвижений – составной маршрут, включающий несколько отдельных походов и поездок. Составные маршруты характерны для женщин во всем мире.

В Лондоне женщины отвозят детей в школу в три раза чаще, чем мужчины[115]. Они на 25 % чаще[116] передвигаются по составным маршрутам, а в семьях, где есть хотя бы один ребенок старше девяти лет, – на 39 % чаще. Различия между мужской и женской цепочками передвижений наблюдаются во всех европейских странах. В семьях с двумя работающими родителями женщины вдвое чаще мужчин отвозят детей в школу по пути на работу и забирают

---

[109] https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/28542/120500.pdf?sequence=6.

[110] https://whyy.org/articles/septa-has-largest-percentage-of-female-riders-64-among-large-transit-agencies/.

[111] Ceccato, Vania (2017), ‘Women's victimisation and safety in transit environments’, *Crime Prevention and Community Safety*, 19:3–4, 163–7".

[112] http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/ebs/ebs_422a_en.pdf: World Bank (2007), *Gender and Urban Transport: Fashionable and Affordable Module 7a Sustainable Transport: A Sourcebook for Policy-makers in Developing Cities.*

[113] http://www.wnyc.org/story/283137-census-data-show-public-transit-gender-gap/.

[114] Ceccato (2017).

[115] http://content.tfl.gov.uk/travel-in-london-understanding-our-diverse-communities-2019.pdf.

[116] http://content.tfl.gov.uk/gender-equality-scheme-2007-2010.pdf.

их из школы, возвращаясь домой. Эта тенденция еще более наглядно проявляется в семьях с маленькими детьми. Если в семье есть ребенок младше пяти лет, количество передвижений работающей женщины возрастает на 54 %, а работающего мужчины – только на 19 %[117]

Но вернемся в Карлскугу. Из-за всех этих различий график уборки снега, на первый взгляд, гендерно нейтральный, оказался вовсе не нейтральным. Поэтому городской совет изменил порядок уборки таким образом, чтобы он учитывал в первую очередь потребности пешеходов и пассажиров общественного транспорта, тем более что это, как выяснилось, не потребовало дополнительных расходов, да и ехать в автомобиле по заснеженной дороге все-таки легче, чем пробираться сквозь сугробы, толкая перед собой детскую коляску (или инвалидное кресло, или велосипед).

Более того, отцы города вскоре убедились, что новый порядок уборки снега даже позволяет сократить расходы. На севере Швеции с 1985 г. ведется сбор статистки обращений в лечебные учреждения в связи с травмами. Большую часть пострадавших всегда составляли пешеходы, в условиях гололеда и снегопада получавшие в три раза больше травм, чем автомобилисты[118]. На них приходилось более половины обращений в лечебные учреждения с травмами, так или иначе связанными с ДТП[119]. При этом большинство пострадавших пешеходов составляли женщины. Анализ статистики травматизма пешеходов в шведском городе Умео показал, что 75 % таких обращений приходилось на зимние месяцы. Доля женщин в общем количестве получивших травмы «самостоятельно» (то есть без участия других лиц), составляла 69 %. Две трети пешеходов получали травмы в результате падения на тротуаре, покрытом льдом или снегом, причем 48 % травм были средней тяжести или тяжелыми (чаще всего случались переломы и вывихи). Помимо всего прочего, женщины, как правило, получали более серьезные травмы, чем мужчины.

Исследование, проводившееся в течение пяти лет в провинции Сконе, выявило те же тенденции. А травмы – это расходы на лечение плюс социальные выплаты в связи с утратой трудоспособности пострадавшими[120]. Суммарные расходы на лечение травм, полученных пешеходами в результате падения на скользких или заснеженных тротуарах всего за один зимний сезон, оценивались в 36 млн шведских крон (примерно £3,2 млн). И это, скорее всего, весьма скромная оценка, учитывая, что многие пешеходы обращались в лечебные учреждения, не включенные в национальную систему сбора данных о ДТП и несчастных случаях; некоторые лечились в частных клиниках; а кто-то вообще не обращался за медицинской помощью. Так что, скорее всего, и расходы на лечение, и выплаты по утрате трудоспособности на самом деле были еще выше.

Но даже с учетом этой весьма осторожной оценки, расходы на лечение травм, полученных пешеходами на скользких тротуарах, в два раза превышали расходы на зимнюю уборку тротуаров. В Золне, городке под Стокгольмом, они были в три раза выше, а согласно другим исследованиям, разница была еще больше[121]. Но даже без точных сравнительных данных ясно, что предотвращение травм с помощью первоочередной уборки снега на тротуарах имеет немалый экономический смысл.

Краткая финальная кода снегоуборочной симфонии прозвучала в блогосфере крайних правых[122] в 2016 г.: там возликовали, когда в Стокгольме возникли трудности при вводе ген-

[117] Sanchez de Madariaga, Ines, ‘Mobility of Care: Introducing New Concepts in Urban Transport’, in Roberts, Marion and Sanchez de Madariaga, Ines (eds.) (2013), *Fair Shared Cities: The Impact of Gender Planning in Europe*, Farnham.

[118] https://www.leru.org/files/Gendered-Research-and-Innovation-Full-paper.pdf.

[119] Rolfsman, E., P.-O. Bylund, and B.-I. Saveman. 2012. “Single Injury Incidents among Pedestrians and Bicyclists in Northern Sweden – Safety and Preventive Issues.” Safety Science Monitor 16 (1): 1–10.

[120] https://lucris.lub.lu.se/ws/files/6151586/2295991.pdf.

[121] https://www.leru.org/files/Gendered-Research-and-Innovation-Full-paper.pdf.

[122] https://www.thelocal.se/20161112/stockholm-transport-heads-defends-gender-equal-snow-clearing; https://heatst.com/world/

дерно справедливого порядка уборки снега. В тот год был необычайно сильный снегопад, и из-за заносов на дорогах и тротуарах многие жители пригородов не смогли добраться на работу. Но консервативные блогеры явно поспешили праздновать провал феминистской политики. Они упустили из виду, что новый порядок уборки снега к тому времени уже три года успешно действовал в Карлскуге.

Кроме того, они неверно изложили суть дела. На сайте Heat Street[123] писали[124], что новая политика провалилась в том числе из-за того, что «количество травм, требующих обращения в лечебные учреждения, как сообщалось, резко возросло», забыв отметить, что возросло именно количество травм, полученных пешеходами[125], то есть проблема состояла не в том, что о пешеходах позаботились в первую очередь, а в том, что уборка снега в целом проводилась неэффективно. Да, автомобилистам пришлось несладко, но пешеходам и велосипедистам было еще труднее.

Следующей зимой уборка снега была проведена успешнее. В беседе со мной Дэниел Хелден, советник департамента транспорта Стокгольма, сообщил, что на тротуарах и велодорожках общей протяженностью 200 км снег начали убирать с помощью специальной техники, благодаря чему «тротуары были такими же сухими и чистыми, как летом», и количество травм сократилось наполовину. «Так что, – резюмировал он, – результат налицо».

●●●

Прежний порядок уборки снега в Карлскуге был разработан вовсе не для того, чтобы угодить мужчинам и досадить женщинам. Как и во многих других случаях, о которых пойдет речь в этой книге, виной всему была нехватка гендерных данных, приведшая к нехватке прозорливости. Мужчины (а это наверняка были мужчины), разрабатывавшие изначальный график, знали, как передвигаются по городу они сами, и исходили из своих потребностей. Потребности женщин они не учитывали, но не по злому умыслу – они просто о них не знали. Им не приходило в голову, что эти потребности могут отличаться от их собственных. Иными словами, данных не хватало потому, что женщины не участвовали в процессе планирования.

Преподаватель городского планирования из Мадридского технического университета, профессор Инес Санчес де Мадариага считает, что эта проблема вообще характерна для транспортного планирования. Транспортная отрасль, поясняет она, «отличается заметным доминированием мужчин». В Испании, по ее словам, «в министерстве транспорта работает меньше женщин, чем в любом другом министерстве страны, – как на руководящих, так и на технических должностях. Поэтому транспортная политика разрабатывается исходя прежде всего из потребностей мужчин».

В принципе, разработчики транспортных систем ориентируются главным образом на «передвижения, связанные с занятостью». Фиксированный график работы многих учреждений обуславливает пиковые нагрузки на транспорт в определенные часы, и инженерам приходится учитывать максимальную пропускную способность транспортной инфраструктуры. «Так что существует техническая причина для планирования движения в часы пик», – поясняет Инес Санчес де Мадариага. Однако это никак не оправдывает игнорирование транспортных потребностей женщин, чьи передвижения обычно не привязаны к часам пик и поэтому «не влияют на максимальную пропускную способность транспортных систем».

---

feminist-snowplowing-system-brings-stockholm-to-a-standstill/.

[123] Heat Street – сайт, основанный в 2016 г. британским блогером, писателем и бывшим депутатом парламента Луизой Менш и посвященный обсуждению политических, экономических, культурных и других событий с правоцентристских и либертарианских позиций. В 2017 г. сайт прекратил самостоятельное существование, влившись в сайт Market Watch..

[124] https://heatst.com/world/feminist-snow-plowing-system-brings-stockholmto-a-standstill/.

[125] https://www.dn.se/arkiv/stockholm/jamstalld-snorojning-blev-ett-fiasko-i-ovadret/.

Результаты исследований указывают на явный перекос в сторону мужских передвижений по городу. Комиссия по положению женщин при Экономическом и социальном совете ООН (ЭКОСОС) обнаружила «мужской перекос» в транспортном планировании и выявила отсутствие учета гендерных различий в «конфигурации транспортных систем»[126]. В докладе ЕС 2014 г., посвященном оценке европейцами работы общественного транспорта, мужские маршруты и способы передвижения рассматриваются в качестве «стандартных», несмотря на содержащуюся в этом документе критику европейских систем общественного транспорта за неспособность удовлетворять потребности женщин[127]. Еще большее недоумение вызывают некоторые общие понятия и термины, связанные с транспортным планированием, такие как «вынужденные передвижения» (по словам Инес Санчес де Мадариага, этот расплывчатый термин используется для обозначения «всех перемещений, совершаемых в связи с работой или учебой»)[128]. Можно подумать, что походы и поездки, связанные с выполнением семейных обязанностей и воспитанием детей, не вынужденные и совершаются от нечего делать.

«Мужской перекос» имеет место и при определении приоритетных направлений государственного финансирования транспортной отрасли. В июле 2017 г. Стивен Буш, политический обозреватель *New Statesman*, отмечал, что, хотя британская партия консерваторов постоянно кричит о необходимости жесткой экономии, два последних министра финансов правительства консерваторов вбухали кучу денег в дорожно-строительные работы[129]. Учитывая падение уровня жизни британцев, а также вполне приличное состояние дорог в стране, видимо, можно было бы найти другие, более нуждающиеся во вложениях объекты финансирования, но оба государственных мужа почему-то выделяли средства именно на дороги. Между тем к 2014 г. 70 % органов местного самоуправления сократили финансирование автобусных перевозок (самый феминизированный вид транспорта), причем только в 2013 г. расходы были урезаны на £19 млн, хотя цены на автобусные билеты росли из года в год[130].

Британские власти не одиноки в своем пристрастии к строительству дорог. В 2007 г. в докладе Всемирного банка указывалось, что 73 % финансовых ресурсов, направляемых этой организацией в транспортную отрасль, составляли расходы на строительство сельских дорог и скоростных междугородних магистралей[131]. Даже когда новая дорога действительно необходима, вопрос, где именно ее прокладывать, отнюдь не является гендерно нейтральным. Яркий пример важности учета девелоперами гендерных данных приводится в другом докладе Всемирного банка. Речь идет о горячей дискуссии, развернувшейся в одной деревне в Лесото вокруг строительства новой дороги. Женщины требовали проложить ее через «соседнюю деревню, где можно было получить базовый набор услуг», а мужчины – напрямую «до города, куда они ездили верхом на рынок»[132].

Пробел в гендерных данных о передвижении людей по городу становится еще шире из-за того, что во многих статистических исследованиях транспорта намеренно не учитываются короткие пешие и другие «немоторизованные» передвижения[133]. По словам Инес Санчес де Мадариага, такие передвижения «не принимаются во внимание при разработке политики

---

126 https://thecityfix.com/blog/brasilia-brazil-women-bus-stop-night-safety-sexual-assault-luisa-zottis/.

127 http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/61244.

128 Sanchez de Madariaga (2013).

129 https://www.newstatesman.com/politics/uk/2017/07/unless-living-standards-improve-theresa-mays-cameron-tribute-act-will-continue.

130 https://www.unison.org.uk/content/uploads/2014/06/On-line-Catalogue224222.pdf.

131 https://itdpdotorg.wpengine.com/wp-content/uploads/2014/07/7aGenderUTSept300.pdf; World Bank (2007).

132 http://siteresources.worldbank.org/EXTSOCIALDEVELOPMENT/Resources/244362–1265299949041/6766328–1270752196897/Gender_Infrastructure2.pdf.

133 Sanchez de Madariaga (2013); Tran, Hoai Anh and Schlyter, Ann (2010), ‘Gender and class in urban transport: the cases of Xian and Hanoi’, *Environment and Urbanization*, 22:1, 139–55.

развития транспортной инфраструктуры». Поскольку женщины, как правило, ходят пешком дольше и дальше, чем мужчины (отчасти в силу семейных обязанностей, отчасти из-за того, что они, как правило, беднее мужчин), они сильнее страдают от игнорирования «немоторизованных» передвижений. Неучет коротких пеших переходов также искажает данные о составных маршрутах, обычно включающих хотя бы один отрезок, пройденный пешком. Иными словами, полагать, что для разработки транспортной инфраструктуры короткие пешие передвижения не важны, – это все равно что исключать из нее женщин в целом.

Но этот подход неверен. Мужчины, как правило, передвигаются налегке, женщины же всегда обременены грузом – они или тащат пакеты с продуктами, или толкают перед собой детскую коляску, или ведут за руку ребенка, или поддерживают пожилого родственника, за которым ухаживают[134]. Результаты опроса 2015 г., посвященного передвижениям в Лондоне, показывают, что «среди респондентов, оценивших состояние дорог и тротуаров в момент их последнего пешего перехода как удовлетворительное, женщин было значительно меньше, чем мужчин», – возможно, потому, что женщины не только чаще мужчин ходят пешком, но и обычно вынуждены толкать перед собой ручную тележку или детскую коляску, и, если тротуары в плохом состоянии, им, естественно, приходится туго[135]. Передвигаться с коляской по неровным, узким, разбитым тротуарам, загроможденным бестолково расположенным уличным оборудованием, а также по многочисленным узким и крутым лестницам «чрезвычайно трудно», подчеркивает Инес Санчес де Мадариага. По ее словам, в таких условиях переход может длиться в четыре раза дольше, чем если идти по удобной дороге. «Представляете, каково приходится молодым мамам с маленькими детьми?» – возмущается она.

●●●

Но не всем автомобили дороже пешеходов. В Вене 60 % всех передвижений совершается пешком – в немалой степени потому, что в этом городе серьезно относятся к гендерному планированию. С 1990-х гг. оно ведется под руководством Евы Кайл, которая собрала данные о пеших передвижениях и ввела ряд полезных новшеств: старые пешеходные переходы были обновлены и заново размечены (помимо этого, было обустроено 40 новых переходов), лестницы отремонтированы и оснащены пандусами, а уличное освещение улучшено[136].

Такую же решимость вернуть свой город пешеходам проявила и мэр Барселоны Ада Каллу. Она создала так называемые *superilles* («образцовые кварталы») – территории, где скорость транспорта серьезно ограничена, передвигаться на автомобиле разрешается только местным жителям, а на проезжей части автомобилисты и пешеходы уравнены в правах. Еще одним примером города, где несложные усовершенствования позволили облегчить женщинам жизнь, может служить Лондон. В 2016 г. там был введен автобусный пересадочный тариф[137]. Если ранее пассажиры должны были платить за проезд каждый раз, садясь в автобус, то теперь они получили право в течение часа совершить две поездки по цене одной. Это нововведение оказалось особенно полезным для женщин, потому что именно они больше всего страдали от прежней системы. Ведь женщины не только чаще передвигаются по составным маршрутам – они также составляют большинство (57 %) пассажиров лондонских автобусов (отчасти потому, что автобус дешевле других видов транспорта, а отчасти потому, что на нем удобнее ездить с

[134] https://wricitieshub.org/sites/default/files/Final_Report_24082015_0.pdf; http://content.tfl.gov.uk/travel-in-london-understanding-our-diverse-communities-2019.pdf.

[135] http://content.tfl.gov.uk/travel-in-london-understanding-our-diverse-communities-2019.pdf.

[136] http://genderedinnovations.stanford.edu/case-studies/urban.html.

[137] https://tfl.gov.uk/fares/find-fares/bus-and-tram-fares.

детьми). Естественно, что они чаще ездят с пересадками (что прежде оплачивалось как отдельные поездки).

Жительницам Лондона чаще приходится делать пересадки потому, что, как и в большинстве городов мира, система общественного транспорта здесь радиальная[138]. Большинство маршрутов общественного транспорта связывает отдаленные районы с центром города. Есть и несколько кольцевых маршрутов, но они тоже сосредоточены в центре. В целом схема маршрутов похожа на паутину, и такая система очень удобна для пассажиров, которым нужно добраться до центра города или выехать из него. Однако для всех остальных она создает ряд неудобств. Эта двойственность (одним удобно, другим – нет) довольно точно соответствует разнице между мужским и женским способами передвижения.

Хотя такое нововведение, как лондонский пересадочный тариф, позволяет решить эту проблему, оно не получило широкого распространения в других странах. Так, в США лишь в немногих городах отменили оплату проезда при пересадке (в Лос-Анджелесе – в 2014 г.), в других же все осталось по-прежнему[139]. В Чикаго, например, пассажиры все еще платят за проезд на общественном транспорте при каждой пересадке[140]. Это особенно возмущает в свете результатов исследования 2016 г., выявившего вопиющее несоответствие чикагской транспортной системы типичным женским маршрутам[141]. Сравнение длительности поездок на одно и то же расстояние на автомобилях Uberpool (каршеринговая версия популярного сервиса заказа такси) и общественном транспорте показало, что в центре Чикаго разница почти не ощущается (и в том и в другом случае поездка занимает около шести минут). А вот при поездках из одного района в другой, то есть по типично женским маршрутам, связанным с неоплачиваемой домашней работой и уходом за детьми, она оказалась весьма заметной – 28 минут на автомобиле против 47 минут на автобусе.

Учитывая, что женщинам вечно не хватает времени (из-за необходимости выполнения домашних обязанностей наряду с оплачиваемой работой их рабочий день длиннее, чем у мужчин), Uberpool мог бы считаться неплохой альтернативой[142], если бы поездки на такси не обходились примерно в три раза дороже поездок на общественном транспорте и если бы женщины не страдали больше мужчин от нехватки не только времени, но и денег. Во всем мире женщины реже распоряжаются семейным бюджетом, чем мужчины, а разрыв в заработной плате мужчин и женщин сегодня в мире составляет в среднем 37,8 % (этот показатель сильно варьируется по странам – от 18,1 % в Великобритании и 23 % в Австралии до 59,6 % в Анголе)[143].

Финансовая сторона дела, разумеется, важна, но проблема еще и в расстановке приоритетов. Хотя по оценкам McKinsey вклад женщин, выполняющих неоплачиваемую домашнюю работу, в мировой ВВП составляет $10 трлн[144], приоритетными по-прежнему считаются поездки, совершаемые в связи с оплачиваемой работой[145]. Между тем, когда я спросила у Инес Санчес де Мадариага, существуют ли экономические аргументы в пользу улучшения транспортного обслуживания женщин, выполняющих домашние обязанности, в таких городах как Лондон или Мадрид, она не задумываясь ответила: «Безусловно. Трудящиеся женщины вносят весомый вклад в ВВП. Чем больше женщин будут работать, тем быстрее будет расти благосостояние страны. Но чтобы женщины работали, город должен их поддерживать. Одна из важ-

---

[138] http://humantransit.org/2010/02/the-power-and-pleasure-of-grids.html.

[139] http://humantransit.org/2014/08/charging-for-connections-is-insane.html.

[140] https://las.depaul.edu/centers-and-institutes/chaddick-institute-for-metropolitan-development/research-and-publications/Documents/Have%20App%20Will%20Travel%20Uber%20-%20CTA.pdf.

[141] Там же.

[142] http://webfoundation.org/docs/2015/10/womens-rights-online_Report.pdf.

[143] http://www3.weforum.org/docs/GGGR16/WEF_Global_Gender_Gap_Report_2016.pdf.

[144] https://conversableeconomist.blogspot.com/2015/10/unpaid-care-work-women-and-gdp.html.

[145] World Bank (2007).

нейших форм поддержки – создание транспортной инфраструктуры, позволяющей женщинам, выполняющим неоплачиваемую работу, вовремя добираться до офиса».

Если речь идет о стационарной транспортной инфраструктуре, такой как метро или железная дорога, поясняет Инес Санчес де Мадариага, то ликвидировать исторически сложившийся «мужской перекос» без серьезных технических трудностей и финансовых затрат довольно трудно. «Можно, конечно, сделать эти виды транспорта более доступными», – говорит она, но и только. Автобусный же транспорт в этом смысле гибче, маршруты и остановки «в случае необходимости можно и нужно менять и переносить», – считает профессор. Именно это, по сути, и сделала в Барселоне Ада Каллу, введя новые пересекающиеся автобусные маршруты (схема движения больше похожа на решетку, чем на паутину; такая система более удобна для передвижения по составным маршрутам). Инес Санчес де Мадариага также утверждает, что система общественного транспорта должна включать «”промежуточные” виды транспорта – нечто среднее между автобусом и такси. В Мексике есть так называемые *terceros* – крошечные микроавтобусы, а также маршрутные такси». «Такие транспортные средства, – поясняет Инес Санчес де Мадариага, – обеспечивают гибкость транспортного обслуживания, и, я думаю, их можно и нужно использовать для поддержки мобильности женщин».

Хотя исторически сложившаяся нехватка гендерных данных в транспортном планировании возникает прежде всего из-за непонимания разработчиками транспортных систем (преимущественно мужчинами) того, что потребности женщин могут отличаться от их собственных, у нее есть и другая, менее уважительная причина. Принято считать, что передвижения женщин *труднее* отслеживать, чем передвижения мужчин. «Женские маршруты намного сложнее мужских», – поясняет Инес Санчес де Мадариага. (Она даже провела опрос, чтобы собрать данные о передвижениях женщин, связанных с выполнением семейных обязанностей.) Но тех, кто принимает решения в области транспорта, видимо, вообще не интересуют «нетипичные» женские маршруты. Профессор Анастасиа Лукасиу-Сидерис, преподаватель городского планирования из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, говорит: «Создается впечатление, что некоторые перевозчики считают транспортные потребности универсальными. И мужчинам, и женщинам, по их мнению, нужно одно и то же. Но это совершенно не так». Она горько усмехается: «Поговорите с женщинами, которым приходится много ездить по городу, и они расскажут вам о своих нуждах, о которых никто не думает».

Хуже того, руководители транспортной отрасли углубляют гендерную информационную дыру тем, что не разбивают даже *имеющиеся* данные по половому признаку. В годовых статистических отчетах Министерства транспорта Великобритании[146] разбивка по половому признаку дается лишь для лиц, успешно сдавших экзамен по вождению (в 2015/16 г. среди них было 44 % женщин и 51 % мужчин), плюс ссылка на страницу правительственного сайта, где размещен доклад о гендерных особенностях пеших передвижений. Но в докладе нет, например, гендерных данных об использовании автобусного и железнодорожного транспорта, хотя эта информация жизненно важна для планирования транспортной системы, удовлетворяющей потребности всех пассажиров.

В Индии ведомства, отвечающие за общественный транспорт, также не разбивают данные по половому признаку[147]. На нехватку гендерных данных по транспортному обслуживанию сетуют и авторы одного из последних докладов ЕС. Они указывают, что «в большинстве европейских стран сбор такого рода статистики на регулярной основе не ведется»[148]. В США, как и в Великобритании, в ежегодных статистических отчетах по транспорту женщины упоми-

---

[146] https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/780883/governance_annex.pdf.

[147] https://wricitieshub.org/sites/default/files/Final_Report_24082015_0.pdf.

[148] http://civitas.eu/sites/default/files/civ_pol-an2_m_web.pdf.

наются лишь дважды: в связи с получением водительских прав, и в связи с проблемами пешеходов[149]. При этом, в отличие от Великобритании, здесь даже не приводятся цифры, а только обобщенные утверждения.

Еще одна, менее явная причина нехватки гендерной статистики заключается в той форме, в какой подают информацию транспортные агентства большинства стран. Все поездки, связанные с оплачиваемой работой в целом, объединены в одну категорию, а передвижения, связанные с выполнением семейных обязанностей, – в несколько разных подкатегорий; некоторые из них, например «поездки по магазинам», входят в категорию «досуга». Такой подход не позволяет выделить точные гендерные данные. Собрав информацию о поездках, связанных с выполнением семейных обязанностей, в Мадриде, Инес Санчес де Мадариага установила, что количество таких поездок почти равно количеству поездок, связанных с работой. А обработав полученные данные и разбив их по гендерному признаку, она пришла к выводу, что передвижения женщин «настолько же зависят от домашних обязанностей, насколько передвижения мужчин – от работы». Если бы во всех статистических отчетах по транспорту производилась разбивка данных по половому признаку, утверждает она, разработчикам транспортных систем пришлось бы относиться к поездкам по домашним делам так же серьезно, как и к поездкам по работе.

●●●

Если мы хотим, чтобы наши транспортные системы были одинаково удобны и для мужчин, и для женщин, их не следует планировать отдельно от других элементов городской инфраструктуры, предостерегает Инес Санчес де Мадариага, так как женская мобильность должна определяться комплексным подходом к городскому планированию, в частности, созданием зон многоцелевого назначения. Но это нередко противоречит традиционным нормативам планирования – во многих странах городское пространство законодательно делится на зоны одного целевого назначения – коммерческие, жилые и промышленные зоны (так называемое зонирование)

Зонирование уходит корнями в глубокую древность (например, территория внутри городских стен, предназначалась для одних целей, а пространство за их пределами – для других), но закрепленная в законодательстве практика четкого разделения городского пространства на жилые и промышленные зоны, в которых разрешалось строить, соответственно, только жилые или индустриальные объекты, сложилась лишь после промышленной революции. И это чрезмерно упрощенное зонирование обусловило во всем мире «мужской перекос» в организации городского пространства.

Законы о зонировании принимались исходя из потребностей гетеросексуального женатого мужчины-добытчика, который утром отправлялся на работу в город, а вечером возвращался домой, за город, чтобы отдохнуть и поспать. Такова, поясняет Инес Санчес де Мадариага, «личная реальность большинства людей, принимающих решения в области зонирования», а представление о том, что дом – это прежде всего место отдыха, «до сих пор во всем мире определяет практику городского планирования»[150].

Но если для этих планировщиков дом – «место отдыха после работы» и «место проведения досуга», то для женщин это далеко не так. Во всем мире женщины выполняют в три раза больше неоплачиваемой домашней работы, чем мужчины[151]. По данным Международного валютного фонда (МВФ), возможно и дальнейшее подразделение: в некоторых странах жен-

[149] https://www.bts.gov/sites/bts.dot.gov/files/docs/TSAR_2016.pdf.

[150] Sanchez de Madariaga (2013).

[151] http://hdr.undp.org/sites/default/files/chapter4.pdf.

щины выполняют вдвое больше работы по уходу за детьми и вчетверо больше работы по дому, чем мужчины[152]. Эксперты Всемирного банка установили, что в Катебе, городе в центральной части Уганды, на выполнение домашней работы женщины тратят почти 15 часов в день (уборка, уход за детьми, работа в огороде, приготовление пищи, заготовка дров и походы за водой), так что свободного времени у них остается не более получаса в день[153]. У мужчин же, которые работают в огороде на час меньше, чем женщины, гораздо меньше времени тратят на работу по дому и уход за детьми и совсем не участвуют в заготовке дров и воды, остается около четырех часов свободного времени в день. Для мужчин дом, может быть, и место отдыха, а для женщин? Едва ли.

Сегодня в большинстве семей работают оба родителя, а основную работу по уходу за детьми и пожилыми родственниками в гетеросексуальных семьях чаще всего выполняют женщины. Законодательное зонирование городской территории на зоны и отдаление места проживания от места работы невероятно усложняет жизнь таких семей. О женщинах, проживающих в «спальных» районах с плохо развитой транспортной инфраструктурой и вынужденных передвигаться по городу с детьми и больными родственниками, как-то забывают. Реальность такова, что большинство нормативно-правовых документов в области зонирования не учитывает потребности женщин (как, впрочем, и многих мужчин).

Узость мышления и неспособность понять, что дом – не только место отдыха, влекут за собой самые серьезные последствия. В 2009 г. в Бразилии запустили государственную программу жилищного строительства *Minha Casa, Minha Vida* («Мой дом – моя жизнь»), нацеленную на помощь проживающим в аварийных домах гражданам (в то время их количество оценивалось в 50 млн человек)[154]. Но результаты реализации программы оказались не такими, как планировалось.

Стереотипное представление о бразильских фавелах как непригодных для проживания трущобах, где царят нищета и беззаконие и где люди живут в постоянном страхе перед распоясавшимися бандитами, отчасти соответствует реальности, но не во всем. Дома многих жителей фавел – это социальное жилье, построенное общиной для тех, о ком не позаботилось государство. Эти дома строились с учетом реальных потребностей людей – как правило, там, где были рабочие места и нормальное транспортное обслуживание.

Этого не скажешь о жилье, построенном в рамках программы *Minha Casa, Minha Vida*. Жилые комплексы расположены в основном на окраинах Западной зоны города, которую глава Министерства жилищного строительства Рио-де-Жанейро Антонио Аугусто Вериссимо в 2010 г. окрестил *região dormitório* («спальным районом») и где нет рабочих мест[155]. Вериссимо выступал против строительства социального жилья в этой зоне, опасаясь создания *mais guetos de pobreza* («огромных гетто нищеты»). Результаты исследования, проведенного Лондонской школой экономики и политических наук, показали, что большинство новых домов, в которые переселяли жителей фавел, располагалось на расстоянии куда большем, чем 7 км (максимальное расстояние, установленное муниципальными нормами) от прежнего жилья[156].

Луиза, 42 лет, раньше жила в фавеле, расположенной в процветающей Южной зоне Рио-де-Жанейро. Там, как и в Центральной и Северной зонах, сосредоточено большинство рабочих мест. «От дома до работы было рукой подать, – рассказывала женщина во время опроса[157],

---

[152] http://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2013/sdn1310.pdf (duffle 2012).

[153] https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/88ca72ad-3a60-4c63-a0ac-3afd4288010e/0821363840%2BGender%2Band%2BEconomic%2BGrowth%2Bin%2BUganda.pdf?MOD=AJPERES%26CACHEID=ROOTWORKSPACE-88ca72ad-3a60-4c63-a0ac-3afd4288010e-jqeuLfq.

[154] https://www.habitatforhumanity.org.uk/what-we-do/where-we-work/latin-america-and-caribbean/brazil.

[155] http://abeiradourbanismo.blogspot.co.uk/2012/02/habitacao-emprego-e-mobilidade.html.

[156] https://urbanage.lsecities.net/essays/relocating-homes-and-lives-in-rio-s-olympic-city.

[157] https://www.boell.de/en/2014/06/11/we-were-not-invited-party-women-and-world-cup.

проводимого Фондом им. Генриха Белля[158]. – Сесть на общественный транспорт можно было в любом месте, до автобусной остановки не нужно было тащиться несколько миль». Теперь она живет в кондоминиуме, построенном в рамках программы *Minha Casa, Minha Vida* в Кампо-Гранде, в слаборазвитой Западной зоне, более чем в 50 км от своего прежнего дома.

Поскольку в этой зоне практически нет рабочих мест, людям приходится добираться на работу в Северную и Центральную зоны. Дорога занимает более трех часов, причем транспортное обслуживание, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Около 60 % новых домов расположены в получасе ходьбы от ближайшей станции железной дороги или метро[159]. Неспособность обеспечить нормальное транспортное обслуживание этим переселенцам из центра на окраину особенно негативно сказывается на положении женщин. Дело в том, что Рио-де-Жанейро вписывается в глобальный тренд – личным автотранспортом здесь владеют в основном мужчины. Им принадлежит 71 % автомобилей, и они в два раза чаще пользуются личными транспортными средствами, чем женщины[160].

Женщинам приходится труднее еще и из-за их неоплачиваемой домашней работы. Мелисса Фернандес Ариготиа, исследователь из Лондонской школы экономики и политических наук, рассказывает о женщине, с которой она беседовала в ходе опроса и которая только что узнала, что ее переселяют в жилой комплекс Minha Casa, Minha Vida. Она была в отчаянии. У нее было двое детей, она ждала третьего, а работать могла только потому, что за детьми присматривала ее мать. Но ее переселяли за 70 км от матери и места работы, так что о заработке можно было забыть. При этом немногочисленные детские учреждения, расположенные вблизи жилого комплекса, не были «перестроены и расширены в соответствии с потребностями новых жильцов»[161].

Проблема ухода за детьми, связанная с нехваткой детских учреждений, усугубляется непродуманной планировкой квартир в новых государственных домах. Квартиры проектировались в расчете на традиционную нуклеарную семью, но вот беда: такие семьи нетипичны для фавелы. «В фавеле трудно найти дом, где под одной крышей не проживали бы представители сразу трех поколений», – говорит доктор Тереза Уильямсон, специалист по городскому планированию из Рио-де-Жанейро. «Кроме того, – добавляет она, – в фавеле я ни разу не встречала пожилых людей, проживающих отдельно от детей». Большинство домохозяйств, обследованных Мелиссой Фернандес Ариготиа, было представлено матерями-одиночками, часто имеющими двоих детей и проживающими вместе с пожилыми родителями. Стандартная планировка новых микроскопических квартир «совершенно не учитывает огромного возрастного разнообразия состава семей». Помимо всего прочего, это значит, что проблема присмотра за детьми, которая в фавеле, где совместно проживали представители разных поколений, решалась без труда, в новых жилых комплексах становится неразрешимой.

Что касается территорий общего пользования, то в жилых комплексах Minha Casa, Minha Vida они чаще всего ограничиваются «огромными автостоянками» (несмотря на то, что мало у кого из жильцов есть машина) и «детскими площадками, находящимися в самом плачевном состоянии» (дешевое некачественное оборудование ломается уже через два месяца, после чего его не ремонтируют и не заменяют). Те, кто проектировал новые жилые комплексы, судя по всему, больше заботились не о сохранении соседских и родственных связей, а о создании личного пространства для жильцов. Но, поясняет Тереза Уильямсон, семьи, проживавшие в фавеле рядом с родными и соседями, привыкли к тому, что «за детьми, достигшими определенного возраста, не обязательно было присматривать самим, поскольку рядом всегда были

[158] Фонд им. Генриха Белля – немецкая неправительственная организация, занимающаяся реализацией проектов в области развития гражданского общества.

[159] http://www.rioonwatch.org/?p=6527.

[160] https://www.lincolninst.edu/sites/default/files/pubfiles/koch_wp13jk1.pdf.

[161] https://www.boell.de/en/2014/06/11/we-were-not-invited-party-women-and-world-cup.

родственники и соседи». Еще одно следствие переезда в новые дома и жизни в отрыве от общины – боязнь стать жертвой преступников, из-за которой «дети, проживающие в новых домах, редко бывают на улице, и большую часть времени проводят дома». К тому же «неожиданно оказалось, что женщинам теперь приходится самим за ними присматривать, в чем не было необходимости в фавеле». Соответственно, возникла потребность в детских учреждениях. Но их нет.

И дело опять-таки не в нехватке средств. Дело в приоритетах. В преддверии чемпионата мира по футболу 2014 г. и Олимпийских игр 2016 г. Бразилия потратила миллионы на развитие инфраструктуры общественного транспорта. Деньги были, но их тратили на решение других задач. Исследование, проведенное международным исследовательским центром LSE Cities при Лондонской школе экономики и политических наук, показало, что новые маршруты скоростных автобусов вводились главным образом в районах, где располагались олимпийские объекты, а «проблемам общественного транспорта, связывавшего беднейшие спальные районы с центром города, […] уделялось недостаточно внимания»[162]. Более того, по словам местных жителей, государственные программы переселения в новое жилье создавались не столько ради улучшения жилищных условий нуждавшихся, сколько ради обеспечения транспортной доступности спортивных объектов, предназначенных для чемпионата мира по футболу и Олимпийских игр.

А расплачиваться за это приходится женщинам. После переселения в комплекс Vivenda Das Patativas в Кампу-Гранди Кристин Сантос потеряла работу на рынке в Нова-Игуасу. «Приходилось добираться до работы на трех автобусах», – жалуется она[163]. Другая женщина, вынужденная тратить ежедневно по шесть часов на дорогу до работы и обратно, так уставала, что попала в аварию и едва не погибла[164]. Не имея другого выхода, женщины вынуждены работать на дому. Они открывают маленькие магазинчики, где продают напитки и еду собственного приготовления, или парикмахерские. При этом они знают, что нарушают законы о зонировании, а за это могут и выселить. В фавеле люди работали на дому, потому что там не обязательно было соблюдать законы о зонировании (сами фавелы по сути были незаконными поселениями). В государственном жилье законы о зонировании действуют, и превращать дом в место работы, то есть использовать жилую зону не по назначению, строго запрещается.

Подводя итоги, можно сказать, что в Бразилии государство лишило женщин «официального» места работы (как, впрочем, и неофициального; подавляющее большинство надомных работников – 7,2 млн человек – составляют женщины), при этом не позаботившись о нормальном транспортном обслуживании и детских учреждениях[165]. Тем самым государство фактически вынуждает женщин, у которых нет другого выхода, превращать свое жилье в место работы – и этим ставит их вне закона.

Государственное жилье нельзя строить так, как это делается в Бразилии. Делать это нужно с умом. Когда в 1993 г. городские власти Вены решили построить новый жилой комплекс, они сначала проанализировали «потребности людей, которые будут жить в новом пространстве», и только потом начали искать технические решения, чтобы удовлетворить эти потребности, рассказывает Ева Кайл[166]. Это означало сбор данных, причем в разбивке по половому признаку, поскольку подавляющее большинство будущих жильцов составляли женщины.

Опросы, проводившиеся в то время Статистической службой Австрии, показали, что женщины ежедневно тратят на домашнюю работу и уход за детьми больше времени, чем муж-

[162] https://urbanage.lsecities.net/essays/relocating-homes-and-lives-in-rio-s-olympic-city.
[163] http://www.rioonwatch.org/?p=6527.
[164] http://www.rioonwatch.org/?p=25015.
[165] https://www.boell.de/en/2014/06/11/we-were-not-invited-party-women-and-world-cup.
[166] http://www.citylab.com/commute/2013/09/how-design-city-women/6739/.

чины[167]. (По данным Всемирного экономического форума, австрийки тратят на работу – как на оплачиваемую, так и на неоплачиваемую – вдвое больше времени, чем мужчины)[168]. В итоге, продолжает Ева Кайл, был спроектирован жилой комплекс Frauen-Werk-Stadt I («Город работающих женщин I»), полностью отвечающий потребностям женщин, у которых есть дети. (К настоящему времени построены также комплексы Frauen-Werk-Stadt II и Frauen-Werk-Stadt III.)

Сначала была определена локация, которая, по словам Евы Кайл, выбиралась очень тщательно, чтобы облегчить жизнь женщинам с детьми. Жилой комплекс расположен рядом с трамвайной остановкой, поблизости есть детский сад и школы, куда даже младшие дети могут ходить пешком. (Инес Санчес де Мадариага говорит, что одна из самых значимых статей временных затрат для женщин – «доставка детей в школу, к врачу и на внешкольные мероприятия».) В жилом комплексе есть лечебные учреждения, аптека и коммерческие площади для магазинов. Неподалеку расположен большой супермаркет. Это – идеальная территория многоцелевого назначения.

Комплекс Frauen-Werk-Stadt I по сути спроектирован как современная фавела. Первоочередное внимание уделяется укреплению соседских связей и обустройству территорий общего пользования. Здания соединены между собой, на каждом этаже не более четырех квартир, общие дворы (с газонами и детскими площадками) просматриваются из окон любой квартиры, а застекленные лестницы видны снаружи. Территории общего пользования и автомобильные парковки, попасть на которые можно только из здания, прекрасно освещены. Все это сделано для того, чтобы люди чувствовали себя в безопасности. В другом венском жилом комплексе, Autofreie Mustersiedlung («Образцовое жилье для тех, у кого нет автомобиля»), парковок нет, хотя законы о зонировании предусматривают наличие одного парковочного места на квартиру[169]. Средства, выделенные на строительство парковок, потратили на оборудование помещений общего пользования и дополнительных игровых площадок. Комплекс не предназначался специально для женщин, но учитывая, что женщины реже мужчин водят автомобиль и больше занимаются детьми, он полностью отвечает их потребностям.

Открытая планировка квартир в комплексе Frauen-Werk-Stadt I облегчает присмотр за детьми. Из кухни, расположенной в центре квартиры, просматриваются все другие помещения – так же, как из окон квартиры просматривается двор. Это не только позволяет женщинам следить за детьми не выходя из кухни, но и делает помещение, где выполняется домашняя работа, сердцем квартиры (тонкий вызов представлению о том, что работа по дому – прежде всего женская обязанность). Сравните это с тенденцией, выявленной одной представительницей местной власти в Филадельфии, – размещать кухни на третьем этаже в квартирах без лифта. По ее словам, из-за этого ей приходится постоянно воевать с девелоперами. «А они сами хотели бы таскать продукты и детские коляски на третий этаж?» – возмущается она[170].

---

[167] Там же.

[168] http://www3.weforum.org/docs/GGGR16/WEF_Global_Gender_Gap_Report_2016.pdf.

[169] Architekturzentrum Wien (2008), *Housing in Vienna: Innovative, Social, Ecological*, Vienna.

[170] https://usatoday30.usatoday.com/news/nation/2007-12-25-Designingwomen_N.htm.

Глава 2
Писсуары и гендерное равенство

Дело было в апреле 2017 г. Журналистка Самира Ахмед, много лет проработавшая на BBC, захотела в туалет. Это случилось на премьерном показе фильма «Я вам не негр» в знаменитом лондонском культурном центре Barbican. Начался антракт. Любая женщина, хоть раз побывавшая в кинотеатре, знает, что происходит, как только в зале зажигается свет: все спешат в туалет, и мгновенно и неизбежно образуется очередь, которая вскоре перегораживает фойе.

Женщины привыкли к очередям в туалет. Стоять в них неприятно, это может отравить весь вечер. Вместо того чтобы за бокалом вина делиться с друзьями впечатлениями от фильма, приходится переминаться с ноги на ногу, время от времени обмениваясь сочувственными взглядами с другими бедолагами, которым тоже приспичило в туалет.

Но в тот вечер дело обстояло еще хуже. В тот вечер очередь была длиннее, чем обычно. Намного длиннее. Дело в том, что администрация Barbican, демонстрируя полную неспособность думать о женщинах, превратила мужские и женские туалеты в «гендерно нейтральные зоны». Таблички «М» и «Ж» были заменены табличками «Гендерно нейтральный туалет с писсуарами» и «Гендерно нейтральный туалет с кабинками». Это было бы смешно, если бы не случилось то, что и должно было случиться: в туалет с писсуарами устремились только мужчины, а в туалет с кабинками – представители обоих полов.

Вместо того чтобы сделать туалеты действительно гендерно нейтральными, администрация Barbican просто облегчила жизнь мужчинам. Женщины, как правило, не могут пользоваться писсуаром, а мужчины могут справлять малую нужду и в кабинке, и у писсуара. Помимо всего прочего, в «гендерно нейтральных туалетах с писсуарами» не было урн. «Смех, да и только: мне приходится указывать на дискриминацию В ВАШЕМ КИНОТЕАТРЕ, где я только что посмотрела фильм “Я вам не негр”, – написала Самира Ахмед в Twitter и предложила сделать гендерно нейтральными только мужские туалеты. – В них НИКОГДА не бывает таких очередей, как в женские, и вы это прекрасно знаете»[171].

Хотя этот очевидный факт, видимо, ускользнул от внимания преимущественно мужского коллектива администрации Barbican, все остальные мужчины, безусловно, знают о проблеме очередей в женский туалет – ведь даже самый ненаблюдательный представитель сильного пола не может не заметить толпу женщин в фойе у заветных дверей[172]. Но лишь немногие – как мужчины, так и женщины – точно знают, *почему* образуется очередь. Принято (собственно, как всегда) обвинять в этом именно женщин, а не «мужской перекос» в устройстве самих туалетов. А виноват именно «мужской перекос».

На первый взгляд кажется, что ради справедливости и равноправия мужские и женские общественные туалеты должны быть равными по площади. Традиционно именно такими их и строили – соответствующее требование даже зафиксировано в строительных нормативах для санузлов. Однако, поскольку в мужских туалетах есть и кабинки, и писсуары, их пропускная способность в расчете на квадратный метр выше пропускной способности женских туалетов. Равная площадь на поверку оказывается не такой уж равной.

Однако равное количество «человеко-мест» в мужских и женских туалетах тоже не решает проблему очередей в женские туалеты, потому что для отправления естественных нужд женщинам требуется в 2,3 раза больше времени, чем мужчинам[173]. Большинство пожилых людей и инвалидов – представителей двух групп, которым требуется больше времени в туа-

[171] https://twitter.com/SamiraAhmedUK/status/849338626202886144.

[172] https://www.barbican.org.uk/about-barbican/people.

[173] Banks, Taunya Lovell (1991), ‘Toilets as a Feminist Issue: A True Story’, *Berkeley Women’s Law Journal*, 6:2, 263–289.

лете, – составляют женщины. Кроме того, женщины чаще мужчин ходят в туалет с детьми, а также сопровождают тех же инвалидов и пожилых людей[174]. Наконец, у 20-25 % женщин, заходящих в туалет, как раз критические дни, и им приходится менять тампоны или гигиенические прокладки, а это тоже требует времени.

И вообще, женщины ходят в туалет чаще мужчин: во-первых, при беременности снижается вместимость мочевого пузыря, и, во-вторых, дамы в восемь раз чаще мужчин страдают от инфекций мочеполовой системы, что увеличивает частоту посещения туалета[175]. Учитывая эти анатомические различия между мужчинами и женщинами, вряд ли даже самые ярые ревнители формального (а тем более реального) гендерного равенства согласятся с тем, что равные площади мужских и женских туалетов – это справедливо.

Но есть проблемы посерьезнее мнимого равенства, оборачивающегося «мужским перекосом». Треть населения планеты вообще лишена возможности пользоваться нормальными туалетами[176]. По данным ООН, каждая третья женщина не имеет доступа к безопасному туалету[177], а по данным организации WaterAid[178] девочки и женщины ежегодно тратят в совокупности 97 млрд часов на поиск безопасного места для удовлетворения естественных нужд[179]. Отсутствие нормальных туалетов негативно сказывается на состоянии здоровья представителей обоих полов (например, в Индии, где 60 % населения не имеет доступа к туалетам[180], загрязнены 90 % поверхностных вод[181]), но женщины страдают от этого сильнее – в немалой степени из-за того, что они, в отличие от мужчин, не могут «справлять естественные нужды где придется»[182], – мочиться прилюдно им неловко. Многие вынуждены вставать до рассвета, а затем ждать наступления темноты, чтобы отправиться на поиск относительно укромного места, где можно справить большую или малую нужду[183]. И эта проблема стоит не только в бедных странах. Представители Human Rights Watch[184], беседовавшие с девушками, работавшими на табачных плантациях в США, выяснили, что бедняги вынуждены «терпеть весь день, при этом стараясь ничего не пить, – а это может привести к обезвоживанию организма и заболеваниям, связанным с перегревом»[185].

С этой проблемой женщины сталкиваются и на работе. Так, в Индии доля женщин в общей численности граждан страны, занятых в теневом секторе экономики (а это 86 % населения), составляет 91 %. Многие из них торгуют на рынках, где нет общественных туалетов, и потому вынуждены терпеть до конца рабочего дня[186]. В Афганистане женщины, служащие в полиции, ходят в туалет по двое, потому что раздевалки и туалеты (которые один советник Human Rights Watch метко окрестил «зоной сексуальных домогательств») часто либо просмат-

---

[174] Greed, Clara (2014), 'Global gendered toilet provision', in 'More Public than Private: Toilet Adoption and Menstrual Hygiene Management II', AAG Annual Conference, Tampa, Florida, USA, 8–12 April 2014.

[175] https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3749018/.

[176] Greed (2014).

[177] https://archive.unric.org/en/latest-un-buzz/29530-one-out-of-three-women-without-a-toilet.

[178] WaterAid – международная неправительственная организация, занимающаяся вопросами водоснабжения, санитарии и гигиены.

[179] https://womendeliver.org/2016/yale-study-examines-link-sexual-violence-access-sanitation/.

[180] http://indianexpress.com/article/india/india-news-india/india-has-60-4-per-cent-people-without-access-to-toilet-study/.

[181] Greed (2014).

[182] Там же.

[183] http://www.huffingtonpost.com/rose-george/open-defecation-india_b_7898834.html, https://www.theguardian.com/global-development/2014/aug/28/toilets-india-health-rural-women-safety.

[184] Human Rights Watch – неправительственная организация, базирующаяся в США и занимающаяся мониторингом соблюдения прав человека.

[185] https://www.hrw.org/sites/default/files/report_pdf/wrdsanitation0417_web_0.pdf.

[186] Sommer, Marni, Chandraratna, Sahani, Cavill, Sue, Mahon, Therese, and Phillips-Howard, Penelope (2016), 'Managing menstruation in the workplace: an overlooked issue in low- and middle-income countries', *Int. J. Equity Health*, 15:86.

риваются через глазок, либо не запираются. Хуже того, отсутствие безопасных туалетов часто вообще становится причиной отказа женщин служить в полиции, а это, в свою очередь, негативно сказывается на том, как органы правопорядка реагируют на преступления против женщин и девочек[187].

Теоретически женщины больше мужчин нуждаются в общественных туалетах, но на практике именно мужчины обеспечены ими лучше. В Мумбаи из 5 млн женщин более половины проживают в домах без санузлов, при этом бесплатных общественных женских туалетов тоже нет, в то время как в распоряжении мужчин – тысячи бесплатных писсуаров по всему городу[188]. В трущобах Мумбаи на каждые 8000 женщин приходится всего шесть санузлов[189], а по данным официальной статистики в 2014 г. в городе «насчитывалось 3536 общественных туалетов, предназначенных одновременно для мужчин и женщин, и ни одного женского туалета – даже в некоторых полицейских участках и судах»[190].

Опрос 2015 г. показал, что 12,5 % женщин, проживающих в трущобах Мумбаи, ночью испражняются на улице. Они «считают это менее опасным, чем проходить путь длиной 58 м (среднее расстояние от дома до общественного туалета)»[191]. Но на самом деле дефекация на открытом воздухе не намного безопаснее похода в общественный туалет – ведь женщины рискуют стать жертвой насильников, околачивающихся вблизи мест, где они обычно справляют нужду[192]. По степени тяжести преступления против женщин варьируются от вуайеризма (часто сопровождающегося мастурбацией) до изнасилования и, в самом худшем случае, убийства.

Точных данных о количестве случаев сексуальных домогательств и попыток изнасилования во время поиска женщинами укромного места для удовлетворения естественных нужд почти нет – в значительной степени потому, что женщины стыдятся сообщать о таких случаях. Мало кто из них решается говорить о них, опасаясь обвинений в «провоцировании насилия»[193]. Но имеющиеся данные недвусмысленно указывают на то, что от отсутствия нормальных санузлов страдают прежде всего женщины.

Исследование 2016 г. показало, что индийские женщины, справляющие нужду на улице, вдвое чаще подвергаются сексуальному насилию со стороны мужчин, не являющихся их партнерами, чем те, кто пользуется санузлом у себя в доме[194]. Убийство двух девочек (12 и 14 лет) в штате Уттар-Прадеш в 2014 г.[195] на короткое время привлекло внимание общества к проблеме отсутствия нормальных женских туалетов, и в декабре 2014 г. верховный суд Бомбея обязал муниципальные власти построить безопасные и гигиеничные женские туалеты вблизи главных улиц города[196]. Было выбрано 96 локаций. Власти Бомбея пообещали выделить на эти цели 50 млн рупий (около £550 000). Через год сетевой журнал *Broadly*, специализирующийся на

---

[187] https://www.hrw.org/sites/default/files/report_pdf/wrdsanitation0417_web_0.pdf.

[188] http://ohrh.law.ox.ac.uk/bombay-high-court-makes-right-to-clean-toilets-a-fundamental-right-for-women-in-india/.

[189] https://www.wnyc.org/story/women-in-india-agitate-for-their-right-to-pee/.

[190] Там же.

[191] https://indianexpress.com/article/cities/mumbai/women-in-slums-forced-to-defecate-in-open-say-community-toilets-are-unsafe-at-night/.

[192] https://www.theguardian.com/global-development/2014/aug/28/toilets-india-health-rural-women-safety; https://womennewsnetwork.net/2012/12/19/india-women-new-delhi-slum-toilets/.

[193] https://www.newsdeeply.com/womenandgirls/articles/2017/02/03/without-access-clean-safe-toilets-women-face-assault-illness.

[194] Jadhav, A., Weitzman, A. and Smith-Greenaway, E. (2016), ‘Household sanitation facilities and women’s risk of non-partner sexual violence in India’, *BMC Public Health*, 16:1139.

[195] https://www.npr.org/sections/parallels/2014/06/02/318259419/doublerape-lynching-in-india-exposes-caste-fault-lines.

[196] http://www.dnaindia.com/mumbai/report-right-to-pee-bombay-highcourt-gives-municipal-corporations-deadline-in-pil-on-toilets-forwomen-2045476.

защите прав женщин, сообщил, что еще не уложен ни один кирпич[197]. В 2016 г. срок действия постановления о выделении финансовых ресурсов истек[198].

Местные власти, неспособные построить общественные туалеты, любят оправдываться необходимостью экономить деньги, но, как показало исследование, проведенное в 2015 г. Йельским университетом, это мнимая экономия. Авторы исследования разработали математическую модель, связывающую «риск подвергнуться сексуальному нападению с количеством туалетов и временем, которое женщины тратят, чтобы добраться до них», и рассчитали материальные затраты (упущенный заработок, расходы на лечение, судебные издержки и затраты на тюремное содержание) и моральный ущерб (боль и страдания, риск лишиться жизни), связанные с сексуальным насилием, с расходами на строительство и обслуживание туалетов.

Они применили свою модель в южноафриканском городе Хайелитше, где на 2,4 млн жителей приходилось всего около 5600 туалетов. Как утверждают авторы исследования, нехватка санузлов стала причиной 635 попыток изнасилования, приведших к затратам в размере $40 млн. В результате увеличения количества туалетов до 11 300 (что обошлось в $12 млн) среднее расстояние до туалета сократилось почти наполовину, и количество нападений снизилось на 30 %. Применение данной модели показало, что экономия за счет сокращения социальных выплат и расходов на охрану правопорядка не только с лихвой покрывает расходы на строительство туалетов, но и приносит городу дополнительно $5 млн. И это, указывают авторы исследования, еще довольно скромная оценка, не учитывающая «серьезного положительного воздействия улучшения санитарных условий в беднейших районах города на состояние здоровья населения»[199].

Действительно, увеличение количества туалетов положительно сказывается на состоянии здоровья граждан, и прежде всего женщин. Отсутствие возможности вовремя помочиться и облегчиться приводит к инфекционным заболеваниям мочевого пузыря и мочевыводящих путей, обезвоживанию организма и хроническим запорам[200]. Испражняясь на улице, женщины рискуют подхватить целый букет инфекционных и других заболеваний, включая воспаление тазовых органов, гельминтозы, гепатит, диарею, холеру, полиомиелит и болезни, передаваемые через воду. Некоторые из этих заболеваний ежегодно убивают миллионы граждан Индии (преимущественно женщин и детей)[201].

Негативное воздействие нехватки общественных туалетов на состояние здоровья населения – проблема отнюдь не только бедных стран. Исследования, проведенные в Канаде и Великобритании, показали, что количество обращений в медицинские учреждения в связи с инфекционными заболеваниями мочевыводящих путей, растяжением мочевого пузыря и рядом других урогинекологических заболеваний растет прямо пропорционально сокращению количества туалетов. Результаты этих исследований также говорят о том, что антисанитария и «отсутствие туалетов, из-за которого женщины не могут вовремя заменить тампон во время менструации», повышают вероятность развития стрептококкового синдрома токсического шока[202]. А туалетов действительно становится все меньше. Исследование 2007 г. выявило тенденцию к закрытию общественных туалетов в США[203]. С 1995 г. по 2013 г. в Великобритании 50 % общественных туалетов было либо закрыто, либо использовалось не по назначению.

---

197 https://www.vice.com/en_us/article/ezje8z/the-women-in-india-fighting-for-the-right-to-pee.

198 http://mumbaimirror.indiatimes.com/mumbai/civic/BMCs-promise-forwomens-toilets-goes-down-the-drain/articleshow/50801316.cms.

199 http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0122244.

200 https://www.wnyc.org/story/women-in-india-agitate-for-their-right-to-pee/.

201 https://www.newsdeeply.com/womenandgirls/articles/2017/02/03/without-access-clean-safe-toilets-women-face-assault-illness.

202 Greed (2014).

203 http://www.phlush.org/wp-content/uploads/2009/02/americanrestroomcalltoactionpaper.pdf.

Пример тому – общественный туалет близ моего дома в Лондоне, вместо которого открыли очередной хипстер-бар[204].

●●●

Подход к городскому планированию, не учитывающий риск сексуального насилия в отношении женщин, является вопиющим нарушением права последних на доступ к территориям общего пользования. Неудовлетворительное состояние санитарной инфраструктуры – лишь одно из многочисленных проявлений дискриминации женщин градостроителями, игнорирующими их важнейшие потребности.

Находясь в общественных местах, женщины не чувствуют себя в безопасности. В таких местах они вдвое чаще мужчин испытывают чувство страха. Как ни странно, у нас есть данные, которые это подтверждают. «Опросы, касающиеся преступности, и эмпирические исследования, проводимые во многих странах, показывают, что большинство женщин, находясь в общественных местах, опасается стать жертвами насилия», – указывает специалист по городскому планированию, профессор Анастасиа Лукасиу-Сидерис. Анализ криминальной статистики США и Швеции позволяет сделать вывод, что женщины и мужчины в одной и той же ситуации чувствуют себя по-разному. Женщины, как правило, «острее мужчин реагируют на признаки приближающейся опасности или общественных беспорядков, а также на граффити и разрушенные или заброшенные здания».

Результаты исследования, проведенного Министерством транспорта Великобритании, указывают на глубокие различия между мужским и женским восприятием опасности. Так, 62 % женщин испытывают страх на многоярусных автостоянках, 60 % – на железнодорожных платформах, 49 % – на автобусных остановках, 59 % – на пути от автобусной остановки до дома, до метро или станции железной дороги. Для мужчин эти показатели составляют, соответственно, 31 %, 25 %, 20 % и 25 %[205]. Стать жертвой преступника боятся прежде всего женщины с низким уровнем дохода: отчасти потому, что они, как правило, проживают в районах с более высоким уровнем преступности, а отчасти потому, что они чаще работают в вечерние и ночные часы[206] и нередко возвращаются домой после наступления темноты[207]. По тем же причинам, а также из-за риска подвергнуться расовому (а зачастую и гендерному) насилию представительницы этнических меньшинств тоже чаще испытывают страх.

Страх влияет на мобильность женщин и их базовое право на доступ к объектам городской среды[208]. Исследования, проведенные в Финляндии, Швеции, США, Канаде, на Тайване и в Великобритании, показывают, что страх вынуждает женщин корректировать свое поведение и способы передвижения по городу[209]. Они стараются избегать некоторых маршрутов, не выходить на улицу в определенные (прежде всего ночные) часы и не пользоваться некоторыми видами транспорта. В ходе опроса, проведенного в Канаде, ровно половина опрошенных женщин «указала, что страх мешает им пользоваться общественным транспортом и крытыми парковками»[210]. Результаты других исследований, проводившихся в разных странах, говорят о том, что страх перед преступниками – «одна из главных причин, по которым женщины стара-

---

[204] https://blogs.ucl.ac.uk/ucloo-festival-2013/2013/09/17/toilets-gender-and-urbanism/.

[205] http://transweb.sjsu.edu/sites/default/files/2611-women-transportation.pdf, 2009.

[206] http://transweb.sjsu.edu/sites/default/files/2611-women-transportation.pdf.

[207] Gardner, Natalie, Cui, Jianqiang and Coiacetto, Eddo (2017), 'Harassment on public transport and its impacts on women's travel behaviour', *Australian Planner*, 54:1, 8–15.

[208] Там же.

[209] Там же.

[210] http://transweb.sjsu.edu/sites/default/files/2611-women-transportation.pdf.

ются не пользоваться общественным транспортом»[211]. Они предпочитают ездить на собственном автомобиле или брать такси, если могут себе это позволить.

Беда в том, что многим женщинам это не по карману. Большинство пассажиров общественного транспорта фактически обречено пользоваться им, потому что у них просто нет другой возможности передвигаться по городу[212]. Отсутствие выбора сильнее всего сказывается на положении женщин с низким уровнем дохода, а также проживающих в бедных странах. В Индии, например, женщины имеют ограниченный доступ[213] к индивидуальным транспортным средствам, и потому вынуждены пользоваться общественным транспортом намного чаще мужчин[214]. Чтобы обезопасить себя, им приходится выбирать более длинные кружные маршруты или искать попутчиков. Некоторые женщины, не обязательно с низким уровнем дохода, вообще уходят с работы[215]. Когда я написала в Twitter о случаях сексуальных домогательств в общественном транспорте, некий мужчина рассказал в комментарии о своей знакомой, «очень умной и талантливой женщине», которая «бросила прекрасную работу в Сити и вообще уехала из Лондона, потому что мужчины постоянно тискали ее в метро, и это было невыносимо».

Ясно, что это несправедливо по отношению к женщинам. Но нередко вина за чувство страха возлагается на самих женщин, а не на тех, кто планирует и обустраивает городское пространство и транспортную инфраструктуру, в которых женщины не чувствуют себя в безопасности. Кроме того, как и в других случаях, за всем этим стоит нехватка гендерных данных. Официальная статистика говорит о том, что на самом деле не женщины, а мужчины чаще рискуют стать жертвой преступника в общественном месте, в том числе в транспорте. Этот парадокс, указывает Анастасиа Лукасиу-Сидерис, «позволяет некоторым делать вывод, что страх женщин перед преступностью иррационален, и проблема заключается именно в них, а не в самой преступности». Но, добавляет она, официальная статистика кое о чем умалчивает.

В общественных местах женщины сталкиваются с самыми разными формами сексуальных домогательств. О таких тяжких преступлениях, как нападения и изнасилования, мы поговорим позже. Но женщины и без них изо дня в день страдают от поведения мужчин, часто имеющего одну цель: вызвать у них чувство неловкости. Формы домогательств могут быть разными: свист и выкрики вслед, раздевание глазами, «непристойные сексистские намеки [или] попытки познакомиться». Ни одно из этих действий само по себе не является преступлением, но в совокупности они создают ощущение постоянной угрозы сексуального насилия[216]. Женщины знают, что уличные мачо постоянно наблюдают за ними и в любой момент готовы пристать, а то и перейти от слов и жестов к физическому насилию. Женщинам хорошо знакомы мгновенные переходы от заигрываний («Улыбнись, крошка, я не сделаю тебе ничего плохого!») к грубости («Эй ты, сучка, я к тебе обращаюсь!»), а затем к преследованию и нападению. Они прекрасно знают, чем могут закончиться «невинные заигрывания» незнакомца.

Но женщины не сообщают об этих случаях. Да и кому о них сообщать? До появления таких проектов, как EverydaySexism[217] и Hollaback![218], – площадок для обсуждения омерзительного, но не содержащего состава преступления поведения мужчин, с которым женщины

---

[211] Gardner, Cui and Coiacetto (2017).

[212] Ceccato, Vania and Paz, Yuri (2017), ‘Crime in Sao Paulo’s metro system: sexual crimes against women’, *Crime Prevention and Community Safety*, 19:3-4, 211-26.

[213] https://www.wnyc.org/story/women-in-india-agitate-for-their-right-to-pee/.

[214] http://www.hindustantimes.com/delhi-news/need-to-make-public-transport-in-delhi-women-friendly-study/story-Eq8h997zRiq8XTdIr7dQ0H.html.

[215] Ceccato and Paz (2017).

[216] Gardner, Cui and Coiacetto (2017).

[217] EverydaySexism – сайт, созданный в 2012 г. британской писательницей-феминисткой Лаурой Бейтс и предназначенный для сбора свидетельств проявлений сексизма в различных странах мира.

[218] Hollaback! – фотоблог и массовый сетевой проект, нацеленный на повышение осведомленности женщин об уличных домогательствах и борьбу с ними путем публикации фотографий и других документально подтвержденных свидетельств.

ежедневно сталкиваются в общественных местах, – общество почти ничего не знало о проблеме. Когда полиция в Ноттингеме начала регистрировать случаи агрессивного по отношению к женщинам поведения (*все* случаи, включая и непристойное обнажение, и тисканье, и апскертинг[219]) как правонарушения, совершаемые на почве ненависти (или, в случае отсутствия состава преступления, – как проявления ненависти), цифры оказались впечатляющими – и не потому, что мужчины вдруг стали вести себя хуже, чем обычно, а потому, что женщины почувствовали, что к их жалобам отнесутся серьезно[220].

Общество не замечает опасного сексуального поведения мужчин, с которым сталкиваются женщины в общественных местах, еще и потому, что мужчины не пристают к женщинам, сопровождаемым другими мужчинами – мужчинами, которые также редко сталкиваются с подобным поведением. Опрос, проведенный недавно в Бразилии, показал, что две трети женщин стали жертвами сексуальных домогательств и насилия во время поездок по городу, в том числе в половине случаев – во время поездок на общественном транспорте. Доля пострадавших от этого мужчин составила только 18 %[221]. Таким образом, мужчины, не пристававшие к женщинам и не подвергавшиеся сексуальным домогательствам, просто не знали о происходящем. Поэтому они часто игнорировали жалобы женщин, рассказывавших о случаях домогательств, ссылаясь на то, что «ничего такого не замечали». Вот вам и еще одна информационная дыра.

Ситуация усугубляется неадекватным подходом к сбору данных. «Мы не располагаем массивом данных, подтверждающим распространенность сексуальных домогательств», – говорится в исследовании 2017 г., и причина не только в том, что далеко не все такие случаи регистрируются, но и в том, что их «часто не включают в криминальную статистику»[222]. Проблема в том, что сексуальные домогательства «часто трудно бывает отнести к какой-либо определенной категории правонарушений». Во многих исследованиях не содержится «определения сексуальных домогательств и их классификации». В ходе опроса, проведенного в 2014 г. Австралийским институтом, выяснилось, что 87 % опрошенных женщин сталкивались со словесными или физическими уличными домогательствами, но «данные о масштабах и формах домогательств не собирались».

Вопиющее расхождение между числом женщин, боящихся бывать в общественных местах, и числом случаев насилия, фиксируемых официальной статистикой, говорит о том, что женщины молчат не только о «безобидных» домогательствах, но и о более серьезных преступлениях. Опрос, проведенный в 2016 г. и посвященный сексуальным домогательствам в вашингтонском метро, показал, что 77 % женщин, ставших жертвами домогательств, не сообщали об этом; примерно такая же картина была выявлена мексиканским государственным Национальным институтом по делам женщин (INMUJERES), занимающимся проблемами насилия по отношению к женщинам[223].

В Нью-Йорке доля зарегистрированных случаев сексуальных домогательств еще ниже: там не сообщалось о 96 % случаев домогательств и о 86 % попыток изнасилования в подземке; в Лондоне, где с домогательствами в общественном транспорте сталкивается каждая пятая женщина, по данным исследования 2017 г., «около 90 % женщин, сталкивавшихся с непристойным сексуальным поведением мужчин, не сообщали об этом»[224]. Опрос женщин, пользующихся метро, проведенный одной неправительственной организацией в столице Азербай-

---

[219] Апскертинг (от англ. upskirting – букв. «задирание юбки») – тайная съемка обнаженного тела или белья в общественном месте. В ряде стран считается уголовным преступлением.

[220] https://www.bbc.co.uk/news/uk-england-nottinghamshire-44740362.

[221] Ceccato and Paz (2017).

[222] Gardner, Cui and Coiacetto (2017).

[223] http://www.huffingtonpost.com/soraya-chemaly/for-women-rape-isnt-amom_b_9997350.html.

[224] http://www.bbc.co.uk/news/uk-england-london-29818435.

джана Баку, показал, что ни одна из женщин, подвергшихся сексуальным домогательствам в подземке, не сообщила об этом в соответствующие инстанции[225].

Ясно, что официальные данные правоохранительных органов не показывают полной картины. Но, несмотря на отсутствие данных по всем странам о «точном характере, месте и времени» преступлений против женщин, совершаемых на сексуальной почве в общественных местах, все большее количество исследований подтверждает: страх женщин на самом деле вовсе не иррационален[226].

От Рио-де-Жанейро до Лос-Анджелеса мужчины насиловали женщин и девочек в автобусах, а водители в это время безмятежно крутили баранку[227]. «Честно говоря, я вообще боюсь выходить из дома», – говорит Витториа Хуарес, 34 лет. Она живет в Мексике, где девять женщин из десяти подвергаются сексуальным домогательствам в общественном транспорте[228]. Мексиканки, вынужденные ездить на работу, сообщают, что мужчины, сидя в автомобилях, подкарауливают их, а затем «похищают женщин, садящихся в автобус или выходящих из него»[229]. Путь на работу и с работы, по их словам, самая опасная часть дня.

Исследование 2016 г. показало, что со случаями домогательств в общественном транспорте сталкивались 90 % француженок[230]. В мае 2016 г. двое мужчин были приговорены к тюремному заключению за попытку группового изнасилования в поезде парижского метро[231]. Опрос, проведенный в том же году на предмет сексуальных домогательств в вашингтонской подземке, показал, что женщины сталкиваются с домогательствами в общественном транспорте втрое чаще мужчин[232]. В апреле того же года[233] был пойман подозреваемый в непристойном обнажении в вашингтонском метро. Месяц спустя он изнасиловал женщину, угрожая ей ножом[234]. В октябре 2017 г. был арестован еще один серийный насильник, дважды покушавшийся на одну и ту же жертву все в том же метро[235].

«Авторы всех материалов этого номера пишут об одном и том же», – подчеркивает специалист по городскому планированию, профессор Вания Секато в послесловии к специальному выпуску академического журнала *Crime Prevention and Community Safety* («Предупреждение преступности и общественная безопасность») 2017 г., вышедшему под заголовком «Виктимизация женщин и транспортная безопасность» (Women's Victimisation and Safety in Transit). «Данные о правонарушениях и преступлениях против женщин, совершаемых на сексуальной почве в общественном транспорте (включая нескромные взгляды, непристойные прикосновения и предложения, тисканье, эксгибиционизм и даже изнасилования) сильно занижены», – подчеркивает она[236].

---

[225] https://www.itdp.org/wp-content/uploads/2017/01/8.-Beyond-the-Women-Only-Train-Car-Gender-and-Sustainable-Transport.pdf.

[226] Ceccato and Paz (2017).

[227] hhttps://www.nytimes.com/2013/05/25/world/americas/rapes-in-brazil-spur-class-and-gender-debate.html; https://thecityfix.com/blog/women-public-safety-demands-yasmin-khan/.

[228] https://www.unwomen.org/en/news/stories/2016/11/improving-womens-safety-in-mexico-city.

[229] http://thecityfix.com/blog/women-public-safety-demands-yasmin-khan/.

[230] https://www.thelocal.fr/20160615/half-of-french-woman-alter-clothes-to-avoid-harassment.

[231] https://www.thelocal.fr/20160615/half-of-french-woman-alter-clothes-to-avoid-harassment.

[232] http://www.thehoya.com/metro-surveys-sexual-harassment-cases/.

[233] http://www.huffingtonpost.com/soraya-chemaly/for-women-rape-isnt-amom_b_9997350.html.

[234] http://www.nbcwashington.com/news/local/Man-Accused-of-Metro-Assault-Was-Indecent-Exposure-Suspect-380782091.html.

[235] https://www.washingtonpost.com/news/dr-gridlock/wp/2017/10/20/why-the-metoo-movement-is-a-public-transportation-issue/?utm_term=.09b8335a38b6.

[236] Ceccato, Vania (2017), 'Women's transit safety: making connections and defining future directions in research and practice', *Crime Prevention and Community Safety*, 19:3–4 (September 2017), 276–87.

●●●

Женщины не сообщают обо всем этом по разным причинам. Некоторые причины обусловлены социальными факторами (стыдом, боязнью общественного осуждения и обвинений в провокации насилия и клевете). Власти мало что могут с этим поделать. Изменения должны исходить от самого общества. Но многие женщины не сообщают о случаях сексуального насилия по, так сказать, техническим причинам, устранить которые куда проще.

Начать с того, что женщины часто точно не знают, «что считается сексуальным домогательством, и боятся реакции правоохранительных органов»[237]. Даже если они понимают, что происходит что-то нехорошее, они часто не знают, *куда* об этом сообщать[238]. Ни в одной стране мира нет четких инструкций для женщин, подвергшихся сексуальным домогательствам или насилию в общественном транспорте (хотя соответствующие органы, разумеется, давно разработали такие инструкции на случай обнаружения в транспорте подозрительных предметов). Отсутствие инструкций связано с отсутствием соответствующих процедур[239]. Поэтому возникает очередная проблема: через что проходят женщины, *сообщившие* о домогательствах.

В 2017 г. одна британка рассказала в Twitter о том, как пожаловалась водителю автобуса на мужчину, пристававшего к ней в салоне[240]. Водитель сначала спросил, что он, по ее мнению, должен делать, а затем прокомментировал ситуацию: «А что тут удивительного – ведь вы такая хорошенькая!» Похожая история случилась с другой женщиной 26 лет, ехавшей в делийском автобусе. «Было около девяти утра. Мужчина, стоявший позади меня, начал прижиматься ко мне самым непристойным образом. Я закричала, схватила парня за воротник и потребовала, чтобы водитель остановил автобус. Но меня попросили не задерживать движение – ведь другие пассажиры торопятся, – выйти из автобуса и решить проблему самостоятельно»[241].

Сара Хейворд, бывший член муниципального совета района Лондона, в котором я живу, не сообщила о случае домогательства из-за боязни увольнения. «Однажды, когда мне было примерно 22 года, в переполненном вагоне метро я вдруг почувствовала, что ко мне кто-то прижимается. Я не могу даже описать охватившее меня чувство ужаса и отвращения. Но я никому не рассказала об этом – ведь мне все равно не поверили бы. Люди решили бы, что мне просто показалось, что просто в поезде было много народа и пассажиры стояли впритык друг к другу». Парадокс в том, что инцидент могла спровоцировать именно давка в вагоне: имеющиеся у нас данные показывают, что максимальное количество случаев сексуальных домогательств приходится на часы пик[242]. По словам Сары Хейворд, она до сих пор старается «не ездить на метро в часы пик».

Отсутствие процедур реагирования на сообщения о сексуальных домогательствах создает проблемы и на авиатранспорте. В 2016 г. журнал *Slate* написал о некой Дане Т., задремавшей во время перелета из США в Германию. Она проснулась, почувствовав, как чья-то рука сильно сжимает ее грудь[243]. Рука принадлежала мужчине, сидевшему в соседнем кресле. Женщина вскочила и пожаловалась на мерзавца стюардессам, которые сначала попытались снова усадить ее в кресло, но потом все-таки предоставили ей другое место – в салоне бизнес-класса.

---

237 Gardner, Cui and Coiacetto (2017).

238 http://wricitieshub.org/sites/default/files/Final_Report_24082015_0.pdf.

239 Ceccato (2017).

240 https://twitter.com/awlilnatty/status/860142443550957568.

241 http://www.hindustantimes.com/delhi-news/why-delhi-s-public-transportis-still-a-war-zone-for-women/story-0bzla56HO3BIgI9LQqSSJI.html.

242 Ceccato and Paz (2017).

243 http://www.slate.com/articles/double_x/doublex/2016/08/what_happens_when_sexual_assault_happens_on_a_long_haul_flight.html.

Многие стюардессы явно ей сочувствовали, но не знали, что делать в такой ситуации. Когда самолет совершил посадку, мужчина спокойно покинул салон и отправился восвояси. Похожая история случилась в 2017 г.: стюардессы одной американской авиакомпании отказались пересадить на другое место женщину, заметившую, что сидящий рядом мужчина мастурбирует[244].

Первый шаг, который должны сделать руководители транспортной отрасли (преимущественно мужчины), – признать существование проблемы[245]. Когда Анастасиа Лукасиу-Сидерис решила выяснить, как транспортные агентства США решают проблему безопасности женщин в общественном транспорте, обнаружилась нехватка гендерных данных. Она раскопала только два документа аж 1990-х гг., но ни в одном из них не рассматривалась проблема именно женской безопасности. К тому же обе бумаги давно устарели, учитывая масштабные реформы в области безопасности на транспорте, инициированные после событий 11 сентября 2001 г. Был, правда, еще один, более свежий, документ 2005 г., но в нем речь шла главным образом о мерах, принимаемых американскими транспортными агентствами в связи с террористической угрозой, и «не рассматривались потребности женщин и соответствующие меры безопасности».

Поэтому Анастасиа Лукасиу-Сидерис решила самостоятельно опросить транспортные агентства. При этом она столкнулась с некоторым сопротивлением со стороны работников этой «мужской» отрасли. «Вы исходите из того, что в нашем мире женщины защищены хуже, чем мужчины», – заметил руководитель одного из агентств (мужчина). А руководитель службы охраны и безопасности другого агентства (тоже мужчина) заверил ее, что «проблемы безопасности не имеют гендерного измерения». Наглядной иллюстрацией того, к чему приводит нехватка гендерных данных, стала позиция еще одного руководителя службы охраны и безопасности (тоже мужчины, разумеется), который вообще отрицал необходимость гендерного подхода к транспортному планированию на основании того, что «статистические данные по нашей отрасли не подтверждают, что женщины подвергаются более серьезному риску, чем мужчины».

Лишь признав наличие проблемы, руководители транспортной отрасли смогут сделать следующий шаг: разработать меры безопасности, учитывающие реальность. Анастасиа Лукасиу-Сидерис опросила представителей 131 транспортного агентства (то есть более половины всех крупных и средних транспортных агентств США). Из них «только треть считала, что транспортные агентства действительно должны что-то делать в этой области», и только три агентства действительно что-то делали. Анастасиа Лукасиу-Сидерис также обнаружила «серьезное несоответствие форм и направлений политики транспортных агентств в области обеспечения безопасности на общественном транспорте реальным потребностям и пожеланиям женщин» – ничего удивительного, учитывая хроническую нехватку данных и исследований безопасности женщин на транспорте.

Большинство опрошенных агентств оснащало средствами безопасности салоны автобусов. В 80 % автобусов велось видеонаблюдение, в 76 % были установлены тревожные кнопки, а в 73 % – громкоговорители. Но подавляющее большинство предприятий не принимало (и не собиралось принимать) каких-либо мер по обеспечению безопасности на автобусных остановках. А ведь женщины больше боятся ждать автобуса, стоя в темноте на остановке, чем ехать на нем. И они совершенно правы. Как показало одно из исследований, вероятность стать жертвой преступников на остановке в три раза выше, чем во время поездки[246].

Конкретные меры безопасности, принимаемые транспортными агентствами, тоже, как правило, не отвечали потребностям женщин. Транспортные агентства (возможно, движимые

---

244 http://www.independent.co.uk/travel/news-and-advice/woman-masturbating-passenger-cabin-crew-american-airlines-paris-a7839186.html?cmpid=facebook-post.

245 Ceccato (2017).

246 http://transweb.sjsu.edu/sites/default/files/2611-women-transportation.pdf.

желанием сэкономить) предпочитали не нанимать охранников, а устанавливать в салонах автобусов специальное оборудование. У нас недостаточно данных о том, как видеокамера в салоне влияет на число сексуальных домогательств, но результаты целого ряда исследований говорят о том, что женщины весьма скептически оценивают эффективность этой меры. Они считают, что кондуктор или охранник (способные предотвратить преступление) – более надежная защита от нападения, чем мигающая в углу камера, за которой следит (а может быть, и не следит) кто-то, сидящий за много миль от автобуса[247]. Любопытно, что мужчины, напротив, считают более эффективными технические средства безопасности – видимо, потому, что они реже становятся жертвами преступлений против личности[248].

Даже если транспортное агентство не имеет возможности нанимать охранников (хотя не исключено, что в этом случае затраты окупились бы за счет роста числа женщин, пользующихся общественным транспортом), существует множество других, менее затратных решений[249]. Анастасиа Лукасиу-Сидерис приводит пример Портленда, где «на автобусных остановках установлены цифровые расписания движения, чтобы пассажиры всегда знали, когда придет автобус», – иными словами, чтобы женщины могли не дрожать в темноте от страха целую вечность, не зная, что автобус придет через полчаса. Признаюсь, когда я услышала об этой мере как о радикальном способе решения проблемы, я была потрясена – ведь в Лондоне редко увидишь остановку, *не оборудованную* цифровым расписанием.

Другие меры безопасности, учитывающие реальную ситуацию[250], могут включать установку прозрачных, хорошо просматривающихся павильонов, а также улучшение освещения – не только на автобусных остановках и станциях метро, но и на пути к ним[251]. Большое значение имеет и местоположение автобусной остановки: по словам Анастасии Лукасиу-Сидерис, иногда для того, чтобы изменить ситуацию, достаточно «перенести остановку всего на пару метров в ту или другую сторону от здания, вокруг которого постоянно толпится народ». Лично я одобряю эту меру, как и оборудование дополнительных остановок по требованию между обычными остановками, – специально для женщин, пользующихся ночными автобусами. Дело в том, что, хотя женщины составляют большинство пассажиров автобусов в целом, к ночным автобусам это не относится – женщины пользуются ими чрезвычайно редко. И хотя у нас пока нет статистики, объясняющей причины этого явления, имеющиеся данные позволяют предположить, что, если бы женщины чувствовали себя в безопасности, ситуация бы изменилась[252].

Могу порадовать разработчиков транспортных систем: ни одна из перечисленных выше мер (за исключением найма охранников и улучшения освещения) не требует особых затрат. Исследования, проведенные Анастасией Лукасиу-Сидерис в Лос-Анджелесе, показывают, что некоторые автобусные остановки в этом городе стали для лиц, совершающих преступления на сексуальной почве, настоящими «культовыми местами». Значит, приняв соответствующие меры хотя бы в этих «горячих точках», можно сократить общие затраты на безопасность[253]. Все, что для этого требуется, – наличие у транспортных агентств гендерных данных и готовность собирать их. Но такой готовности нет. По словам Анастасии Лукасиу-Сидерис, в США «на федеральном уровне государство не стимулирует» сбор данных транспортными агентствами. «По закону они не обязаны им заниматься, и они им не занимаются», – констатирует она. Иными словами, отсутствие денег в данном случае – не оправдание.

---

[247] Gardner, Cui and Coiacetto (2017).

[248] https://matadornetwork.com/life/make-public-transportation-safer-women/.

[249] https://matadornetwork.com/life/make-public-transportation-safer-women/.

[250] http://wricitieshub.org/sites/default/files/Final_Report_24082015_0.pdf.

[251] https://link.springer.com/article/10.1057/sj.2014.9; http://wricitieshub.org/sites/default/files/Final_Report_24082015_0.pdf.

[252] http://content.tfl.gov.uk/travel-in-london-understanding-our-diverse-communities-2019.pdf.

[253] https://matadornetwork.com/life/make-public-transportation-safer-women/.

В Дели (в 2014 г. занимавшем четвертое место в мире по степени опасности общественного транспорта для женщин) после того, как город потрясла страшная трагедия – «делийское групповое изнасилование», женщины взяли сбор данных в свои руки[254]. Преступление, о котором писали газеты всего мира, случилось в южной части Дели 16 декабря 2012 г. Около девяти вечера двое молодых людей – 23-летняя студентка Джиоти Сингх, будущий парамедик, и ее друг Аваниндра Панди вышли из кинотеатра, где смотрели фильм «Жизнь Пи». Чтобы поскорее добраться до дома, друзья решили сесть в один из многочисленных делийских частных автобусов[255]. Но домой молодые люди так и не вернулись. В автобусе на них напали шестеро преступников, которые сначала жестоко избили их ржавым железным стержнем, после чего начали насиловать Джиоти. Зверство (в том числе насилие с помощью металлического стержня) продолжалось почти час. Девушке повредили кишечник[256]. В конце концов, выбившись из сил, насильники выбросили молодых людей, находившихся в полубессознательном состоянии, на обочину – всего в пяти милях от места, где те сели в автобус[257]. Через 13 дней от полученных травм Джиоти скончалась. В следующем году три женщины создали платформу Safecity («Безопасный город»), где все желающие могли наносить на карту города наиболее опасные места[258]. Женщины получили возможность сообщать о времени и месте сексуальных домогательств, а также рассказывать о них, «чтобы на карте были представлены все “горячие точки”, где происходят нападения». Собранные на данный момент данные весьма показательны: самая распространенная форма сексуальных домогательств (даже более распространенная, чем непристойные выкрики и освистывание) – тисканье – чаще всего наблюдается в общественном транспорте (надо полагать, из-за толкучки).

Такие инновационные решения, как этот проект, можно только приветствовать, но они не отменяют необходимости сбора полноценных данных и их анализа профессиональными исследователями. Таких данных очень не хватает не только в транспортной отрасли, но и во всех областях городского планирования. Автор статьи, опубликованной в 2016 г. в *The Guardian*, задается вопросом «Почему мы не проектируем города, где было бы удобно не только мужчинам, но и женщинам?» и предупреждает, что нехватка данных, позволяющих «отслеживать и анализировать гендерные тенденции, затрудняет разработку программ развития инфраструктуры, учитывающей потребности женщин»[259]. Даже начав собирать гендерные данные, мы не можем быть уверенными, что процесс будет продолжаться до бесконечности. В 2008 г. в Великобритании была создана платформа для сбора данных по гендерным проблемам в области градостроительства и архитектуры – Gendersite[260], но в 2012 г. она прекратила свое существование из-за недостаточного финансирования[261]. В то же время, если мы не начнем собирать гендерные данные и, разумеется, *использовать* их в городском планировании, мы никогда не избавимся от непреднамеренного «мужского перекоса», проявляющегося в самых неожиданных областях.

---

[254] http://news.trust.org//spotlight/most-dangerous-transport-systems-for-women/.

[255] http://indiatoday.intoday.in/story/delhi-gangrape-victims-friend-relives-thehorrifying-84-minutes-of-december-16-night/1/309573.html.

[256] https://www.nytimes.com/2017/05/05/world/asia/death-sentence-delhi-gang-rape.html.

[257] http://www.reuters.com/article/us-india-rape-attack-idUSBRE8BU02E20121231.

[258] Goodney, Suzanne, D'Silva, Lea Elsa and Asok, Abhijith (2017), 'Women's strategies addressing sexual harassment and assault on public buses: an analysis of crowdsourced data', *Crime Prevention and Community Safety*, 19: 3–4, 227–39.

[259] https://www.theguardian.com/global-development-professionals-network/2016/oct/13/why-arent-we-designing-cities-that-work-for-women-not-just-men.

[260] Gendersite.org – сайт, созданный в 2008 г. рядом некоммерческих организаций и образовательных учреждений с целью изучения гендерных аспектов городского планирования и архитектуры.

[261] https://www.theguardian.com/cities/2014/dec/05/if-women-built-cities-what-would-our-urban-landscape-look-like.

●●●

Большинству женщин, занимающихся фитнесом, знаком этот неприятный момент: вы входите в тренажерный зал, и вам кажется, что многие мужчины (а их в зале обычно намного больше, чем женщин) сейчас уставятся на вас, причем их взгляды будут выражать различные, но исключительно негативные чувства – от скепсиса до возмущения. Войти-то в зал нетрудно, трудно преодолеть неловкость, которой обычно не испытывают мужчины, и нужна немалая уверенность в себе, чтобы сохранять спокойствие. Бывают дни, когда просто хочется плюнуть на фитнес. Я часто ощущаю нечто подобное на открытой спортплощадке в парке неподалеку от моего дома. Если там много мужчин, я обычно пропускаю занятия, лишь бы избежать этих презрительных взглядов и чувства, что я здесь чужая.

Самая распространенная реакция определенных кругов на подобные жалобы – совет перестать изображать из себя кисейную барышню, а феминисткам предлагается перестать изображать кисейными барышнями всех женщин. Разумеется, не всех женщин волнуют насмешки и другие проявления мачизма. Но некоторые начинают избегать спортплощадок и других объектов общего пользования, и их поведение отнюдь не иррационально: ведь довольно часто сообщается об открытой враждебности мужчин по отношению к женщинам, рискнувшим появиться в якобы гендерно нейтральной зоне для совместных занятий спортом[262]. Как и общественный транспорт, спортплощадки нередко становятся классическим примером «мужского перекоса» в организации общественного пространства, по идее, равно доступного представителям обоих полов.

К счастью, такого рода перекос легко устраним, и некоторые необходимые для этого данные уже собраны. Исследования, проведенные еще в середине 1990-х гг. городскими властями Вены, показали, что начиная с десяти лет девочки практически перестают посещать парки и общественные детские площадки[263]. Узнав об этом, городские власти не стали пожимать плечами и обвинять девочек в излишней чувствительности. Вместо этого они задумались о том, правильно ли организовано пространство в парках, и приступили к сбору данных. В итоге было разработано несколько пилотных проектов.

Обнаружились интересные вещи. Оказалось, что проблема в больших открытых общих территориях, где девочкам приходилось конкурировать с мальчиками за пространство, но для этого им не хватало уверенности в себе (таковы уж социальные условия, в которых мы, женщины, вынуждены жить), поэтому они, как правило, просто уступали пространство мальчикам. Как только парки были разбиты на небольшие зоны, отток девочек прекратился. Городские власти также занялись спортплощадками в парках. Раньше эти объекты были обнесены проволочным ограждением и имели только один вход, вокруг которого толпились мальчики. Девочки, не желая под градом насмешек протискиваться сквозь толпу, просто не заходили на площадки. Это продолжалось до тех пор, пока за дело не взялась венская Лесли Ноуп[264] – Клаудиа Принц-Бранденбург – и не предложила простое решение: расширить входы и увеличить их число[265]. Кроме того, спортплощадки, как и газоны в парках, были разделены на небольшие зоны: площадки для занятий организованными видами спорта (такими как баскетбол) остались, но появились и места для свободных упражнений, которые больше нравятся девочкам.

---

[262] https://dailytitan.com/2013/11/workout-culture-subconsciously-reinforces-sexist-norms/; http://www.telegraph.co.uk/women/womens-life/11587175/Womens-fitness-What-men-really-think-about-women-in-the-gym.html.

[263] Irschik, Elisabeth and Kail, Eva, ‘Vienna: Progress Towards a Fair Shared City’, in Roberts, Marion and Sanchez de Madariaga, Ines (eds.) (2013).

[264] Лесли Ноуп – героиня комедийного сериала NBC Parks and Recreation («Парки и отдых»), работающая заместителем директора департамента парков и отдыха вымышленного американского города.

[265] http://www.wpsprague.com/research-1/2017/1/6/more-girls-to-parks-case-study-of-einsiedler-park-viennamilota-sidorova.

Все это были, казалось бы, мелочи, но изменения привели к желаемому результату. Через год в парке не только стало больше девочек, но и чаще стали проводиться различные неформальные мероприятия. В настоящее время этот подход используется при планировании всех новых венских парков.

В шведском городе Мальме обнаружился такой же «мужской перекос» в традиционной планировке городских молодежных зон отдыха. Ранее там выделялись участки для катания на коньках, альпинизма и граффити[266]. Проблема заключалась в том, что этим занималась не вся молодежь, а почти исключительно мальчики. При этом доля девочек в общем количестве посетителей таких зон и других объектов, предназначенных для отдыха, составляла лишь 10-20 %. Как и в Вене, городские власти Мальме не стали пожимать плечами и уверять, что во всем виноваты сами девочки, которые почему-то не хотят посещать зоны отдыха, а начали собирать данные.

В 2010 г., прежде чем приступить к проектированию новой рекреационной зоны (расположенной на месте бывшей автостоянки), городские власти спросили у девочек, чего бы они хотели[267]. В результате новая зона была лучше освещена и, как и венские парки, разбита на разные по площади участки, расположенные на разных уровнях[268]. С тех пор, говорит Кристиан Ресебо, сотрудник департамента транспорта Мальме, участвовавший в реализации проекта, «было создано еще две зоны, где были предусмотрены места, предназначенные специально для девочек и девушек».

От гендерного подхода выигрывают не только девочки. От него выигрывает и государственная казна. В Гётеборге на содержание спортивных клубов и ассоциаций ежегодно расходуется около 80 млн шведских крон. Естественно, предполагается, что эти средства в равной степени предназначены для обоих полов. Но, проанализировав соответствующие данные, городские власти Гётеборга обнаружили, что это не так[269]. Дело в том, что большая часть средств направлялась на проведение спортивных мероприятий, в которых участвовали в основном мальчики. Такой подход к финансированию занятий физкультурой и спортом ставил мальчиков в более выгодное положение по сравнению с девочками в 36 из 44 видов спорта. Получалось, что город тратил на мальчиков на 15 млн крон больше, чем на девочек. «Девчачьи» виды спорта либо хуже финансировались, либо не финансировались вовсе, и некоторым девочкам приходилось заниматься спортом в частном порядке, на платной основе. Те, у кого не было такой возможности, вообще не занимались спортом.

Для большинства читателей вряд ли станет сюрпризом открытие, сделанное авторами доклада о расходовании средств на молодежный спорт и отдых в Гётеборге: недостаточное финансирование «девчачьих» видов спорта негативно сказывалось на психическом состоянии и умственных способностях девочек. Но вот другое открытие многих удивит. Оказывается, адекватное финансирование «девчачьих» видов спорта ведет к уменьшению количества переломов из-за остеопороза по достижении девочками зрелого возраста, и, соответственно, сокращению расходов на здравоохранение в будущем. Дело в том, что у молодых людей физические упражнения способствуют укреплению костной ткани, что снижает риск развития остеопороза в пожилом возрасте. Исследования показывают, что занятия спортом до наступления половой зрелости особенно важны для девочек.

В Гётеборге переломы в результате падений ежегодно получают около 1000 человек (три четверти пострадавших – женщины). Суммарные расходы на лечение достигают примерно 150 млн шведских крон, в том числе на лечение женщин тратится более 110 млн шведских

---

[266] http://civitas.eu/sites/default/files/civ_pol-an2_m_web.pdf.

[267] https://malmo.se/download/18.1388f79a149845ce3b9ff3/1491301765672/F%C3%B6rstudie+j%C3%A4mstalld+stadsplanering+Add+Gender+2013.pdf.

[268] https://malmo.se/download/18.1388f79a149845ce3b9102b/1491300931437/Presentation+20120913.pdf.

[269] http://webbutik.skl.se/bilder/artiklar/pdf/7164–987-4.pdf?issuusl=ignore.

крон. «Поддержка городом женских видов спорта в объеме 15 млн шведских крон, – говорится в докладе, – в будущем позволит сократить количество переломов из-за остеопороза на 14 %. Вложения оправдают себя».

Если градостроители не учитывают гендерную специфику, общественные пространства автоматически становятся мужскими. Реальность такова, что тела половины населения планеты – это тела женские. Половина населения планеты ежедневно сталкивается с угрозой сексуального насилия, с покушениями на женское тело. На плечах женщин лежит забота о близких, забота, в которой нуждаются все. Поэтому рассмотренные выше проблемы – не частные, не нишевые. Они касаются всех нас. И если мы хотим, чтобы общественные пространства действительно были доступны всем без исключения, мы должны учитывать потребности женской половины человечества, – тем более что, как мы убедились, это не только вопрос справедливости. Это еще и вопрос экономии.

Учитывая в городском планировании потребности женщин, выполняющих домашние обязанности, мы даем им возможность полноценно трудиться и на оплачиваемой работе. А это, как мы увидим далее, важный фактор роста ВВП. Борьба с сексуальным насилием и преступлениями против женщин с помощью таких превентивных мер, как увеличение количества женских туалетов, в долгосрочной перспективе позволяет экономить деньги за счет сокращения значительных затрат, связанных с последствиями насилия. Планирование открытых спортплощадок и других общественных пространств с учетом их доступности для женщин ведет к сокращению будущих расходов на здравоохранение благодаря благотворному влиянию занятий спортом на состояние здоровья населения.

Иными словами, доступность общественных пространств для женской половины человечества – это не финансовый вопрос. Это вопрос правильной расстановки приоритетов. В настоящее время мы сознательно или по недомыслию не рассматриваем женские потребности как важнейший приоритет. Это не только вопиющая несправедливость, но и экономическая безграмотность. Женщины имеют такое же право на доступ к общественному пространству, как и мужчины, и пора наконец положить конец дискриминации женщин, обусловленной неадекватностью городского планирования.

Часть II
На рабочем месте

Глава 3
Долгая пятница

Этот день, 24 октября 1975 г., вошел в историю Исландии как «долгая пятница». Так прозвали его исландские мужчины[270]. К вечеру супермаркеты распродали все запасы сосисок – еще бы, ведь это «лучшая готовая к употреблению еда всех времен и народов». Офисы наводнили дети, в немыслимых количествах поглощавшие сласти, которыми их задаривали, чтобы они вели себя прилично. Школы, ясли, рыбозаводы были либо закрыты, либо работали не на полную мощность. А что же женщины? А у женщин был Выходной День.

ООН объявила 1975 г. Международным годом женщин, и исландки твердо решили заставить мужчин с этим считаться. Был создан комитет, куда вошли представительницы пяти крупнейших женских организаций страны. Коротко посовещавшись, женщины постановили организовать забастовку. Было решено, что 24 октября ни одна женщина не будет работать. Совсем. Ни на работе, ни дома – никакой готовки, уборки, ухода за детьми. Пускай мужчины почувствуют, каково это – обходиться без незаметного ежедневного труда женщин, благодаря которому страна живет и процветает.

В забастовке приняло участие 90 % женщин страны. На митинг на центральной площади Рейкьявика собралось 25 000 женщин (больше, чем на митинги, организованные в двух десятках других городов) – немыслимое количество для государства, все население которого тогда составляло 220 000 человек[271]. Год спустя, в 1976 г., в Исландии был принят Закон о равноправии, запрещавший дискриминацию по половому признаку в школе и на рабочем месте[272]. Пять лет спустя Вигдис Финнбогадоттир в предвыборной гонке обошла троих мужчин и стала первой в мире избранной демократическим путем женщиной – главой государства. Сегодня доля женщин в парламенте Исландии выше, чем в любой другой стране мира, причем без всяких квот[273]. В 2017 г. страна в восьмой раз стала мировым лидером в области гендерного равноправия[274], возглавив рейтинг Индекса гендерного разрыва по версии Всемирного экономического форума[275].

Журнал *The Economist* назвал Исландию страной с лучшими в мире условиями для работающих женщин[276]. Исландки, разумеется, могут этим гордиться, однако словосочетание «работающие женщины», которое использует *The Economist*, вызывает недоумение. Ведь главный результат забастовки женщин Исландии в 1975 г. состоял в том, что она показала: слово-

---

270 https://www.theguardian.com/world/2005/oct/18/gender.uk.

271 http://www.bbc.co.uk/news/magazine-34602822.

272 https://www.jafnretti.is/static/files/Gender_Equality_in_Iceland_2012.pdf.

273 http://www.smh.com.au/lifestyle/health-and-wellbeing/wellbeing/what-islife-really-like-for-women-in-iceland-the-worlds-most-womanfriendly-country-20161031-gsez8j.html.

274 Индекс гендерного разрыва по методике Всемирного экономического форума рассчитывается на основе данных об участии в экономической и политической жизни, карьерных возможностях, образовании, медицинском обслуживании и т. д. Чем ближе он к единице, тем меньше гендерный разрыв. В 2020 г. Исландия тоже заняла первое место в рейтинге гендерного равноправия. Россия оказалась на 81-м месте среди 153 стран (http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2020.pdf).

275 http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2017.pdf.

276 https://www.economist.com/blogs/graphicdetail/2016/03/daily-chart-0.

сочетание «работающая женщина» – тавтология. Все женщины – работающие, других просто не существует. Другое дело, что не за любую работу им *платят*.

Во всем мире на долю женщин приходится 75 % неоплачиваемой домашней работы[277]. Ежедневно они тратят на нее от трех до шести часов, в то время как мужчины – в среднем от получаса до двух часов[278]. От этого дисбаланса женщины страдают с самого раннего детства: девочки в возрасте до пяти лет выполняют значительно больше домашних обязанностей, чем их братья, – и по мере их взросления он только растет. Даже датские мужчины, которые тратят на неоплачиваемую работу больше времени, чем в любой другой стране, до сих пор отстают по этому показателю от норвежек, которые тратят на нее меньше времени, чем женщины всех других стран[279].

Каждый раз, когда я поднимаю вопрос об этом дисбалансе, мне задают один и тот же вопрос: «Но ведь ситуация, кажется, меняется к лучшему? Мужчины ведь выполняют все больше домашней работы?» Да, конечно, отдельные мужчины действительно берут на себя все больше работы по дому. Но ситуация в целом, на уровне всего населения планеты, совершенно иная. Оказывается, доля мужчин в общем объеме неоплачиваемой работы – показатель весьма устойчивый. Исследование, проведенное в Австралии, показало, что даже в самых обеспеченных семьях, где основную работу по дому выполняет прислуга, оставшаяся часть этой работы все равно распределяется между мужчинами и женщинами в той же пропорции, то есть большая часть нагрузки ложится на плечи женщин[280]. Рост доли женщин на рынке труда не сопровождается увеличением вклада мужчин в выполнение домашних обязанностей – просто увеличивается суммарная продолжительность рабочего дня женщин. При этом, как показывают многочисленные исследования, проведенные за последние 20 лет, женщины выполняют большую часть неоплачиваемой работы независимо от своей доли в доходах домохозяйства[281].

Даже если мужчины все-таки берут на себя больше семейных обязанностей, это не касается нудной повседневной работы по дому[282], на которую приходится основная часть нагрузки[283], – они выбирают самые приятные занятия, например, проводят время с детьми. В среднем женщины выполняют 61 % работы по дому. При этом в Индии, например, пять из шести часов, ежедневно затрачиваемых женщинами на выполнение неоплачиваемой работы, приходятся на работу по дому, в то время как мужчины тратят на нее всего 13 минут[284]. Мужчины также избегают такой сложной, утомительной, требующей эмоционального участия работы, как уход за пожилыми людьми. В Великобритании доля женщин в общей численности граждан, безвозмездно ухаживающих за страдающими деменцией родственниками, достигает 70 %[285]. И они чаще мужчин моют, одевают и сопровождают их в туалет, проявляя при этом больше терпения и сдержанности, чем представители сильного пола[286]. Женщины более чем вдвое чаще мужчин берут на себя и нелегкие обязанности, связанные с круглосуточным уходом за родственниками, страдающими слабоумием, причем их доля в общей численности уха-

---

[277] McKinsey Global Institute (2015), *The Power of Parity: how advancing women's equality can add $12 trillion to global growth*.

[278] https://ourworldindata.org/women-in-the-labor-force-determinants.

[279] Veerle, Miranda (2011), 'Cooking, Caring and Volunteering: Unpaid Work Around the World', *OECD Social, employment and migration working papers no. 116*, OECD.

[280] https://www.pwc.com.au/australia-in-transition/publications/understanding-the-unpaid-economy-mar17.pdf.

[281] Chopra, D. and Zambelli, E. (2017), 'No Time to Rest: Women's Lived xperiences of Balancing Paid Work and Unpaid Care Work', *Institute of Development Studies*.

[282] Veerle (2011).

[283] Dinh, Huong, Strazdins, Lyndall and Welsh, Jennifer (2017), 'Hour-glassceilings: Work-hour thresholds, gendered health inequities', *Social Science & Medicine* 176, 42–51.

[284] http://www.oecd.org/dev/development-gender/Unpaid_care_work.pdf.

[285] https://www.alzheimersresearchuk.org/wp-content/uploads/2015/03/Women-and-Dementia-A-Marginalised-Majority1.pdf.

[286] Там же.

живающих за такими родственниками дольше пяти лет вдвое выше доли мужчин[287]. При этом женщины, как правило, получают от общества меньше поддержки, чем мужчины, и поэтому страдают от ощущения социальной изоляции. Соответственно, они чаще мужчин оказываются на грани депрессии, которая, кстати, является одним из факторов развития деменции[288].

Мужчины, тем временем, предпочитают досуг: смотрят телевизор, занимаются спортом, играют в компьютерные игры. В США им удается отдыхать более чем на час дольше в день, чем женщинам[289], а британские мужчины, по данным Управления национальной статистики Великобритании, отдыхают в неделю на пять часов дольше, чем женщины[290]. Исследование, проведенное в Австралии, показало, что то небольшое количество свободного времени, которым располагают женщины, – это «обычно краткие перерывы в работе, причем женщины все равно не сидят сложа руки»[291].

В результате во всем мире, за очень небольшим исключением, женский рабочий день длиннее мужского. Соответствующие данные в разбивке по половому признаку есть не во всех странах, но там, где они есть, тенденция очевидна. В Южной Корее женщины работают на 34 минуты, в Португалии – на 90 минут, в Китае – на 44 минуты, в ЮАР – на 48 минут в день дольше мужчин[292]. Масштабы гендерного разрыва варьируются: по оценке Всемирного банка, в Уганде женщины в среднем работают аж по 15 часов, а мужчины – всего по девять часов в день. Но разрыв как таковой наблюдается практически везде[293].

Исследование, проведенное в США в 2010 г. и посвященное соответствующему гендерному разрыву в научной среде, показало, что женщины выполняли 54 % такой работы, как готовка, уборка и стирка, в результате чего их оплачиваемая почти 60-часовая рабочая неделя удлинялась более чем на девять часов. Доля мужчин в общем объеме домашней работы составляла 28 % и, соответственно, «довесок» к их рабочей неделе был вдвое меньше, чем у женщин[294]. При этом женщины выполняли 54 % родительских обязанностей, в то время как мужчины – 36 %. В Индии женщины тратят на домашнюю работу 66 % суммарного рабочего времени, мужчины – только 12 %. В Италии эти показатели составляют соответственно 61 % и 23 %, во Франции– 57 % и 38 %.

Дополнительная нагрузка негативно сказывается на состоянии здоровья женщин. Давно известно, что женщины (особенно моложе 55 лет) хуже переносят операции на сердце. Но только в 2016 г., когда в Канаде было проведено соответствующее исследование, стало понятно, что виной тому, в частности, бремя домашних забот, лежащее на плечах женщин, перенесших хирургическое вмешательство. «Мы увидели, что женщины после операции обычно сразу же возвращаются к работе по дому, в то время как за мужчинами в этот период обычно кто-то ухаживает», – поясняет ведущий исследователь Колин Норрис[295].

Это наблюдение в какой-то степени позволяет объяснить, почему, по данным другого исследования, проведенного в Финляндии[296], одинокие женщины лучше восстанавливаются после операций на сердце, чем замужние, – особенно учитывая результаты исследования,

[287] Там же.

[288] Там же.

[289] https://www.bls.gov/opub/ted/2015/time-spent-in-leisure-activities-in-2014-by-gender-age-and-educational-attainment.htm.

[290] https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/wellbeing/articles/menenjoyfivehoursmoreleisuretimeperweekthanwomen/2018-01-09.

[291] Dinh, Strazdins and Welsh (2017).

[292] http://www3.weforum.org/docs/GGGR16/WEF_Global_Gender_Gap_Report_2016.pdf.

[293] http://siteresources.worldbank.org/EXTSOCIALDEVELOPMENT/Resources/244362–1265299949041/6766328–1270752196897/Gender_Infrastructure2.pdf.

[294] L. Schiebinger and S. K. Gilmartin (2010), ‘Housework is an academic issue’, *Academe*, 96:39–44.

[295] https://www.newscientist.com/article/2085396-childcare-and-houseworkare-what-give-women-more-heart-problems/.

[296] Kilpi, F., Konttinen, H., Silventoinen, K., Martikainen, P. (2015) ‘Living arrangements as determinants of myocardial infarction incidence and survival: A prospective register study of over 300,000 Finnish men and women’, *Social Science & Medicine*, 133, 93–100.

выполненного Мичиганским университетом, согласно которым на заботы о муже у женщин уходит семь часов в неделю[297]. В Австралии было установлено, что одинокие мужчины и женщины тратят на работу по дому примерно одинаковое количество времени, но при проживании с партнером «количество времени, затрачиваемого на домашнюю работу женщинами, увеличивается, а мужчинами – наоборот, сокращается, причем эта тенденция наблюдается независимо от того, работают ли партнеры вне дома»[298]

•••

При обсуждении вопросов женской занятости не только *The Economist* забывает о дополнительной нагрузке в виде неоплачиваемой домашней работы. Когда такие деловые издания, как журнал *Inc*, ссылаясь на «научные данные», сообщают читателям, что «вредно работать более 40 часов в неделю»[299], а газета *The Guardian* предупреждает, что «работа может убить», если работать больше 39 часов в неделю, они, конечно же, не имеют в виду женщин, потому что для женщин не существует слова «если»[300]. Женщины работают намного больше. Изо дня в день. И работа *действительно* их убивает.

Все начинается со стресса. В 2017 г. Управление по вопросам здравоохранения, техники безопасности и охраны труда Великобритании опубликовало доклад о стрессе на работе, в котором указывалось, что женщины всех возрастных категорий чаще мужчин страдают от стресса, тревоги и депрессии, связанных с трудовой деятельностью[301]. В целом они подвергаются этим состояниям на 53 % чаще мужчин, но разница особенно заметна в возрастном интервале от 35 до 44 лет: на 100 000 занятых приходится 1270 мужчин и почти вдвое больше (2250) женщин, страдающих от стресса.

Управление по вопросам здравоохранения, техники безопасности и охраны труда Великобритании (HSE) считает, что этот дисбаланс обусловлен спецификой отраслей, в которых заняты женщины (стрессу чаще всего подвержены государственные служащие, а также работники сфер образования, здравоохранения и социального обеспечения), и «различиями в отношении к работе и соответствующими установками мужчин и женщин». Вполне возможно, что это действительно одна из причин, но, как бы то ни было, гендерный разрыв, по данным HSE, весьма значителен.

Международная организация труда (МОТ) еще в 1930 г. постановила, что никто не должен работать больше 48 часов в неделю[302], имея в виду только оплачиваемую работу[303]. Считается, что более продолжительная рабочая неделя чревата ростом затрат на здравоохранение. Но в настоящее время все больше исследователей склоняется к тому, что на самом деле ситуация несколько сложнее.

Анализ статистики по британским госслужащим за период с 1997 г. по 2004 г., проведенный в 2011 г., показал, что у женщин, работавших 55 часов в неделю, существенно повышалась вероятность развития депрессии и тревожности, хотя у мужчин такую зависимость статистика

[297] http://www.independent.co.uk/life-style/husbands-create-extra-sevenhours-of-housework-a-week-a6885951.html.

[298] https://theconversation.com/census-2016-women-are-still-disadvantagedby-the-amount-of-unpaid-housework-they-do-76008.

[299] https://www.inc.com/tom-popomaronis/science-says-you-shouldnt-work-more-than-this-number-of-hours-a-day.html?cid=cp01002wired.

[300] https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2018/jan/15/is-28-hours-ideal-working-week-for-healthy-life.

[301] https://www.hse.gov.uk/statistics/causdis/stress.pdf.

[302] Конвенция № 1 МОТ об ограничении рабочего времени на промышленных предприятиях до восьми часов в день и сорока восьми часов в неделю была принята в 1919 г. и вступила в силу в 1921 г. В 1935 г. была принята Конвенция № 47 МОТ «О сокращении рабочего времени до сорока часов в неделю».

[303] http://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C030.

в целом не подтверждала[304]. Даже работа от 41 до 55 часов в неделю, судя по всему, разрушительно сказывается на психике женщин. Это согласуется и с выводами канадского исследования 1999 г.[305], и с результатами анализа данных за шесть лет, представленными в австралийском исследовании 2017 г.[306] Household Income Labour Dynamics of Australia Survey («Анализ динамики трудовых доходов домохозяйств в Австралии»). Эти материалы подтверждают, что даже менее значительные по сравнению с мужчинами перегрузки разрушительно сказываются на психике женщин.

И не только на психике. Исследования, проведенные в Швеции, показали, что даже незначительные перегрузки повышают число случаев госпитализации и уровень смертности женщин, в то время как на здоровье мужчин они сказываются благотворно[307]. Материал, опубликованный в 2016 г. в США и посвященный влиянию продолжительной работы на состояние здоровья населения по наблюдениям за 32 года, подтверждает этот гендерный дисбаланс[308]. Незначительные перегрузки (работа от 41 до 50 часов в неделю) «способствуют снижению риска развития сердечно-сосудистых и легочных заболеваний, а также депрессии у мужчин». У женщин, напротив, они вызывают устойчивый и «угрожающий» рост случаев смертельно опасных заболеваний, включая сердечно-сосудистые и онкологические. Риск развития таких заболеваний у женщин начинал повышаться, если они работали более 40 часов в неделю. У женщин, более 30 лет работавших в среднем по 60 часов в неделю, риск развития какого-либо из этих заболеваний утраивался.

Что это значит? Может быть, все дело в том, что женщины – действительно слабый пол?

Не совсем так. На самом деле, как показало исследование, проведенное в Австралии, хотя в целом мужчины способны работать без ущерба для психики гораздо дольше, чем женщины, существует категория занятых, в которой гендерный разрыв не столь заметен. Это так называемые свободные работники, то есть работники, не обремененные или почти не обремененные семейными и прочими обязанностями, не связанными непосредственно с работой. Продолжительность рабочей недели свободных работников (и мужчин, и женщин) намного ближе к 48 часам, предусмотренным МОТ. Проблема в том, что женщины по определению обременены грузом домашних забот. Просто этого груза никто не замечает.

В 2017 г. на церемонии вручения премии «Золотой глобус» Райан Гослинг поблагодарил свою партнершу Еву Мендес за неоплачиваемую работу, признав, что без нее он не стоял бы сейчас на сцене, принимая награду. Поведение актера было нетипично для мужчин[309], которым, как правило, свойственна черная неблагодарность. Примером может служить некий представитель сильного пола, о котором в 2018 г. написал Хедли Фримен в своей колонке в *The Guardian*. Когда подруга Фримена попросила босса дать ей выходной в пятницу, тот заявил: «У меня тоже есть дети, но я работаю полный рабочий день». «Да, но вашей супруге пришлось ради этого бросить работу и посвятить себя детям», – парировала подруга журналиста[310].

Босс подруги Фримена просто не замечал (или не хотел замечать) неоплачиваемую работу, которая кипела вокруг него дома. Безвозмездный труд супруги позволял ему, имея двоих детей, спокойно работать на оплачиваемой работе на условиях полной занятости. Ему

---

304 Virtanen, M., Ferrie, J. E., Singh-Manoux, A. et al. (2011), ‘Long working hours and symptoms of anxiety and depression: a 5-year follow-up of the Whitehall II study’, *Psychological Medicine*, 41:12, 2485–94.

305 Shields, M. (1999) ‘Long working hours and health’, *Health Reports*, 11:2, 33–48.

306 Dinh, Strazdins and Welsh (2017).

307 Dembe, Allard E. and Yao, Xiaoxi (2016), ‘Chronic Disease Risks From Exposure to Long-Hour Work Schedules Over a 32-Year Period’, *MPH Journal of Occupational & Environmental Medicine*, 58:9, 861–7.

308 Там же.

309 https://www.usatoday.com/story/life/entertainthis/2017/01/08/ryangosling-golden-globes-acceptance-speech-eva-mendes/96330942/.

310 https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2018/mar/03/spot-working-mother-happy-busy-caretaker.

не приходило в голову, что ему, в отличие от его подчиненной, не нужен выходной в пятницу не благодаря его трудолюбию, а благодаря тому, что у него, в отличие от нее, была жена, целый день работавшая по дому.

Разумеется, у большинства боссов-мужчин, состоящих в гетеросексуальном партнерстве, нет жен, полностью посвятивших себя заботам о семье, потому что женщины чаще всего не могут себе позволить не работать за зарплату. Они выходят из положения, сочетая домашнюю работу с работой на условиях неполной занятости. В Великобритании так работают 42 % женщин и 11 % мужчин, причем доля женщин в общем количестве работающих на условиях неполной занятости составляет 75 %[311]. Но такая работа хуже оплачивается, хотя бы потому, что совместителям и работающим по гибкому графику редко предлагают ответственные должности. Иными словами, ради гибкого графика женщины соглашаются работать на должностях, не соответствующих их квалификации[312], и, соответственно, получают меньше, чем заслуживают[313].

В Шотландии в 2016 г. разрыв в почасовой оплате труда мужчин и женщин в среднем составлял 15 %, но за этим усредненным показателем крылся существенный разрыв, связанный с разной оплатой труда на условиях частичной и полной занятости[314]. Для работающих на условиях полной занятости гендерный разрыв в почасовой оплате был ниже – 11 %, но разница между почасовой оплатой труда мужчин, работавших на условиях полной занятости, и женщин, работавших по сокращенному графику, достигала 32 %. В Великобритании в 2017 г. медианная почасовая оплата работающих на условиях полной занятости составляла £14[315], а работающих на условиях неполной занятости – £9,12[316].

Некоторые считают вытеснение женщин на низкооплачиваемую работу следствием их личного выбора. Но говорить о возможности выбора в данном случае просто смешно, потому что выбора у женщин нет, – разумеется, если они не хотят, чтобы дети оставались без присмотра, а домашняя работа не делалась. В результате, как показывают данные переписей населения в США за 50 лет[317], как только в какой-либо отрасли начинает работать большое количество женщин, зарплата в ней падает, а сама отрасль становится менее престижной[318]. Работать в непрестижной и низкооплачиваемой отрасли соглашаются в основном женщины, и круг замыкается.

«Личный выбор», который на самом деле таковым не является, негативно сказывается на материальном положении женщин. Недавнее исследование Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) показало: чем больше разрыв между затратами труда женщин и мужчин на выполнение неоплачиваемой работы, тем больше гендерный разрыв в почасовой оплате труда[319]. В Великобритании доля женщин в общем количестве граждан с доходом ниже прожиточного минимума составляет 61 %[320]. При этом, по данным Института финансовых исследований, по прошествии 12 лет после рождения ребенка гендерный разрыв в оплате труда увеличивается до 33 %, в то время как возможности карьерного роста (и, соответственно,

311 https://www.fawcettsociety.org.uk/Handlers/Download.ashx?IDMF=ac5c417a-4714-4b9f-b3bf-83c466256db1.

312 Fawcett Society (2018), *Sex Discrimination Law Review*.

313 https://www.fawcettsociety.org.uk/Handlers/Download.ashx?IDMF=ac5c417a-4714-4b9f-b3bf-83c466256db1.

314 https://www.closethegap.org.uk/content/gap-statistics/.

315 https://www.ons.gov.uk/employmentandlabourmarket/peopleinwork/earningsandworkinghours/bulletins/annualsurveyofhoursandearnings/2017provisionaland2016revisedresults.

316 https://www.statista.com/statistics/280691/median-hourly-earnings-forpart-time-employees-in-the-uk-since-2006/.

317 Levanon, Asaf, England, Paula and Allison, Paul (2009) ‘Occupational Feminization and Pay: Assessing Causal Dynamics Using 1950–2000 U.S. Census Data’, *Social Forces*, 88:2, 865–891.

318 Pan, Jessica (2015), ‘Gender Segregation in Occupations: The Role of Tipping and Social Interactions’, *Journal of Labor Economics*, 33:2, 365–408.

319 https://www.oecd.org/dev/development-gender/Unpaid_care_work.pdf.

320 Fawcett Society (2018), *Sex Discrimination Law Review*.

получения более высокой зарплаты) остаются на прежнем уровне[321]. В США разница в оплате труда женщин и мужчин, имеющих детей, втрое выше разницы в оплате труда бездетных мужчин и женщин[322].

С возрастом разрыв в оплате труда только увеличивается. В Германии женщина должна быть готова к тому, что, если она родит одного ребенка, к 45 годам она заработает на $285 000 меньше бездетной женщины, работающей на условиях полной занятости без перерыва, связанного с беременностью и родами[323]. Данные по Франции, Германии, Швеции и Турции показывают, что даже с учетом социальных выплат, практикуемых в ряде стран как благодарность женщинам за их вклад в экономику в виде неоплачиваемой работы, за всю жизнь женщины все равно зарабатывают на 31-75 % меньше мужчин[324].

В результате в пожилом возрасте женщины рискуют оказаться в нищете, отчасти потому, что они просто не имеют возможности что-то отложить на старость, но прежде всего потому, что государственные пенсионные планы не учитывают отставание пожизненного дохода женщин от дохода мужчин. Проблема не в нехватке данных – их, в общем, достаточно. Проблема в другом – какой смысл собирать данные, если государство их не использует? А оно этого не делает.

В последние два десятилетия (главным образом по рекомендации международных финансовых институтов, таких как Всемирный банк) во всем мире наблюдался переход от страховых пенсионных систем к системам индивидуальных пенсионных счетов (обычно управляемых частными фондами)[325]. В рамках таких систем размеры пенсий напрямую зависят от пенсионных взносов работника и количества лет, в течение которых он рассчитывает получать пенсию. При этом из-за перерывов в трудовом стаже, связанных с неоплачиваемой работой по уходу за семьей, досрочного выхода на пенсию (который в некоторых странах и для некоторых профессий все еще установлен на законодательном уровне) и более высокой по сравнению с мужчинами продолжительности жизни женщины часто оказываются в невыгодном положении.

Другие пенсионные новшества заведомо ставят мужчин в привилегированное положение. Это относится и к недавно установленным в Австралии налоговым льготам для пенсионных фондов (мужчины чаще женщин открывают пенсионные счета[326]), и к вводимому в Великобритании автоматическому зачислению пенсионных взносов[327]. Все эти нововведения грешат общей системной ошибкой: они не учитывают времени, в течение которого женщины занимаются неоплачиваемой домашней работой и, следовательно, не получают зарплаты, «лишаясь возможности платить пенсионные взносы, определяющие размер будущих пенсий»[328]. У британской пенсионной системы есть и более серьезный недостаток: она не учитывает, что женщины чаще мужчин трудятся на условиях неполной занятости и по совместительству, сочетая оплачиваемую работу с неоплачиваемой[329]. Право на автоматическое зачисление пенсионных взносов имеют только работники, зарабатывающие у одного работодателя как минимум £10 000 в год. Хотя трудовой доход многих женщин достигает этой пороговой величины, они часто

---

321 Там же.

322 https://newlaborforum.cuny.edu/2017/03/03/recognize-reduce-redistribute-unpaid-care-work-how-to-close-the-gender-gap/.

323 http://progress.unwomen.org/en/2015/pdf/UNW_progressreport.pdf.

324 Там же.

325 Там же.

326 https://www.unisa.edu.au/Global/EASS/HRI/Austen,%20Sharp%20and%20Hodgson%202015.pdf.

327 В Великобритании в соответствии с Законом о пенсиях, принятым в 2008 г. (Pensions Act 2008), начиная с 2012 г. вводится так называемое автоматическое зачисление работодателем пенсионных взносов работника на его пенсионный счет (automatic enrolment pension). При этом часть взноса платит сам работник, а часть – работодатель. Право на участие в этой схеме получают работники, чья годовая зарплата, получаемая от одного работодателя, составляет не менее £10 000.

328 https://www.fawcettsociety.org.uk/Handlers/Download.ashx?IDMF=ac5c417a-4714-4b9f-b3bf-83c466256db1.

329 http://www.bbc.co.uk/news/business-39040132.

получают его от нескольких работодателей, что лишает их права на автоматическое зачисление пенсионных взносов. В результате «32 %, или 2,7 млн работающих женщин, не зарабатывают у одного работодателя достаточно, чтобы получить право на автоматическое зачисление пенсионных взносов; для мужчин этот показатель составляет 14 %»[330].

Противоположный пример демонстрируют Бразилия, Боливия и Ботсвана. Эти страны ближе других подошли к гендерному равенству в пенсионном обеспечении. Гендерный разрыв в этой области минимален «благодаря внедрению широкодоступных пенсионных систем, не требующих уплаты работниками пенсионных взносов»[331]. В Боливии женщинам начисляются годовые пенсионные пособия за каждого ребенка (но не более чем за троих детей). Дополнительное преимущество такой системы (ко всему прочему, в долгосрочной перспективе способствующей решению проблемы женской нищеты) заключается в том, что пенсионные пособия лицам, осуществляющим основной уход за ребенком, как оказалось, стимулируют мужчин больше заниматься детьми[332]. В связи с этим возникает вопрос: женщинам не платят за работу по дому потому, что ее не замечают, или эту работу не замечают потому, что за нее не платят?

●●●

Наряду с устранением проблемы «мужского перекоса» в пенсионном обеспечении, государство обязано решать проблему бедности женщин преклонного возраста с помощью мер, дающих женщинам возможность оставаться на оплачиваемой работе. Прежде всего речь идет об адекватной оплате отпусков по беременности и родам (хотя, разумеется, это не единственная необходимая мера).

В странах ЕС, где работающим родителям оказывают всестороннюю поддержку, самые высокие показатели женской занятости[333]. Многочисленные исследования, проводимые в различных странах, говорят о том, что отпуска по беременности и родам положительно влияют на вовлеченность женщин в рынок труда[334]. Это влияние сказывается не только на общей численности работающих женщин, но и на количестве их рабочих часов и уровне зарплаты. Как показывают результаты исследований, отпуска по беременности и родам особенно важны для женщин с низким доходом[335].

Здесь, однако, следует сделать одну оговорку. Эффективность отпусков по беременности и родам в разных странах разная. Главное – это продолжительность отпуска и уровень его оплаты. При слишком коротких отпусках существует риск, что женщина либо вообще оставит работу[336], либо уйдет на неполную занятость[337]. Когда в Google заметили, что женщины, только что родившие ребенка, увольняются в два раза чаще других категорий работников, компания увеличила продолжительность отпуска по беременности и родам с трех месяцев с частичным

---

[330] https://www.fawcettsociety.org.uk/Handlers/Download.ashx?IDMF=ac5c417a-4714-4b9f-b3bf-83c466256db1.

[331] http://progress.unwomen.org/en/2015/pdf/UNW_progressreport.pdf.

[332] https://newlaborforum.cuny.edu/2017/03/03/recognize-reduce-redistribute-unpaid-care-work-how-to-close-the-gender-gap/.

[333] http://progress.unwomen.org/en/2015/pdf/UNW_progressreport.pdf.

[334] Kalb, Guyonne (2018), 'Paid Parental Leave and Female Labour Supply: A Review', *Economic Record*, 94:304, 80–100; Strang, Lucy and Broeks, Miriam (2016), 'Maternity leave policies: Trade-offs between labour market demands and health benefits for children', European Union; https://pdfs.semanticscholar.org/2986/57527b590e3fc6184423888cf5b327e8947e.pdf?_ga=2.88256156.660398999.1594238629-2003775347.1594238629(2014).

[335] Rossin-Slater, Maya, Ruhm, Christopher J. and Waldfogel, Jane (2011), 'The Effects of California's Paid Family Leave Program on Mothers' Leave-Taking and Subsequent Labor Market Outcomes', *NBER Working Paper No. 17715*; Kalb (2018).

[336] Kalb (2018).

[337] Strang and Broeks (2016).

сохранением содержания до пяти месяцев с полным сохранением содержания. Текучесть «женских» кадров мгновенно снизилась на 50 %[338].

За исключением США, во всех экономически развитых странах государство гарантирует работающим женщинам оплачиваемые отпуска по беременности и родам[339], не балуя их, однако, ни его длительностью, ни размерами пособий, ни, разумеется, тем и другим одновременно. Исследование, недавно проведенное в Австралии, показало, что оптимальная длительность оплачиваемого отпуска по беременности и родам, обеспечивающая непрерывное присутствие женщины на рынке труда, – от семи месяцев до года[340]. Но столь долгие (и при этом хорошо оплачиваемые) отпуска женщинам не предоставляются ни в одной стране мира.

Так, в 12 странах ОЭСР женщинам предоставляется отпуск с полным сохранением содержания, но ни в одной из них его продолжительность не превышает 20 недель, а в среднем составляет 15 недель. В Португалии, например, женщинам предоставляется полностью оплачиваемый отпуск, но всего на шесть недель. В Австралии, напротив, отпуск длится 18 недель, но женщинам выплачивают только 42 % зарплаты. В Ирландии эти показатели составляют соответственно 26 недель и 34 %. Таким образом, в этих странах часть отпуска фактически не оплачивается полностью.

Британские политики (особенно накануне референдума о выходе из ЕС) много кричали о том, что в Великобритании женщинам предоставляются более «щедрые» отпуска, чем в других странах ЕС, где в соответствии с Директивой ЕС о беременных работающих женщинах 1992 г.[341] его продолжительность должна составлять не менее 14 недель[342]. Формально это так, но это отнюдь не значит, что британские женщины выигрывают по сравнению со своими европейскими сестрами. Средняя продолжительность оплачиваемого отпуска по беременности и родам в ЕС составляет 22 недели[343]. Но в разных странах цифры существенно разнятся – как по оплате, так и по длительности отпуска. В Хорватии, например, женщинам предоставляется 36 недель с полным сохранением содержания. Сравните эти данные с цифрами по Великобритании – 39 недель при выплате в среднем 30 % зарплаты. На самом деле, как показывают результаты исследования 2017 г., по продолжительности полностью оплачиваемого отпуска (1,4 месяца) Великобритания занимает лишь 22-е место среди 24 стран ЕС.

После выхода Великобритании из ЕС британки, видимо, окажутся в еще менее выгодном положении по сравнению с гражданками европейских стран. Дело в том, что еще в 2008 г. в ЕС собирались продлить отпуск по беременности и родам с полным сохранением содержания до 20 недель[344]. Но этот шаг год за годом откладывали, а в 2015 г. о нем окончательно забыли, – в значительной степени из-за позиции Великобритании и британского бизнес-лобби, активно выступавшего против этой меры[345]. Без Великобритании женщины ЕС смогут без помех добиться более продолжительного оплачиваемого отпуска. Кстати, еще в 2012 г. Мартин Калланан, в 2017 г. ставший помощником министра по выходу из ЕС, выступая перед Европарламентом, назвал Директиву ЕС о беременных работающих женщинах 1992 г. одним из «препятствий для настоящих тружеников», которое «следует устранить»[346].

---

338 https://www.nytimes.com/2012/08/23/technology/in-googles-inner-circle-a-falling-number-of-women.html.

339 https://www.oecd.org/els/soc/PF2_1_Parental_leave_systems.pdf.

340 Kalb (2018).

341 Директива 92/85/ЕЭС Совета ЕС от 19 октября 1992 г. о введении мер по улучшению безопасности и здоровья беременных работниц, недавно родивших или кормящих работниц.

342 https://maternityaction.org.uk/2017/03/the-truth-is-that-uk-maternity-pay-is-amongst-the-lowest-in-europe/.

343 https://www.oecd.org/els/soc/PF2_1_Parental_leave_systems.pdf.

344 https://www.chathamhouse.org/publications/twt/brexit-isn-t-just-blokes.

345 http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2016/593543/EPRS_ATA(2016)593543_EN.pdf.

346 https://politicalscrapbook.net/2017/10/mays-new-brexit-minister-wants-to-ditch-eu-laws-protecting-pregnant-women-and-vulnerable-workers/.

Некоторым британкам декретный отпуск вообще не предоставляется, поскольку вышеуказанная Директива ЕС не относится к женщинам, профессионально занимающимся политикой. Женщины – члены парламента, с одной стороны, имеют право на отпуск по беременности и родам, но, с другой стороны, не имеют права голосовать, не присутствуя на голосовании лично. Технически во время декретного отпуска они могут использовать политический «пейринг» (договоренность между двумя политиками, принадлежащими к конкурирующим партиям и намеревающимися голосовать противоположным образом, о неучастии в голосовании). Однако в июле 2018 г. мы увидели, к чему это может привести: депутат от партии консерваторов Брэндон Льюис, заключив такую договоренность с лидером либеральных демократов Джо Свинсоном, таинственным образом «забыл о ней, и при принятии решения по Брекзиту прошло предложение правительства, хотя и с крайне незначительным перевесом – всего в два голоса».

Как бы трудно ни приходилось депутатам парламента, представителям местных органов власти приходится еще труднее. Согласно статье 85 Закона о местном самоуправлении 1972 г. (Local Government Act 1972), «член местного совета, в течение полугода не присутствующий на заседаниях совета без причины, официально признанной уважительной, отстраняется от должности». Казалось бы, отпуск по беременности и родам – вполне уважительная причина, однако из доклада, подготовленного по заказу женской благотворительной организации Fawcett Society[347], следует, что в Англии только в 12 местных советах (4 % их общего количества) женщинам – членам советов официально предоставляется отпуск по беременности и родам. В отдельных местных советах отпуск дают неофициально, а в 75 % – не дают вообще[348]. Таким образом, по милости политиков, забывающих о том, что половина населения планеты может рожать и рожает, женщины лишаются работы.

В 2015 г. член местного совета Ньюэма Шарлин Маклин из-за преждевременных родов несколько месяцев пролежала в больнице. Она постоянно была на связи с советом, и ее проинформировали, что у нее, как и у других граждан страны, есть трудовые права. Однако, выйдя на работу, Шарлин узнала, что теперь ей придется вновь выдвигать свою кандидатуру на выборах, потому что она полгода отсутствовала на работе. Даже после этого дикого случая совет Ньюэма не изменил своих правил исходя из особенностей женского организма. Вместо этого было принято решение в дальнейшем информировать будущих матерей о том, что у них фактически нет трудовых прав[349]. А Бригитте Джонс, члену городского совета Бирмингема, было сказано, что, если она забеременеет, ей придется оставить должность члена комитета по делам детей.

Американкам приходится еще хуже, поскольку США – одна из тех четырех стран мира, в которых государство вообще не предоставляет женщинам оплачиваемых отпусков по беременности и родам[350]. Федеральный Акт о семейном и медицинском отпуске (Federal and Medical Leave Act 1993) гарантирует только неоплачиваемый отпуск продолжительностью 12 недель, да и то не всем женщинам, а только тем, кто, помимо прочих условий, не менее года проработал в компании с персоналом не менее 50 человек[351]. В результате даже *неоплачиваемый* отпуск предоставляется только 60 % работающих женщин[352]. Причем американок, входящих в оставшиеся 40 %, за «прогулы» в связи с родами могут просто уволить. К тому же, разуме-

---

347 Fawcett Society – крупнейшая по количеству членов британская благотворительная организация, борющаяся за права женщин на работе, в семье и публичном пространстве; фактически существует с 1866 г., когда Миллисент Фоссет начала собирать подписи под петицией о предоставлении женщинам избирательных прав.

348 https://www.fawcettsociety.org.uk/Handlers/Download.ashx?IDMF=0de4f7f0-d1a0-4e63-94c7-5e69081caa5f.

349 https://www.standard.co.uk/news/politics/councillor-dumped-fromauthority-over-time-off-after-giving-birth-prematurely-10122410.html.

350 https://www.weforum.org/agenda/2016/08/these-10-countries-have-the-best-parental-leave-policies-in-the-world.

351 https://www.businessinsider.com/maternity-leave-worldwide-2017-8.

352 https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/06/es_20170606_paidfamilyleave.pdf.

ется, количество женщин, которые *могут себе позволить* взять неоплачиваемый отпуск, и того меньше – каждая четвертая американская молодая мать возвращается на работу уже через две недели после родов.

Правда, некоторые штаты и отрасли стараются компенсировать несправедливость федерального закона. В январе 2016 г. президент Барак Обама осчастливил федеральных госслужащих, подарив им шесть недель оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком[353], а в четырех штатах (Калифорнии, Род-Айленде, Нью-Йорке и Нью-Джерси, а также в Вашингтоне, округ Колумбия) женщинам сегодня предоставляется оплачиваемый отпуск по семейным обстоятельствам, финансируемый через систему социального страхования наемных работников[354]. Отдельные компании добровольно предоставляют отпуск по беременности и родам счастливицам, которым повезло в них работать. Но, хотя это отчасти смягчает ситуацию, около 85 % американок все равно остаются без оплачиваемого отпуска[355].

Попытки решить проблему на законодательном уровне предпринимались не раз, но безуспешно. Так, в 2018 г. президент Дональд Трамп вместо предоставления послеродового отпуска предложил в течение шести недель платить молодым мамам пособия по безработице из федерального бюджета[356]. Предложение отклонили, но, если бы оно и прошло, продолжительность отпуска и размер оплаты все равно были бы явно недостаточны для того, чтобы увеличить долю женщин на рынке труда. А ведь США позарез нуждаются в этом, поскольку, в отличие от других экономически развитых стран, этот показатель здесь фактически падает. Исследование 2013 г. показало, что примерно треть уволившихся женщин оставила работу из-за отсутствия адекватной политики в области поддержки семьи и материнства[357].

Поэтому администрация США продолжает решать эту кажущуюся неразрешимой проблему. Последняя попытка, однако, лишь вновь подтвердила: политика, не учитывающая гендерные проблемы, ведет к непреднамеренной дискриминации женщин[358]. Как я писала в 2018 г., республиканцы в Конгрессе носятся с идеей выдавать пособия родителям во время отпуска по беременности и родам за счет пенсионных накоплений, отсрочивая выход на пенсию, чтобы покрыть затраты. Нетрудно понять, почему эта идея столь привлекательна: она не требует расходов – по крайней мере, на государственном уровне. Но вот женщинам она обходится недешево. Из-за гендерного разрыва в оплате труда и перерывов в работе, связанных с уходом за детьми, женские пенсии ниже мужских, а предлагаемая мера только усугубит ситуацию[359]. К тому же, учитывая, что женщины живут дольше мужчин, а в пожилом возрасте здоровье становится все слабее, их пенсии, напротив, должны быть выше, а не ниже, чем у мужчин[360]. Таким образом, данная мера лишь ухудшает материальное положение женщин в старости.

Примером негативных последствий политики в области предоставления отпусков по беременности и родам, не учитывающей гендерных проблем и ведущей к дискриминации женщин, может служить ситуация в американских университетах. Для получения постоянной должности (подписания бессрочного контракта) научный работник или преподаватель

---

[353] https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-11-09/malaysia-s-giving-working-moms-a-better-maternity-deal-than-u-s.

[354] http://prospect.org/article/beware-paid-family-leave-fig-leaf-gop-tax-plan.

[355] https://www.bls.gov/ncs/ebs/benefits/2017/ebbl0061.pdf.

[356] https://www.independent.co.uk/news/world/americas/paid-maternity-leaveus-worst-countres-world-donald-trump-family-leave-plan-women-republican-social-a7606036.html.

[357] Blau, Francine D. and Kahn, Lawrence M. (2013), 'Female Labor Supply: Why is the US Falling Behind?', *The American Economic Review,* 103:3, 251–256.

[358] https://www.nytimes.com/2018/02/20/upshot/why-a-republican-plan-for-paid-leave-has-stirred-concern-about-social-security.html.

[359] https://crr.bc.edu/working-papers/how-much-does-motherhood-cost-women-in-social-security-benefits/.

[360] См. главу 10.

должен успешно проработать семь лет, иначе его могут уволить[361]. Эта система ущемляет права женщин – особенно тех, которые хотят иметь детей, – в том числе потому, что период между получением степени доктора наук и подписанием бессрочного контракта обычно приходится на возраст между 30 до 40 годами, когда женщины чаще всего планируют родить ребенка[362]. Результат? Вероятность получения пожизненной должности замужней дамой, имеющей маленьких детей, на 35 % ниже вероятности получения такой должности женатым мужчиной, имеющим маленьких детей[363]. Неудивительно, что в общей численности работающих по пожизненному контракту доля женатых мужчин, имеющих детей, составляет 70 %, а замужних женщин, имеющих детей, – только 44 %[364].

Университеты почти не пытаются решить проблему, а если и пытаются, то принимаемые ими меры только усугубляют ситуацию, поскольку не учитывают гендерные факторы[365]. В 1990-е и в начале 2000-х гг. в ряде американских университетов были введены правила, якобы нацеленные на поддержку семьи: при рождении каждого ребенка «испытательный срок» родителям продлевался на год. Но дело в том, что этот год был нужен вовсе не гендерно нейтральным «родителям», а прежде всего женщинам. Как ехидно заметила Элисон Дэвис-Блейк из Мичиганского университета в своей статье в *The New York Times*, «рождение ребенка – не гендерно нейтральное событие»[366]. У женщин этот дополнительный год проходит в бесконечной беготне в туалет и возне с подгузниками и молокоотсосом, а у мужчин – в трудах на ниве науки. Поэтому эта мера облегчает жизнь не обоим родителям, а только мужчинам, причем за счет женщин: анализ численности старших преподавателей, получивших постоянную должность на топ-50 экономических факультетах американских университетов в 1985-2004 г. показывает, что шансы женщин на получение такой должности в итоге снизились на 22 %, а шансы мужчин возросли на 19 %[367].

Эти цифры были представлены в рабочем документе, и, видимо, полностью полагаться на них нельзя[368]. Тем не менее с учетом данных о неравноправии матерей и отцов в плане получения постоянной должности и о неравномерном распределении между родителями нагрузки, связанной с уходом за детьми (и, естественно, беременностью, родами и кормлением грудью), предоставление дополнительного года обоим родителям вне зависимости от их участия в уходе за ребенком представляется бессмысленным. Тем не менее сегодняшняя практика именно такова.

Это не значит, что отцам не следует предоставлять отпуск по уходу за ребенком. Предоставлять его нужно. Это вопрос не только справедливости (отцы, как и матери, должны иметь право заботиться о детях). Данные, которыми мы располагаем, говорят о том, что предоставление отцам надлежащим образом оплачиваемых отпусков по уходу за ребенком положительно сказывается на женской занятости. В Швеции к 2016 г. работало почти 80 % женщин – самый высокий показатель женской занятости в ЕС[369]. В этой стране отцам предоставляется один из

---

[361] Речь идет о системе продвижения к пожизненной должности и подписанию бессрочного контракта с университетом (tenure track system), гарантирующего от увольнения и обеспечивающего академические свободы. Для получения пожизненной должности профессора необходимо пройти путь от старшего преподавателя до адъюнкт-профессора, опубликовать достаточное количество научных работ и накопить опыт преподавательской работы. Младшие преподаватели обычно работают по временным контрактам.

[362] http://www.slate.com/blogs/xx_factor/2017/05/17/cdc_data_says_women_in_their_thirties_are_having_more_babies_than_women.html.

[363] https://www.theatlantic.com/sexes/archive/2013/07/for-female-scientiststheres-no-good-time-to-have-children/278165/.

[364] http://www.slate.com/articles/double_x/doublex/2013/06/female_academics_pay_a_heavy_baby_penalty.html.

[365] http://www.slate.com/articles/double_x/doublex/2013/06/female_academics_pay_a_heavy_baby_penalty.html.

[366] https://www.nytimes.com/2016/06/26/business/tenure-extension-policies-that-put-women-at-a-disadvantage.html.

[367] https://www.nytimes.com/2016/06/26/business/tenure-extension-policies-that-put-women-at-a-disadvantage.html.

[368] https://thehardestscience.com/2016/06/28/dont-change-your-family-friendly-tenure-extension-policy-just-yet/.

[369] http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/images/3/39/Employment_rate_by_sex%2C_age_group_20–64%2C_1993–

самых продолжительных в мире отпуск по уходу за ребенком – девять из десяти отцов получают в среднем по три-четыре месяца отпуска[370]. Для сравнения, в странах ОЭСР в среднем лишь каждый пятый отец получает какой-либо отпуск по уходу за ребенком, а в Австралии, Чешской Республике и Польше этот показатель еще ниже – там отпуск получает только каждый пятнадцатый отец[371].

Эта разница не должна удивлять: политика Швеции в области предоставления отцам отпусков по уходу за ребенком – одна из самых «щедрых» (и в момент ее введения – самых прогрессивных) в мире. С 1995 г. отцы не просто могут, но обязаны брать месяц отпуска (при сохранении 90 % зарплаты). Этот месяц не может быть передан матери: использовать его должен именно отец, иначе оплата вычитается из общей суммы выплат супружеской паре. В 2002 г. продолжительность закрепленного за отцами отпуска была увеличена до двух, а в 2016 г. – до трех месяцев[372].

Хотя предоставлять отпуск по уходу за ребенком отцам в Швеции начали еще в 1974 г., до введения правила «бери или плати» его брали только около 6 % мужчин. Иными словами, отцы не брали полагающийся им отпуск до тех пор, пока их не принудило к этому государство. Такая же закономерность наблюдалась и в Исландии, где благодаря «отцовской квоте» отпуск стали брать вдвое больше отцов, и в Южной Корее, где после принятия в 2007 г. аналогичных мер количество мужчин, берущих отпуск, выросло более чем втрое[373]. А вот правительство Великобритании лишний раз доказало, что пренебрежение положительным зарубежным опытом ни к чему хорошему не приводит. В 2015 г. в стране начали предоставлять отпуск обоим родителям, но без выплаты отцовского пособия. Как и следовало ожидать, результат оказался «практически нулевым» – в течение года после нововведения доля мужчин, заявивших о желании взять такой отпуск, составила лишь 1 %[374].

Введение «отцовской квоты» не привело к заметным успехам и в Японии, в немалой степени из-за правил ее предоставления, не учитывающих ни гендерного разрыва в оплате труда, ни особенностей женского организма. Хотя отцы получили право на два месяца отпуска из 14, предоставляемых обоим родителям, после первых шести месяцев отпуска оплата снижается с двух третей до половины зарплаты. Учитывая, что женщинам необходимо восстановиться после беременности и родов, а также, возможно, после кормления грудью, они чаще берут отпуск первыми, оставляя главным кормильцам (японцы зарабатывают в среднем на 27 % больше японок) хуже всего оплачиваемые месяцы[375]. Неудивительно, что только 2 % японцев берет полагающийся им отцовский отпуск[376]. Весьма вероятно, что здесь играют роль и особенности японской культуры труда. В этой стране поощряется работа на износ, там не принято отдыхать даже в выходные; японские отцы жалуются на то, что просьба предоставить отпуск вызывает нарекания начальства и может повлечь за собой неприятности.

Однако отступать нельзя, потому что положительные результаты законодательного закрепления равной ответственности родителей за уход за ребенком (которого, как ни крути, производят на свет два человека) оказываются долгоиграющими. Как правило, мужчины, берущие отпуск по уходу за ребенком, больше занимаются детьми и в дальнейшем[377]. Видимо, именно этим во многом объясняется тот факт, что, согласно исследованию, проведенному в

2016_%28%25%29_png.

[370] https://qz.com/266841/economic-case-for-paternity-leave/.

[371] https://www.oecd.org/policy-briefs/parental-leave-where-are-the-fathers.pdf.

[372] https://www.theguardian.com/world/2015/may/28/swedish-fathers-paid-paternity-parental-leave.

[373] https://www.oecd.org/policy-briefs/parental-leave-where-are-the-fathers.pdf.

[374] https://www.theguardian.com/money/2017/mar/22/force-men-to-take-father-only-parental-leave-experts-urge-mps.

[375] https://qz.com/266841/economic-case-for-paternity-leave/.

[376] https://www.ft.com/content/f3154b96-e0c5-11e5-8d9b-e88a2a889797.

[377] https://www.nytimes.com/2014/11/09/upshot/paternity-leave-the-rewards-and-the-remaining-stigma.html.

Швеции в 2010 г., каждый месяц отпуска, взятого отцом, увеличивает будущий заработок матери в среднем на 7 %[378].

●●●

Разумеется, предоставление отпусков по уходу за ребенком с учетом реальности не решает всех проблем. Неоплачиваемый труд женщин начинается не с ухода за младенцем и им не заканчивается, а традиционная рабочая обстановка организована так, словно предназначена не для живого человека, а для некого мифического создания – не существующего в природе необремененного заботами работника. Этому созданию (по определению оно мужского пола) не приходится заботиться ни о себе, ни о детях, ни о пожилых родственниках. Ему не нужно готовить еду, убираться в квартире, ходить к врачу, покупать продукты. Оно не знает, что такое разбитые коленки, драки, домашние задания, купание малышей и попытки вовремя уложить их спать. Ему не приходится заниматься всем этим изо дня в день, с утра до вечера, снова и снова. Жизнь этого существа легко делится на две части: работа и досуг. При этом типичное рабочее пространство обычно организовано исходя из предположения, что работник будет ежедневно приходить в одно и то же время и в одно и то же место, независимо от местоположения и часов работы школ, детских садов, лечебных учреждений и продуктовых магазинов. Типичное рабочее место совершенно не отвечает потребностям женщин. Оно изначально предназначалось не для них.

Правда, некоторые компании пытаются сгладить скрытый «мужской перекос» в организации традиционного рабочего места и рабочего дня. Так, компания Campbell Soup организует для детей работников внешкольные занятия и летние программы по месту работы родителей[379]. Google платит работникам пособия на детское питание первые три месяца после рождения ребенка, оплачивает уход за детьми и организует предоставление различных услуг непосредственно на рабочем месте – например, работники могут не выходя из здания отдать вещи в химчистку[380]. Sony Ericsson и Evernote идут еще дальше, оплачивая работникам уборку квартир[381]. Американские компании все чаще выделяют в офисах специальные помещения, где молодые мамы могут сцедить молоко[382], а American Express даже оплачивает кормящим матерям доставку молока домой[383]

К сожалению, компании, не забывающие заботиться о женщинах, – скорее исключение, чем правило. Когда компания Apple в 2017 г. объявила свой головной офис в США «лучшим офисом в мире», она забыла указать, что в этом суперсовременном здании есть все – и лечебные учреждения, и стоматологические кабинеты, и роскошные спа, – нет только детского сада[384]. Лучший в мире офис? Да, в мире мужчин.

Реальность такова, что из-за принципов организации работы, основанных на представлении об универсальности потребностей мужчин, женщины во всем мире по-прежнему оказываются в невыгодном положении. Подавляющее большинство американских домохозяек (97 % из них – женщины, хотя встречаются и мужчины-«домохозяева») в ходе недавнего опроса[385] указало, что они с радостью пошли бы работать, если бы у них была возможность трудиться

[378] https://www.nytimes.com/2010/06/10/world/europe/10iht-sweden.html.

[379] http://fortune.com/2014/10/25/7-companies-with-the-best-perks-for-parents/.

[380] https://www.nytimes.com/2012/08/23/technology/in-googles-inner-circle-a-falling-number-of-women.html.

[381] https://www.businessinsider.com/evernote-pays-for-its-employees-to-have-their-houses-cleaned-2012-10.

[382] https://www.elle.com/culture/career-politics/g28143/the-best-lactationrooms-across-america/.

[383] http://time.com/money/4972232/12-companies-with-the-most-luxurious-employee-perks/.

[384] http://www.slate.com/blogs/xx_factor/2017/05/16/apple_s_new_headquarters_apple_park_has_no_child_care_center_despite_costing.html.

[385] https://www.kff.org/other/poll-finding/kaiser-family-foundationnew-york-timescbs-news-non-employed-poll/.

на дому (76 %) или по гибкому графику (74 %). Но хотя большинство американских компаний уверяет, что предоставляет женщинам такую возможность[386], на самом деле это не так. В период с 2015 г. по 2016 г. количество работающих по гибкому графику в США сократилось, а некоторые крупные компании отказались от удаленных работников[387]. В Великобритании перейти на гибкий график хотели бы 50 % работников, но такая работа предлагается лишь в 9,8 % объявлений о найме[388], а просьбы работающих женщин перевести их на скользящий график вызывают нарекания начальства.

Похоже, компании до сих пор считают, что эффективность работника напрямую зависит от продолжительности его пребывания в офисе. Компании регулярно поощряют тех, кто засиживается на работе допоздна[389]. Эта практика опять-таки ставит женщин в невыгодное положение. Статистик Нейт Сильвер установил, что после 1984 г. в США почасовая оплата работников, трудившихся по 50 и более часов в неделю (70 % из них – мужчины) росла вдвое быстрее почасовой оплаты тех, кто традиционно работал по 35-49 часов в неделю[390]. В некоторых странах этот скрытый «мужской перекос» усугубляется особенностями налогообложения – плата за сверхурочную работу освобождается от подоходного налога[391]. Такой подход, ставящий в привилегированное положение свободных работников[392], резко контрастирует с испробованной в Швеции практикой вычета из налогооблагаемой базы расходов на бытовые услуги[393].

В Японии продвижение по службе, как правило, зависит от количества отработанных часов и лояльности к работодателю. Соответственно, там принято, во-первых, засиживаться в офисе до глубокой ночи[394], и, во-вторых, участвовать в так называемых «номуникациях» – коллективных попойках, помогающих налаживать отношения с начальством и коллегами («ному» – по-японски «выпивка»)[395]. Разумеется, теоретически женщины тоже могут и работать допоздна, и пьянствовать с коллегами, но делать это им намного труднее, чем мужчинам. Японки тратят на неоплачиваемую работу в среднем пять часов в день, а японцы – всего около часа: ясно, кому проще налаживать отношения с боссом, засиживаясь в офисе допоздна, а после работы напиваясь с ним в ближайшем стрип-клубе[396].

Последствия неравномерного распределения домашней нагрузки в Японии усугубляются тем, что большинство крупных компаний предлагает японкам два пути: либо полноценная карьера, либо работа без карьерного роста, в основном административная. Второй вариант, почти не предполагающий повышений в должности, называют еще «путь мамочки», потому что «мамочки» не вписываются в трудовой этикет, принятый среди работников, нацеленных на продвижение по служебной лестнице[397]. Учитывая, что наличие детей само по себе сужает карьерные перспективы японок (зависящие от возможности годами демонстрировать лояльность к начальству), неудивительно, что 70 % женщин в этой стране уходит с работы до того,

---

[386] https://www.flexjobs.com/blog/post/stats-about-remote-and-flexible-work-2017-predictions/.

[387] https://www.nbcnews.com/business/business-news/why-are-bigcompanies-calling-their-remote-workers-back-office-n787101.

[388] https://timewise.co.uk/wp-content/uploads/2018/07/Flexible-working-in-the-NHS-the-case-for-action.pdf.

[389] Goldin, Claudia (2014), 'A Grand Gender Convergence: Its Last Chapter,' *American Economic Review*, American Economic Association, 104:4, 1091–119.

[390] https://fivethirtyeight.com/features/why-women-are-no-longer-catching-up-to-men-on-pay/.

[391] European Parliament (2017), *Gender Equality and Taxation in the European Union*.

[392] https://www.undp.org/content/dam/undp/library/gender/Gender%20and%20Poverty%20Reduction/Taxation%20English.pdf.

[393] Schiebinger and Gilmartin (2010).

[394] https://www.ft.com/content/60729d68-20bb-11e5-aa5a-398b2169cf79.

[395] http://www.economist.com/news/briefing/21599763-womens-lowlystatus-japanese-workplace-has-barely-improved-decades-and-country.

[396] http://stats.oecd.org/index.aspx?queryid=54757.

[397] https://money.cnn.com/2016/10/16/news/economy/japan-companies-women-careers-nissan/index.html.

как их первому ребенку исполняется десять лет (в США этот показатель составляет 30 %), причем многие – навсегда[398]. Неудивительно также, что Япония занимает шестое место среди стран ОЭСР по масштабам гендерного разрыва в области занятости и третье место – в области оплаты труда[399].

Трудовой этикет, требующий постоянной сверхурочной работы, характерен также для научного и преподавательского сообщества, причем его негативное влияние на положение женщин усиливается из-за специфики механизмов карьерного роста, сформировавшихся в соответствии с образом жизни мужчин. В докладе ЕС, посвященном европейским университетам, отмечается, что возрастные ограничения на дотации молодым ученым ущемляют интересы женщин, поскольку те, в отличие от мужчин, вынуждены делать перерывы в работе, в результате чего они «не укладываются в академические возрастные рамки»[400]. Николас Волфингер, один из соавторов книги «Дети имеют значение: гендерные проблемы и семья в башне из слоновой кости» (Do Babies Matter: Gender & Family in the Ivory Tower), пишет в статье в журнале *The Atlantic*, что университеты могли бы разрешить родителям маленьких детей во время «испытательного срока» работать на условиях неполной занятости[401]. При этом необходимый для подписания пожизненного контракта трудовой стаж того из родителей, кто несет основную часть нагрузки, связанной с уходом за ребенком, прерываться не должен (достаточно просто продлить «испытательный срок»), а родители должны иметь право со временем вернуться к работе на условиях полной занятости. Некоторые университеты уже идут по этому пути, но в целом подобная практика пока не получила широкого распространения. Это влечет за собой массу проблем, связанных с ухудшением материального положения работников, из-за ухода за детьми вынужденных трудиться на условиях неполной занятости.

В некоторых странах женщины берут решение проблемы в свои руки. В Германии лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине (полученной за открытия в области генетического контроля на ранних стадиях развития эмбриона) Кристиана Нюсляйн-Фольхард, осознав, в сколь невыгодном по сравнению с коллегами-мужчинами положении находятся ее аспирантки, имеющие детей и намеревающиеся получить докторскую степень, создала специальный фонд[402]. Молодые женщины-ученые «полностью отдавались работе», пока их дети были в детском саду. Но этого было недостаточно для того, чтобы успешно конкурировать с мужчинами, – ведь те могли позволить себе засиживаться на работе до ночи. Когда детские сады закрывались, аспирантки нобелевского лауреата погружались в пучину домашних забот, в то время как их коллеги-мужчины и бездетные женщины «налегали на чтение научной литературы и продолжали исследования». В результате женщин с детьми увольняли, несмотря на то что они были талантливыми учеными.

Фонд Кристианы Нюсляйн-Фольхард поставил себе целью положить конец «утечке женских мозгов». Женщинам – научным работникам, имеющим детей, фонд платит месячные пособия, которые разрешается тратить на «все, что облегчает домашнюю нагрузку: бытовые услуги; средства экономии времени, включая посудомоечные машины и электросушилки; услуги няни в вечернее время и в выходные, когда детские сады закрыты или недоступны». При этом женщины, получающие пособия, обязаны продолжать исследовательскую работу в немецких университетах как до, так и после получения докторской степени. И, главное, в отличие от американских университетов, практикующих такую гендерно нейтральную меру, как продле-

[398] http://www.economist.com/news/briefing/21599763-womens-lowlystatus-japanese-workplace-has-barely-improved-decades-and-country.

[399] https://www.oecd.org/japan/japan-improving-the-labour-market-outcomes-of-women.pdf.

[400] https://ec.europa.eu/research/swafs/pdf/pub_gender_equality/structural-changes-final-report_en.pdf.

[401] https://www.theatlantic.com/sexes/archive/2013/07/for-female-scientiststheres-no-good-time-to-have-children/278165/.

[402] https://work.qz.com/1156034/nobel-prize-winner-christiane-nussleinvolhard-is-helping-women-scientists-pay-to-outsource-household-chores/.

ние «испытательного срока» всем молодым родителям, фонд Кристианы Нюсляйн-Фольхард платит пособия исключительно женщинам.

Набор представлений, на которых основан «мужской перекос» в трудовых отношениях, формируется не на уровне рабочих мест, а гораздо выше, на уровне законодательства, регулирующего отношения между работодателем и наемным работником. Взять, к примеру, вопрос о том, какие расходы работника следует считать связанными с трудовой деятельностью и, соответственно, подлежащими компенсации. Ответ на него не так однозначен и гендерно нейтрален, как вы, может быть, думаете. Расходы, которые компания готова возместить работникам, – это обычно расходы на то, что считает производственной необходимостью правительство страны. А оно считает таковой то, что необходимо мужчинам. Расходы работника на униформу и инструменты компенсируются, а вот на срочный вызов няни на весь рабочий день – нет[403].

В США вопрос о том, какие расходы работника следует считать связанными с трудовой деятельностью, решает Налоговое управление, которое указывает, что работник «не может требовать возмещения расходов на личные нужды, на оплату жилья и на содержание семьи»[404]. Но что такое личные нужды? Вопрос спорный. Ответить на него решила Дон Бовассо, одна из немногих женщин – креативных директоров в рекламной отрасли США и мать-одиночка. Когда компания, где она работала, объявила, что устраивает обед для руководства, Дон Бовассо задалась вопросом: покрывает ли обед стоимостью $200 расходы на няню и транспорт?[405] Мужчинам – коллегам Дон Бовассо по цеху не нужно было заниматься подобными расчетами. Да, конечно, встречаются и отцы-одиночки, но это редкие птицы. В Великобритании 90 % одиноких родителей – женщины[406]. В США этот показатель превышает 80 %[407]. Коллегам Дон Бовассо достаточно было просто заглянуть в календарь и принять или отклонить приглашение. Большинство мужчин его приняло. Более того, они забронировали отель рядом с рестораном, где можно было выпить после обеда. И, в отличие от расходов Дон Бовассо на няню, компания возместила им эти расходы.

Вот он, скрытый «мужской перекос»: вопрос о том, какие расходы следует считать связанными с работой, решается исходя из предположения, что у работника есть жена, которая в его отсутствие позаботится о доме и детях. За это не нужно платить, потому что это женское дело, и женщинам за него не платят. Дон Бовассо резюмирует: «Вам могут компенсировать $30, которые вы потратите, заказав еду, когда засидитесь в офисе допоздна (потому что рядом нет жены, которая приготовит ужин), или $30, которые вы потратите на виски, когда захотите выпить, чтобы расслабиться после работы, но вам не возместят $30, которые вы заплатите няне (потому что предполагается, что с детьми сидит ваша жена)». Дон Бовассо все-таки заставила компанию компенсировать ей расходы на няню, но, как она отмечает, «это было сделано в виде исключения, и мне пришлось об этом просить». И так всегда: потребности женщин учитываются не по умолчанию, а в виде исключения.

К тому же не все работодатели делают такие исключения для женщин. В докладе Fawcett Society 2017 г., посвященном местным органам власти в Англии и Уэльсе, отмечается, что предписание 2003 г., в соответствии с которым «местные советы должны оплачивать своим членам расходы на уход за детьми в то время, когда они заняты выполнением своих функций», на практике выполняется далеко не всегда[408]. Некоторые местные советы вообще не возмещают расходы на уход за ребенком, а большинство оплачивает их только частично. Совет городского

---

[403] https://genderpolicyreport.umn.edu/tax-proposals-a-missed-opportunity-for-addressing-implicit-gender-bias/; European Parliament (2017), *Gender Equality and Taxation in the European Union*.

[404] https://www.irs.gov/businesses/small-businesses-self-employed/deducting-business-expenses.

[405] http://fortune.com/2016/07/23/expense-policies-hurt-women/.

[406] https://www.gingerbread.org.uk/policy-campaigns/publications-index/statistics/.

[407] https://singlemotherguide.com/single-mother-statistics/.

[408] Fawcett Society (2017), *Does Local Government Work for Women?*

округа Рочдейл компенсирует расходы из расчета «£5,06 в час, оговаривая, что это “частичное, а не полное возмещение расходов на уход за ребенком”, хотя, что примечательно, эта важная оговорка не делается в случае частичного возмещения транспортных расходов». Лишний раз доказывая, что дело не в деньгах, а в расстановке приоритетов, большинство местных советов назначает заседания на вечер (когда чаще всего требуется уход за детьми). И хотя во многих странах от США до Швеции удаленное участие в работе совета и голосование – обычное дело, британское законодательство не предусматривает эту более дешевую альтернативу.

Совершенно ясно, что вся система трудовых отношений нуждается в радикальном пересмотре. Она должна учитывать, что женщины – это не свободные работники, для которых создавались традиционные рабочие места, и, что хотя мужчины еще сохранили сходство с этими мифическими существами, в целом все давно изменилось. В конце концов, всем ясно, что никому, в том числе ни одной компании, не обойтись без невидимых и неоплачиваемых работников, выполняющих работу по дому и уходу за детьми. Поэтому пора перестать наказывать женщин за эту работу. Следует, наконец, признать ее важность, начать ее ценить и учитывать при организации рабочих мест.

Глава 4 Миф о меритократии

На протяжении большей части XX в. в Нью-Йоркском филармоническом оркестре не было женщин. В 1950-е и 1960-е гг. оркестр в виде исключения нанял нескольких исполнительниц, но в целом доля женщин в общем количестве оркестрантов твердо стояла на нулевой отметке. Однако вскоре ситуация неожиданно изменилась: начиная с 1970-х гг. количество женщин в оркестре начало быстро расти.

Текучесть кадров в оркестрах крайне низкая. Состав оркестра (около ста исполнителей) достаточно устойчив, увольняют музыкантов редко, часто они работают на своем месте всю жизнь. Поэтому рост доли женщин в оркестре, за десятилетие подскочившей с 0 % до 10 %, был явлением экстраординарным.

Причиной этого явления стали введенные в начале 1970-х гг. слепые прослушивания[409]. Во время таких прослушиваний наниматели не видят исполнителей, потому что те отгорожены от них экраном[410]. Последствия не заставили себя ждать. К началу 1980-х гг. доля женщин в общем количестве вновь принятых в оркестр исполнителей приблизилась к 50 %. Сегодня доля исполнительниц в Нью-йоркском филармоническом оркестре чуть выше 45 %[411]. Простой шаг – установка экрана – превратил процесс прослушивания в инструмент меритократии. Однако оркестр так и остался исключением из правил: для большинства работодателей во всем мире меритократия – это коварный миф. Этим мифом они прикрывают сформировавшийся на рынке труда системный перекос в сторону белых мужчин. И, к несчастью, этот миф очень живуч, несмотря на то что уже десятилетия назад было ясно, что он существует лишь в воображении работодателей. Если мы хотим разоблачить этот миф, нам, несомненно, придется сделать нечто большее, чем просто собрать данные.

Доказать, что вместо реальной меритократии нам подсовывают лишь миф о ней, – задача не из легких. Во всех экономически развитых странах существует стойкое убеждение, что меритократия – вещь не только *необходимая*, но и *реально существующая*[412]. Особенно упорно за миф о реально действующей меритократии держатся американцы, хотя, если уж на то пошло, в США меритократия развита *слабее*, чем в других странах первого мира[413]. Однако для американцев этот миф – догмат веры. В последние несколько десятилетий стратегии найма и продвижения работников планировались так, словно меритократия действительно существовала. В ходе опроса американских компаний, проведенного в 2002 г., 95 % работодателей заявили, что используют оценку работы персонала (в 1971 г. об этом заявляли 45 % работодателей), а 90 % – что применяют меритократический подход к оплате труда[414].

Увы, ничто не говорит нам о реальной действенности этих подходов. Напротив, есть все основания считать, что они не работают. Анализ 248 оценок эффективности работы персонала в американских высокотехнологичных компаниях показывает, что женщин критикуют за

---

[409] Goldin, Claudia and Rouse, Cecilia (2000), 'Orchestrating Impartiality: The Impact of 'Blind' Auditions on Female Musicians', *American Economic Review*, 90:4, 715–41.

[410] https://www.stltoday.com/entertainment/arts-and-theatre/in-orchestras-a-sea-change-in-gender-proportions/article_25cd8c54-5ca4-529f-bb98-8c5b08c64434.html.

[411] https://nyphil.org/about-us/meet/musicians-of-the-orchestra.

[412] Kunovich, Sheri and Slomczynski, Kazimierz M. (2007), 'Systems of Distribution and a Sense of Equity: A Multilevel Analysis of Meritocratic Attitudes in Post-industrial Societies', *European Sociological Review*, 23:5, 649–63; Castilla., Emilio J. and Benard, Stephen (2010), 'The Paradox of Meritocracy in Organizations', *Administrative Science Quarterly*, 55:4, 543–676.

[413] Reynolds, Jeremy and Xian, He (2014), 'Perceptions of meritocracy in the land of opportunity', *Research in Social Stratification and Mobility*, 36, 121–37.

[414] Castilla and Benard (2010).

поведение, считающееся приемлемым для мужчин[415]. Дамам советуют снизить тон, отступить в тень. Их обвиняют в том, что они любят командовать, ведут себя вызывающе, бывают резки, агрессивны, излишне эмоциональны и непоследовательны. Из всех этих обвинений в отзывах о мужчинах упоминается лишь агрессивность, причем «в двух случаях мужчинам советуют вести себя агрессивнее». Хуже того: ряд исследований, посвященных поощрению персонала и прибавкам к зарплате, показывает, что белые мужчины получают более высокое вознаграждение, чем женщины и представители этнических меньшинств, при одинаковых результатах работы. При этом анализ документов одной финансовой корпорации позволяет сделать вывод, что разница в размерах премий, получаемых женщинами и мужчинами, работавшими одинаково эффективно, достигает 25 %[416].

Пышнее всего миф о меритократии цветет в американском секторе высоких технологий. В ходе опроса 2016 г. представители ведущего отраслевого концерна, занимающегося запуском высокотехнологичных стартапов, заявили, что для них главное – «нанимать лучших специалистов», а кадровое разнообразие и наем представителей этнических и социальных групп занимает лишь седьмое место в списке бизнес-приоритетов из десяти пунктов[417]. Каждый четвертый основатель стартапа заявил, что его не интересует разнообразие кадрового состава и обеспечение баланса между работой и личной жизнью работников. Из этого следует, что представители концерна убеждены: чтобы «нанимать лучших специалистов», вовсе не обязательно устранять структурные перекосы, то есть использовать реальные инструменты меритократии. Достаточно просто верить в нее.

Действительно, вера в меритократию иногда творит чудеса – не в плане устранения структурных перекосов, а, наоборот, их создания. Исследования показывают, что вера работодателей в собственную непредвзятость или в то, что они не сексисты, делает их отъявленными сексистами[418]. Мужчины (и женщины), верящие в свою объективность, выбирая из двух кандидатов с одинаковыми резюме, один из которых мужчина, а другой – женщина, обычно останавливают свой выбор на мужчине. То же самое происходит и в организациях, декларирующих свою приверженность меритократическому подходу: работников-мужчин менеджеры поощряют чаще, чем женщин, имеющих такую же квалификацию.

Нежная любовь высокотехнологичных компаний к мифу о меритократии – парадокс для отрасли, основанной на умении работать с большими данными, которыми, в отличие от большинства других отраслей, она располагает. Но если в Кремниевой долине меритократия – религия, а ее бог – белый мужчина, окончивший Гарвард и сотворивший учеников по своему образу и подобию, стоит ли удивляться тому, что доля женщин в общей численности работников отрасли составляет лишь 15 %, а в общем количестве руководителей – только 11 %[419]. И все это несмотря на то, что именно женщины получают более половины всех бакалаврских степеней в США, половину степеней по химии и почти половину – по математике[420].

Более 40 % женщин увольняются из высокотехнологичных компаний через десять лет после начала работы (для мужчин этот показатель составляет 17 %)[421]. В докладе Центра поддержки талантов и инноваций[422] отмечается, что женщины уходят из отрасли по семейным

---

[415] http://fortune.com/2014/08/26/performance-review-gender-bias/8; Castilla and Benard (2010).

[416] Castilla and Benard (2010).

[417] http://stateofstartups.firstround.com/2016/#highlights-diversity-prediction.

[418] Uhlmann, Eric Luis and Cohen, Geoffrey L. (2007), '"I think it, therefore it's true": Effects of self-perceived objectivity on hiring discrimination', *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 104:2, 207–23; Castilla and Benard (2010).

[419] https://www.newyorker.com/magazine/2017/11/20/the-tech-industrys-gender-discrimination-problem.

[420] https://www.newyorker.com/magazine/2017/11/20/the-tech-industrys-gender-discrimination-problem.

[421] https://hbr.org/2014/10/hacking-techs-diversity-problem.

[422] Центр поддержки талантов и инноваций (Center for Talent Innovation, CTI) – некоммерческая организация, базирующаяся в Нью-Йорке; аналитический центр, объединяющий представителей частного сектора (4 млн работников более 90 ком-

обстоятельствам или потому, что работа перестает им нравиться[423]. В числе причин увольнения они называют «условия работы», «безобразное поведение руководства» и «отсутствие карьерных перспектив». В статье в *Los Angeles Times* тоже подчеркивается, что женщины уходят с работы, потому что им постоянно отказывают в повышении в должности, а их проекты отклоняют[424]. Разве это меритократия? Пожалуй, это больше похоже на институционализацию «мужского перекоса».

То, что миф о меритократии продолжает жить несмотря на все эти данные, свидетельствует о живучести другого мифа: о том, что «люди» – по умолчанию мужчины. Точно так же, как 80 % мужчин в ответ на просьбу нарисовать человека, не задумываясь, изображают представителя своего пола, многие мужчины, работающие в секторе высоких технологий, видимо, *не замечают* «мужского перекоса» в отрасли. Но живучесть мифа о меритократии свидетельствует также и о его привлекательности – ведь он убеждает тех, кто от него выигрывает, что успех – их личная заслуга. Не случайно в миф о меритократии чаще всего верят молодые белые американцы – представители высших слоев общества[425].

●●●

Если в миф о меритократии чаще всего верят белые американцы из высших слоев общества, стоит ли удивляться тому, что наряду с сектором высоких технологий эту веру исповедует и академическое сообщество? Самые высокие должности в науке и высшем образовании (особенно в области точных наук в сегменте STEM[426]) занимают главным образом белые мужчины – представители среднего и высшего класса. Вот она, идеальная чашка Петри для мифа о меритократии, питательный бульон, в котором он расцветает пышным цветом! Неудивительно, что недавний опрос, в ходе которого респондентам было предложено оценить достоверность результатов двух исследований, – вымышленного, указывающего на отсутствие в научной и преподавательской среде «мужского перекоса», и реального, доказывающего обратное, – ученые мужи (прежде всего специалисты в области STEM) оценили результаты первого исследования как заслуживающие доверия, а результаты второго, настоящего, – как ненаучные[427]. Неудивительно также, что «мужской перекос» в этой среде чрезвычайно силен, чему есть немало убедительных подтверждений.

Многочисленные исследования, проводимые в разных странах, показывают, что у студенток и представительниц научно-преподавательского сообщества при прочих равных условиях меньше шансов добиться финансирования или встречи с профессором, чем у мужчин. Труднее им и получить приглашение на стажировку, как, впрочем, и устроиться на работу[428]. Женщины-матери считаются менее компетентными, им часто платят меньше, чем мужчинам,

---

паний и организаций из 190 стран), заинтересованных в привлечении новых талантов для получения конкурентных преимуществ.

423 https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2017/04/why-is-siliconvalley-so-awful-to-women/517788/.

424 http://www.latimes.com/business/la-fi-women-tech-20150222-story.html#page=1.

425 Reynolds and Xian (2014).

426 STEM (от англ. science, technology, engineering and maths – естественные науки, технологии, инженерия и математика).

427 Handley, Ian M., Brown, Elizabeth R., Moss-Racusin, Corinne A. and Smith, Jessi L. (2015), ‘Quality of evidence revealing subtle gender biases in science is in the eye of the beholder’, *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 112:43, 13201–13206.

428 https://erc.europa.eu/sites/default/files/document/file/Gender_statistics_April_2014.pdf; Wenneras, C. and Wold, A. (1997), ‘Nepotism and sexism in peer-review’, *Nature*, 387:341; Milkman, Katherine L., Akinola, Modupe and Chugh, Dolly (2015), ‘What Happens Before? A Field Experiment Exploring How Pay and Representation Differentially Shape Bias on the Pathway Into Organizations’, *Journal of Applied Psychology*, 100:6, 1678–712; Knobloch-Westerwick, Silvia, Glynn, Carroll J. and Huge, Michael (2013), ‘The Matilda Effect in Science Communication’, *Science Communication*, 35:5, 603–25; Kaatz, Anna, Gutierrez, Belinda and Carnes, Molly (2014), ‘Threats to objectivity in peer review: the case of gender’, *Trends Pharmacol Sci.*, 35:8, 371–3; Women and Science Unit (2011), *White Paper on the Position of Women in Science in Spain*, UMYC.

для которых наличие детей является скорее плюсом (этот гендерный перекос отнюдь не ограничивается академическими кругами)[429]. Однако, несмотря на обилие данных, подтверждающих, что академическая среда на самом деле весьма далека от реальной меритократии, университеты продолжают делать вид, что студенты и преподаватели обоих полов находятся в равных условиях.

Продвижение по карьерной лестнице в науке и высшем образовании во многом зависит от количества публикаций в рецензируемых журналах. Однако женщине значительно труднее опубликовать работу, чем мужчине. Результаты многочисленных исследований показывают, что при двойном слепом рецензировании (когда автор не знает, кто рецензирует его работу, а рецензент не знает, чью работу он рецензирует)[430] статьи, предлагаемые женщинами, принимают к публикации чаще и оценивают выше[431]. Достоверных данных, подтверждающих это, нет, но, учитывая мощный «мужской перекос», наличие которого в академических кругах *доказано*, видимо, имеет смысл ввести слепое рецензирование публикаций. Однако большинство академических журналов и учреждений не спешит это делать.

Конечно, женщины-ученые публикуются, но опубликовать статью – это только полдела. Главным показателем качества исследований и публикаций, от которого зависит продвижение по карьерной лестнице, считается индекс цитирования. Результаты ряда исследований показывают, что женщин систематически цитируют реже, чем мужчин[432]. При этом за последние 20 лет мужчины цитировали представителей своего пола на 70 % чаще, чем женщин[433], а женщины, как правило, цитировали других женщин чаще, чем мужчины[434]. Это означает, что разрыв в количестве публикаций – следствие своего рода порочного круга: поскольку женщины публикуются реже, их реже цитируют, а это, в свою очередь, ведет к тому, что они медленнее продвигаются по карьерной лестнице, и поэтому реже публикуются, – и все повторяется сначала. На разрыв в цитировании влияет и то, что «научный работник» по умолчанию считается мужчиной, и, поскольку в научных кругах принято указывать в публикациях не полные имена, а лишь инициалы, не всегда ясно, к какому полу принадлежит автор работы; соответственно, женщин нередко принимают за мужчин. Результаты одного исследования говорят о том, что ученых-женщин, принимаемых за мужчин (полагая, например, что инициал *P* в заголовке публикации означает *Paul*, а не *Pauline*), цитируют в десять раз чаще, чем мужчин, принимаемых за женщин[435].

В статье в *The New York Times* экономист Джастин Вольферс указывает на то, что глубоко укоренившееся в среде журналистов представление, что «человек» – по умолчанию мужчина, проявляется и в том, что в качестве ведущего автора они обычно указывают мужчину, даже если на самом деле это женщина[436]. Такая недобросовестность, порождаемая стереотипным представлением об универсальности мужчин, непростительна журналистам, но вдвойне

---

[429] Women and Science Unit (2011); https://foreignpolicy.com/2016/04/19/how-to-get-tenure-if-youre-a-woman-academia-stephen-walt.

[430] Roberts, Sean G. and Verhoef, Tessa (2016), 'Double-blind reviewing at EvoLang 11 reveals gender bias', *Journal of Language Evolution*, 1:2, 163–67; Budden, Amber E., Tregenza, Tom, Aarssen, Lonnie W., Koricheva, Julia, Leimu, Roosa and Lortie, Christopher J. (2008), 'Double-blind review favours increased representation of female authors', *Trends in Ecology & Evolution*, 23:1, 4–6.

[431] Там же.

[432] Knobloch-Westerwick, Glynn and Huge (2013); Maliniak, Daniel, Powers, Ryan and Walter, Barbara F. (2013), 'The Gender Citation Gap in International Relations', International Organization; Mitchell, Sara McLaughlin, Lange, Samantha and Brus, Holly (2013), 'Gendered Citation Patterns in International Relations', *Journal of International Studies Perspectives*, 14:4, 485–92.

[433] King, Molly M., Bergstrom, Carl T., Correll, Shelley J., Jacquet, Jennifer, and West, Jevin D. (2017), 'Men Set Their Own Cites High: Gender and Self-citation across Fields and over Time' *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, 3: 1–22.

[434] Bagilhole, Barbara and Goode, Jackie (2001), 'The Contradiction of the Myth of Individual Merit, and the Reality of a Patriarchal Support System in Academic Careers: A Feminist Investigation', *European Journal of Women's Studies*, 8:2, 161–80.

[435] Krawczyk, Michał (2017), Are all researchers male? Gender misattributions in citations, *Scientometrics*, 110:3, 1397–1402.

[436] https://www.nytimes.com/2015/11/12/upshot/even-famous-female-economists-get-no-respect.html.

непростительна представителям научно-преподавательского сообщества, а они тоже частенько ею грешат. Большинство научных работ по экономике публикуется в соавторстве, и здесь тоже имеет место скрытый «мужской перекос». Мужчины получают одинаковое количество баллов за индивидуальные работы и за написанные в соавторстве, а женщины, если только они не выступают в соавторстве с другими женщинами-экономистами, получают за совместные работы меньше половины баллов, чем мужчины. Как показывают результаты исследования, проведенного в США, именно этим объясняется то, что хотя женщины-экономисты публикуются не реже мужчин, их шансы на получение постоянной должности ниже[437]. Представлением, будто «человек» – по умолчанию мужчина, видимо, объясняется и то, что научные работы, о которых думают, что их написали мужчины, оцениваются как имеющие «большее научное значение», чем работы, воспринимаемые как выполненные женщинами[438]. Возможно, это проявление сексизма в чистом виде, а может быть, следствие образа мысли, согласно которому «мужское» – это универсальное понятие, а «женское» – понятие нишевое. Этот же образ мысли отчасти ведет и к тому, что труды, написанные женщинами, редко включаются в учебные программы[439].

Разумеется, женщине, прежде чем думать о подводных камнях, связанных с научной публикацией, нужно сначала провести само научное исследование – а это не так просто. Выше уже говорилось о влиянии домашней нагрузки на возможности женщин заниматься наукой. Но, помимо семейных обязанностей, женщинам мешает и неоплачиваемая работа *на рабочем месте*. Ведь именно к женщинам-преподавателям, а не к мужчинам, чаще всего обращаются студенты со своими проблемами, требующими эмоционального участия[440]. Именно женщин они просят продлить срок сдачи работы, поставить более высокую оценку или сделать какие-либо другие послабления[441]. Каждая из этих просьб в отдельности не требует значительных затрат труда и душевных сил, но в совокупности они отнимают массу времени. Мужчины-преподаватели, как правило, даже не знают об этом, а университеты не учитывают этой нагрузки.

На женщин чаще, чем на их коллег-мужчин, возлагают «почетные» административные и хозяйственные обязанности[442], от которых им трудно бывает отвертеться, так как они знают: им этого не простят. (Это проблема характерна для многих учреждений и компаний: женщины, и прежде всего представительницы этнических меньшинств, выполняют на работе все те же «домашние» обязанности – делают записи, бегают за кофе, убирают за всеми[443].) На количество публикаций влияет и то обстоятельство, что женщин чаще, чем их коллег-мужчин, нагружают дополнительными учебными часами[444], а ведь, как и «почетные» административно-хозяйственные обязанности, преподавание считается менее *престижной* работой, чем исследовательская. В результате образуется еще один порочный круг: бремя преподавания

[437] https://www.nytimes.com/2016/01/10/upshot/when-teamwork-doesnt-work-for-women.html?mcubz=1.

[438] Knobloch-Westerwick, Glynn and Huge (2013).

[439] https://foreignpolicy.com/2016/04/19/how-to-get-tenure-if-youre-a-woman-academia-stephen-walt/.

[440] https://www.chronicle.com/article/Thanks-for-Listening/233825.

[441] http://www.cbc.ca/news/canada/british-columbia/female-profs-morework-1.4473910.

[442] Mitchell, Sara McLaughlin and Hesli, Vicki L., 'Women Don't Ask? Women Don't Say No? Bargaining and Service in the Political Science Profession, *PS: Political Science & Politics*, 46:2, 355–369; Guarino, Cassandra M. and Borden, Victor M. H. (2017), 'Faculty Service Loads and Gender: Are Women Taking Care of the Academic Family?', *Research in Higher Education*, 58:6 672–694.

[443] https://hbr.org/2018/03/for-women-and-minorities-to-get-ahead-managers-must-assign-work-fairly; Laperriere, Eve, Messing, Karen and Bourbonnais, Renee (2017), 'Work activity in food service: The significance of customer relations, tipping practices and gender for preventing musculoskeletal disorders', *Applied Ergonomics*, 58, 89–101.

[444] Guarino and Borden (2017); Baker, Maureen (2012), *Academic Careers and the Gender Gap*, Canada; Gibney, Elizabeth (2017), 'Teaching load could put female scientists at career disadvantage', *Nature*, https://www.nature.com/news/teaching-load-could-put-female-scientists-at-career-disadvantage-1.21839; Women and Science Unit (2011), *White Paper on the Position of Women in Science in Spain*, UMYC.

мешает женщинам публиковаться, а это, в свою очередь, ведет к увеличению количества учебных часов и т. д.

Невыгодное по сравнению с мужчинами положение, в котором оказываются женщины, нагружаемые «менее значимыми» делами, усугубляется самой системой оценки работы, где наблюдается постоянное предубеждение против женщин. Студенческие анкеты, оценивающие качество преподавания, широко используются в высших учебных заведениях и представляют собой как раз тот случай, когда необходимые данные *есть*, но не используются. Исследования, не один десяток лет проводившиеся во многих странах[445], показывают, что с точки зрения реальной оценки качества преподавания эти анкеты по меньшей мере бесполезны и что они фактически «ставят женщин-преподавателей в невыгодное положение в статистически значимых масштабах»[446]. На самом деле эти анкеты полезны разве что для оценки гендерных перекосов. Один из них, связанный с хорошо знакомым нам представлением, что «человек» – по умолчанию мужчина, проявляется в критике преподавательниц учащимися мужского пола, которые обвиняют женщин в том, что те уделяют недостаточно внимания студентам – белым мужчинам. «Прослушав курс лекций, я не узнал ничего нового; речь шла только о борьбе за права женщин и представителей расовых меньшинств», – сетует один студент, который, по всей видимости, считает, что гендерные и расовые вопросы не имеют отношения к такой теме, как федеративное устройство Соединенных Штатов[447].

Другой студент, попавший в ловушку того образа мысли, о котором уже говорилось во Введении и согласно которому понятие «люди» не включает в себя женщин, жалуется: «В первый день занятий Андреа заявила, что будет рассказывать об истории людей [читай: мужчин], но не предупредила, что столько времени посвятит индейцам и женщинам». Кстати, утверждение, что преподавательница рассказывала почти исключительно об «индейцах и женщинах», видимо, следует воспринимать с изрядной долей скепсиса. Одна моя подруга получила от студента похожее замечание за то, что в своих лекциях по политической философии «слишком много» внимания уделяла феминизму. На самом деле она говорила о феминизме всего на одном занятии из десяти.

Не самые выдающиеся преподаватели-мужчины, как правило, получают от студентов более высокие оценки, чем самые лучшие преподавательницы. Студенты считают, что преподаватели-мужчины оценивают их знания быстрее, чем женщины, даже когда это невозможно, потому что они слушают онлайн-курс, проводимый одним человеком, в порядке эксперимента половине студентов сказано, что преподаватель мужчина, а половине – что женщина. Преподавательниц нередко обвиняют в том, что они недостаточно приветливы и душевны. Но, если они приветливы и душевны, их называют недостаточно авторитетными и профессиональными. Однако авторитетность и профессионализм лекторов-женщин тоже могут стать поводом для критики, потому что наличие этих качеств у женщин не соответствует стереотипным гендерным представлениям учащихся[448]. Если преподаватель-мужчина проявляет мягкость и отзывчивость, его за это хвалят. Но поскольку эти качества по умолчанию считаются женскими, преподавательниц за них не хвалят, а только ругают в случае их отсутствия.

Анализ[449] 14 млн студенческих отзывов о преподавателях на сайте RateMyProfessors.com показывает, что преподавательниц чаще награждают такими характеристиками как «унылая», «грубая», «несправедливая», «вредная» и «нудная». При этом ситуация меняется в худшую

---

[445] Amy Bug (2010), 'Swimming against the unseen tide', *Phys. World*, 23:08; Boring, Anne, Ottoboni, Kellie and Stark, Philip B. (2016), 'Student evaluations of teaching (mostly) do not measure teaching effectiveness' *ScienceOpen Research*.

[446] Boring, Anne, Ottoboni, Kellie and Stark, Philip B. (2016).

[447] http://activehistory.ca/2017/03/shes-hot-female-sessional-instructors-gender-bias-and-student-evaluations/.

[448] MacNell, Lillian, Driscoll, Adam and Hunt, Andrea N. (2015), 'What's in a Name: Exposing Gender Bias in Student Ratings of Teaching', *Innovative Higher Education*, 40:4, 291–303.

[449] https://www.theguardian.com/lifeandstyle/womens-blog/2015/feb/13/female-academics-huge-sexist-bias-students.

сторону: негативных отзывов иногда бывает так много, что женщины перестают читать их, тем более что «студенты проявляют все больше агрессии и откровенной грубости». Примером может служить «полезное» замечание, которое получила от одного своего студента преподавательница, читающая лекции по политической истории в Канадском университете: «Мне нравится, что у вас соски просвечивают сквозь лифчик. Спасибо!»[450] Теперь означенная лекторша носит исключительно бюстгальтеры с вкладышами.

Анализ студенческих оценок качества преподавания, показавший, что женщины чаще мужчин получает такие характеристики, как «унылая», позволил также обнаружить, что профессоров-мужчин чаще, чем женщин называют «блестящими», «умными», «остроумными» и «гениальными». Но действительно ли они более талантливы от природы, чем их коллеги-женщины? Или дело в том, что эти характеристики на самом деле не столь гендерно нейтральны, как кажется? Попробуем представить себе гения. Скорее всего, мы нарисуем в воображении мужчину. В этом нет ничего страшного – мы все страдаем в этом смысле некоторой предвзятостью. В моей голове, например, рисуется Эйнштейн – на той знаменитой фотографии с взлохмаченной шевелюрой и высунутым языком. Реальность такова, что эта предвзятость (которую я называю «слепящей» предвзятостью) приводит к тому, что профессора-мужчины по определению считаются более знающими, более объективными, более одаренными от природы. Но продвижение по карьерной лестнице, основанное на студенческих оценках качества преподавания, совершенно этого не учитывает.

«Слепящая» предвзятость в немалой степени является результатом нехватки данных: мы просто не знаем о многих гениальных женщинах, сыгравших важную роль в истории, и поэтому они не приходят нам на ум, когда мы пытаемся вообразить гения. В результате, если в объявлении о найме написано, что требуется «блестящий» специалист, имеется в виду, что нужен «специалист с пенисом». Результаты ряда исследований показывают, что чем больше таланта или врожденных способностей требует, в соответствии со сложившимися представлениями, та или иная область деятельности (например, философия, математика, физика, сочинение музыки, информатика), тем меньше в ней женщин[451]. Мы просто не считаем женщин одаренными от природы. Напротив, мы, видимо, считаем женственность своего рода противоположностью гениальности. Участникам недавнего эксперимента показывали фотографии ученых и преподавателей (среди которых были и мужчины, и женщины), работавших в элитных американских университетах, и просили угадать род занятий этих людей. Оказалось, что в целом половая принадлежность не влияет на восприятие уровня интеллекта[452]. Однако чем более женственно выглядели на фотографиях женщины, тем меньше испытуемых относили их к числу ученых.

Детям «слепящая» предвзятость внушается уже в самом раннем возрасте. Недавнее исследование, проведенное в США, показало, что пятилетние девочки, только начавшие ходить в школу, столь же часто, как и пятилетние мальчики, считают, что женщины могут быть «очень-очень умными»[453]. Но когда им исполняется шесть лет, что-то меняется. Они начинают сомневаться в умственных способностях своего пола. Доходит до того, что малышки теряют веру в себя. Пятилетние девочки, если им предлагают поиграть в игру для «очень-очень умных

---

[450] http://activehistory.ca/2017/03/shes-hot-female-sessional-instructors-gender-bias-and-student-evaluations/.

[451] Storage, Daniel, Home, Zachary, Cimpian, Andrei and Leslie, Sarah-Jane (2016), 'The Frequency of "Brilliant" and "Genius" in Teaching Evaluations Predicts the Representation of Women and African Americans across Fields', *PLoS ONE* 11:3; Leslie, Sarah-Jane, Cimpian, Andrei, Meyer, Meredith and Freeland, Edward (2015), 'Expectations of brilliance underlie gender distributions across academic disciplines', *Science,* 347:6219, 262–5; Meyer, Meredith, Cimpian, Andrei and Leslie, Sarah-Jane (2015), 'Women are underrepresented in fields where success is believed to require brilliance', *Frontiers in Psychology*, 6:235.

[452] Banchefsky, Sarah, Westfall, Jacob, Park, Bernadette and Judd, Charles M. (2016), 'But You Don't Look Like A Scientist!: Women Scientists with Feminine Appearance are Deemed Less Likely to be Scientists', *Sex Roles*, 75:3–4, 95–109.

[453] Bian, Lin, Leslie, Sarah-Jane and Cimpian, Andrei (2017), 'Gender stereotypes about intellectual ability emerge early and influence children's interests', *Science,* 355: 6323, 389–391.

детей», соглашаются так же охотно, как и мальчики, а вот шестилетки сразу же охладевают к игре. В школе девочкам внушают, что гениальность – не для них. Неудивительно, что к тому времени, когда они поступают в университеты и начинают заполнять анкеты оценки качества преподавания, они заведомо считают преподавательниц менее квалифицированными, чем преподавателей-мужчин.

Мальчикам «слепящая» предвзятость тоже внушается со школьной скамьи. Как я писала во введении к этой книге, после того как не один десяток лет в ходе эксперимента «нарисуй ученого» подавляющее большинство участников изображало мужчин, СМИ наконец-то радостно затрубили о результатах недавнего аналогичного метаанализа, показавшего, что мы уже не такие сексисты, как раньше[454]. Если в 1960-е гг. только 1 % детей, участвовавших в эксперименте, рисовал ученого-женщину, сегодня женщин рисуют 28 % детей. Положительный сдвиг, конечно, налицо, но представления детей все еще далеки от реальности. В Великобритании женщины уже обогнали мужчин по количеству ученых степеней в ряде естественных наук: 86 % в химии полимеров, 57 % в генетике, 56 % в микробиологии[455].

В любом случае, результаты последних исследований нельзя трактовать так однозначно, как это делают СМИ, публикуя статьи под броскими заголовками. Как это ни печально, эти результаты на самом деле убедительно говорят о том, что из-за пробелов в школьных программах детям по-прежнему внушается предвзятое отношение к женщинам. Малыши, едва начавшие ходить в школу, рисуя «ученого», изображают и мужчин, и женщин поровну, причем как девочки, так и мальчики. Но в семь-восемь лет они уже рисуют мужчин значительно чаще, а к четырнадцати годам – в четыре раза чаще, чем женщин. Так что, несмотря на то, что на рисунках «ученого» женщин сегодня действительно изображают чаще, чем раньше, в основном это происходит за счет детей младшего возраста, которым система образования еще не успела внушить гендерную предвзятость, обусловленную нехваткой информации.

Кроме того, в рамках описанной динамики наблюдались существенные гендерные расхождения. В период с 1985 г. по 2016 г. доля девочек, нарисовавших ученых-женщин, возросла с 33 % до 58 %, а доля мальчиков, соответственно, с 2,4 % до 13 %. Это расхождение помогает пролить свет на результаты исследования 2016 г., в ходе которого было установлено, что в то время как студентки объективно оценивали способности своих сверстниц и сверстников исходя из их успеваемости, юноши упорно считали представителей своего пола более способными, чем девушки, даже если успеваемость последних была выше[456]. «Слепящая» предвзятость сродни наркотику: она так же искажает представление о реальности, причем приводит не только к неправильному восприятию студентами преподавателей и товарищей по учебе, но и к необъективному отношению преподавателей к студентам.

Результаты нескольких исследований, проведенных за последнее десятилетие, свидетельствуют о том, что еще один, казалось бы, гендерно нейтральный инструмент, предназначенный для облегчения процесса трудоустройства, на самом деле только усложняет его. Речь идет о рекомендациях с прежнего места работы или учебы[457]. В ходе одного из исследований, проведенных в США, было установлено, что женщинам, в отличие от мужчин, работодатели чаще дают общие, ничего не значащие характеристики, упирая в основном на коммуникативные качества («сердечность», «доброта», «отзывчивость»), а не на карьерные устремления («амби-

---

[454] https://genderedinnovations.stanford.edu/institutions/bias.html.

[455] https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/may/31/women-science-industry-structure-sexist-courses-careers.

[456] Grunspan, Daniel Z., Eddy, Sarah L., Brownell, Sara E., Wiggins, Benjamin L., Crowe, Alison J., Goodreau, Steven M. (2016), 'Males Under-Estimate Academic Performance of Their Female Peers in Undergraduate Biology Classrooms', *PLoS ONE,* 11:2.

[457] Schmader, Toni, Whitehead, Jessica and Wysocki, Vicki H. (2007), 'A Linguistic Comparison of Letters of Recommendation for Male and Female Chemistry and Biochemistry Job Applicants', *Sex Roles*, 57:7–8, 509–14; Madera, Juan M., Hebl, Michelle R. and Martin, Randi C. (2009), 'Gender and letters of recommendation for academia: Agentic and communal differences', *Journal of Applied Psychology*, 94:6, 1591–9; Dutt, Kuheli, Pfaff, Danielle L., Bernstein, Ariel F., Dillard, Joseph S. and Block, Caryn J. (2016), 'Gender differences in recommendation letters for postdoctoral fellowships in geoscience', *Nature Geoscience*, 9, 805–8.

циозность», «уверенность в себе»). При этом рекомендации, акцентирующие коммуникативные навыки, снижали шансы соискателей (особенно женского пола) на получение работы[458]: даже такая характеристика, как «умение работать в команде», если ее давали мужчине, воспринималась как указание на лидерские качества, а если женщине – как готовность подчиняться лидеру[459]. В рекомендациях, данных женщинам, чаще упоминались навыки преподавания и реже – исследовательские способности (а, как мы знаем, преподавательская работа считается менее престижной, чем исследовательская)[460]. Кроме того, в них содержалось больше характеристик, вызывающих сомнение в профессиональной пригодности соискательницы («нерешительность», «низкая самооценка»)[461], и меньше – восторженных отзывов, таких как «выдающаяся» и «замечательная». Наконец, там чаще присутствовали такие характеристики, как «усидчивость» вместо «высокая работоспособность».

Университеты, использующие студенческие оценки качества преподавания и рекомендации с предыдущего места работы при найме сотрудников так, как если бы эти инструменты были гендерно нейтральны (как по существу, так и на практике), страдают от дефицита данных. И, как и в случае с мифом о меритократии в целом, дело не в отсутствии данных как таковых, а в нежелании с ними работать. Несмотря на всю очевидность предвзятости и студенческих оценок качества преподавания, и рекомендаций с предыдущего места работы, университеты по-прежнему придают им большое значение и широко используют и при найме и увольнении сотрудников, и в процессе их продвижения по карьерной лестнице, как если бы эти инструменты действительно позволяли объективно оценивать эффективность работы[462]. В Великобритании важность студенческих оценок качества преподавания даже возрастет, поскольку в 2020 г. планируется введение новой государственной системы контроля над соблюдением стандартов в области образования[463], которая будет применяться для определения объемов финансирования университетов; при этом «ключевым показателем качества преподавания» будут считаться данные общенационального опроса студентов. Можно не сомневаться, что в этом прекрасном новом мире «качественного образования» женщинам придется несладко.

Отсутствие меритократии в научно-преподавательском сообществе – проблема, которая должна волновать всех нас, если нам важно качество научных работ, потому что исследования показывают: ученые-женщины с большей вероятностью, чем мужчины, будут изучать проблемы, связанные с «мужским перекосом»[464]. Иными словами, чем больше женщины будут публиковаться, тем больше будет исследований в области гендерных проблем и тем скорее будет закрыта информационная дыра в академическом сообществе. Заботиться о качестве исследований должны мы все. Наука – не удел посвященных, живущих в башне из слоновой кости. Академическая наука оказывает серьезное влияние на государственную политику, на медицину и здравоохранение, на трудовое законодательство. Наука влияет на все сферы человеческой жизни. Вот почему так важно не забывать о женщинах-ученых.

---

458 Madera et al. (2009).

459 https://www.nature.com/news/women-postdocs-less-likely-than-men-toget-a-glowing-reference-1.20715.

460 Trix, Frances and Psenka, Carolyn (2003), ‘Exploring the Color of Glass: Letters of Recommendation for Female and Male Medical Faculty’, *Discourse & Society*, 14:2, 191–220.

461 Там же.

462 Madera at al. (2009).

463 Речь идет о введении системы оценки качества образования в английских университетах (Teaching Excellence Framework, TEF) по таким параметрам, как качество преподавания, уровень исследований и перспективы трудоустройства выпускников.

464 Nielsen, Mathias Wullum, Andersen, Jens Peter, Schiebinger, Londa and Schneider, Jesper W. (2017), ‘One and a half million medical papers reveal a link between author gender and attention to gender and sex analysis’, *Nature Human Behaviour*, 1, 791–6.

•••

Учитывая, что «слепящую» предвзятость детям внушают еще в школе, чтобы избавиться от нее, достаточно просто перестать это делать. Это совсем не сложно. Действительно, как показало недавнее исследование, если в учебниках содержатся изображения женщин-ученых, школьницы лучше успевают в естественных науках[465]. Чтобы перестать внушать девочкам, что гениальность – не для них, достаточно просто давать им больше информации о женщинах. Это нетрудно.

Гораздо труднее искоренить уже внушенную «слепящую» предвзятость. Когда дети, которым ее внушили, вырастают и вступают в мир взрослых, они и сами начинают ее насаждать. Эта предвзятость проявляется, в частности, при найме работников. Плохо, когда ее демонстрируют люди, но по мере распространения алгоритмизированного рекрутинга ситуация может стать просто катастрофической. Есть все основания полагать, что предвзятость будет непреднамеренно заложена в программы, которым мы доверим принятие решений.

В 1984 г. американский журналист Стивен Леви, пишущий о технике, опубликовал книгу, ставшую бестселлером, – Hackers: Heroes of the Computer Revolution («Хакеры: герои компьютерной революции»). Все герои книги ослепительно талантливы. Все они одержимы своей работой. Все они – мужчины, причем практически не интересующиеся сексом. «Если ты хакер, ты живешь по законам Хакерской Этики, и ты знаешь, что такие ужасно неэффективные и бесполезные создания, как женщины, требуют слишком много процессорных циклов и занимают слишком много места в памяти», – поясняет Леви. «Женщины даже сегодня считаются совершенно непредсказуемыми существами, – говорит один из его героев. – Как хакер [по умолчанию мужчина] может терпеть возле себя такое несовершенное создание?»

Двумя параграфами ниже этого вопиюще женоненавистнического заявления Леви, однако, делает неудачную попытку объяснить, почему хакерское сообщество состоит «практически исключительно из мужчин». «Как это ни печально, но среди выдающихся хакеров нет ни одной женщины, – пишет он. – Никто не знает почему». Я тоже не знаю, Стив, но давай попробуем угадать. Из-за неспособности увидеть очевидную связь между женоненавистнической хакерской этикой и загадочным отсутствием хакеров-женщин Леви вносит свой вклад в распространение мифа о том, что врожденными хакерскими способностями обладают только мужчины. Неудивительно, что сегодня трудно представить себе сферу деятельности, для которой «слепящая» предвзятость была бы так же характерна, как для информатики. «Где девушки, любящие программирование?» – вопрошает учитель старших классов, выступая на летних курсах повышения квалификации для учителей информатики в Университете Карнеги – Меллона. «Среди моих учеников сколько угодно мальчиков, буквально помешанных на компьютерах, – хвастается он[466]. – Родители некоторых из них говорят, что их сыновья сидели бы за компьютерами всю ночь, если бы им позволили. Хотелось бы мне встретить такую девочку».

Возможно, этот учитель прав, но, как отметила одна из его коллег, если девочки ведут себя не так, как мальчики, это еще не значит, что они не любят компьютеры. Вспоминая свои годы учебы, она сказала, что влюбилась в программирование еще на первом курсе колледжа. Но при этом она не просиживала за компьютером ночи напролет и даже не посвящала изучению программирования большую часть времени. Не спать всю ночь, занимаясь каким-либо делом, – признак не столько любви к этому делу, сколько некоторой ограниченности и, возможно, инфантильности. У девочек любовь к компьютерам может проявляться совершенно не так, как у мальчиков. Если вы ждете от девочек одержимости компьютерами, вы ждете от них

---

465 http://gap.hks.harvard.edu/effects-gender-stereotypic-and-counter-stereotypic-textbook-images-science-performance.

466 https://www.cs.cmu.edu/afs/cs/project/gendergap/www/papers/anatomyWSQ99.html.

«мальчишеского» поведения. Да, некоторые девушки ведут себя как мальчики, но большинство ведет себя иначе.

Считать, что женщины неспособны заниматься программированием довольно смешно, и не только потому, что такое представление основано на неправильной оценке поведения девочек (их «ненормальное» поведение, то есть просто не такое, как у мальчиков, якобы свидетельствует о нелюбви к компьютерам), но и потому, что (каким бы странным это не казалось сегодня, когда критерии профессиональной пригодности к программированию связывают с особенностями мужского поведения) изначально программирование считалось именно женским занятием. На самом деле именно женщины когда-то были первыми живыми компьютерами: девушки-расчетчицы делали сложные математические расчеты для военных, причем вручную, пока их не заменили «машинные расчетчицы» – счетно-вычислительные машины (компьютеры)[467].

Даже после того, как девушек заменили машины, потребовались годы, прежде чем в эту область деятельности пришли мужчины. Программы для ЭНИАК[468] – первого в мире электронного цифрового вычислителя, разработанного в 1946 г., писали шесть девушек[469]. В 1940-е и 1950-е гг. программированием тоже занимались в основном женщины[470], а в 1967 г. журнал *The Cosmopolitan* даже опубликовал статью «Девушки-компьютерщицы» (The Computer Girls), призывающую женщин заниматься программированием[471]. «Это так же просто, как приготовить обед, – рассказывала пионер программирования Грейс Хоппер. – Нужно все заранее продумать и распланировать к определенному времени. Программирование требует терпения и умения учитывать все детали. Женщины просто созданы для программирования».

Но примерно в это же время работодатели начинали понимать, что программирование – вовсе не неквалифицированная канцелярская работа, как они считали ранее. Оказалось, что писать программы – не то же самое, что печатать на машинке или подшивать документы. Программирование требует умения решать серьезные задачи. Женщины, разумеется, умели это делать – у них был огромный опыт программирования, но, поскольку «слепящая» предвзятость оказалась сильнее объективной реальности, руководители отрасли начали обучать программированию мужчин. А потом они разработали критерии найма работников, казавшиеся объективными, но на самом деле таившие в себе «мужской перекос». Как и студенческие оценки качества преподавания, используемые сегодня в университетах, тесты для программистов подвергались критике за то, что они говорили работодателям «не столько о профессиональной пригодности соискателя или соискательницы, сколько о наличии у него или у нее стереотипного набора качеств»[472]. Трудно сказать, что было тому виной, – нехватка гендерных данных (простое непонимание того, что в критериях содержится «мужской перекос») или намеренная дискриминация женщин. Бесспорно одно: эти критерии и в самом деле были предвзятыми в пользу мужчин.

Многовариантные тесты на профессиональную пригодность, требующие «способности учитывать тончайшие нюансы и решать проблемы в заданном контексте», на самом деле требовали лишь знания основ математики, хотя уже тогда лидеры отрасли считали, что она почти

---

[467] Light, Jennifer S. (1999), ‘When Computers Were Women’, *Technology and Culture*, 40:3, 455–483.

[468] ЭНИАК (от англ. Electronic Numerical Integrator and Computer, ENIAC) – электронный числовой интегратор и вычислитель) – первый электронный цифровой вычислитель, предназначенный для решения широкого спектра задач.

[469] Ensmenger, Nathan L. (2010), *The Computer Boys Take Over: Computers, Programmers, and the Politics of Technical Expertise*, Cambridge MA.

[470] https://www.theatlantic.com/business/archive/2016/09/what-programmingspast-reveals-about-todays-gender-pay-gap/498797/.

[471] http://thecomputerboys.com/wp-content/uploads/2011/06/cosmopolitanapril-1967–1-large.jpg.

[472] https://www.theatlantic.com/business/archive/2016/09/what-programmingspast-reveals-about-todays-gender-pay-gap/498797/.

не имеет отношения к программированию. Эти тесты позволяли оценить лишь знание математики в объеме школьной программы, а в школе мальчики в то время изучали математику чаще, чем девочки. Они также позволяли оценить связи соискателя в профессиональном сообществе: решения тестовых задач обычно циркулировали в чисто мужских сообществах, таких как студенческие братства и «Орден Лосей» (престижный клуб американских бизнесменов)[473].

Психологический портрет программиста включал стереотипные качества, на которые указывал вышеупомянутый преподаватель информатики на курсах повышения квалификации в Университете Карнеги – Меллона: неряшливый вундеркинд-одиночка с неразвитыми социальными навыками. Часто цитируемое исследование в области психологии, проведенное в 1967 г., выявило у программистов «отсутствие интереса к людям» и отвращение к «деятельности, связанной с тесным взаимодействием с окружающими»[474]. В результате компании начали брать на работу именно таких людей, и они-то и стали ведущими программистами в своем поколении. Психологический портрет программиста сыграл роль само собой сбывающегося пророчества.

Учитывая вышесказанное, стоит ли удивляться тому, что скрытый «мужской перекос» сегодня продолжает воспроизводиться с помощью закрытых алгоритмов, которые все чаще используются при найме работников. В статье *The Guardian* Кэти О'Нил, специалист по данным из США и автор книги «Убийственные большие данные. Как математика превратилась в оружие массового поражения»[475], пишет, что рекрутинговая онлайн-платформа для высокотехнологичных отраслей Gild (которую приобрела и использует инвестиционная компания Citadel[476]) позволяет работодателям выходить далеко за рамки резюме соискателей, анализируя их «сетевую активность»[477], то есть следы, которые они оставляют в сети. Эти данные используются для ранжирования соискателей по показателю «социального капитала», то есть вовлеченности программистов в цифровое сообщество. Этот показатель можно измерить, узнав, сколько времени соискатель тратит на разработку программ и обмен данными на соответствующих платформах, таких как GitHub или Stack Overflow. Но, просеивая горы данных, Gild позволяет оценить и другие качества соискателя, входящие в стереотипный набор качеств, требуемый работодателями.

Например, выявленное Gild частое посещение соискателем одного японского сайта для манги считается «убедительным свидетельством блестящего владения навыками программирования»[478]. Соответственно, программисты, посещающие этот сайт, получают дополнительные баллы. Казалось бы, это правильно, но, как отмечает Кэти О'Нил, на самом деле эти баллы должны служить сигналом тревоги для тех, кого волнует кадровое разнообразие. У женщин, которые, как мы писали выше, во всем мире выполняют 75 % неоплачиваемой работы по уходу за семьей, просто нет свободного времени на то, чтобы часами зависать в сети, обсуждая сайт манги. О'Нил также указывает: «Если, как и прочие подобные сайты, этот сайт манги посещают в основном мужчины, заведомо настроенные против женщин, подавляющее большинство работающих в отрасли женщин, скорее всего, будет избегать его». Получается, что Gild – своеобразное алгоритмическое воплощение учителя информатики, выступавшего в Университете Карнеги – Меллона, о котором мы писали выше.

---

473 Ensmenger, Nathan L. (2010).

474 Там же.

475 О'Нил К. Убийственные большие данные. Как математика превратилась в оружие массового поражения. – М.: АСТ, 2018.

476 https://www.crunchbase.com/acquisition/citadel-acquires-gild-b47f07a1#section-overview.

477 https://www.theguardian.com/science/2016/sep/01/how-algorithms-rule-our-working-lives.

478 https://www.theatlantic.com/technology/archive/2013/11/your-job-theirdata-the-most-important-untold-story-about-the-future/281733/.

Создатели Gild, несомненно, не намеренно разрабатывали алгоритмы, дискриминирующие женщин. Напротив, они стремились *устранить* свойственную людям предвзятость. Но если вы не знаете, как проявляется эта предвзятость, если вы не собираете данные и не хотите потратить немного времени на то, чтобы привести программы в соответствие с реальностью, вы будете тупо воспроизводить традиционную несправедливость по отношению к женщинам. Упуская из виду, что жизнь женщин отличается от жизни мужчин как в сети, так и офлайн, разработчики Gild непреднамеренно заложили в свои алгоритмы скрытый «мужской перекос».

Но это еще не самое страшное. Самое страшное то, что мы и понятия не имеем, насколько серьезна эта проблема на самом деле. Большинство алгоритмов хранится в тайне и защищается как проприетарные программы. Поэтому мы не знаем, как принимаются решения и какие предубеждения за ними кроются. О возможном «мужском перекосе» в алгоритмах Gild стало известно лишь потому, что один из создателей платформы сам рассказал об этом. Таким образом, здесь имеет место двойная нехватка гендерных данных: во-первых, на уровне разработки алгоритмов, а во-вторых, на уровне общества в целом, которое не знает, насколько сильно эти алгоритмы дискриминируют женщин.

•••

Процедуры, создающие непреднамеренный «мужской перекос» при найме на работу, мешают женщинам и продвигаться по карьерной лестнице. Классический пример – ситуация в Google, где женщины реже выдвигают свои кандидатуры на новые, более высокие должности, чем мужчины. Вообще-то, ничего удивительного: ведь считается, что женщинам к лицу скромность, и любые попытки выйти за рамки гендерного стереотипа не одобряются[479]. Но для Google такое положение оказалось сюрпризом. К чести руководства компании, оно пытается изменить ситуацию. К сожалению, подход компании великолепно отражает ее представление, что «человек» – по умолчанию мужчина.

То ли у Google не было данных о «культурных нормах», навязываемых женщинам, то ли компании было на них наплевать, но в любом случае там начали исправлять не «мужской перекос» а поведение женщин. В 2012 г. в интервью газете *The New York Times* руководитель службы по работе с персоналом Google Ласло Бок сообщил, что дамы, занимающие высшие посты в компании, начали проводить тренинги для женщин, «нацеленные на усиление их мотивации к продвижению по службе»[480]. Иными словами, эти дамы учили женщин вести себя как мужчины. Но почему именно мужской тип поведения и мужской подход к самооценке по определению считаются правильными? Проведенные недавно исследования показали, что женщины, как правило, оценивают свои умственные способности объективно, в то время как мужчины с весьма средним интеллектом считают себя умнее двух третей коллег[481]. Из этого следует, что женщины выдвигают свои кандидатуры на более высокие должности реже мужчин не из-за своей заниженной самооценки, а из-за завышенной самооценки мужчин.

Ласло Бок заявил, что считает проводимые Google тренинги для женщин достижением компании (в интервью *The New York Times* он сказал, что благодаря им женщины стали выдвигать свои кандидатуры не реже мужчин), но если все дело в тренингах, почему компания отказывается предоставить данные, доказывающие это? Анализ оплаты труда в Google, проведенный в 2017 г. Министерством труда США, выявил «систематическое гендерное неравенство в

---

479 https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0749597806000884?via%3Dihub; Hannah Riley Bowles, Linda Babcock and Lei Lai (2007), 'Social incentives for gender differences in the propensity to initiate negotiations: Sometimes it does hurt to ask', *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 103, 84–103.

480 https://www.nytimes.com/2012/08/23/technology/in-googles-inner-circle-a-falling-number-of-women.html.

481 https://www.physiology.org/doi/10.1152/advan.00085.2017.

оплате труда работников практически на всех должностях», причем «мужчинам, как правило, платили в 6–7 раз больше, чем женщинам, занимающим те же должности»[482]. С тех пор компания Google неоднократно отказывалась предоставить министерству труда более полные данные об окладах работников и несколько месяцев пыталась доказать в суде неправомерность требований регулятора. Компания уверяла, что никакого дисбаланса в оплате труда не было.

Для компании, деятельность которой почти полностью строится на данных, нежелание работать с ними может показаться удивительным. Но оно не должно нас удивлять. Трейси Чу, инженер-программист, проанализировала динамику численности специалистов женского пола в американском секторе высоких технологий с 2013 г. и обнаружила, что «все компании так или иначе скрывают или искажают реальное положение вещей»[483]. Кроме того, они, судя по всему, не заинтересованы в оценке эффективности своих инициатив в области «создания условий труда, отвечающих потребностям женщин, и привлечении и закреплении в отрасли большего количества женщин». Невозможно «оценить, действительно ли такие инициативы успешны, или их только пытаются представить таковыми, потому что ни для одной из них не разработаны показатели эффективности», – поясняет Трейси Чу. В результате «никто не хочет честно обсуждать этот вопрос».

Не совсем понятно, почему сектор высоких технологий так боится гендерных данных по занятости, но, возможно, причиной тому его нежная влюбленность в миф о меритократии. Действительно, если для того чтобы «нанимать лучших специалистов», достаточно просто верить в меритократию, зачем нужны какие-то данные? Ирония в том, что, если бы так называемые меритократические институты опирались не на религию, а на науку, они могли бы использовать уже существующие решения, учитывающие реальность, – например, квоты, которые, как показало недавнее исследование Лондонской школы экономики и политических наук, вопреки распространенному убеждению, способствуют не продвижению неквалифицированных женщин, а «избавлению от некомпетентных мужчин»[484].

Компании сектора высоких технологий могли бы также собрать и проанализировать данные о своих процедурах найма и посмотреть, действительно ли они столь гендерно нейтральны, как принято считать. Массачусетский технологический институт так и поступил. Анализ данных за более чем 30 лет показал, что «стандартные процедуры найма, применяемые на факультетах», ставят женщин в невыгодное положение по сравнению с мужчинами, а «методы отбора кандидатов, используемые традиционными факультетскими отборочными комиссиями, далеко не всегда позволяют выявить лучших специалистов-женщин»[485]. Если бы отборочные комиссии специально не запрашивали у руководства факультетов имена выдающихся специалистов-женщин, оно, возможно, вообще не выдвигало бы их. Многие женщины, которые в конечном итоге были наняты в результате таких целенаправленных усилий, сами никогда не выдвинули бы свои кандидатуры. Анализ, проведенный MIT, как и исследование, выполненное Лондонской школой экономики, показал, что в случае целенаправленных поисков специалистов-женщин требования к соискателям отнюдь не снижались. Так или иначе, нанятые в итоге женщины оказались «более квалифицированными, чем их конкуренты-мужчины».

К счастью, некоторые организации все же собирают данные и стараются учитывать их, и это приводит к фантастическим результатам. Когда одна европейская компания поместила в объявлении о найме технического специалиста условную фотографию мужчины, а в тексте сделала упор на такие качества соискателя, как агрессивность и дух соревнования, доля жен-

---

[482] https://www.newyorker.com/magazine/2017/11/20/the-tech-industrys-gender-discrimination-problem.

[483] https://medium.com/@triketora/where-are-the-numbers-cb997a57252.

[484] http://www.independent.co.uk/news/business/news/workplace-genderquotas-incompetence-efficiency-business-organisations-london-schooleconomics-lse-a7797061.html.

[485] http://web.mit.edu/fnl/volume/184/hopkins.html.

щин среди соискателей составила всего 5 %. Но стоило поместить в объявлении фотографию женщины и сделать упор на энтузиазм и новаторство, как эта доля подскочила до 40 %[486]. Такого же результата добилась и компания Made by Many, специализирующаяся на разработке технологических продуктов и решений, когда изменила текст в объявлении о найме главного специалиста, акцентировав внимание не на одержимости работой и высокой самооценке, а на умении работать в команде и профессиональном опыте[487]. Должность была та же самая, но требования к соискателю разные, и количество женщин, подавших заявления, увеличилось более чем вдвое.

Это всего лишь два поучительных примера, но можно привести множество других подтверждений того, что формулировки в объявлениях о найме способны повлиять на количество заявлений, поданных женщинами. Анализ 4000 таких объявлений показал, что женщины не пытались устроиться на работу, если в объявлениях делался упор на такие «мужские» качества, как агрессивность, амбициозность и упорство[488]. Примечательно, что женщины при этом не анализировали язык объявлений и не всегда сознавали, что именно он повлиял на их решение. Свое нежелание устраиваться в эти компании они мотивировали лишь тем, что работа их не привлекала, причем по личным причинам. Это говорит о том, что, если вы не замечаете, что подвергаетесь дискриминации, это еще не значит, что вы ей не подвергаетесь.

Отдельные высокотехнологичные стартапы переняли опыт Нью-Йоркского филармонического оркестра и ввели слепые рекрутинговые процедуры[489]. Так, GapJumpers предлагает соискателям, желающим занять конкретную должность, выполнить небольшие задания. Того, кто лучше всех справился с заданием, без сбора дополнительных сведений направляют непосредственно к будущему начальству. Результат? Около 60 % принятых на работу относились к недостаточно представленным категориям работников.

Слепой рекрутинг ввести нетрудно. Куда труднее понять, как использовать слепые процедуры при продвижении работников. Но и здесь есть решение: подотчетность и прозрачность. Одна высокотехнологичная компания ввела реальную ответственность менеджеров за принятые ими решения о повышении окладов подчиненных. Компания начала собирать данные о последствиях этих решений и, главное, создала специальное подразделение, занимающееся их отслеживанием[490]. Пять лет спустя гендерный разрыв в оплате труда в компании был практически полностью ликвидирован.

---

[486] https://internationalwim.org/wp-content/uploads/2020/06/A-business-case-for-women-2008_McKinsey.pdf.

[487] https://www.madebymany.com/stories/can-a-few-well-chosen-words-improve-inclusivity.

[488] Gaucher, D., Friesen, J. and Kay, A. C. (2011), ‘Evidence that gendered wordingin job advertisements exists and sustains gender inequality’, *Journal of Personality and Social Psychology*, 101:1, 109–28.

[489] https://www.theatlantic.com/business/archive/2015/12/meritocracy/418074/.

[490] Castilla, Emilio J. (2015), ‘Accounting for the Gap: A Firm Study Manipulating Organizational Accountability and Transparency in Pay Decisions’, *Organization Science*, 26:2, 311–33.

Глава 5
Эффект Генри Хиггинса

Операционный директор Facebook Шерил Сэндберг в первый раз забеременела, когда еще работала в Google. В своей книге «Не бойся действовать»[491], ставшей бестселлером, она писала, что переносила беременность очень тяжело. Все девять месяцев по утрам ее мучила тошнота. У нее не только рос живот, но и опухало все тело. Ноги увеличились на два размера, «превратившись в бесформенные куски плоти», которые Шерил могла видеть, «только положив на кофейный столик».

Дело было в 2014 г. Google уже была крупной компанией. Возле здания располагалась огромная автостоянка. Располневшей Шерил было нелегко добираться от нее до офиса. После нескольких месяцев борьбы она наконец достучалась до одного из основателей Google, Сергея Брина, и «заявила, что необходимо оборудовать парковочные места для беременных [расположенные у входа в здание], и чем скорее, тем лучше». Брин сразу же согласился, «заметив, что как-то не задумывался об этом раньше». Сэндберг и сама была «смущена» – ведь до тех пор, пока она «не почувствовала на своей шкуре, каково это – передвигаться на больных ногах», ей тоже не приходило в голову, «что беременным женщинам нужны отдельные места на парковке».

До тех пор, пока Шерил не забеременела, у Google не было нужных данных: ни отцы-основатели компании, ни сама Сэндберг не знали, каково приходится беременным. Но стоило одному из руководителей забеременеть, как этот пробел был заполнен, и от этого выиграли все женщины, работавшие в компании и забеременевшие после Шерил. Но для того, чтобы ликвидировать пробел, вовсе не обязательно было ждать, пока забеременеет женщина-руководитель; до нее это случалось с другими, не столь высокопоставленными сотрудницами. Компания могла (и должна была) собрать данные заблаговременно. Но реальность такова, что обычно для решения подобных вопросов требуется руководитель-женщина. А поскольку в руководстве компаний по-прежнему доминируют мужчины, современные рабочие места остаются очень неудобными для женщин: вспомним и тяжелые двери, которые не в силах открыть женщина среднего телосложения, и стеклянные лестницы, и зеркальные полы фойе, позволяющие любому заглянуть вам под юбку, и швы между плитками на тротуарах, словно специально предназначенные для того, чтобы в них застревали тонкие каблуки. Разумеется, все эти неприятные мелочи – еще не конец света, но они отравляют женщинам жизнь.

Взять, к примеру, стандартную температуру воздуха в офисах. Формула для определения оптимальной температуры воздуха в помещениях была разработана в 1960-е гг. в расчете на скорость метаболизма среднестатистического сорокалетнего мужчины весом 70 кг, находящегося в покое[492]. Но недавнее исследование показало, что «скорость метаболизма молодых женщин, выполняющих легкую офисную работу, значительно ниже» стандартного показателя для мужчин, выполняющих аналогичную работу. Оказалось, что скорость женского метаболизма на 35 % ниже скорости мужского, и, соответственно, температура воздуха в современных офисах в среднем на пять градусов ниже комфортной для женщин. Вот почему летом в нью-йоркских офисах можно наблюдать странную картину: женщины кутаются в пледы, а их коллеги-мужчины разгуливают в рубашках с короткими рукавами[493].

---

[491] Сэндберг Ш., Сковелл Н. Не бойся действовать. Женщина, работа и воля к лидерству. – М.: Альпина Паблишер, 2018.

[492] Kingma, Boris and Marken Lichtenbelt, Wouter van (2015), ‘Energy consumption in buildings and female thermal demand,’ *Nature Climate Change,* 5, 1054–6.

[493] https://www.nytimes.com/2015/08/04/science/chilly-at-work-a-decades-old-formula-may-be-to-blame.html.

Нехватка всех этих данных ведет к гендерному неравенству, не говоря уже о том, что она вредит бизнесу: работники, чувствующие себя некомфортно, – плохие работники. Но дефицит данных, связанных с рабочими местами, ведет и к более серьезным последствиям, чем просто дискомфорт и обусловленное им снижение производительности труда. Он приводит к хроническим заболеваниям, а иногда и к гибели женщин.

За последние 100 лет рабочие места в целом стали значительно более безопасными. В Великобритании в начале 1900-х гг. на работе ежегодно погибали около 4400 человек[494]. К 2016 г. этот показатель снизился до 137 человек[495]. В США в 1913 г. на работе умерли около 23 000 человек (при общей численности трудовых ресурсов 38 млн человек)[496]. В 2016 г. этот показатель составил 5190 человек (при общей численности трудовых ресурсов 163 млн человек)[497]. Значительное снижение количества несчастных случаев со смертельным исходом на рабочих местах стало следствием усилий профсоюзов, требовавших от работодателей и государства повышения стандартов производственной безопасности. В Великобритании с 1974 г., когда был принят Закон о гигиене и безопасности труда (Health and Safety at Work etc. Act 1974), количество несчастных случаев на производстве сократилось на 85 %. Этому можно только радоваться, но необходимо сделать одну оговорку. Некоторые данные говорят о том, что на фоне снижения мужского производственного травматизма наблюдается рост травматизма женского[498].

Рост числа серьезных травм, получаемых на рабочих местах женщинами, объясняется нехваткой гендерных данных. Поскольку исследования производственного травматизма традиционно проводились прежде всего в отраслях, где доминировали мужчины, наши знания о том, как предотвратить женский травматизм, мягко говоря, весьма скудны. О поднятии тяжестей в строительстве мы знаем все: и максимальный вес, который мужчина может поднять без угрозы для здоровья, и как правильно поднимать и переносить тяжелые предметы. Но когда речь идет о поднятии тяжестей в процессе ухода за детьми, стариками и больными – что ж, это обычное женское дело, зачем здесь специальная подготовка?

Беатрис Буланже не получила специальной подготовки[499]. Начав работать помощницей по дому у пожилых людей, она «всему училась на месте». Ей нередко приходилось поднимать тяжести, в частности ворочать людей с избыточным весом. Однажды, помогая своей подопечной вылезать из ванны, она повредила плечо. «Вся костная ткань вокруг сустава была повреждена, – рассказывала она в интервью журналу *Hazards*, специализирующемуся на профессиональных заболеваниях. – Врачам пришлось удалить головку плечевой кости». В итоге Буланже понадобилась замена плечевого сустава, и теперь она больше не может трудиться на прежней работе.

Случай с Беатрис Буланже – не единственный. Женщины, работающие сиделками и уборщицами, иногда поднимают за смену больше тяжестей, чем строители или шахтеры[500]. «Раковину наверху установили только три года назад, – рассказывала в интервью сайту Equal Times женщина, работающая уборщицей в одном французском культурном центре[501]. – До этого нам приходилось таскать ведра с чистой водой наверх, а с грязной – вниз». И, в отличие от строителей и шахтеров, эти женщины, придя с работы домой, не отдыхают, а заступают на вторую, неоплачиваемую смену и снова поднимают тяжести, что-то ворочают, скребут и моют.

---

494 http://www.hse.gov.uk/statistics/history/historical-picture.pdf.

495 http://www.hse.gov.uk/statistics/pdf/fatalinjuries.pdf.

496 https://www.cdc.gov/mmwr/preview/mmwrhtml/mm4822a1.htm.

497 https://www.bls.gov/news.release/cfoi.nr0.htm.

498 https://www.equaltimes.org/the-invisible-risks-facing-working?lang=en#.W0oUw9gzrOT.

499 Там же.

500 http://www.hazards.org/vulnerableworkers/ituc28april.htm.

501 https://www.equaltimes.org/the-invisible-risks-facing-working?lang=en#.WsyCV9MbPOS.

В книге воспоминаний, вышедшей в 2018 г., профессор биологии из Монреальского университета генетик Карен Мессинг, посвятившая жизнь изучению женских профессиональных заболеваний, пишет, что «биомеханика подъема тяжестей и ее связь с размерами женской груди и болью в спине до сих пор не изучена»[502], хотя еще в 1990-е гг. инженер Анжела Тейт из Мемориального университета Ньюфаундленда предупреждала ученых о «мужском перекосе» в биомеханических исследованиях. Карен Мессинг также указывает, что к жалобам женщин на боль в мышцах и костях, связанную с работой, все еще относятся скептически, хотя уже накоплено достаточно данных, говорящих о том, что механизм возникновения боли у мужчин и женщин разный. При этом мы только сейчас спохватились, что все исследования боли проводятся на мышах-самцах[503].

Дефицит гендерных данных в области профессиональных заболеваний иногда пытаются оправдывать тем, что мужчины чаще женщин умирают на рабочем месте. Действительно, в самых страшных авариях на производстве по-прежнему погибают в основном мужчины, но это не вся правда. Дело в том, что несчастный случай – далеко не единственное, что может убить человека на работе. Более того, это даже не самое распространенное «орудие убийства» – оно лишь самое быстродействующее. Но работа может убивать и медленно.

От онкологических заболеваний, вызванных плохими условиями труда, ежегодно умирают 8000 человек[504]. Хотя большая часть исследований в этой области касалась мужчин[505], это вовсе не значит, что они страдают от этих заболеваний чаще женщин[506]. В последние 50 лет в экономически развитых странах уровень заболеваемости раком молочной железы значительно возрос[507], но, поскольку никто не исследовал тела умерших и не интересовался родом их занятий и условиями труда, данных, позволяющих точно определить причину такой динамики, слишком мало[508]. «О заболеваниях шахтеров из-за вдыхания пыли мы знаем всё, – говорит Рори О'Нил, профессор из Стерлингского университета, специалист по политике в области охраны труда и окружающей среды, – чего не скажешь о заболеваниях женщин, связанных с воздействием на их организм различных физических и химических факторов, которому они подвергаются на "женских" производствах».

В каком-то смысле эта проблема уходит корнями в историю. «При изучении многих заболеваний с длительным латентным периодом, таких как рак, – объясняет Рори О'Нил, – иногда требуются десятилетия, прежде чем гора мертвых тел станет достаточно большой, чтобы мы могли прийти к определенным выводам». Тела погибших в традиционно «мужских» отраслях – в горнодобывающей промышленности, в строительстве – мы подсчитывали на протяжении нескольких поколений. При этом мы считали именно мужские тела. Погибших или подвергавшихся вредному воздействию женщин, работавших в этих отраслях, «чаще всего не включали в статистику, так как они считались "искажающим фактором"». А в большинстве отраслей, где преобладают женщины, исследования не проводились вообще. Таким образом, даже если мы

---

[502] Messing, K. (in press), 'Fighting invisibility in the workplace: the struggle to protect health and support equality in the workplace' In Greaves, Lorraine (ed.) *A History of Women's Health in Canada,* Second Story Press.

[503] Cote, Julie (2012), 'A critical review on physical factors and functional characteristics that may explain a sex/gender difference in work-related neck/shoulder disorders', *Ergonomics*, 55:2, 173–82.

[504] https://www.hse.gov.uk/statistics/causdis/cancer.pdf.

[505] Rochon Ford, Anne (2014), "Overexposed, Underinformed": Nail Salon Workers and Hazards to Their Health / A Review of the Literature National Network on Environments and Women's Health', RPSFM (Reseau pancanadien sur la sante des femmes et le milieu).

[506] http://www.hazards.org/vulnerableworkers/ituc28april.htm.

[507] 'Breast Cancer and Occupation: The Need for Action: APHA Policy Statement Number 20146, Issued November 18, 2014', *NEW SOLUTIONS: A Journal of Environmental and Occupational Health Policy*; Rochon Ford (2014).

[508] Breast Cancer and Occupation: The Need for Action: APHA Policy Statement Number 20146, Issued November 18, 2014'; Brophy, James T., Keith, Margaret M. et al. (2012), 'Breast cancer risk in relation to occupations with exposure to carcinogens and endocrine disruptors: a Canadian case-control study', *Environmental Health*, 11:87.

начнем анализировать ситуацию сегодня, говорит О’Нил, потребуется целое поколение работников, прежде чем у нас появятся пригодные для анализа данные.

Но мы не начинаем анализировать ситуацию даже сегодня. Вместо этого мы по-прежнему опираемся на данные исследований, объектами которых были мужчины, полагая, что эти данные относятся и к женщинам. Уточним: объектом исследований были белые мужчины в возрасте от 25 до 30 лет, весом 70 кг. Таков Референтный Индивид – среднестатистический человек, уполномоченный представлять все человечество. Естественно, он не справляется с этой задачей.

Иммунная и гормональная системы мужчин и женщин работают по-разному, и, соответственно, мужской и женский организм по-разному реагирует на химические вещества[509]. Женщины обычно меньше ростом, чем мужчины, а кожа у них тоньше, поэтому их организм более чувствителен к воздействию токсинов. И без того более низкий порог чувствительности снижается из-за более высокого содержания в женском организме жира, в котором могут накапливаться некоторые химические вещества.

В результате уровень радиации, безопасный для Референтного Индивида, может оказаться далеко не безопасным для женщины[510]. Это относится и к целому ряду широко используемых химикатов[511]. Но, несмотря на это, при определении безопасных уровней радиации и предельно допустимых концентраций (ПДК) химических веществ до сих пор преобладает подход, по умолчанию опирающийся на особенности мужского организма, который считается универсальным для всех представителей человеческого рода[512]. Ситуация усугубляется методами тестирования химикатов. Начать с того, что их, как правило, тестируют по отдельности, причем только при однократном применении. Но женщины контактируют с ними практически постоянно (моющие средства, косметика), причем как дома, так и на работе.

В маникюрных салонах работают почти исключительно женщины (зачастую мигрантки). Они ежедневно подвергаются воздействию огромного количества химических веществ, которые «обычно входят в состав лаков для ногтей, жидкостей для снятия лака, гелей, шеллака, дезинфицирующих растворов и клеев, без которых немыслима работа мастеров»[513]. Среди этих химических веществ немало канцерогенных, а также вызывающих выкидыши, легочные заболевания и нарушения гормональных функций организма. По окончании рабочей смены женщины отправляются домой, где заступают на вторую, неоплачиваемую, смену, снова подвергаясь воздействию различных химических веществ, содержащихся в моющих средствах[514]. Воздействие этого химического коктейля на организм практически не изучено[515], хотя исследования показывают: смесь химических веществ может быть гораздо более токсичной, чем каждое вещество в отдельности[516].

Большая часть исследований рассматривает в первую очередь вредное воздействие химикатов, проникающих в организм через кожу[517]. Помимо того, что более тонкая, чем у мужчин, кожа облегчает проникновение химических веществ в женский организм, она не является единственными «воротами» для токсичных соединений, с которыми работают мастера мани-

---

509 Rochon Ford (2014).

510 https://www.passblue.com/2017/07/05/females-exposed-to-nuclear-radiation-are-far-likelier-than-males-to-suffer-harm.

511 Phillips, Ann M. (2014), ‘Wonderings on Pollution and Women’s Health’, in Scott, Dayna Nadine (ed.), *Our Chemical Selves: Gender, Toxics, and Environmental Health,* Vancouver.

512 Scott, Dayna Nadine and Lewis, Sarah (2014), ‘Sex and Gender in Canada’s Chemicals Management Plan’, in Scott, Dayna Nadine (ed.), *Our Chemical Selves: Gender, Toxics, and Environmental Health,* Vancouver.

513 Rochon Ford (2014).

514 Scott and Lewis (2014).

515 Rochon Ford (2014).

516 Scott and Lewis (2014).

517 Там же.

кюра. Многие жидкости летучи, то есть испаряются при комнатной температуре, и женщины вдыхают их вместе с обильной пылью, образующейся при обработке акриловых ногтей. Воздействие жидкостей и пыли на их здоровье практически не изучено.

Но данные, пускай даже разрозненные и неполные, постепенно накапливаются. Энн Рошон Форд, занимающаяся изучением женских заболеваний, рассказывает, как в Канаде начали осознавать, что это серьезная проблема. «В Торонто в один крупный медицинский центр поблизости от китайского квартала стало обращаться множество женщин с жалобами, типичными для пострадавших от вредного воздействия химических веществ», – говорит она. Оказалось, что все эти женщины работали в маникюрных салонах. Анализ проб воздуха, взятых в нескольких салонах, показал, что содержание химических веществ почти не превышает ПДК, принятые в отрасли. Но дело в том, что ПДК устанавливались исходя из данных, не учитывающих последствий длительного воздействия химикатов на организм. А оно особенно опасно, если речь идет о химических веществах, разрушающих эндокринную систему (ХВРЭС), потому что, в отличие от большинства токсинов, они могут нанести ущерб здоровью даже в очень малых дозах, и к тому же содержатся во многих пластиках, а также косметических и моющих средствах[518].

ХВРЭС имитируют – и поэтому нарушают – действие женских половых гормонов, «вызывая изменения в функционировании клеток и органов и механизмов обмена веществ и роста, а также нарушая репродуктивные функции»[519]. Данных об этих веществах и их воздействии на женский организм очень мало[520]. Однако этих данных достаточно, чтобы понять: надо остановиться, задуматься и начать систематически собирать сведения, чтобы закрыть информационную дыру.

Известно, что ХВРЭС могут вызывать рак молочной железы. Результаты ряда исследований показали, что косметологи подвержены особенно высокому риску таких заболеваний, как лимфома Ходжкина, множественная миелома и рак яичников[521]. Когда специалисты по охране труда и профессиональным заболеваниям Джим и Маргарет Брофи изучили химикаты, применяемые в производстве пластиковых деталей автомобилей, они «не обнаружили ни одного вещества, которое *не вызывало бы* подозрений с точки зрения вредного воздействия на организм» в плане провоцирования рака молочной железы и нарушений функций эндокринной системы. «Представьте, что вы отдыхаете на природе, сидя с друзьями у костра, и вдруг кто-то бросает в огонь пластиковую бутылку или одноразовый стаканчик. Люди вскакивают и разбегаются, – говорит Джим Брофи. – Одной только едкой вони достаточно, чтобы понять: материалы, из которых сделаны эти предметы, токсичны. Но женщины, которые их делают, вдыхают яды каждый день. Они работают на формовочных машинах, нагревающих пластмассовые гранулы, содержащие множество ХВРЭС».

У женщин, работающих на производстве, где используются либо канцерогены, вызывающие рак молочной железы, либо ХВРЭС, риск развития рака молочной железы увеличивается на 42 %. Джим и Маргарет Брофи также обнаружили, что после десяти лет работы на предприятии по производству пластиковых деталей автомобилей этот риск становится еще выше. «А для женщин моложе 50 лет (у которых еще не наступила менопауза), работающих на таком производстве, риск получить это заболевание в пять раз выше», – указывают они. Даже год работы увеличивает вероятность развития рака молочной железы на 9 %[522].

518 Rochon Ford (2014).

519 Scott and Lewis (2014).

520 Breast Cancer and Occupation: The Need for Action: APHA Policy Statement Number 20146, Issued November 18, 2014', *NEW SOLUTIONS: A Journal of Environmental and Occupational Health Policy.*

521 Rochon Ford (2014).

522 Brophy et al. (2012).

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Европейский союз и Международное эндокринологическое общество опубликовали подробные доклады об опасности ХВРЭС, причем эндокринологи особо подчеркивают, что использованием таких веществ обусловлен значительный рост заболеваемости раком молочной железы в экономически развитых странах[523]. Но до сих пор во многих странах регулирование использования ХВРЭС носит в лучшем случае спорадический характер. Некоторые фталаты – химические вещества, используемые для размягчения пластиков и нарушающие работу эндокринной системы, – содержатся в «самых разных потребительских товарах – от детских игрушек до штор для ванных, а также в лаке для ногтей, парфюмерии и увлажняющих кремах, и даже в оболочке лекарственных препаратов и пластиковых трубках различных медицинских устройств».

В Канаде их использование «напрямую регулируется только в производстве мягких виниловых изделий для детей; в канадской косметической промышленности регулирование практически отсутствует». В ЕС с 2015 г. запрещено производство ХВРЭС (за немногими исключениями), но разрешен импорт содержащей их продукции. В США нет федеральных законов, обязывающих производителей моющих средств указывать на упаковке их состав (а между тем в этой стране женщины выполняют 70 % работы по уборке жилья, а их доля в общей численности работников, занимающихся уборкой чужого жилья и отелей, достигает 89 %; при этом среди них много представительниц этнических меньшинств). В недавно опубликованном докладе подчеркивается, что ХВРЭС содержатся даже в считающихся «экологически чистыми» моющих средствах[524]. Когда в 2014 г. были протестированы женские гигиенические прокладки Always, в них обнаружили «ряд химических веществ, либо канцерогенных, либо негативно влияющих на репродуктивные функции и развитие плода, включая стирол, хлороформ и ацетон»[525].

Ясно, что нам нужно больше достоверных данных о влиянии химических веществ на женский организм. Нам нужны данные об их воздействии именно на женский организм, в том числе на репродуктивные функции[526]. Необходимо оценивать их воздействие на женщин, а не только на эмбрионы и новорожденных, как это чаще всего делается[527]. Нам нужно, чтобы исследователи понимали, что из-за неоплачиваемой трудовой нагрузки в виде работы по дому женщины часто бросают работу и уходят с рынка труда или работают по совместительству (подвергаясь, по выражению Рори О'Нила, воздействию «коктейля из химических веществ»), а это означает, что изучение воздействия химикатов на женское здоровье только на одном рабочем месте и в один определенный момент может стать причиной серьезной нехватки гендерных данных[528].

Нет никаких сомнений в том, что нехватка гендерных данных в области охраны труда становится причиной гибели женщин. И нет сомнений, что нужно срочно начать систематически собирать данные о женщинах, погибающих из-за плохих условий труда. Но требуется кое-что еще, потому что, как показывает живучесть мифа о меритократии, мало ликвидировать нехватку гендерных данных. Это всего лишь первый шаг. Следующий, главный шаг – сделать так, чтобы государство и бизнес использовали эти данные при разработке соответствующей политики. Пока этого не происходит.

В Канаде, даже когда данные о воздействии химических веществ на человеческий организм в разбивке по половому признаку имеются, государство «продолжает применять усред-

---

523 Breast Cancer and Occupation: The Need for Action: APHA Policy Statement Number 20146, Issued November 18, 2014', *NEW SOLUTIONS: A Journal of Environmental and Occupational Health Policy*.

524 https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2015/may/05/osha-health-women-breast-cancer-chemicals-work-safety.

525 https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2015/apr/30/fda-cosmetics-health-nih-epa-environmental-working-group.

526 Rochon Ford (2014); Brophy et al. (2012); Scott and Lewis (2014).

527 Scott and Lewis (2014).

528 Brophy et al. (2012).

ненные, не учитывающие половую принадлежность дневные нормы безопасного потребления многих веществ»[529]. В Великобритании, где около 2000 женщин ежегодно заболевают раком молочной железы, вызванным воздействием химических веществ на работе и дома, «эта разновидность рака молочной железы даже не включена в официальный перечень заболеваний»[530]. Также воздействие асбеста не связывают с раком яичников, несмотря на то, что это вещество стоит на первом месте в списке факторов риска возникновения заболевания, составленного Международным агентством по изучению рака, а рак яичников – самое распространенное гинекологическое онкологическое заболевание в Великобритании. Более того, Управление по вопросам здравоохранения, техники безопасности и охраны труда даже не отслеживает случаи заболевания раком яичников, вызванного воздействием асбеста, и не включает их в статистику.

●●●

Игнорирование рисков для здоровья женщин в отраслях, где они традиционно составляют большинство занятых, отчасти объясняется тем, что нередко на рабочем месте женщины занимаются тем же, чем и дома (хотя и в более крупных масштабах и, следовательно, подвергаясь более разрушительному воздействию). Однако дефицит данных о негативном влиянии условий труда на здоровье женщин наблюдается не только в отраслях, где они преобладают. Как мы уже писали, женщин, работающих в традиционно «мужских» отраслях, считают «искажающим фактором» и не включают в статистику.

В результате даже в отраслях, давно имеющих хорошую репутацию с точки зрения условий труда и производственной безопасности, женщин до сих пор игнорируют. В США, где в 2007 г. в сельскохозяйственном производстве было занято около миллиона женщин, «практически все ручные орудия труда и машинное оборудование, которые можно найти на рынке, разработаны либо для мужчин, либо для некоего “стандартного” пользователя, рост, вес, сила и другие антропометрические данные которого соответствуют показателям среднестатистического мужчины»[531]. Неудивительно, что сельскохозяйственные орудия слишком тяжелы или громоздки для женщин; ручные инструменты неудобны; ручки и рукоятки не подходят женщинам ни по толщине, ни по длине (женские руки в среднем примерно на 2 см короче мужских); сельскохозяйственные машины слишком тяжелы и неудобны в управлении (например, педали в кабинах тракторов располагаются слишком далеко от сиденья).

Данных о женском травматизме в строительной отрасли мало, однако Нью-Йоркский комитет по технике безопасности и охране труда ссылается на результаты исследования, проведенного американским профсоюзом плотников, которые показали, что женщины чаще мужчин получают травмы, связанные с растяжениями, деформациями и поражением нервов в области запястья и предплечья. Не имея данных, трудно с уверенностью сказать, в чем причина этого расхождения, но вряд ли мы погрешим против истины, предположив, что травмы случаются из-за «стандартных» характеристик строительных инструментов и оборудования, разработанных в расчете на среднестатистического мужчину.

Венди Дэвис, экс-директор британского кооператива Women's Design Service, работающего над созданием комфортной для женщин городской среды, критикует стандартный вес мешка с цементом. Мешок легко поднимет мужчина, но для женщин он слишком тяжел. «Если бы он был немного поменьше, женщины тоже без труда могли бы его поднять», – говорит она. Венди Дэвис не нравятся и стандартные размеры кирпича. «У меня есть фотографии моей

---

529 Scott and Lewis (2014).

530 http://www.hazards.org/compensation/meantest.htm.

531 'Designing Tools and Agricultural Equipment for Women', poster produced by Aaron M. Yoder, Ann M. Adams and Elizabeth A. Brensinger, for 2014 Women in Agriculture Educators National Conference.

[взрослой] дочери с кирпичом в руках. Держать его одной рукой она не может. Зато кирпич легко ложится в руку [ее мужа] Дэнни. Почему кирпич должен быть именно такого размера? Его надо изменить». Венди Дэвис также отмечает, что стандартная папка для чертежей формата А1, которую носят с собой архитекторы, удобна для мужчин, а вот женские руки для нее слишком коротки. (Венди снова демонстрирует фотографии дочери и ее мужа.) Нью-Йоркский комитет по технике безопасности и охране труда тоже указывает на то, что «стандартные ручные инструменты, в том числе гаечные и разводные ключи, как правило, слишком громоздки для женских рук»[532].

Женщины, служащие в армии, тоже страдают от неприспособленной к особенностям их телосложения техники, сконструированной с расчетом на стандартного мужчину. В ходе своих изысканий я наткнулась на одну штуку, которая красиво называется «тактильная система улучшения ситуационной осведомленности». Это жилет, предназначенный для пилотов ВВС и оснащенный 32 датчиками, вибрирующими, если летчице требуется изменить положение: пилоты иногда теряют ориентацию в пространстве и не могут правильно воспринимать положение или перемещение самолета относительно земли. Я намеренно пишу «летчице», а не «летчику», потому что в обзоре «Тактильная чувствительность и тактильное взаимодействие человека с машиной» указано, что «тактильная система улучшения ситуационной осведомленности позволяет летчику определять его положение по отношению к земле»[533]. Здесь явно имеется в виду пилот-мужчина, поскольку ниже мимоходом говорится, что «датчики лучше работают на коже на твердых участках тела, покрытых волосами, и хуже – на мягких участках тела». Доля женщин в личном составе ВВС США достигает 20 %, и, учитывая, что у женщин есть грудь, причем не поросшая волосами, указанные характеристики системы могут осложнить ее использование женщинами[534].

Нежелание учитывать особенности телосложения женщин-военнослужащих приводит не только к сбоям в работе техники, но и к травмам. Установлено, что женщины, служащие в британской армии, получают травмы опорно-двигательного аппарата до семи раз чаще, а стрессовые переломы таза и бедра – в десять раз чаще, чем мужчины, даже если не уступают им по «аэробному соответствию и выносливости»[535].

Причиной большего по сравнению с мужчинами количества случаев стрессовых переломов таза у женщин является то, что я называю «эффект Генри Хиггинса». В мюзикле 1956 г. «Моя прекрасная леди» фонетист Генри Хиггинс теряется, когда после нескольких месяцев муштры и язвительных замечаний с его стороны Элиза Дулитл вдруг начинает огрызаться. «Почему женщина не может быть больше похожа на мужчину?» – ворчит Хиггинс. Это вечный вопрос, и ответ на него один: женщин нужно исправить. Ничего удивительного, ведь в нашем мире мужской пол считается универсальным, а женский – нетипичным.

Командование британской армии всегда представляло собой сплоченную группу преданных последователей Генри Хиггинса. До 2013 г., когда три женщины, служившие в Королевских ВВС (одна из которых получила четыре перелома таза, после чего ее признали непригодной к военной службе[536]), подали в суд, женщины-военнослужащие были вынуждены шагать в ногу с мужчинами в самом прямом смысле, то есть стараться, чтобы длина их шага соответствовала длине шага мужского (средняя длина мужского шага на 9–10 % превышает длину женского)[537]. С тех пор как Армия Австралии уменьшила «официальную» длину женского шага с

---

[532] https://nycosh.org/wp-content/uploads/2014/09/Women-in-Construction-final-11-8-13-2.pdf.

[533] Myles, Kimberly and Binseel, Mary S. (2007), 'The Tactile Modality: A Review of Tactile Sensitivity and Human Tactile Interfaces', Army Research Laboratory.

[534] https://www.afpc.af.mil/About/Air-Force-Demographics/.

[535] https://www.globalsecurity.org/military/library/report/2014/uk-women-in-gcc-review-paper_20141219.pdf.

[536] https://www.theguardian.com/uk-news/2013/nov/24/female-raf-recruits-compensation-marching-injuries.

[537] Laperriere, Eve, Messing, Karen and Bourbonnais, Renee (2017), 'Work activity in food service: The significance of customer

76 до 71 см, количество случаев перелома таза у женщин снизилось. И, что особенно радует, после того как женщин перестали заставлять маршировать в ногу с мужчинами, конец света не наступил.

Ситуация усугубляется тяжелой боевой экипировкой, которую вынуждены таскать на себе солдаты[538]. Дело в том, что по мере роста нагрузки длина шага у женщин сокращается, а у мужчин «почти не меняется». Этим отчасти объясняются результаты исследований, проведенных в США, которые показали, что, если вес экипировки составляет более 25 % веса несущей ее женщины, риск получить травму возрастает в пять раз[539]. Если бы конструкция рюкзаков учитывала особенности женского организма, тяжелая боевая выкладка не была бы проблемой, но она их не учитывает. Женщины часто страдают от того, что рюкзаки («сконструированные в соответствии с антропометрическими показателями мужчин») неплотно прилегают к спине, пистолетные ремни слишком длинны или коротки, а лямки рюкзака неудобны[540]. Результаты исследований позволяют предположить, что «хорошо пригнанная поясная сумка позволила бы перераспределить нагрузку со спины на бедра», что позволило бы женщинам задействовать сравнительно более сильные мышцы бедер[541]. Дело в том, что у мужчин мышцы верхней части туловища в среднем развиты на 50 %, а нижней части – лишь на 25 % лучше, чем у женщин. Но женщины вынуждены таскать рюкзаки, сконструированные в расчете на эту особенность мужского организма (более сильную верхнюю часть туловища), и им приходится вытягивать шею и выставлять плечи вперед, что приводит к травмам и уменьшает длину шага.

Рюкзаки – не единственная часть обмундирования, не учитывающая особенности женского организма. Лишь в 2011 г., спустя 35 лет после того как женщин начали принимать в военные академии США, для них впервые была разработана военная форма, учитывающая наличие бедер и груди[542]. Было изменено и положение наколенников (женские ноги короче мужских). Кроме того (и это, надо полагать, больше всего понравилось широкой публике), был изменен покрой брюк: сообщалось, что дизайнеры отказались от традиционной, в стиле унисекс, застежки-молнии спереди, сконструировав брюки таким образом, чтобы женщины могли мочиться, не спуская их. Но даже несмотря на то, что американские военные наконец-то признали тот факт, что женская фигура отличается от мужской, сделано еще не все: конструкция ботинок не учитывает, что ступни у женщин обычно уже, а подъем – выше, чем у мужчин. По данным *The Washington Times*, армия США закупает «самые разные ботинки – для жары и холода, для боевых действий в горах и пустыне, для сухой и дождливой погоды»[543]. Самые разные – да, но только не предназначенные для представительниц «нетипичного» пола.

Женщины, вынужденные работать на открытом воздухе, из-за покроя униформы, рассчитанного на мужчин, сталкиваются с проблемой каждый раз, когда им требуется помочиться. В Великобритании всем служащим береговой охраны выдают цельнокроеные комбинезоны, которые надеваются под другие средства индивидуальной защиты (СИЗ) – штормовки, спасательные жилеты, обвязку и т. д. Двойная молния спереди очень функциональна, если вы мужчина, но, как заметила одна дама, которую процитировали в докладе Конгресса тред-юнионов 2017 г., мочеиспускание становится «серьезным испытанием» для женщин, поскольку,

---

relations, tipping practices and gender for preventing musculoskeletal disorders', *Applied Ergonomics*, 58, 89–101.

[538] Friedl, Karl E. (2012), 'Military Quantitative Physiology: Problems and Concepts in Military Operational Medicine', Office of the Surgeon General, Department of the Army, United States of America; Knapik, Joseph and Reynolds, Katy (2012), 'Load Carriage in Military Operations A Review of Historical, Physiological, Biomechanical, and Medical Aspects', Walter Reed Army Medical Center, US Army Medical Department Center & School.

[539] https://www.globalsecurity.org/military/library/report/2014/uk-women-in-gcc-review-paper_20141219.pdf.

[540] Там же.

[541] Там же.

[542] http://www.independent.co.uk/news/world/americas/dressed-to-kill-usarmy-finally-designs-a-female-uniform-that-fits-2274446.html.

[543] https://www.washingtontimes.com/news/2015/may/14/military-pressed-to-design-line-of-women-friendly-/.

чтобы расстегнуть комбинезон, приходится сначала снимать все надетые поверх него СИЗ[544]. «Несчастные случаи, в связи с которыми к нам обращаются, обычно влекут за собой долгие, иногда многочасовые поиски пострадавших, – объяснила она, – так что можете себе представить, каково приходится женщинам, служащим в береговой охране. Мы предложили командованию заменить комбинезоны брюками и курткой, так как в этом случае, чтобы пописать, достаточно было бы просто стянуть брюки, но, хотя командование признало идею правильной, для ее реализации до сих пор ничего не сделано».

Одна женщина, занимающаяся изучением климатических изменений на Аляске, тоже натерпелась из-за комбинезонов, скроенных в расчете на мужчин[545]. При экстремально низких температурах без комбинезона не обойтись, но, увы, он застегивается на молнию. Женщинам это неудобно, даже если туалет находится в помещении, – ведь приходится стягивать верхнюю часть комбинезона, а это отнимает время. Но если справлять нужду приходится на открытом воздухе, проблема становится намного серьезнее – можно запросто получить обморожения. Для решения этой проблемы женщина, о которой идет речь, приобрела мочеприемник – воронкообразное пластиковое приспособление, позволяющее мочиться стоя, но в итоге пролила мочу на себя. И почему женщина не может быть больше похожа на мужчину?

В Соединенном Королевстве работодатели по закону обязаны бесплатно предоставлять работникам хорошо подогнанные СИЗ. Но большинство СИЗ сконструировано с учетом размеров и анатомических особенностей мужчин, проживающих в Европе и США. Конгресс тред-юнионов установил, что работодатели часто считают: женщинам сгодятся и мужские СИЗ меньших размеров[546]. Исследование, проведенное в 2009 г. Женским инженерным обществом, показало, что 74 % СИЗ разработано с расчетом на мужчин[547]. Опрос женщин, работающих в самых разных отраслях – от служб экстренной помощи до строительства и энергетики, – проведенный в 2016 г. профсоюзом Prospect, показал, что лишь 29 % опрошенных получали СИЗ, предназначенные специально для женщин[548], а в докладе Конгресса тред-юнионов 2016 г. отмечалось, что «менее 10 % женщин, занятых в энергетическом секторе, и всего 17 % женщин, работающих в строительстве, пользуются СИЗ, разработанными специально для них»[549]. Одна женщина, работающая на железной дороге, сформулировала проблему так: «СИЗ маленьких размеров а) практически нет и б) это те же мужские СИЗ, только меньших размеров».

Такой «унисекс-подход» к СИЗ может привести к «серьезным проблемам», предупреждает Конгресс тред-юнионов. Ремни безопасности, сконструированные без учета особенностей женского телосложения (размеров груди, ягодиц и бедер) могут оказаться бесполезными. «Стандартный» американский трафарет для изготовления защитных масок и очков, разработанный в расчете на мужчин, не годится для большинства женщин (а также многих чернокожих мужчин и представителей этнических меньшинств обоих полов). С ботинками тоже беда. Одна женщина, служащая в полиции, рассказала Конгрессу тред-юнионов о том, как пыталась раздобыть ботинки, которые подходили бы женщинам, ведущим расследование на месте преступления. «Нам выдают те же ботинки из набора СИЗ, что и мужчинам, – сказала она. – Но мы считаем их неудобными: они слишком тяжелые и давят на ахиллово сухожилие. На складе, где мы получаем форму, отказались обсуждать этот вопрос».

---

544 https://www.tuc.org.uk/sites/default/files/PPEandwomenguidance.pdf.

545 https://blogs.scientificamerican.com/voices/one-more-barrier-faced-by-women-in-science/.

546 https://www.tuc.org.uk/sites/default/files/PPEandwomenguidance.pdf.

547 https://www.wes.org.uk/sites/default/files/WES%20safety%20survey%20results%20March%202010.pdf.

548 https://members.prospect.org.uk/news/id/2016/June/21/Women-workers-highlight-problems-with-ill-fitting-protective-equipment.

549 https://www.tuc.org.uk/sites/default/files/2016-01299-Leaflet-booklet-Women%27s-PPE-One-Size-Does-Not-Fit-All-Version-26-09-2016%20%282%29.pdf.

Но дело не только в удобстве. Плохо подогнанные СИЗ мешают женщинам работать и даже, как ни странно, иногда становятся источником опасности, хотя предназначены для защиты. Нью-Йоркский комитет по технике безопасности и охране труда отмечает, что слишком свободная одежда и перчатки могут попасть в механизмы, а большие не по размеру ботинки затрудняют передвижение[550]. В ходе опроса, проведенного в 2016 г. журналом *Prospect*, 57 % респондентов сообщили, что СИЗ «иногда или часто мешают в работе»[551]. То же самое заявили 60 % респондентов в ходе опроса, проведенного Женским инженерным обществом. Одна женщина, работающая на железнодорожном транспорте, сказала, что в «стандартных» перчатках 13-го размера[552], которые ей выдают, «опасно подниматься на локомотив и спускаться с него», на что она и пожаловалась начальству. Она, правда, не сообщила, сколько времени ушло у руководства на то, чтобы заказать перчатки нужного размера, но другая женщина, которая тоже мучилась со «стандартными» перчатками 13-го размера, призналась журналу *Prospect*, что в ее случае на это потребовалось два года.

В докладе Конгресса тред-юнионов 2017 г. подчеркивается, что проблема с неудобными СИЗ острее всего стоит в службах экстренной помощи: только 5 % работающих в них женщин сказали, что СИЗ не мешают им работать, притом что все без исключения бронежилеты, жилеты, защищающие от ножевых ранений, светоотражающие жилеты и куртки были оценены как неудобные[553]. Эта проблема, видимо, наблюдается во всех странах: в 2018 г. в Испании женщина, служащая в полиции, получила дисциплинарное взыскание за ношение женской пуленепробиваемой куртки, которую она купила себе сама (за €500), поскольку «стандартная» мужская куртка была ей велика[554]. Пилар Вильякорта, секретарь по делам женщин Объединенной ассоциации служащих Гражданской гвардии Испании, заявила *The Guardian*, что куртки слишком большого размера не только не защищают женщин, служащих в полиции, но и являются источником опасности: они болтаются на теле и «мешают женщинам-полицейским выхватывать оружие, наручники и дубинки»[555].

При выполнении оперативной работы плохо подогнанные СИЗ могут стать источником смертельной опасности. В 1997 г. британская женщина-полицейский при исполнении служебных обязанностей получила ножевое ранение и скончалась. Она пыталась взломать дверь с помощью гидравлического тарана. Поскольку бронежилет мешал работать, она сняла его и в результате погибла. Через два года другая сотрудница полиции рассказала, что ей пришлось сделать операцию по уменьшению груди, так как из-за ношения бронежилета у нее возникли проблемы со здоровьем. После этого еще 700 сотрудниц полиции пожаловались на «стандартный» защитный жилет[556]. Британские женщины-полицейские сообщают, что форменные ремни оставляют на теле синяки и что некоторым из них пришлось пройти курс физиотерапии, поскольку жилеты, защищающие от ножевого ранения, плохо сидели и были тесны в груди. Это не только неудобно, но и небезопасно: на женской груди жилеты топорщатся, задираются и перестают защищать нижнюю часть туловища. А если они не защищают, зачем их тогда носить?

---

550 https://nycosh.org/wp-content/uploads/2014/09/Women-in-Construction-final-11-8-13-2.pdf.

551 https://members.prospect.org.uk/news/id/2016/June/21/Women-workers-highlight-problems-with-ill-fitting-protective-equipment.

552 То есть самого большого.

553 https://www.tuc.org.uk/sites/default/files/PPEandwomenguidance.pdf.

554 https://www.theguardian.com/world/2016/sep/25/spain-guardia-civil-sexism-women-bulletproof-jackets?client=safari.

555 Там же.

556 https://www.tuc.org.uk/sites/default/files/PPEandwomenguidance.pdf.

Глава 6
Дешевле пары туфель

В 2008 г. разразился грандиозный скандал, связанный с использованием бисфенола А (БФА). Начиная с 1950-х гг. это синтетическое соединение использовалось в производстве прозрачного долговечного пластика, и его можно было обнаружить в миллионах товаров широкого потребления – от бутылочек для детского питания и упаковок для пищевых продуктов до труб магистральных водопроводов[557]. К 2008 г. в мире ежегодно производилось 2,7 млн тонн БФА. Он был настолько распространен, что в США его обнаруживали даже в моче детей младше шести лет[558]. Но неожиданно Министерство здравоохранения США заявило, что это вещество, с которым ежедневно контактировали практически все люди, способно вызывать рак и хромосомные аномалии, нарушать работу мозга и обмен веществ, влиять на поведение и, главное, создавать проблемы для здоровья даже в концентрациях, не превышающих установленные регулятором предельно допустимые нормы. Естественно, началось настоящее светопреставление.

Скандал с БФА очень поучителен: он показывает, к чему приводит игнорирование данных о воздействии химикатов на здоровье женщин. Ведь уже с середины 1930-х гг. было известно, что БФА может имитировать женский гормон эстроген. А не позднее 1970-х гг. мы узнали, что синтетический эстроген может вызывать у женщин рак: в 1971 г. препарат диэтилстильбэстрол (ДЭС) – еще один синтетический эстроген, который в течение 30 лет прописывали миллионам беременных женщин, был запрещен после сообщений о редких формах вагинального рака у молодых женщин, получавших его в утробе принимавших препарат матерей[559]. К концу 1980-х гг. объем производства БФА в Соединенных Штатах «резко возрос и составил почти 500 000 тонн в год, поскольку образовались новые рынки сбыта поликарбонатов, – они использовались в производстве компакт-дисков, DVD, бутылок для воды и бутылочек для детского питания, а также лабораторного и медицинского оборудования»[560].

Но скандал с БФА – история не только гендерная, но и классовая, или, во всяком случае, гендерно-классовая. Опасаясь массового бойкота со стороны потребителей, большинство производителей бутылочек для детского питания добровольно отказались от использования БФА. В США, правда, это вещество пока официально не признано токсичным, но ЕС и Канада намереваются полностью запретить его использование. Но беда в том, что действующее законодательство защищает лишь потребителей, а не тех, кто контактирует с БФА на производстве[561]. «Довольно странно, – говорит специалист по охране труда и профессиональным заболеваниям Джим Брофи, – что все говорят об опасности БФА для беременных и рожениц, но забывают о женщинах, которые *производят* бутылочки для детского питания и которые на производстве подвергаются *намного* более сильному воздействию этого вещества, чем те, кто сталкивается с ним в быту. Никто не вспоминает о беременных женщинах, работающих на формовочном станке и штампующих эти бутылочки».

Это большая ошибка, считает Джим Брофи. Безопасность трудящихся должна быть приоритетным направлением государственной политики в области здравоохранения, хотя бы потому, что «трудящиеся – фундамент общества». Если бы случаи заболевания раком молоч-

---

[557] Vogel, Sarah A. (2009), The Politics of Plastics: The Making and Unmaking of Bisphenol A 'Safety', *American Journal of Public Health*. 99:3, 559–566.

[558] http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/04/15/AR2008041501753.html.

[559] Vogel, Sarah A. (2009).

[560] Там же.

[561] Там же.

ной железы у женщин, занятых в производстве пластиковых деталей автомобилей, выявлялись и регистрировались, «если бы мы больше заботились о сборе данных о состоянии здоровья работников, изо дня в день контактирующих с вредными веществами», это способствовало бы «принятию самых серьезных мер по регулированию применения этих веществ в производстве товаров широкого потребления». Эти меры, в свою очередь, оказали бы «колоссальное положительное воздействие на здоровье населения».

Но нас это почему-то не волнует. В Канаде, где работает специалист по женским заболеваниям Энн Рошон Форд, в 2013 г. было урезано финансирование пяти исследовательских центров (в том числе того, где работает сама Форд), созданных в 1990-х гг. и занимающихся проблемами здоровья женщин. Такая же история, по словам Рори О'Нила, происходит и в Великобритании, где «государственное финансирование исследований в этой области было резко сокращено». Поэтому компании химической промышленности и смежных отраслей, «не испытывающие недостатка в финансовых ресурсах», годами успешно сопротивляются государственному регулированию, выступая против запретов и ограничений. Производители утверждают, что добровольно отказались от использования некоторых соединений, однако выборочное тестирование их продукции показывает, что эти вещества по-прежнему применяются. Компании не признают результаты исследований и другие доказательства негативного влияния токсичных веществ на здоровье потребителей[562]. В период с 1997 г. по 2005 г. в мире было проведено 115 исследований, касающихся БФА. Результаты 90 % исследований, финансируемых государством, показали, что БФА воздействует на состояние здоровья даже в дозах, не превышающих официальные ПДК. В то же время ни одно из одиннадцати исследований, финансируемых компаниями химической отрасли, не выявило каких-либо последствий воздействия химикатов на здоровье населения[563].

В результате рабочие места остаются небезопасными. Джим Брофи говорит, что вентиляционные системы, которые он видел на большинстве предприятий по производству пластиковых деталей автомобилей, представляют собой всего лишь «потолочные вентиляторы: естественно, ядовитые пары наполняют воздух, которым дышат работники, и улетучиваются через крышу здания; летом, в жару, когда они видны невооруженным глазом, женщины просто открывают наружные двери». Та же история и в канадских маникюрных салонах, уверяет Энн Рошон Форд. «Вот где настоящий Дикий Запад! – возмущается она. – Раньше открыть маникюрный салон мог любой желающий. Лишь с недавнего времени для этого требуется лицензия». Но и лицензирование – «недостаточно эффективная» мера. Закон не предусматривает требований ни к вентиляции, ни к подготовке специалистов и не обязывает мастеров носить перчатки и маски. Впрочем, даже установленные законом требования не выполняются до тех пор, пока кто-нибудь не пожалуется.

Но здесь мы сталкиваемся с новой проблемой: а кто, собственно, пожалуется? Только не сами мастера маникюра. Женщины, работающие в маникюрных салонах, на предприятиях по производству пластиковых деталей автомобилей и на множестве других вредных производств, обычно принадлежат к самой уязвимой и бесправной категории работников. Это представительницы беднейших слоев рабочего класса. Среди них много мигранток, которые не могут позволить себе поставить под угрозу свой иммиграционный статус. Они – идеальные объекты эксплуатации.

Как правило, предприятия по производству пластиковых деталей автомобилей не входят в состав крупных автоконцернов, таких как Ford. Чаще всего это независимые поставщики, чья рабочая сила «не объединена в профсоюзы» и «неспособна бороться с вопиющими нару-

---

[562] https://www.nytimes.com/2015/05/11/nyregion/nail-salon-workers-in-nyc-face-hazardous-chemicals.html; 'Breast Cancer and Occupation: The Need for Action: APHA Policy Statement Number 20146, Issued November 18, 2014', *NEW SOLUTIONS: A Journal of Environmental and Occupational Health Policy*.

[563] Vogel, Sarah A. (2009).

шениями требований производственной безопасности», поясняет Энн Рошон Форд. К тому же в городе Уинсор в провинции Онтарио, в этом сердце канадского автопрома, один из самых высоких уровней безработицы в стране. Соответственно, работники прекрасно знают, что, если потребуют улучшения условий труда, им скажут: «Не нравится? Катитесь! Десять женщин ждут за дверью, чтобы получить вашу работу». «Я цитирую работниц завода слово в слово», – уверяет Энн Рошон Форд.

Но позвольте, это же незаконно? Ну да, конечно. За прошедшие сто лет базовые права трудящихся были закреплены в законе. В разных странах ситуация разная, но, как правило, эти права включают право на оплачиваемый отпуск по болезни, отпуск по беременности и родам, право на фиксированную рабочую неделю и защиту от несправедливого и/или внезапного увольнения. Но соблюдения этих прав могут требовать только штатные работники. А сегодня все больше трудящихся не имеет этого статуса.

Во многих маникюрных салонах мастера и другие работницы не состоят в штате, а являются формально «независимыми контракторами». Это играет на руку работодателям: риски, с которыми всегда сопряжен бизнес, всецело зависящий от потребительского спроса, перекладываются на работниц, готовых трудиться сколько угодно без всяких гарантий занятости. В салоне мало клиентов? Можете не приходить на работу и сидеть без денег. Нанесли мелкий урон? Убирайтесь вон и не заикайтесь о выходном пособии.

В 2015 г. газета *The New York Times* опубликовала историю мастера маникюра Цинь Лин, 47 лет, которая нечаянно пролила жидкость для снятия лака на ноги клиентки – прямо на туфельки Prada[564]. «Клиентка потребовала компенсации, и хозяин салона заплатил ей $270, которые вычел из зарплаты Цинь Лин», а ее саму уволил. «Я стою дешевле пары туфель», – резюмировала она. История Цинь Лин стала поводом для журналистского расследования. *The New York Times* вскрыла «всевозможные издевательства» владельцев маникюрных салонов над работницами, в том числе установку камер постоянного видеонаблюдения, словесные оскорбления и оскорбления действием[565]. Иски, поданные в нью-йоркские суды, включали обвинения в том, что работниц вынуждают работать по 60 часов в неделю при оплате $1,50 в час, и в том, что в дни, когда в салоны приходит мало клиентов, мастера ничего не получают и вынуждены сидеть голодными.

После публикации материалов расследования *The New York Times* в Нью-Йорке было введено лицензирование маникюрных салонов. Был установлен минимальный размер заработной платы, владельцев салонов обязали вывешивать в залах «билли о правах» работников, отпечатанные на нескольких языках[566]. Но в других городах США и других странах мира мастерам маникюра по-прежнему приходится несладко. В Великобритании лицензирование и регулирование работы маникюрных салонов остается делом добровольным[567], что на практике обычно означает отсутствие какого-либо регулирования. В докладе 2017 г. указано, что работают в салонах в основном вьетнамки, которые, по сути, являются «современными рабами»[568].

Маникюрные салоны – лишь вершина айсберга, лишь один пример фактического отсутствия регулирования трудовых отношений. В трудовом законодательстве масса пробелов, которыми вовсю пользуются работодатели. Контракты с нулевым временем[569], краткосрочные контракты, агентские договоры – все это теперь красиво называется «гиг-экономикой»

---

[564] https://www.nytimes.com/2015/05/10/nyregion/at-nail-salons-in-nyc-manicurists-are-underpaid-and-unprotected.html.

[565] https://www.nytimes.com/2015/05/10/nyregion/at-nail-salons-in-nyc-manicurists-are-underpaid-and-unprotected.html.

[566] https://www.theguardian.com/world/2017/sep/11/slavery-report-sounds-alarm-over-vietnamese-nail-bar-workers.

[567] https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/jan/05/nail-bars-modern-slavery-discount-salons-booming-exploitation.

[568] https://www.theguardian.com/world/2017/sep/11/slavery-report-sounds-alarm-over-vietnamese-nail-bar-workers.

[569] Контракт с нулевым временем (англ. zero-hour contract) – договор между работодателем и работником, не обязывающий первого предоставлять второму определенное количество оплачиваемых рабочих часов, а второго – выполнять любую предложенную работу.

от Кремниевой долины, но работникам от этого не легче. На самом деле гиг-экономика чаще всего выступает лишь инструментом, позволяющим работодателям нарушать базовые трудовые права работников. Разовые контракты создают порочный круг: они не обеспечивают защиту прав работников, поэтому последние боятся отстаивать свои права, рискуя потерять те из них, которые еще *соблюдаются*, и круг замыкается. Исследование в области занятости, проведенное Конгрессом тред-юнионов, показало, что в Великобритании, где самые высокие в ЕС темпы роста прекаризированной[570] занятости[571], работодатели используют разовые контракты для прикрытия нарушений прав трудящихся[572].

Естественно, гендерные аспекты последствий явления, которое Международная конфедерация профсоюзов называет «колоссальным ростом прекаризированной занятости», практически не изучены[573]. По данным упомянутой организации, последствия этого роста для женщин «почти не находят отражения в официальной статистике и государственной политике», поскольку «стандартные показатели и данные, используемые для оценки динамики рынков труда» не учитывают гендерных аспектов проблемы, и, как обычно, данные чаще всего не даются в разбивке по половому признаку, «что нередко затрудняет оценку общей численности работающих женщин». Поэтому у нас «нет глобальных данных о количестве женщин, занятых на прекаризированной работе».

Однако результаты региональных и секторальных исследований указывают на «чрезмерно высокую долю женщин в общем количестве работников», занятых на такой работе. Британский профсоюз UNISON установил, что в 2014 г. доля женщин в общем количестве низкооплачиваемых работников составляла почти две трети[574], причем многие из них «работали по совместительству по сомнительным контрактам, чтобы компенсировать неоплачиваемые рабочие часы»[575]. В недавнем докладе Fawcett Society подчеркивается, что каждая восьмая британка (и каждая третья жительница Лондона) трудится по контракту с нулевым временем[576].

Многие думают, что прекаризированная занятость – удел тех, кто трудится в самых непрестижных и низкооплачиваемых отраслях[577]. Однако, по данным британского Профсоюза университетов и колледжей, сфера высшего образования, считающаяся элитарной, занимает второе место по количеству работников, трудящихся по разовым контрактам[578]. Профсоюз не приводит цифр в разбивке по половому признаку, но, по данным британского Агентства статистики высшего образования[579], женщины чаще мужчин работают по краткосрочным контрактам. Данные по Германии и другим европейским странам указывают на ту же картину[580].

В целом в ЕС в последнее десятилетие рост женской занятости происходил прежде всего за счет роста количества работающих на условиях неполной и прекаризированной занятости[581]. В Австралии 30 % женщин работают по разовым контрактам (для мужчин этот показатель составляет 22 %), а в Японии доля женщин в общем количестве работающих по таким контрак-

[570] Прекаризированная (от англ. precarious – ненадежный, сомнительный) занятость – ненадежная, плохо оплачиваемая работа, фактически не предполагающая соблюдения трудовых прав.

[571] https://www.tuc.org.uk/sites/default/files/the-gig-is-up.pdf.

[572] https://www.tuc.org.uk/sites/default/files/Women_and_casualisation_0.pdf.

[573] https://www.ituc-csi.org/IMG/pdf/Women_8_march_EN.pdf.

[574] https://www.unison.org.uk/content/uploads/2014/06/On-line-Catalogue224222.pdf.

[575] https://www.unison.org.uk/content/uploads/2014/06/On-line-Catalogue224222.pdf.

[576] https://www.survation.com/women-on-low-paid-zero-hours-contracts-survation-for-fawcett-society/.

[577] https://www.tuc.org.uk/sites/default/files/the-gig-is-up.pdf.

[578] http://www.ucu.org.uk/media/6882/Zero-hours-contracts-a-UCU-briefing-Mar-14/pdf/ucu_zerohoursbriefing_mar14.pdf.

[579] https://www.hesa.ac.uk/files/pre-release/staff_1516_table_B.xlsx.

[580] Best, Kathinka, Sinell, Anna, Heidingsfelder, Marie Lena and Schraudner, Martina (2016), 'The gender dimension in knowledge and technology transfer – the German case', *European Journal of Innovation Management*, 19:1, 2–25.

[581] A. Hellum and H. Aasen (eds.) (2013), *Women's Human Rights: CEDAW in International, Regional and National Law (Studies on Human Rights Conventions)* (Cambridge University Press, Cambridge).

там достигает двух третей[582]. Гарвардское исследование, посвященное росту «альтернативной занятости» в США в период с 2005 г. по 2015 г., показало, что доля женщин в этом секторе рынка труда «возросла более чем вдвое», и «сегодня на прекаризированную работу женщин нанимают чаще, чем мужчин»[583].

Это серьезная проблема, потому что, хотя прекаризированная занятость не сулит ничего хорошего работникам обоих полов, женщинам приходится особенно тяжело. Прежде всего, такая занятость очевидным образом увеличивает гендерный разрыв в оплате труда: в Великобритании почасовая оплата труда работающих по контрактам с нулевым временем на 34 % ниже почасовой оплаты постоянных работников. Для работающих по разовым контрактам и агентским договорам (количество которых растет по мере того, как все больше предприятий сферы обслуживания переходят на аутсорсинг) этот показатель составляет, соответственно, 39 и 20 %[584]. При этом, похоже, никто не заинтересован в том, чтобы выяснить, как это сказывается на женщинах. Авторы исследования, посвященного политике в области оплаты труда в Европе, критикуют тенденцию к росту аутсорсинга, поскольку он «используется без учета (или с минимальным учетом) потенциальных гендерных последствий»[585]. Между тем имеющиеся данные показывают, что эти последствия весьма серьезны.

Одним из таких последствий является то, что «возможности работающих по агентским договорам в плане заключения коллективных трудовых договоров весьма ограничены». Это касается всех работников, но прежде всего женщин. Как показывает практика, коллективный договор (в отличие от индивидуальных контрактов, предполагающих, что размер заработной платы работника устанавливается по договоренности с работодателем) особенно важен для женщин (причиной тому все та же проклятая «скромность»). Поэтому рост числа работающих по агентским договорам, не предполагающим заключения с работодателем коллективного договора, затрудняет ликвидацию гендерного разрыва в оплате труда.

Негативное влияние роста прекаризированной занятости на положение женщин не сводится к случайным побочным эффектам. Дело в том, что гиг-экономика как таковая фактически вообще не предполагает соблюдения трудовых прав. В Великобритании право на отпуск по беременности и родам имеют только женщины, имеющие официальный статус наемных работников. Работающим же по краткосрочным контрактам или контрактам с нулевым временем отпуск не предоставляется, а значит, им приходится бросать работу и снова устраиваться на нее после рождения ребенка. Кроме того, по закону такие женщины имеют право на получение пособия по беременности и родам только в том случае, если они работали 26 из последних 66 недель и если их средняя заработная плата составляла не менее £116 в неделю.

Вот здесь-то и возникают проблемы. Например, поскольку Холли, научный сотрудник одного из британских университетов, не имела права после родов вернуться на прежнюю ставку, ей пришлось устраиваться на ставку на два тарифных разряда ниже[586]. Мария, тоже работающая в университете, внезапно обнаружила, что за шесть недель до родов количество ее рабочих часов таинственным образом оказалось урезанным наполовину, что позволило работодателю сократить и ее пособие по беременности и родам. Такая же история случилась и с Рейчел, которая трудилась в пабе-ресторане: когда она сообщила работодателю, что беременна, количество ее рабочих часов внезапно уменьшилось. Возможно, она вообще не получит полагающееся ей по закону пособие по беременности и родам.

---

[582] https://www.oecd.org/japan/japan-improving-the-labour-market-outcomes-of-women.pdf.

[583] https://www.nber.org/papers/w22667.pdf.

[584] TUC (2017), 'The gig is up', https://www.tuc.org.uk/sites/default/files/the-gig-is-up.pdf.

[585] Rubery, Jill, Grimshaw, Damian and Figueiredo, Hugo (2005), 'How to close the gender pay gap in Europe: towards the gender mainstreaming of pay policy', *Industrial Relations Journal*, 36:3, 184–213.

[586] https://www.tuc.org.uk/sites/default/files/Women_and_casualisation.pdf.

После родов Марии пришлось подписывать с университетом новый контракт, причем ей смогли предложить лишь три рабочих часа в неделю. Она может работать больше – и работает, подменяя отсутствующих на рабочем месте; но информацию о дополнительных часах она обычно получает в самый последний момент. И тут мы сталкиваемся с еще одной серьезной проблемой, касающейся прежде всего работающих женщин: непредсказуемость графика работы, об изменениях которого им не сообщают заблаговременно.

Как было сказано выше, во всем мире женщины по-прежнему выполняют основную долю неоплачиваемой работы по уходу за семьей, и прежде всего за детьми, что сильно затрудняет работу по непредсказуемому графику. Как и в ряде других случаев, проблема связана в основном не с отсутствием данных, а с тем, что ими пренебрегают. В Великобритании график работы детских учреждений не учитывает реальных особенностей женского труда. Мы знаем, что в настоящее время в 75 % британских семей с низким и средним уровнем дохода родители работают сверхурочно, но большинство государственных детских садов открыто только с восьми утра до шести вечера. Места в них приходится заказывать и оплачивать заранее, что довольно сложно, если вы не знаете своего рабочего графика. Особенно остро эта проблема стоит перед родителями-одиночками (90 % которых в Великобритании составляют женщины[587]). Доля временных работников в этой категории занятых возросла на 27 %[588]. Учитывая, что детские сады в Великобритании – одни из самых дорогих в Европе, непредсказуемый график работы, помимо всего прочего, влечет за собой дополнительные расходы[589].

Проблемы, связанные с непредсказуемостью графика работы, усугубляются тем, что алгоритмы, применяемые при его составлении, не учитывают гендерного фактора. Все больше компаний используют программы, которые, основываясь на моделях продаж и на других данных, непрерывно определяют количество необходимых в каждый данный момент работников и составляют требуемый график их работы. Эти же программы в режиме онлайн отслеживают динамику продаж, что позволяет менеджерам распускать работников по домам, когда спрос низкий. Газета *The New York Times* цитирует вице-президента по развитию бизнеса компании Kronos, поставляющей программное обеспечение многим американским сетям: он уверяет, что такие программы – «настоящее волшебство»[590].

Да, вероятно, это кажется волшебством компаниям, использующим программное обеспечение для увеличения прибыли за счет перекладывания бизнес-рисков на работников. Вероятно, это волшебство приводит в восторг менеджеров, получающих премии за эффективное управление персоналом. Но вот рядовых работников – особенно тех, у кого есть семейные обязанности, – оно вряд ли радует. Джанет Наварро, бариста в Starbucks в Сан-Диего, показала журналистам *The New York Times* свой график работы, только что разработанный с помощью алгоритмов[591]. В соответствии с ним, она должна была работать до одиннадцати вечера в пятницу, затем с четырех утра в субботу, а затем с пяти утра в воскресенье. Ей редко сообщают об изменениях графика более чем за три дня, что вносит хаос в распорядок присмотра за ее детьми и вынуждает пока отказаться от мысли о получении диплома в области управления бизнесом. Это еще одно свидетельство того, что использование больших данных в условиях колоссального дефицита гендерных данных ведет к росту и усилению уже существующей дискриминации. И неважно, по какой именно причине – по незнанию ли, или из-за равнодушия, – разработчики программ не учитывают женскую неоплачиваемую работу по дому. Важно, что они ее не учитывают.

---

[587] Там же.

[588] Там же.

[589] Там же.

[590] https://www.nytimes.com/interactive/2014/08/13/us/starbucks-workers-scheduling-hours.html.

[591] Там же.

Представитель Starbucks заявил *The New York Times*, что случай с Джанет – «исключительный, и на самом деле компания информирует работников об изменениях графика работы по меньшей мере за неделю, а всем желающим предоставляет возможность работать по жесткому графику». Однако в ходе бесед журналистов с работниками Starbucks, в том числе бывшими, выяснилось обратное: «В 17 кафе Starbucks в разных городах страны только два работника подтвердили, что получали уведомление о графике работы за неделю; некоторые получали его всего за день». И хотя в ряде городов США приняты законы, обязывающие работодателей заблаговременно уведомлять работников об изменении графика[592], федерального законодательства на этот счет не существует. Нет его и во многих других странах, в том числе в Великобритании. Это очень печально. Работа (часто неоплачиваемая), которую выполняют (в основном) женщины наряду с оплачиваемой работой, – не развлечение. Это работа, в которой нуждается общество в целом. Но сочетать ее с работой по непредсказуемому графику, совершенно не учитывающему домашние обязанности, очень и очень трудно. Есть только два варианта: либо предоставление бесплатных, финансируемых государством альтернатив неоплачиваемому труду женщин, либо отказ от непредсказуемого графика работы.

●●●

Права женщин нарушаются не только в том случае, если они перебиваются случайными заработками. Да, женщины, работающие в теневом секторе экономики или по разовым контрактам, чаще становятся объектами сексуальных домогательств[593] (возможно, потому, что они реже принимают меры в отношении преследующих их коллег и работодателей)[594]. Но по мере стремительного распространения в социальных сетях хештега #MeToo становится все труднее игнорировать тот факт, что случаи сексуальных домогательств сегодня все чаще встречаются практически во всех отраслях экономики.

Как всегда, причиной тому дефицит данных. Конгресс тред-юнионов предупреждает о «дефиците актуальных количественных данных о сексуальных домогательствах на рабочих местах»; эта проблема, видимо, стоит во всех странах и касается прежде всего официальной статистики. По приблизительной оценке ООН (приблизительные оценки – все, чем мы располагаем), в странах ЕС до 50 % женщин подвергались сексуальным домогательствам на работе[595]. В Китае этот показатель достигает 80 %[596]. Результаты исследования, выполненного в Австралии, показали, что сексуальным домогательствам подвергались 60 % медсестер[597].

Масштабы проблемы варьируются в зависимости от отрасли. Хуже всего ситуация в отраслях, где мужчины преобладают либо в целом, либо в руководстве[598]. Исследование, выполненное Конгрессом тред-юнионов в 2016 г., показало, что 69 % женщин, занятых в обрабатывающей промышленности, и 67 % женщин, занятых в гостиничном бизнесе и индустрии развлечений, «сталкивались с разными формами сексуальных домогательств». Средний показатель по всем отраслям составляет 52 %. Исследование, выполненное в США в 2011 г., выявило ту же картину: самая неблагополучная ситуация наблюдалась в строительстве, следом шли транспорт и сфера коммунальных услуг. Опрос женщин, занимающих высокие посты в

[592] https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/10/es_121917_the51percent_ebook.pdf.

[593] https://www.ituc-csi.org/IMG/pdf/women.pdf; https://publications.parliament.uk/pa/cm201719/cmselect/cmwomeq/725/72504.htm.

[594] https://www.tuc.org.uk/sites/default/files/Women_and_casualisation.pdf.

[595] https://www.unescwa.org/file/87019/download?token=I6DlqIHC.

[596] https://www.scmp.com/news/china/society/article/2054525/young-chinese-women-dare-say-no-workplace-sexual-harassment-says.

[597] https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/19862867.

[598] https://www.tuc.org.uk/sites/default/files/SexualHarassmentreport2016.pdf.

руководстве компаний Кремниевой долины, показал, что 90 % были свидетелями сексистского поведения, 87 % слышали от коллег-мужчин оскорбительные замечания в свой адрес, а 60 % получали непристойные предложения[599], причем примерно в половине случаев более одного раза; в 65 % случаев такие предложения поступали от мужчин, занимавших более высокие должности. Каждая третья женщина из числа опрошенных испытывала страх за свою личную безопасность.

С худшими видами домогательств сталкиваются женщины, чья работа предполагает тесный контакт с самыми разными людьми. В таких случаях домогательства часты, причем нередко дело доходит до рукоприкладства.

«Он схватил ее и толкнул так, что она отлетела на другой конец комнаты и разбила лицо до крови. Кровь была повсюду».

«И тогда он схватил меня и ударил стаканом. Я упала, но он продолжал наносить удары. […] Пока он тащил меня по коридору, я сопротивлялась изо всех сил. Он бил меня головой о стену, в кровь разбил мне локти и лицо. Стены были забрызганы кровью».

Если это не похоже на то, что ежедневно происходит у вас на работе, скажите спасибо, что вы не медицинский работник. Исследования показывают, что медсестры «подвергаются насилию чаще, чем сотрудники полиции и тюремные охранники»[600]. В 2014 г. в Онтарио число травм, полученных работниками сферы здравоохранения непосредственно на рабочем месте и приведших к временной утрате трудоспособности, «значительно превышало число таких же травм в других обследованных секторах». Недавнее исследование, проведенное в США, выявило ту же картину: «медицинским работникам освобождение от работы в связи со случаями физического насилия на рабочем месте предоставляется в четыре раза чаще, чем в связи с другими видами телесных повреждений»[601].

По итогам исследований, выполненных совместно с коллегой Маргарет Брофи, специалист по охране труда и профессиональным заболеваниям Джим Брофи пришел к выводу, что условия труда в канадских медицинских учреждениях «более токсичны, чем в какой-либо другой отрасли». В рамках исследования 2017 г., посвященного случаям насилия, с которыми сталкивались канадские медицинские работники, Джим и Маргарет работали с фокус-группами, многие участники которых «говорили, что “каждый день сталкиваются с насилием на работе”». Ученые попытались уточнить, не является ли словосочетание «каждый день» просто фигурой речи и нельзя ли заменить его словом «часто», но респонденты отвечали: «Нет, именно каждый день. Это уже стало частью нашей работы». Одна медсестра припомнила случай, когда пациент «схватил стул и попытался ударить ее по голове», попутно заметив, что сестринский пост два или три раза разносили в щепки. В качестве орудий насилия пациенты использовали утки, посуду и даже сыпучие строительные материалы.

Несмотря на широкое распространение в сфере здравоохранения случаев насилия на рабочем месте, о них «не всегда сообщают; это привычная, старая проблема, к которой относятся терпимо и которую часто игнорируют». Отчасти это связано с тем, что в этой области почти не проводились исследования. По данным Джима и Маргарет, до 2000 г. насилие в отношении медицинских работников нечасто становилось объектом внимания общества. Когда в феврале 2017 г. ученые ввели в базу данных Medline при Национальной библиотеке медицины США запрос «случаи насилия на рабочем месте в отношении медсестер», система выдала ссылки на «155 статей, опубликованных в разных странах; при этом 149 статей вышли в период с 2000 г. по февраль 2017 г.».

---

[599] https://www.elephantinthevalley.com/.

[600] Brophy, James T., Keith, Margaret M. and Hurley, Michael (2018), ‘Assaulted and Unheard: Violence Against Healthcare Staff’, *NEW SOLUTIONS: A Journal of Environmental and Occupational Health Policy*, 27:4, 581–606.

[601] Там же.

Глобальная нехватка данных о сексуальных домогательствах и насилии, с которым женщины сталкиваются на работе, обуславливается не только отсутствием исследований. Причина еще и в том, что подавляющее большинство женщин не сообщают о таких случаях[602]. Это, в свою очередь, отчасти объясняется тем, что в организациях нет процедур рассмотрения таких жалоб. Женщины молчат, так как боятся нареканий начальства и думают, что им все равно никто не поможет. Во многих отраслях эти опасения имеют под собой основания[603]. «Мы визжим, – сказала одна медсестра Джиму и Маргарет. – Единственное, что мы можем сделать, – визжать».

Отсутствие адекватных процедур рассмотрения жалоб на сексуальные домогательства, которым подвергаются работающие женщины, видимо, связано с нехваткой данных. В руководстве всех отраслей преобладают мужчины, которые, в отличие от женщин, не сталкиваются с агрессией[604]. И так же, как руководству Google не приходило в голову оборудовать парковочные места для беременных, руководители многих организаций не задумываются о разработке процедур, позволяющих надлежащим образом бороться с сексуальными домогательствами и насилием. Это лишний раз говорит о том, какое значение для всех нас имеет личный опыт руководителей и насколько он важен для ликвидации дефицита данных[605].

Джим Брофи и Маргарет Брофи указывают, что «в исследованиях, посвященных случаям насилия в отношении медицинских работников, обычно не учитываются гендерные аспекты проблемы. К сожалению, это правда. По данным Международного совета медицинских сестер, медсестры – категория медицинских работников, подвергающаяся наибольшему риску», поскольку медсестры – женщины. То, что гендерные аспекты проблемы остаются за рамками анализа, также означает, что большинство исследований не учитывает хронического нежелания женщин сообщать о случаях сексуального насилия. Джим и Маргарет подсчитали, что о таких случаях сообщали только 12 % опрошенных ими работников. «Мы не делаем этого потому, что сталкиваемся с насилием слишком часто», – объяснила одна женщина, много раз становившаяся жертвой насилия. Но, сетует Джим Брофи, в специальной литературе не оговаривается, что официальные данные «сильно занижены из-за того, что пострадавшие редко сообщают о случаях насилия». В результате никто не замечает информационной метадыры.

Насильникам, терроризирующим медсестер, играет на руку традиционная планировка помещений медицинских учреждений. В кабинетах, расположенных по сторонам длинных коридоров на значительном расстоянии друг от друга, работники чувствуют себя изолированными, поясняет Джим Брофи. «Эти коридоры ужасны, – сказала ему одна медсестра. – Ты идешь по коридору, и тебя никто не видит и не слышит. Лучше бы они располагались по кругу». Джим Брофи тоже считает, что это было бы неплохо, потому что дало бы работникам возможность поддерживать друг друга. «Если бы коридоры располагались по кругу, медсестры всегда могли бы позвать на помощь; в конце длинного коридора звать на помощь бесполезно – все равно никто не услышит», – уверяет он. Большая часть сестринских постов не оснащена прочными защитными барьерами, из-за стола некуда бежать, что делает медсестер беззащитными перед насильниками. Еще одна медсестра рассказала Джиму Брофи, что, когда ее кол-

---

[602] https://www.tuc.org.uk/sites/default/files/SexualHarassmentreport2016.pdf; https://qz.com/931653/indias-long-history-with-sexual-harassment-at-workplaces/; http://economictimes.indiatimes.com/magazines/panache/predators-atthe-workplace-india-inc-yet-to-commit-to-law-against-sexual-harassment/articleshow/57830600.cms; https://indianexpress.com/article/india/38-per-cent-women-say-they-faced-sexual-harassment-at-workplace-survey-4459402/; https://today.yougov.com/topics/lifestyle/articles-reports/2017/04/25/nearly-third-women-have-been-sexually-harassed-wor; https://www.theguardian.com/money/2016/jul/22/sexual-harassment-at-work-roger-ailes-fox-news; https://www.elephantinthevalley.com/; https://interagencystandingcommittee.org/system/files/hwn_full_survey_results_may_2016.pdf.

[603] https://www.theguardian.com/money/2016/jul/22/sexual-harassment-at-work-roger-ailes-fox-news; https://www.elephantinthevalley.com/; https://interagencystandingcommittee.org/system/files/hwn_full_survey_results_may_2016.pdf.

[604] https://www.tuc.org.uk/sites/default/files/SexualHarassmentreport2016.pdf.

[605] https://hbr.org/2014/10/hacking-techs-diversity-problem; https://hbr.org/2008/06/stopping-the-exodus-of-women-in-science.

легу изнасиловал пациент, «инспектор порекомендовал поставить на посту защитное стекло. Но больница отказалась это сделать. Руководство заявило, что тем самым мы стигматизируем пациентов, и мы ничего не добились».

И опрошенные Джимом и Маргарет работники, и сотрудники Управления по охране труда Министерства труда США указали на особенности конструкции традиционных больничных помещений, препятствующие обеспечению безопасности персонала. В их числе «неконтролируемый доступ в помещения и возможность беспрепятственно покинуть их; слишком высокая или слишком низкая температура воздуха; слишком высокий уровень шума; доступность опасных предметов». Все эти особенности легко могут быть устранены без какой-либо стигматизации кого бы то ни было. Кроме того, государство могло бы также изменить политику в области здравоохранения, приводящую к постоянной нехватке персонала. Об этой проблеме Джиму Брофи говорили «участники всех фокус-групп во всех обследованных медицинских учреждениях». Они указывали, что длительное время ожидания медицинской помощи «провоцирует насилие» в отношении медперсонала. «Из-за нехватки персонала мы не всегда можем оказать пациенту помощь немедленно, ему приходится ждать, и он раздражается и начинает вести себя агрессивно», – пояснила одна медсестра.

Изменение планировки помещений больниц и увеличение численности персонала обойдется недешево, но эти расходы вряд ли превысят потери от утраты медицинскими работниками трудоспособности из-за травм и стресса. К сожалению, никто систематически не собирает необходимых данных, сетует Джим Брофи. К тому же, продолжает он, «я нисколько не сомневаюсь, что тяжелые условия труда медицинских работников становятся причиной сильного стресса, а лежащая на них огромная ответственность в сочетании с бесправием и беспомощностью – идеальные предпосылки для профессионального выгорания».

Не стоит забывать и о расходах, связанных с переподготовкой медработников, уходящих из профессии. Эта тема постоянно поднималась в фокус-группах, которые вел Джим Брофи. «У нас были медсестры с двадцатипятилетним и даже тридцатилетним стажем, которые говорили: “Я лучше пойду работать уборщицей” или “Лучше буду работать на кухне, потому что больше не могу это выносить. Мне надоело отсутствие поддержки, постоянное ощущение опасности и боязнь насилия. Надоело каждый день видеть все это, надоело, что никто мне не верит и не помогает”».

Помимо долгосрочных мер, существует множество менее дорогостоящих решений, реализовать которые сравнительно несложно. Среди них можно назвать следующие: выявление и предание гласности случаев насилия со стороны пациентов; разработка менее обременительных процедур рассмотрения жалоб медперсонала и назначение ответственных за реальную работу с этими жалобами; изменение тональности и громкости звуковых сигналов вызова медсестер таким образом, чтобы была ясна причина вызова, «чтобы было понятно: это звонит пациент, это – санитар из ванной, а это – сигнал тревоги, подаваемый в случае остановки у пациента дыхания или сердца; сейчас все сигналы вызова медсестер звучат одинаково». (Поклонникам британских телесериалов 1970-х гг. знакома проблема с сигналами вызова медсестер: в сериале «Башни Фолти» (Fawlty Towers) вокруг нее строился сюжет одного из эпизодов.)

Таблички с указаниями, какое поведение считается приемлемым, а какое – нет, тоже не потребуют больших затрат. «В больничном кафетерии висит табличка, на которой написано: “Мы не позволим себя оскорблять”, – сказала Джиму Брофи одна из участниц опроса. – А у нас таких табличек нет. […] Я видела постер, приглашающий вдов и незамужних женщин посетить сайт для одиноких. Но разве кто-нибудь видел постеры, призывающие не насиловать медсестер?»

Пожалуй, самое простое и эффективное решение, предложенное участницами опроса, проведенного Джимом Брофи, заключалось в том, чтобы «в целях безопасности разрешить

медсестрам не указывать свои фамилии на бейджах, удалив их за счет работодателя». Это позволило бы избежать таких инцидентов, как, например, тот, что произошел с одной из медсестер. Прочитав на бейдже ее имя, пациент сказал: «Рад познакомиться! Но, знаешь ли, напрасно ты указала свою фамилию – ведь теперь я могу запросто узнать, где ты живешь, и найти тебя».

Женщины всегда работали. За работу им либо не платили вообще, либо недоплачивали. Их работу не замечали и не ценили. Она была невидима, но она была всегда. А вот современное рабочее место «не работает» на женщин. Целиком и полностью – от местоположения до часов работы и стандартных условий труда – ориентированное на мужской образ жизни, сегодня оно уже не выполняет своего предназначения. Мир труда созрел для кардинальных перемен. В изменениях нуждаются и законы, и оборудование, и трудовые отношения. Эти изменения должны проводиться с учетом данных об особенностях женского организма и образа жизни женщин. Пора, наконец, понять, что выполняемая женщинами работа – не развлечение, не бонус, без которого можно легко обойтись. Нет, труд женщин, как оплачиваемый, так и неоплачиваемый, – это фундамент нашего общества и нашей экономики. Так будем же ценить его.

Часть III
Техника и технологии

Глава 7
Теория плуга

Теорию плуга впервые выдвинула Эстер Бозеруп, датский экономист. Суть теории заключается в том, что для обществ, исторически использовавших плуг, гендерное равноправие не столь характерно, как для обществ, где это орудие труда не применялось. Эстер Бозеруп исходила из того, что подсечно-переложная система земледелия, основанная на использовании таких ручных орудий труда, как мотыга и лопата, более «дружелюбна» по отношению к женщинам, чем пахотная (основанная на использовании плуга и домашнего скота – лошадей или волов – в качестве тягловой силы), поскольку позволяла им заниматься сельскохозяйственным трудом наравне с мужчинами[606].

Связь половых различий с возможностью заниматься тем или иным видом земледелия обусловлена особенностями мужского и женского организма. Пахота требует «значительно более развитой мускулатуры верхней части туловища, силы кистей рук и силы тяги мышц предплечья, необходимых как для работы с плугом, так и для управления тянущими его животными», а эти анатомические особенности характерны для мужчин[607]. Масса верхней части тела у мужчин приблизительно на 75 %[608] больше, чем у женщин, потому что у последних мышечная масса обычно распределяется по туловищу более равномерно[609], и, соответственно, мышцы верхней части туловища у мужчин на 40–60 %[610] сильнее, чем у женщин (мышцы нижней части туловища сильнее лишь на 25 %)[611]. Кисти рук у женщин также примерно на 41 %[612] слабее, чем у мужчин, причем это половое различие не зависит от возраста: динамическая сила кисти среднего мужчины 70 лет больше силы кисти женщины 25 лет[613]. Степень тренированности мышц тоже практически не имеет значения. По данным исследования, в ходе которого показатели «спортсменок с высоким уровнем подготовки» сравнивались с показателями «нетренированных и не прошедших специальную подготовку мужчин», сила кисти у женщин «редко»

606 https://blog.oup.com/2013/06/agriculture-gender-roles-norms-society/.

607 Там же.

608 Sağiroğlu, İsa, Kurt, Cem, Omurlu, İmran Kurt and Catikkaş, Fatih (2017), 'Does Hand Grip Strength Change With Gender? The Traditional Method vs. the Allometric Normalisation Method', *European Journal of Physical Education and Sports Science*, 2:6, 84–93.

609 Leyk, D., Gorges, W., Ridder, D., Wunderlich, M., Ruther, T., Sievert, A. and Essfeld, D. (2007), 'Hand-grip strength of young men, women and highly trained female athletes', *European Journal of Applied Physiology*, 99, 415–21.

610 Lewis, D. A., Kamon, E. and Hodgson, J. L. (1986), 'Physiological Differences Between Genders Implications for Sports Conditioning', *Sports Medicine*, 3, 357–69; Rice, Valerie J. B., Sharp, Marilyn A., Tharion, William J. and Williamson, Tania L. (1996), 'The effects of gender, team size, and a shoulder harness on a stretcher-carry task and post-carry performance. Part II. A mass-casualty simulation', *International Journal of Industrial Ergonomics*, 18, 41–9; Miller, A. E., MacDougall, J. D., Tarnopolsky, M. A. and Sale, D. G. (1993), 'Gender differences in strength and muscle fiber characteristic', *European Journal of Applied Physiology*, 66:3, 254–62.

611 Lewis et al. (1986).

612 Zellers, Kerith K. and Hallbeck, M. Susan (1995), 'The Effects of Gender, Wrist and Forearm Position on Maximum Isometric Power Grasp Force, Wrist Force, and their Interactions', *Proceedings of the Human Factors and Ergonomics Society Annual Meeting*, 39:10, 543–7; Bishu, Ram R., Bronkema, Lisa A, Garcia, Dishayne, Klute, Glenn and Rajulu, Sudhakar (1994), 'Tactility as a function of Grasp force: effects of glove, orientation, pressure, load and handle', *NASA technical paper* 3474 May 1994; Puh, Urška (2010), 'Age-related and sex-related differences in hand and pinch grip strength in adults', *International Journal of Rehabilitation Research*, 33:1.

613 https://www.ft.com/content/1d73695a-266b-11e6-8b18-91555f2f4fde.

превышала показатель мужчин 50-го процентиля[614]. В целом же кисти рук 90 % женщин (в данном случае включая нетренированных) оказались слабее кистей рук 95 % мужчин.

Более высокая степень «дружелюбия» подсечно-переложной системы земледелия по отношению к женщинам по сравнению с пахотной объясняется также разными гендерно-социальными ролями представителей двух полов. Работа с мотыгой может быть в любой момент прервана и начата вновь, что позволяет сочетать ее с уходом за детьми, – в отличие от работы с таким тяжелым орудием труда, как плуг, влекомый сильными животными. Кроме того, обработка земли с помощью мотыги – занятие трудоемкое, а пахота – капиталоемкое[615]. Время у женщин есть, а денег – нет. Поэтому, как считала Эстер Бозеруп, в обществах, основанных на пахотном земледелии, сельским хозяйством занимались в основном мужчины, что вело к гендерному неравенству – концентрации власти в их руках и, соответственно, их привилегированному положению в обществе.

Как показывает исследование 2011 г., теория Эстер Бозеруп имеет под собой основания[616]. Ученые обнаружили, что для потомков представителей обществ, исторически основанных на пахотной системе земледелия, характерны более ярко выраженные сексистские представления – даже в том случае, если эти люди перекочевали в другие страны. Авторы работы также выявили корреляцию между сексистскими убеждениями и природно-климатическими условиями, более благоприятными для развития пахотной системы земледелия, чем подсечно-переложной. Это означает, что именно климат, а не некий врожденный сексизм обусловил появление плуга, который, в свою очередь, привел к распространению сексистских взглядов.

У теории плуга есть и противники. Так, в 2014 г. авторы статьи, посвященной развитию сельского хозяйства в Эфиопии, указывали, что, хотя земледелие и, в частности, пахотное земледелие в этой стране считаются мужскими занятиями («практически во всем амхарском фольклоре» земледелец – мужчина), это не объясняется более развитой у мужчин мускулатурой верхней части туловища (в отличие от таких факторов, как капиталоемкость плуга и возможность заниматься детьми, работая при этом мотыгой), поскольку в данном регионе используется сравнительно легкий плуг[617]. Авторы статьи также ссылаются на работу 1979 г., оспаривающую теорию плуга на том основании, что «даже там, где плуг никогда не применялся, – например, в Юго-Восточной Африке, где проживают кушиты, – земледелием все равно занимаются мужчины».

Кто же прав? Сказать трудно, потому что (как вы, конечно, уже догадались) точных данных о том, кто именно занимается сельским хозяйством – мужчины или женщины, – у нас нет. Можно найти бесчисленное множество докладов, статей и справочных материалов[618], содержащих (в тех или иных вариациях) утверждение, что «на Африканском континенте доля женщин в общей численности работников, занятых в сельском хозяйстве, составляет 60–80 %», но мало убедительных подтверждений правильности этих цифр, впервые опубликованных еще в 1972 г. в материалах Экономической комиссии ООН для Африки (ЭКА). Я не хочу сказать, что эти цифры неверны, – просто их трудно проверить, потому что данных не хватает.

---

[614] Leyk et al. (2007).

[615] Alesina, Alberto F., Giuliano, Paola and Nunn, Nathan (2011), 'On the Origins of Gender Roles: Women and the Plough', *Working Paper* 17098, National Bureau of Economic Research (May 2011).

[616] Там же.

[617] Gella, A. A., Tadele, Getnet (2014), 'Gender and farming in Ethiopia: an exploration of discourses and implications for policy and research', FAC Working Paper, *Future Agricultures*, 84:15.

[618] http://www.fao.org/3/a-am309e.pdf; http://www.greenpeace.org/international/en/news/Blogs/makingwaves/international-womens-day-2017-change/blog/58902/; https://www.theguardian.com/global-development/2014/oct/16/world-food-day-10-myths-hunger; https://wedo.org/wp-content/uploads/2016/11/GGCA-RP-FINAL.pdf.

Нехватка данных отчасти объясняется тем, что, поскольку мужчины и женщины часто занимаются сельскохозяйственным трудом совместно, трудно точно определить, какова доля представителей каждого пола в производстве конечного продукта – продовольствия. В докладе Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) экономист Шерил Досс указывает: все зависит от того, как понимать понятие «продовольствие» и как оценивать его объем – по энергетической ценности (рассматривая в таком случае производство базовых зерновых культур как основного источника калорий) или по стоимости (анализируя прежде всего производство кофе, лидирующего по этому показателю). Учитывая, что женщины «как правило, больше участвуют в производстве зерновых», расчеты по энергетической ценности «могут показывать, что доля женщин в производстве продовольствия значительно превосходит долю мужчин»[619].

«Могут» – важная оговорка в данном контексте, потому что изыскания, проводимые в отдельных странах, часто не позволяют установить, кто именно занимается сельским хозяйством, – мужчины или женщины[620]. Даже в случае *наличия* данных в разбивке по половому признаку доля женского труда иногда занижается из-за некорректной методики опросов. Так, если женщин спрашивают, «занимаются ли они работой по дому *или* работают» (как будто одно исключает другое или работа по дому не является работой), они, как правило, отвечают, что «занимаются работой по дому», потому что данный ответ отражает большую часть выполняемых ими обязанностей[621]. Эта неточность усугубляется тенденцией «делать упор на деятельность, связанную с получением дохода», в результате чего работа, связанная с ведением натурального хозяйства (зачастую выполняемая в основном женщинами), недооценивается. Кроме того, в данных сельскохозяйственных переписей сельское хозяйство отождествляется с «полевыми работами», поэтому труд женщин, связанный с «уходом за домашним скотом и приусадебным участком, а также переработкой сельскохозяйственной продукции, часто не учитывается». Это яркий пример «мужского перекоса», обуславливающего серьезную нехватку гендерных данных.

Та же проблема встает перед исследователями, когда они пытаются разделить трудовую деятельность на «первичную» и «вторичную». Во-первых, вторичная занятость не всегда отображается в результатах опросов, а если и отображается, то не всегда учитывается в численности занятых. Виной тому опять-таки «мужской перекос», не позволяющий выделить оплачиваемый женский труд[622]. Во-вторых, женщины часто указывают оплачиваемую работу в качестве вторичной занятости, просто потому, что неоплачиваемая работа занимает больше времени. Однако это отнюдь не значит, что они не тратят значительную часть трудового дня на оплачиваемую работу. В результате статистика рабочей силы часто страдает от существенной нехватки гендерных данных[623].

«Мужской перекос» присутствует и в данных, которые Шерил Досс использует для проверки цифры «60–80 %». Она приходит к выводу, что доля женщин в общей численности занятых в сельском хозяйстве во всем мире составляет менее половины, но ФАО, статистикой которой она оперирует, определяет «занятых сельскохозяйственным трудом» как «лиц, указавших, что сельское хозяйство является основным видом их деятельности». А это, как мы видим, означает исключение из расчетов существенной доли оплачиваемого труда женщин. К чести Шерил Досс, она признает, что ее подход не вполне корректен, и ставит под сомнение абсурдно

---

[619] Doss, Cheryl (2011), ‘If women hold up half the sky, how much of the world’s food do they produce?’, *ESA Working Paper* No. 11, Agricultural Development Economics Division, FAO.

[620] World Bank (2014), ‘Levelling the Field: Improving Opportunities for Women Farmers in Africa’.

[621] https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/15577/wps6436.pdf?sequence=1&isAllowed=y.

[622] Там же.

[623] https://www.theguardian.com/global-development/2016/apr/07/leaving-women-girls-out-of-development-statistics-doesnt-add-up.

низкую (согласно опросам, 16 %) долю женщин в численности занятых в сельском хозяйстве в странах Латинской Америки. Она отмечает, что женщины, проживающие в сельской местности в этом регионе, «чаще всего отвечают, что именно “работа по дому” является основной сферой их трудовой деятельности, даже если они активно занимаются сельским хозяйством».

Даже устранив все пробелы в гендерных данных, мешающие рассчитать долю женщин в численности занятых в сельском хозяйстве, мы все равно не будем точно знать, сколько потребляемого нами продовольствия произведено женщинами. Это объясняется разной продуктивностью женского и мужского труда: в целом продуктивность женского труда в сельском хозяйстве ниже продуктивности труда мужчин. Дело не в том, что женщины меньше работают. Дело в том, что при одних и тех же затратах труда они производят меньше продукции, потому что сельское хозяйство как таковое (от орудий труда до научных исследований и инициатив в области развития) строится вокруг потребностей мужчин. Действительно, пишет Шерил Досс, учитывая различные ограничения, с которыми сталкиваются женщины (отсутствие доступа к земле, кредитам и новым технологиям, а также выполнение неоплачиваемой домашней работы), «было бы странно, если бы они были способны производить более половины объема продовольственных культур».

●●●

По оценкам ФАО, если бы женщины имели равный с мужчинами доступ к производственным ресурсам, эффективность фермерских хозяйств была бы на 30 % выше[624]. Но они его не имеют. Как и некогда плуг, некоторые современные «трудосберегающие» орудия труда и технологии «сберегают прежде всего мужской труд». Так, исследование, проведенное в 2014 г. в Сирии, показало, что механизация сельского хозяйства действительно уменьшила потребность в мужской рабочей силе, освободив представителей сильного пола от тяжелого труда и дав им возможность «искать новые возможности трудоустройства, с более высоким заработком, чем в сельском хозяйстве», но в то же время увеличила спрос «на женскую рабочую силу, выполняющую трудозатратные операции – пересадку растений, прополку, сбор и переработку урожая»[625]. В Турции механизация некоторых видов сельскохозяйственных работ привела, наоборот, к сокращению численности женщин, занятых в сельском хозяйстве, «поскольку сельскохозяйственную технику приобретали в основном мужчины», а женщины использовали ее неохотно. Отчасти это было связано с отсутствием у женщин соответствующей подготовки и социокультурными нормами, а отчасти – с тем, что «техника не была предназначена для эксплуатации женщинами»[626].

Не только материальные орудия труда облегчают положение мужчин за счет женщин. Взять, к примеру, так называемые внедренческие программы (образовательные программы, предназначенные для обучения фермеров научным методам ведения сельского хозяйства с целью повышения его эффективности). Такие программы всегда были «недружелюбны» по отношению к женщинам. Согласно опросу, проведенному ФАО в 1988–1989 гг. (только в тех странах, где были данные в разбивке по половому признаку), лишь 5 % всех внедренческих программ было рассчитано на женщин[627]. С тех пор ситуация немного изменилась к лучшему[628], но и сегодня можно привести множество примеров инициатив в области развития,

[624] Doss (2011).

[625] Petrics, H. et al. (2015), ‘Enhancing the potential of family farming for poverty reduction and food security through gender-sensitive rural advisory services’, UN/FAO.

[626] Там же.

[627] Там же.

[628] Там же.

совершенно игнорирующих женщин[629], и потому в лучшем случае бесполезных, а в худшем – серьезно им вредящих.

●●●

Исследование, проведенное в 2015 г. Data2x (организацией, созданной Хиллари Клинтон при поддержке ООН и добивающейся ликвидации дефицита глобальных гендерных данных), показало, что многие подобные инициативы не охватывают женщин, – в том числе потому, что последние и без того перегружены работой и не располагают свободным временем для участия в образовательных программах (независимо от степени их полезности)[630]. Разработчики инициатив в области развития также не учитывают такой фактор, как мобильность женщин (точнее, ее отсутствие, связанное как с выполнением семейных обязанностей, так и с ограниченным доступом к транспорту и трудностями, с которыми они сталкиваются при поездках в одиночку).

А языковой барьер? А неграмотность? Участие во многих образовательных программах требует знания иностранных языков, которыми женщины владеют реже, чем мужчины. Во всем мире из-за низкого уровня женского образования женщины реже мужчин умеют читать, так что учебная литература им тоже недоступна. Все эти препятствия хорошо известны, и их вполне можно было бы учитывать, но масса примеров говорит о том, что этого не делается[631].

Многие инициативы в области развития исключают участие женщин, поскольку его условием является наличие земельного участка определенной площади или статуса главы фермерского хозяйства (или собственника обрабатываемой земли). Некоторые инициативы рассчитаны исключительно на относительно процветающие фермерские хозяйства, – в частности, располагающие средствами на внедрение современных технологий. Эти препоны ставят мужчин в более выгодное положение по сравнению с женщинами, потому что женщины преобладают среди бедных фермеров, среди мелких фермеров и крайне редко владеют землей, на которой работают[632].

Чтобы внедряемые новшества действительно улучшали положение женщин, нужны прежде всего данные. Но иногда создается впечатление, что мы даже не пытаемся собрать их. В докладе Фонда Билла и Мелинды Гейтс 2012 г. в качестве примера приводится одна организация, занимавшаяся выведением и внедрением улучшенных сортов основных зерновых культур[633]. Но что значит «улучшенных»? Все зависит от точки зрения сельскохозяйственного производителя, а это вещь субъективная. В ходе предварительного обследования хозяйств организация опрашивала почти исключительно мужчин, которые указывали, что главное для них – урожайность новых сортов. Соответственно, селекционеры сосредоточились именно на этом показателе. Каково же было их удивление, когда оказалось, что новые сорта никому не нужны!

Решение опрашивать только мужчин было довольно странным. Несмотря на все пробелы в данных, мы тем не менее можем утверждать, что доля женщин в общей численности занятых в сельском хозяйстве достаточно велика. В наименее развитых странах 79 %, а во всем мире 48 % экономически активного женского населения заявляют, что сельское хозяй-

---

629 https://docs.gatesfoundation.org/documents/gender-responsive-orientation-document.pdf: «Некоторые получаемые нами заявки на гранты не учитывают гендерных различий и положительных и отрицательных последствий реализации предлагаемых инициатив в области сельского хозяйства на мужчин и женщин».

630 https://www.yumpu.com/xx/document/read/56095744/what-is-wrong-with-data-on-women-and-girls.

631 Petrics et al. (2015).

632 http://people.brandeis.edu/~nmenon/Draft04_Womens_Empowerment_and_Economic_Development.pdf.

633 https://docs.gatesfoundation.org/documents/gender-responsive-orientation-document.pdf.

ство является основной сферой их деятельности[634]. При этом женщины, занятые в сельскохозяйственном производстве, не считают важнейшим показателем урожайность. Их больше волнует другое, – например, сколько времени займет подготовка земель под посевы и удаление сорняков, – ведь им придется заниматься именно этим. Кроме того, их интересует, сколько времени в конечном счете уйдет на приготовление еды из выращенных сельскохозяйственных культур (готовка – тоже женская работа). Новые высокоурожайные сорта требовали более значительных затрат времени, которого женщинам не хватало из-за необходимости заниматься и другими делами. Стоит ли удивляться тому, что новые сорта оказались им не нужны?

●●●

Единственное, что нужно было сделать горе-селекционерам, чтобы избежать неприятного сюрприза, – предварительно побеседовать с женщинами, но им, видимо, категорически не нравилась эта идея. Если вы согласны со мной и вам тоже кажется, что принимать решение о выведении нового сорта зерновых, не посоветовавшись с женщинами, глупо, вот вам еще одна история – о внедрении экологически чистых кухонных плит в развивающихся странах.

Начиная с эпохи неолита, люди (в данном случае я имею в виду прежде всего женщин) готовили еду на очагах, сложенных из трех камней. Камни клали на землю, между ними помещали топливо (древесину или любой другой горючий материал, который удавалось найти), а на очаг ставили котел. В Южной Азии 75 % семей до сих пор используют биотопливо (древесину и другие органические вещества)[635]. В Бангладеш этот показатель достигает 90 %[636]. В странах Африки, расположенных южнее Сахары, для 753 млн человек[637] (80 % населения) биотопливо является основным источником тепловой энергии, используемой для приготовления пищи.

У традиционных очагов есть серьезный недостаток: они сильно дымят, наполняя помещение чрезвычайно токсичными дымовыми газами. Их ежедневное воздействие на женщину, готовящую еду на таком очаге в помещении без вентиляции, эквивалентно эффекту от выкуривания более пяти пачек сигарет[638]. По данным исследования 2016 г., в самых разных странах – от Перу до Нигерии – содержание токсичных веществ в дыме от очагов в 20–100 раз превышает предельно допустимые нормы, установленные ВОЗ[639]. В масштабах планеты ежегодно от этого умирает втрое больше людей (2,9 млн человек)[640], чем от малярии[641]. Кроме того, традиционные очаги имеют низкую производительность: приготовление еды на них занимает от трех до семи часов в день[642], и все это время женщины подвергаются воздействию вредных газов. Поэтому во всем мире загрязнение воздуха внутри помещений является самым серьезным экологическим фактором смертности женщин и одной из главных причин смертности детей в возрасте до пяти лет[643]. Загрязнение воздуха в помещениях также занимает восьмое место в списке глобальных факторов, вызывающих различные заболевания, включая респираторные и сердечно-сосудистые, а также повышающих восприимчивость к инфекциям, включая возбудители туберкулеза, и к раку легких[644]. Однако, как и многие другие факторы, негативно

[634] Doss (2011).

[635] http://www.poverty-action.org/study/demand-nontraditional-cookstoves-bangladesh.

[636] http://m.theindependentbd.com/arcprint/details/73854/2016-12-25.

[637] http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0160412016307358.

[638] Crewe, Emma et al. (2015), ‘Building a Better Stove: The Sri Lanka Experience’, Practical Action, Sri Lanka.

[639] http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0160412016307358.

[640] Там же.

[641] Там же; https://www.unicef.org/publications/files/malaria_rev_5296_Eng.pdf.

[642] http://m.theindependentbd.com/arcprint/details/73854/2016-12-25.

[643] https://www.unicef.org/environment/files/Bangladesh_Case_Study_2014.pdf.

[644] https://www.unwomen.org/en/news/stories/2012/4/green-cook-stoves-improving-women-s-lives-in-ghana.

влияющие главным образом на здоровье женщин, «эти проблемы не подвергались комплексному и строгому научному анализу»[645].

Агентства, занимающиеся вопросами развития, с 1950-х гг. с переменным успехом пытаются заменить традиционные очаги экологически чистыми кухонными плитами. Изначально это делалось не ради того, чтобы облегчить неоплачиваемый труд женщин и уменьшить разрушительное воздействие токсичных дымовых газов на их организм, а для предотвращения вырубки лесов[646]. Но как только выяснилось, что причиной экологической катастрофы на самом деле является вовсе не сбор женщинами хвороста, а расчистка земель под пашню, большинство агентств отказалось от своих планов. Антрополог Эмма Кру из Школы восточных и африканских исследований при Лондонском университете поясняет, что подобные инициативы «были признаны неспособными предотвратить энергетический кризис и непригодными для программ развития в других областях»[647].

Но сегодня экологически чистые плиты снова стоят на повестке дня. В сентябре 2010 г. Хиллари Клинтон объявила о создании Глобального альянса за экологически чистые кухонные плиты, который борется за то, чтобы к 2020 г. дополнительно 100 млн домохозяйств перешли на экологически чистые и высокопроизводительные плиты и топливо[648]. Цель благородная, но, если она будет достигнута и если женщины действительно будут использовать такие плиты, все равно останется множество проблем, не в последнюю очередь связанных со сбором данных.

В одном из материалов ООН 2014 г. отмечается, что, в отличие от статистики по воде и санитарии, данных по доступности высокопроизводительных кухонных плит в разных странах «недостаточно», поскольку в документах, посвященных национальной энергетической политике и стратегиям борьбы с бедностью, основное внимание уделяется вопросам электрификации[649]. В докладе Всемирного банка 2005 г. подчеркивается, что, собирая данные о доступе населения к энергии, правительства учитывают не социально-экономические результаты реализации программ развития, а количество новых подключений к энергосетям[650]. Кроме того, они, как правило, не собирают данные о реальных энергетических потребностях населения (таких как насосы для питьевой воды, а также приготовление пищи и сбор топлива). Вследствие этого на сегодняшний день экологические чистые кухонные плиты почти нигде не пользуются спросом.

В 1990-е гг. инженеры, разрабатывавшие кухонные плиты, уверяли Эмму Кру, что низкий спрос на их продукцию объясняется «консерватизмом» потребителей[651], которых, по мнению инженеров, нужно было обучать правильной эксплуатации кухонной техники. Сейчас на дворе XXI в., но виноватыми по-прежнему считаются женщины. В финансировавшемся проектом WASHplus[652] и Агентством США по международному развитию отчете об использовании пяти моделей плит в Бангладеш в 2013 г. неоднократно подчеркивалось, что все пять

---

[645] http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0160412016307358.

[646] Crewe, Emma (1997), 'The Silent Traditions of Developing Cooks', in R. D. Grillo and R. L. Stirrat (eds.), *Discourses of Development*, Oxford.

[647] Там же.

[648] http://www.gender-summit.eu/images/Reports/Gender_and_inclusive_innovation_Gender_Summit_report.pdf.

[649] http://www.unwomen.org/-/media/headquarters/attachments/sections/library/publications/2014/unwomen_surveyreport_advance_16oct.pdf?vs=2710.

[650] Fatema, Naureen (2005), 'The Impact of Structural Gender Differences and its Consequences on Access to Energy in Rural Bangladesh', Asia Sustainable and Alternative Energy Program (ASTAE), Energy Wing of the World Bank Group.

[651] Crewe (1997), in Grillo and Stirrat (eds.).

[652] Целью проекта WASHplus (2010–2016 гг.), осуществлявшегося при поддержке различных государственных и международных институтов, некоммерческих организаций, частных компаний и университетов, была поддержка здоровых домохозяйств и общин при помощи различных инициатив в области улучшения доступности водоснабжения, санитарии и гигиены, борьбы с бытовым загрязнением воздуха и снижения уровня заболеваемости.

моделей увеличивали время приготовления пищи и требовали больше внимания[653]. В отличие от традиционных очагов, новые плиты не позволяли сочетать приготовление еды с другой работой, и женщинам приходилось менять свои привычки, что также увеличивало их рабочую нагрузку. Но, несмотря на это, авторы исследования снова и снова повторяли одну и ту же мантру: меняться должны женщины, а не плиты. По их мнению, призывать конструкторов не увеличивать и без того длинный (в среднем 15-часовой) рабочий день женщин было вовсе не обязательно. Следовало просто убедить женщин в том, что «усовершенствованные» плиты – замечательное изобретение[654].

Что бы ни говорили ученые, представители неправительственных организаций и иностранные специалисты, проблема вовсе не в женщинах. Проблема в самих плитах. Их создатели всегда ставили во главу угла технические характеристики – например, топливную эффективность, – а не пожелания потребителей, что чаще всего и становилось причиной отказа от плит, поясняет Эмма Кру[655]. Но, хотя проблема низкого спроса на новые плиты стоит уже не одно десятилетие, агентства, занимающиеся вопросами развития, до сих пор не могут ее решить[656] – по той простой причине, что они до сих пор не поняли: бессмысленно навязывать женщинам продукт, не удовлетворяющий их потребности. Приступая к его разработке, следует *сначала* проконсультироваться с основными потребителями[657].

Одна из программ развития, которую пытались внедрить в Индии, провалилась, потому что, хотя новая плита хорошо показала себя в лабораторных условиях, ее обслуживание (которым, по мнению конструкторов, должны были заниматься «домочадцы») занимало больше времени, чем обслуживание традиционного очага[658]. Но ремонтом техники в индийском штате Одиша всегда занимались мужчины, а они не считали ремонт плиты первоочередной задачей, ведь в случае поломки их жены прекрасно могли готовить и по старинке. Поэтому женщины быстро вернулись к традиционным очагам, загрязняющим воздух токсичными дымовыми газами, а новые плиты остались пылиться в углах.

Гендерные различия в предпочтениях потребителей обусловлены и тем, кто из членов семьи принимает решения о покупке (в данном случае – о приобретении новой плиты). Несмотря на сотни попыток внедрить различные модели экологически чистых плит в Бангладеш, предпринимаемых с начала 1980-х гг., более 98 % сельского населения продолжает готовить на традиционных очагах, используя биотопливо[659]. Результаты исследования 2010 г., целью которого было выяснить, почему так происходит, показали, что женщины «чаще мужчин проявляли готовность приобретать усовершенствованные плиты, в особенности менее вредные для здоровья плиты с дымоотводом». Но, как правило, они соглашались заказать продукт, если при опросе не присутствовали мужья. Поэтому, когда четыре месяца спустя специалисты привезли новые плиты, гендерные различия в предпочтениях исчезли – предпочтения женщин теперь полностью совпадали с предпочтениями их мужей.

В данном случае причиной отказа женщин от экологически чистых плит могло стать отсутствие санкции мужей на совершение покупки. Это предположение подтверждается результатами исследования, опубликованного в 2016 г., которые показали, что «домашние хозяйства, возглавляемые женщинами, демонстрировали более высокую готовность приобретать экологически чистые кухонные плиты, чем хозяйства, возглавляемые мужчинами»[660].

[653] http://www.washplus.org/sites/default/files/bangladesh-consumer_preference2013.pdf.
[654] https://answers.practicalaction.org/our-resources/item/building-a-better-stove-the-sri-lanka-experience#.
[655] Crewe (1997), in Grillo and Stirrat (eds.).
[656] http://www.ideasrilanka.org/pdf.html.
[657] http://www.gender-summit.eu/images/Reports/Gender_and_inclusive_innovation_Gender_Summit_report.pdf.
[658] http://www.gender-summit.eu/images/Reports/Gender_and_inclusive_innovation_Gender_Summit_report.pdf.
[659] http://www.poverty-action.org/study/demand-nontraditional-cookstoves-bangladesh.
[660] https://www.se4all-africa.org/fileadmin/uploads/se4all/Documents/Abidjan_workshop_2016/SE_gender_GACC.PDF.

Вместе с тем, как утверждалось в исследовании Йельского университета 2012 г., 94 % респондентов «считали, что дым от традиционных очагов, загрязняющий помещения, вреден», однако «отдавали предпочтение традиционным очагам, поскольку технически они удовлетворяли их основные потребности». Впрочем, это не помешало Йельскому университету озаглавить пресс-релиз, посвященный исследованию, так: «Несмотря на всю борьбу за перемены, женщины Бангладеш по-прежнему предпочитают традиционные загрязняющие воздух очаги» (Despite efforts for change, Bangladeshi women prefer to use pollution-causing cookstoves), – как будто женщины были неспособны оценить полезное новшество, а не просто лишены санкции на покупку[661]. Глупые женщины, упорно цепляющиеся за экологически нечистые очаги, куда лучше вписывались в заголовок, чем повальная нищета.

Неспособность в течение десятилетий разработать ни отвечающие требованиям потребителей кухонные плиты, ни стратегию их внедрения, учитывающую социальное положение женщин, привела к катастрофическим последствиям для женского здоровья, которое постоянно ухудшается. Из-за изменений климата и вызванных ими эрозии почвы и опустынивания найти качественное топливо становится все труднее. Женщины вынуждены использовать листья, солому и навоз, при сгорании которых образуются еще более токсичные дымовые газы. И это очень печально, ведь экологически чистые кухонные плиты, несомненно, значительно улучшили бы положение женщин. Согласно результатам обследования, проведенного в Йемене в 2011 г., женщины, не имеющие доступа к водопроводу и газовым плитам, тратили на оплачиваемую работу 24 % своего времени, в то время как для женщин, пользующихся новыми плитами, этот показатель достигал 52 %[662]. А исследование 2016 г., посвященное использованию новых экологически чистых плит в Индии, показало, что, когда женщины начинали использовать, например, дешевую портативную модель Anagi 2, которая, как было установлено, существенно сокращала время приготовления пищи, у них появлялась возможность больше заниматься семьей и участвовать в общественной жизни[663]. Представители домохозяйств, использующих экологически чистые плиты, также указывали, что получили возможность отправлять детей в школу[664].

Есть, однако, некоторые основания надеяться на лучшее. В ноябре 2015 г. индийские ученые сообщили об успешных испытаниях «недорогого (стоимостью $1) приспособления, предназначенного для установки в традиционные каменные очаги»[665]. Это простое устройство позволяет сократить потребление топлива и количество дыма «до уровня, сопоставимого с уровнем более дорогих и высокопроизводительных кухонных плит». Прорыв был достигнут в результате ликвидации существовавшей десятилетиями нехватки данных: увидев, что предпринимавшиеся в течение 20 лет усилия государства, нацеленные на внедрение в сельских районах Индии высокопроизводительных кухонных плит, не увенчались успехом, исследователи решили выяснить, почему так произошло.

Опросив женщин, они обнаружили, что высокопроизводительные плиты не вмещали «крупные поленья, которые приходилось расщеплять, раскалывая вдоль». Эта проблема упоминалась и в вышеупомянутом исследовании 2013 г., посвященном изучению опыта использования пяти моделей новых кухонных плит. Ученые поняли: все, что связано с приготовлением пищи, включая заготовку топлива, лежит на плечах женщин, и, поскольку колка дров – «довольно тяжелая работа», женщины вполне обоснованно «отказывались от высокопроизво-

---

661 https://news.yale.edu/2012/06/29/despite-efforts-change-bangladeshi-women-prefer-use-pollution-causing-cookstoves.

662 Petrics et al. (2015).

663 https://answers.practicalaction.org/our-resources/item/building-a-better-stove-the-sri-lanka-experience#.

664 https://www.se4all-africa.org/fileadmin/uploads/se4all/Documents/Abidjan_workshop_2016/SE_gender_GACC.PDF.

665 https://www.thesolutionsjournal.com/article/how-a-simple-inexpensive-device-makes-a-three-stone-hearth-as-efficient-as-an-improved-cookstove/.

дительных плит, учитывая, что традиционные *чула* (печи из глины и кирпичей) вмещали крупные поленья».

Основываясь на своих выводах, ученые поставили перед собой задачу: изменить конструкцию плиты таким образом, чтобы она отвечала потребностям женщин. Понимая, что «одна высокопроизводительная модель не может заменить все традиционные печи», они решили, что «существенное снижение уровня загрязнения воздуха продуктами сгорания древесины может быть достигнуто только за счет кастомизированных решений, учитывающих условия различных регионов мира». Результатом их работы, проделанной с учетом собранных данных, стало простое металлическое устройство *mewar angithi*, обеспечивающее «в традиционной печи *чула* такой же поток воздуха, как и в высокопроизводительной новой плите».

Чтобы снизить стоимость приспособления (еще одна постоянная головная боль пользователей плит), было решено производить его из металлолома, который они нашли на местном рынке, металлических шайб, которые «стоили вчетверо дешевле листового металла». Кроме того, «простую конструкцию из изогнутых пластин можно было использовать в любой печи *чула*». Проведенные после этого в Кении[666] и Гане[667] исследования, посвященные использованию приспособления, дали положительные результаты, показывающие, сколь многого могут добиться конструкторы, если начинают работу с решения главной задачи – ликвидации дефицита гендерных данных.

---

[666] Parigi, Fabio, Viscio, Michele Del, Amicabile, Simone, Testi, Matteo, Rao, Sailesh, Udaykumar, H. S. (2016), ‘High efficient Mewar Angithi stove testing in rural Kenya’, 7th International Renewable Energy Congress (IREC).

[667] http://www.green.it/mewar-angithi/.

Глава 8
Универсальный (мужской) размер

В 1998 г. пианист Кристофер Донисон написал, что «все люди делятся на две категории»: у одних кисти рук большие, у других – маленькие. Это слова музыканта, из-за своих сравнительно небольших кистей рук вынужденного годами сражаться с традиционной фортепианной клавиатурой, но то же самое могла бы сказать любая женщина. Можно привести множество данных, свидетельствующих о том, что кисти рук у женщин в среднем меньше, чем у мужчин[668], и тем не менее мы продолжаем создавать вещи, ориентируясь на средний размер мужской руки, как будто в мире существует только один универсальный размер – мужской.

Этот якобы универсальный размер и соответствующий подход к дизайну якобы гендерно нейтральных продуктов ставят женщин в невыгодное положение по сравнению с мужчинами. Средний размах кисти (расстояние между кончиками мизинца и большого пальца расставленной ладони) у женщин составляет от семи до восьми дюймов (от 18 до 20 см)[669], что затрудняет использование стандартной сорокавосьмидюймовой фортепианной клавиатуры (122 см). Каждая октава занимает примерно 7,4 дюйма (19 см), и в ходе одного исследования было установлено, что это создает неудобства 87 % взрослых пианисток[670]. Результаты исследования 2015 г., в рамках которого размах кисти 473 взрослых исполнителей сопоставлялся с уровнем их признания, показали, что размах кисти всех 12 музыкантов, завоевавших мировую известность, составлял не менее 8,8 дюйма (22,3 см)[671]. В звездную группу входили две женщины – с размахом кисти 9 дюймов и 9,5 дюйма (22,9 и 24,1 см).

Стандартная фортепианная клавиатура не только делает путь пианисток к мировой известности более трудным по сравнению с мужчинами, но и негативно сказывается на их здоровье. В ходе нескольких обследований исполнителей, проведенных в 1980-е и 1990-е гг., было обнаружено, что женщины чаще мужчин страдают от «производственных» травм, причем клавишники составляют главную группу риска. Результаты ряда обследований показывают, что пианистки страдают от болей и травм кисти примерно на 50 % чаще, чем пианисты. В ходе одного исследования было установлено, что хроническим растяжением сухожилий травматического характера страдают 78 % пианисток, в то время как для мужчин этот показатель составляет 47 %[672].

Скорее всего, это связано с размахом кисти: обследование 1984 г., охватывавшее только пианистов-мужчин, выявило 26 «успешных исполнителей», определяемых как «известных солистов и победителей международных конкурсов», и десять «проблемных случаев» – тех, кто «долго страдал от проблем с техникой и травм»[673]. Средний размах кисти у пианистов первой группы составлял 9,2 дюйма (23,4 см), а у проблемной – 8,7 дюйма (22 см), что, однако, значительно больше, чем в среднем у женщин.

Однажды, когда Кристофер Донисон «в тысячный раз» репетировал финал баллады Шопена соль-минор на своем огромном концертном рояле Steinway, его вдруг осенило. У него

[668] https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/5550584; http://www.who.int/gender/documents/Genderworkhealth.pdf; Boyle, Rhonda and Boyle, Robin (2009), 'Hand Size and the Piano Keyboard. Literature Review and aSurvey of the Technical and Musical Benefits for Pianists using Reduced-Size Keyboards in North America', 9th Australasian Piano Pedagogy Conference, Sydney; Boyle, Rhonda, Boyle, Robin and Booker, Erica (2015), 'Pianist Hand Spans: Gender and Ethnic Differences and Implications For Piano Playing, 15th Australasian Piano Pedagogy Conference, Melbourne 2015.

[669] Boyle, Boyle and Booker (2015); Boyle and Boyle (2009).

[670] Boyle, Boyle and Booker (2015).

[671] Там же.

[672] Там же.

[673] http://smallpianokeyboards.org/measuring-hand-spans/.

родилась идея создания специальной клавиатуры для людей с небольшим размахом кисти. Ему в голову пришла простая мысль: что, если проблема не в том, что его руки слишком малы, а в том, что стандартная клавиатура слишком велика? В результате появилась клавиатура DS Standard 7/8 (ширина которой составляет примерно 7/8 ширины стандартной фортепианной клавиатуры). Как утверждал Донисон, она полностью изменила его игру. «Наконец-то я мог использовать правильную аппликатуру. Я мог играть арпеджио, не меняя положения рук. […] Я мог свободно исполнять левой рукой длинные арпеджио, столь характерные для музыки романтизма. Я мог сосредоточиться на качестве звучания, а не на бесконечном повторении каждого отрывка»[674]. Выводы музыканта подтверждаются результатами многочисленных исследований, которые показывают, что клавиатура DS Standard 7/8 действительно снимает многие проблемы, связанные с исполнительской техникой и здоровьем музыкантов и возникающие при использовании стандартной клавиатуры[675]. Тем не менее у пианистов до сих пор сохраняется странная (если не сказать сексистская) приверженность к традиционной клавиатуре.

Нежелание отказываться от дизайна, ориентированного только на людей с руками мужского размера, свойственно не только миру музыки. Помню, в начале 2000-х гг. при сравнении потребительских качеств различных моделей мобильных телефонов предпочтение отдавалось самым миниатюрным образцам. С появлением iPhone (и аналогов) ситуация в корне изменилась. Теперь главным показателем крутизны гаджета считается размер экрана – чем он больше, тем лучше. Сегодня средняя диагональ экрана составляет 5,5 дюйма (чуть менее 14 см)[676], что, безусловно, впечатляет, – но только до тех пор, пока не подумаешь о том, удобно ли держать такой гаджет в руке половине населения планеты (не говоря уже о том, сможет ли эта половина носить его в карманах, которые либо слишком малы, либо вообще отсутствуют). Среднестатистический мужчина может без труда пользоваться телефоном, держа его в руке, а вот среднестатистическая женщина, чья рука ненамного больше гаджета, – вряд ли.

Вот досада! Как глупо, что такая компания, как Apple, не подумала об этом, учитывая, что, как показывают результаты исследования, женщины покупают iPhone чаще мужчин[677]. Однако не надейтесь обнаружить метод в ее безумии[678].

В ближайшее время это вряд ли удастся, потому что получить от представителей компании какой-либо внятный комментарий относительно возможности изменения дизайна массивных гаджетов почти невозможно. Отчаявшись достучаться до компании, я обратилась к Алексу Херну, журналисту *The Guardian*, пишущему о технике. Но и он не смог мне помочь. «Вопрос интересный, – сказал он. – Но и мне ни разу не удалось добиться от них прямого ответа». По его словам, в неофициальных беседах представители Apple в один голос твердили, что телефоны больше не рассчитаны на то, чтобы ими пользовались, держа в руке, и уверяли, что на самом деле многие дамы выбирают самые массивные модели, потому что мода предписывает носить их в сумочках. Но позвольте, дамские сумочки – это, конечно, прекрасно, но одна из причин, по которой женщины таскают их с собой, заключается в том, что на нашей одежде обычно нет вместительных карманов. Поэтому дизайн телефонов, рассчитанный на ношение в сумке, а не в кармане, воспринимается женщинами лишь как еще одна щепотка соли на их раны (далее мы еще поговорим об этом). Утверждать, что телефоны рассчитаны на ношение в сумке, довольно странно еще и потому, что для использования многих приложений для пас-

---

674 'Small hands? Try this Keyboard, You'll Like It', *Piano & Keyboard Magazine* (July/August 1998).

675 Boyle, Boyle and Booker (2015).

676 https://deviceatlas.com/blog/most-popular-smartphone-screen-sizes-2017.

677 http://www.telegraph.co.uk/technology/apple/iphone/11335574/Womenmore-likely-to-own-an-iPhone-than-men.html.

678 Слегка измененная цитата из шекспировского «Гамлета» («Though this be madness, yet there is method in it») – «Хоть это и безумие, но в нем есть последовательность».

сивного слежения необходимо постоянно держать гаджет либо в руке, либо в кармане, а вовсе не в сумочке, валяющейся на офисном столе.

В поисках ответа на свой вопрос я также обратилась к известному журналисту, пишущему о технике, и писателю Джеймсу Боллу. У него есть свое объяснение помешательства производителей телефонов на размерах экрана: дело в том, что, согласно расхожему представлению, самые дорогие модели обычно покупают мужчины, а значит, женщин можно не принимать в расчет. Но если это так, то подход Apple все равно кажется странным – ведь результаты исследования показывают, что женщины покупают iPhone чаще мужчин. Впрочем, у меня есть серьезная претензия к этому исследованию. Его авторы, как и многие другие, утверждают, что проблема не в дизайне, страдающем от «мужского перекоса», а в самих женщинах. Иными словами, потому ли женщины реже мужчин покупают самые дорогие модели, что они не интересуются iPhone, или потому, что дизайн iPhone не учитывает их потребности? Правда, есть и повод порадоваться. Джеймс Болл успокоил меня: экраны, судя по всему, больше не будут увеличиваться в размере, потому что «иначе они перестанут помещаться даже в самой большой мужской руке».

Это хорошая новость для мужчин, но не для таких женщин, как моя подруга Лиз. Она пользуется моделью Motorola Moto G. Как-то раз в ответ на мои вечные жалобы на размеры телефонов она сказала, что «вот только что жаловалась другу на то, что ей трудно масштабировать изображение при съемке фотокамерой, держа телефон в руке». Друг ответил, что у него таких проблем не возникает. Оказалось, у них одна и та же модель телефона. Лиз призадумалась: что это за модель такая, которая не умещается у нее в руке?

Модель, разумеется, умещается в руке – только не в женской, а в мужской. Когда в 2013 г. Зейнеп Туфекчи, научный сотрудник Университета Северной Каролины, попыталась снять на телефон полицейских, применявших слезоточивый газ при разгоне демонстрантов в стамбульском парке Гези в Турции, у нее ничего не вышло: смартфон Google Nexus не умещался в руке[679]. Дело было вечером 9 июня. В парке Гези было полно народу. Там гуляли родители с детьми. И тут полицейские начали распылять газ из баллончиков. По словам Зейнеп, власти «всегда утверждали, что используют слезоточивый газ только против вандалов и нарушителей общественного порядка». Чтобы доказать, что это ложь, нужно было получить документальные свидетельства обратного. Женщина достала смартфон. «Мои легкие, глаза и нос горели от слезоточивого газа, сочившегося из множества капсул, валявшихся вокруг. Я сыпала проклятиями», – вспоминала она. Но смартфон был слишком велик. Зейнеп Туфекчи не смогла как следует навести объектив, держа устройство одной рукой, – так, как это, по ее словам, делали «многие мужчины, чьи руки были больше». Все фотографии с места событий оказались непригодными для публикации «по одной простой причине: дизайн качественных смартфонов рассчитан на мужские руки».

Как и стандартная фортепианная клавиатура, смартфоны, предназначенные для мужских рук, негативно влияют на здоровье женщин. Это влияние пока почти не изучено, но результаты уже проведенных исследований в этой области неутешительны[680]. Известно, что женские руки меньше мужских и что женщины чаще мужчин страдают заболеваниями костно-мышечной системы[681]. Однако анализ влияния использования массивных смартфонов на кисти рук и предплечья упирается все в ту же проблему: дефицит гендерных данных. В числе участников исследований, публикации о которых мне удалось найти, женщин было недостаточно[682]. В подавляющем большинстве материалов не содержится данных в разбивке по половому при-

---

[679] https://medium.com/technology-and-society/its-a-mans-phone-a26c6bee1b69.

[680] http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1013702515300270.

[681] http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1050641108001909.

[682] http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1013702515300270.

знаку[683], даже в тех, где женщины представлены вполне адекватно[684]. Это очень печально, потому что те немногие работы, в которых содержатся данные в разбивке по половому признаку, указывают на статистически значимые гендерные различия в плане влияния массивных телефонов на женские кисти рук и предплечья[685].

●●●

Решение проблемы смартфонов, слишком громоздких для женских рук, кажется очевидным: достаточно просто изменить дизайн, сделав их поменьше. Разумеется, на рынке можно найти компактные телефоны, например Apple iPhone SE. Но эта модель долго не обновлялась, к тому же по качеству она уступает линейке стандартных моделей iPhone (либо просто больших, либо огромных). А теперь ее производство и вовсе прекращено. В Китае женщины и мужчины с небольшими руками могут приобрести модель Keecoo K1, шестиугольная форма которой делает ее более удобной для них[686]. Это хорошо. Но производительность этой модели сравнительно невысока, и к тому же телефон поставляется с готовыми аэрографическими рисунками на крышке, а это плохо. Очень жаль.

Чтобы избежать хронических растяжений сухожилий, вызванных использованием громоздких смартфонов, некоторые предлагают использовать системы распознавания речевых команд[687]. Однако в настоящее время они вряд ли помогут женщинам, потому что соответствующее программное обеспечение тоже часто страдает колоссальным «мужским перекосом». В 2016 г. лингвист Рейчел Татман, научный сотрудник Вашингтонского университета, обнаружила, что программы Google, предназначенные для распознавания речевых команд, на 70 % чаще точно распознают мужскую речь, чем женскую[688], – а ведь сегодня это лучшие программы, представленные на рынке[689].

Ясно, что женщины не должны платить за продукцию, предоставляющую им заведомо менее качественные услуги, ту же цену, что и мужчины. Это вопрос справедливости. Но дело не только в ней: неточное распознавание женских речевых команд создает проблемы и для нашей безопасности. Так, системы голосового управления автомобилем предназначены для того, чтобы водитель не отвлекался от дороги, а вождение было более безопасным. Но неработающие системы (а они часто не работают, во всяком случае когда команды отдают женщины) могут вызвать обратный эффект. В статье на сайте для автомобилистов Autoblog.com рассказывается о женщине, купившей Ford Focus 2012 г. выпуска и внезапно обнаружившей, что система голосового управления слушается только ее мужа, хотя он сидел в пассажирском кресле[690]. Другая женщина обратилась за помощью к производителю, когда оказалось, что в ее Buick не работает телефонная система голосового управления. «В компании мне сказали, что ничего нельзя сделать, потому что система не рассчитана на женщин, и посоветовали обратиться за помощью к какому-нибудь мужчине», – рассказывала она. Сразу после написания

---

683 http://ac.els-cdn.com/S0169814115300512/1-s2.0-S0169814115300512-main.pdf?_tid=4235fa34-f81e-11e6-a430-00000aab0f26&acdnat=1487672132_c2148a0040def1129abc7acffe03e57d.

684 Там же.

685 http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0169814116300646; http://ac.els-cdn.com/S0003687011000962/1-s2.0-S0003687011000962-main.pdf?_tid=f0a12b58-f81d-11e6-af6b-00000aab0f26&acdnat=1487671995_41cfe19ea98e87fb7e3e693bdddaba6e; http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1050641108001909.

686 https://www.theverge.com/circuitbreaker/2016/7/14/12187580/keecok1-hexagon-phone-for-women.

687 https://www.theguardian.com/technology/askjack/2016/apr/21/can-speech-recognition-software-help-prevent-rsi.

688 https://makingnoiseandhearingthings.com/2016/07/12/googles-speech-recognition-has-a-gender-bias/.

689 http://blog-archive.griddynamics.com/2016/01/automatic-speech-recognition-services.html.

690 https://www.autoblog.com/2011/05/31/women-voice-command-systems/.

этих страниц я стала свидетелем безуспешных попыток моей матери, с которой мы ехали в ее Volvo Cross-Country, заставить телефонную голосовую систему соединить нас с ее сестрой. После пяти попыток я предложила маме попробовать отдать команду басом. Она так и сделала, и система сразу же сработала.

По мере совершенствования систем распознавания речи расширяется их использование в самых разных областях, включая медицину, где ошибки могут обойтись очень дорого. В статье 2016 г. представлены результаты анализа случайной выборки, включающей сотню речевых команд, отданных врачами скорой помощи во время работы с пациентами. Оказалось, что 15 % команд были распознаны неверно, причем ошибки были очень серьезными, «способными привести к недоразумениям, в результате которых могли пострадать пациенты»[691]. К сожалению, авторы работы не привели данных в разбивке медиков по половому признаку, но данные, которыми мы располагаем, показывают, что при распознавании женских команд системы ошибаются чаще, чем при распознавании мужских[692]. Доктор наук Сайед Али, ведущий автор одного из исследований применения голосовых систем в медицине, отмечает, что «практические выводы» ученых таковы: женщинам, «видимо, придется прикладывать больше усилий», чем мужчинам, чтобы «системы [распознавания речевых команд] работали нормально»[693]. Рейчел Татман согласна с этим выводом: «Факт тот, что современные системы распознают мужские команды лучше, чем женские. Соответственно, женщинам труднее работать. Даже если для исправления ошибки требуется всего секунда, эти секунды складываются в дни и недели, которые нашим коллегам-мужчинам не приходится попусту тратить на возню с плохо работающей техникой».

Женщины всего мира, которых приводят в ярость несовершенные голосовые системы, радуйтесь! Том Шальк, вице-президент ATX – компании, поставляющей голосовые навигаторы для автомобилей, – предложил новаторское решение, способное устранить «многие недостатки, связанные с распознаванием женской речи»[694]. По его мнению, женщинам нужна всего лишь «тщательная подготовка» и, конечно, «готовность учиться». Вот только, сокрушается Том Шальк, такой готовности у них нет. Почему в Бангладеш упрямые матери семейств покупают неправильные плиты? Почему автоледи упорно покупают автомобили в напрасной надежде, что разработчики систем голосового управления сделают продукт, который будет их слушаться? Ведь совершенно ясно, что решать проблему должны не инженеры, не программисты, а сами женщины. Ну почему женщина не может быть больше похожа на мужчину?

Рейчел Татман отметает предположение, что проблема кроется в женской речи, а не в технологии, неспособной ее распознавать. Результаты исследований показывают, что «женская речь намного более разборчива, чем мужская»[695], – возможно, потому, что женщины, как правило, более протяжно произносят гласные[696] и говорят медленнее мужчин[697]. Мужчины, напротив, «чаще спотыкаются в разговоре, проглатывают гласные и произносят слова неправильно или небрежно»[698]. С учетом этого голосовые системы должны были бы лучше распознавать

---

[691] https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/27435949.

[692] American Roentgen Ray Society (2007), 'Voice Recognition Systems Seem To Make More Errors With Women's Dictation', *ScienceDaily*, 6 May 2007; Rodger, James A. and Pendharkar, Parag C. (2007), 'A field study of database communication issues peculiar to users of a voice activated medical tracking application', *Decision Support Systems*, 43:1 (1 February 2007), 168–80, https://doi.org/10.1016/j.dss.2006.08.005.

[693] American Roentgen Ray Society (2007).

[694] http://techland.time.com/2011/06/01/its-not-you-its-it-voice-recognitiondoesnt-recognize-women/.

[695] https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2994697/.

[696] http://www.aclweb.org/anthology/P08-1044.

[697] https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2790192/.

[698] http://www.aclweb.org/anthology/P08-1044.

женские голоса – и действительно, Рейчел Татман пишет, что ей самой «доводилось обучать классификаторы[699] на записях женской речи, и они работали прекрасно, большое им спасибо».

Разумеется, виной всему вовсе не особенности женской речи. Виноват наш старый друг, дефицит гендерных данных. Голосовые технологии создаются на основе баз данных аудиофайлов с записями речи, так называемых речевых корпусов. И в этих базах данных преобладают записи мужской речи, во всяком случае, насколько мы можем судить, ведь в большинстве речевых корпусов записи не разбиты по половому признаку, что само по себе уже является пробелом в данных[700]. Когда Рейчел Татман сравнила доли записей мужской и женской речи в речевых корпусах, оказалось, что только в TIMIT («главном и наиболее известном речевом корпусе Консорциума лингвистических данных») данные разбиты по половому признаку. При этом на долю записей мужской речи приходилось 69 % общего количества записей. Но, вопреки выводам Рейчел Татман, найти записи женских голосов можно: как указано на сайте Британского национального корпуса[701], эта база данных является гендерно сбалансированной[702].

Речевые корпуса – не единственные базы данных, используемые для разработки алгоритмов, страдающих от «мужского перекоса». Корпуса текстов (включающие самые разные тексты – от романов до газетных статей и стандартных учебников) используются при разработке программ для переводов, сканирования резюме соискателей при приеме на работу и поиска в сети. Они тоже страдают от нехватки гендерных данных. Прошерстив Британский национальный корпус[703] (100 млн слов из различных текстов конца XX в.), я обнаружила, что местоимения мужского рода всегда выскакивают в результатах поиска почти вдвое чаще местоимений женского рода[704]. При этом соотношение местоимений мужского и женского рода в Корпусе современного американского английского языка, содержащем 520 млн слов, также составляет 2:1, хотя он включает более современные тексты (вплоть до 2015 г.)[705]. Алгоритмы, разрабатываемые на основе таких корпусов, страдающих от нехватки гендерных данных, создают впечатление, что в мире действительно преобладают мужчины.

Базы данных изображений тоже, судя по всему, страдают от нехватки гендерных данных. Проведенный в 2017 г. анализ двух наиболее часто используемых баз данных, содержащих «более 100 000 сложных изображений из интернета, снабженных описаниями», показывает, что количество изображений мужчин значительно превосходит количество изображений женщин[706]. Результаты исследований Вашингтонского университета также говорят о том, что женщины недостаточно представлены в Google Images. Этот недостаток касался представительниц 45 профессий, причем наиболее заметное расхождение с реальностью наблюдалось по генеральным директорам компаний. В то время как доля женщин в общей численности генеральных директоров компаний в США достигала 27 %, по результатам поиска в Google Images этот показатель составлял лишь 11 %[707]. Результаты поиска по запросу *«author»* («автор») также оказались далекими от реальности: всего 25 % женщин, хотя на самом деле доля писательниц в общем количестве литераторов в США равнялась 56 %. Исследование также показало, что

---

[699] В машинном обучении классификатор – алгоритм классификации объекта (задачи машинного обучения), выдающий номер или наименование класса объекту в результате его применения к данному объекту. Задача классификации относится к разделу обучения с учителем.

[700] http://groups.inf.ed.ac.uk/ami/corpus/; http://www1.icsi.berkeley.edu/Speech/papers/gelbart-ms/numbers/; http://www.voxforge.org/.

[701] http://www.natcorp.ox.ac.uk/corpus/index.xml?ID=intro.

[702] http://www.natcorp.ox.ac.uk/docs/URG/BNCdes.html#body.1_div.1_div.5_div.1.

[703] https://www.english-corpora.org/bnc/.

[704] Например, he («он») = 633 413, she («она») = 350 294, himself («сам») = 28 696, herself («сама») = 15 751.

[705] He («он») = 3 825 660, she («она») = 2 002 536, himself («сам») = 140 087, herself («сама») = 70 509.

[706] Chang, K., Ordonez, V., Wang, T., Yatskar, M. and Zhao, J. (2017), 'Men Also Like Shopping: Reducing Gender Bias Amplification using Corpus-level Constraints', *CoRR*, abs/1707.09457.

[707] https://www.eurekalert.org/pub_releases/2015-04/uow-wac040915.php.

мнимые диспропорции искажают представления о реальном соотношении количества мужчин и женщин в различных профессиях – по крайней мере, в краткосрочной перспективе. С внедрением алгоритмов искажение реальной картины, естественно, примет долгосрочный характер.

Мало того, что женщины представлены в базах данных недостаточно, – они представлены еще и неверно. Авторы статьи, опубликованной в 2017 г., проанализировали стандартные текстовые корпуса, и выяснилось, что женские имена и указывающие на принадлежность к женскому полу слова, такие как *woman, girl* («женщина», «девушка») и т. д.), чаще употреблялись в связи с семьей, чем с карьерой. С мужскими именами и словами, указывающими на принадлежность к мужскому полу, ситуация была прямо противоположной[708]. Проведенный в 2016 г. анализ популярной общедоступной базы данных, созданной на основе Google News, показал, что первое место в списке женских профессий занимала «профессия» домохозяйки (*homemaker*), в то время как в отношении мужчин доминировало обозначение *maestro* («маэстро», «мэтр»)[709]. В десятку наиболее распространенных профессий, так или иначе связанных с половой принадлежностью, входили философы, социологи, капитаны, администраторы, архитекторы и няни – догадайтесь сами, какие из них ассоциировались с мужчинами, а какие – с женщинами. Вышеупомянутый анализ баз данных изображений 2017 г. также показал, что изображенные объекты и их действия указывали на «весьма серьезный “мужской перекос”»[710]. Один из исследователей, Марк Яцкер, описал будущее, в котором робот, обученный с помощью таких баз данных и потому точно не знающий, что делают на кухне мужчины и женщины, «предлагает мужчине пиво, а женщине – помощь в мытье посуды»[711].

Подобные культурные стереотипы обнаруживаются и в технологиях искусственного интеллекта, которые уже широко применяются. Например, когда профессор Стэнфордского университета Лонда Шибингер попыталась с помощью программ компьютерного перевода перевести свое интервью одной испанской газете на английский, оказалось, что Google Translate и Systran то и дело заменяют женский род местоимений на мужской, несмотря на наличие в тексте слов, ясно указывающих на половую принадлежность, например *profesora* (женщина-профессор)[712]. При переводе с турецкого на английский словосочетаний с гендерно нейтральными местоимениями Google Translate опирается на стереотипы, свойственные английскому языку. Например, предложение *“O bir doktor”* («Он (она) врач») программа переводит как «Он врач», а предложение *“O bir hemshire”* («Она медсестра» или «Он медбрат») – как «Она медсестра». Исследователи обнаружили, что примерно так же программа ведет себя при переводе на английский с финского, эстонского, венгерского и персидского языков[713].

К счастью, сегодня у нас есть нужные данные, но используют ли их программисты для исправления своих алгоритмов, страдающих от «мужского перекоса», покажет будущее. Будем надеяться, что они это сделают, потому что машины не просто отражают наши предубеждения. Иногда они усиливают их, и весьма значительно. Результаты исследования баз данных изображений 2017 г. показали, что на фотографиях процесса приготовления пищи женщины присутствуют на 33 % чаще мужчин, но алгоритмы, обученные на этих базах данных, «подклю-

---

[708] Caliskan, A., Bryson, J. J. and Narayanan, A. (2017), ‘Semantics derived automatically from language corpora contain human-like biases’, *Science*, 356:6334, 183–6, https://doi.org/10.1126/science.aal4230.

[709] Bolukbasi, Tolga, Chang, Kai-Wei, Zou, James, Saligrama, Venkatesh and Kalai, Adam (2016), ‘Man is to Computer Programmer as Woman is to Homemaker? Debiasing Word Embeddings’, 30th Conference on Neural Information Processing Systems (NIPS 2016), Barcelona, http://papers.nips.cc/paper/6228-man-is-to-computer-programmer-as-woman-is-to-homemaker-debiasing-word-embeddings.pdf.

[710] Chang et al. (2017).

[711] https://www.wired.com/story/machines-taught-by-photos-learn-a-sexist-view-of-women/.

[712] https://metode.org/issues/monographs/londa-schiebinger.html.

[713] Как и в турецком, в этих языках отсутствует грамматическая категория рода.

чали» женщин к изображениям кухонь на 68 % чаще. В ходе этого исследования было также установлено, что чем выше изначальный «мужской перекос», тем больше он впоследствии усиливается. Возможно, именно этим объясняется, почему в описании фотографии совершенно лысого мужчины, стоящего у плиты, алгоритм указал, что это женщина. Стереотипная ассоциация «кухня – женщина» оказалась сильнее ассоциации «лысина – мужчина».

Джеймс Зоу, доцент кафедры биомедицинских исследований Стэнфордского университета, объясняет, почему все это так важно. Он приводит следующий пример. Допустим, работодателю нужен программист. Он ищет работника в сети с помощью алгоритма, разработанного на основе базы данных, в которой эта профессия ассоциируется преимущественно с мужчинами[714]. Не исключено, что алгоритм сочтет сайт программиста-мужчины более заслуживающим внимания, чем сайт программиста-женщины, – «даже если сайты совершенно идентичны, за исключением имен и местоимений». Точно так же алгоритм с «мужским перекосом», обученный с помощью речевого корпуса, страдающего нехваткой гендерных данных, может в буквальном смысле оставить женщину без работы.

Поиск специалистов в сети – лишь верхушка айсберга, лишь малая часть проблемы, связанной с тем, что процесс принятия решений сегодня перекладывается на алгоритмы. По данным *The Guardian*, в США 72 % резюме соискателей при приеме на работу уже не читаются людьми[715], а роботы даже проводят собеседования. Встроенные в них алгоритмы позволяют имитировать мимику и интонации топ-менеджеров[716]. Звучит прекрасно – до тех пор, пока не вспомнишь о возможной нехватке данных. Позаботились ли программисты о том, чтобы в число успешных соискателей входили и женщины, и представители этнических меньшинств? А если нет, как поведет себя алгоритм? Сможет ли он учесть гендерные различия в тональности голоса и выражении лица при собеседовании? Мы этого не знаем, потому что компании, разрабатывающие алгоритмы, хранят свои продукты в секрете. Однако на основании имеющихся данных можно предположить, что гендерные различия вряд ли будут приняты во внимание.

Технологии искусственного интеллекта используются и в медицине – для диагностики заболеваний. В будущем они могут стать хорошим подспорьем для врачей, но в настоящее время их значение явно преувеличивается[717]. Применение таких технологий в диагностике, похоже, сопровождается недостаточным (или вовсе отсутствующим) осознанием постоянного и документально подтвержденного дефицита медицинской статистики, касающейся женщин[718]. Это может обернуться катастрофой и привести к фатальным последствиям, особенно учитывая эффект усиления предвзятости в процессе машинного обучения. Поскольку наши знания о человеческом организме страдают сильным «мужским перекосом», технологии искусственного интеллекта способны лишь снизить, а не повысить точность диагностики для женщин.

К сожалению, пока мало кто понимает, что в этой области назревает серьезная проблема. Ученые, анализировавшие базу данных на основе Google News в 2016 г., указывают, что ни в одной из «сотни научных работ», посвященных практическому применению программ, использующих словесные ассоциации, не говорится о том, насколько «вопиюще сексистскими» являются базы данных. Авторы исследования баз данных изображений, снабженных описаниями, тоже подчеркивают, что они «первыми продемонстрировали эффект усиления “мужского перекоса” при использовании моделей структурного обучения, и первыми предложили методы смягчения этого эффекта».

---

[714] https://phys.org/news/2016-09-gender-bias-algorithms.html.

[715] https://www.theguardian.com/science/2016/sep/01/how-algorithms-rule-our-working-lives.

[716] https://www.theguardian.com/technology/2018/mar/04/robots-screen-candidates-for-jobs-artificial-intelligence?CMP=twt_gu.

[717] https://www.techemergence.com/machine-learning-medical-diagnostics-4-current-applications/.

[718] http://www.bbc.co.uk/news/health-42357257.

Сегодняшний подход к дизайну продуктов ставит женщин в невыгодное положение по сравнению с мужчинами. Он мешает им нормально работать, а иногда, что немаловажно, даже получить работу. Он негативно влияет на их здоровье и безопасность. И, хуже того, существуют доказательства того, что такой подход закладывается и в алгоритмы, которые делают наш мир еще более неравноправным. Однако эти проблемы вполне решаемы – при условии, что мы признаем их существование. Авторы исследования, показавшего, что слово «женщина» автоматически ассоциируется со словом «домохозяйка», разработали новый алгоритм, более чем на две трети смягчающий гендерные стереотипы – например, «что *doctor* (“врач”) – обязательно *he* (“он”), а *nurse* (“медсестра” или “медбрат”) – обязательно *she* (“она”)» – и оставляющий лишь вполне уместные указания на половую принадлежность, (например, «он» применительно к «страдающему раком предстательной железы» или «она» применительно к «страдающей раком яичников»)[719]. А авторы исследования 2017 г., посвященного интерпретации изображений, разработали новый алгоритм, уменьшающий эффект усиления «мужского перекоса» в процессе машинного обучения на 47,5 %.

[719] Bolukbasi et al. (2016).

Глава 9
Море чуваков

Когда в 2013 г. Яника Альварес собирала деньги на создание своего высокотехнологичного стартапа Naya Health Inc., ей с трудом удавалось заставить инвесторов относиться к ней всерьез. На одной из встреч «инвесторы погуглили мой продукт и оказались на порносайте. Они зависли на нем и начали отпускать шуточки». Яника Альварес чувствовала себя «как девушка, случайно забредшая на собрание студенческого братства»[720]. Других инвесторов продукт «шокировал». Были и такие, которые «вообще не понимали, что это такое», а один мужчина даже сказал, что «ни за что не возьмет эту штуку в руки, потому что она вызывает у него отвращение»[721]. Что же это был за гнусный, отвратительный, странный и непонятный продукт, на производство которого Яника Альварес пыталась собрать деньги? Знай, читатель: это был молокоотсос.

Что интересно, молокоотсосы – продукт, давно созревший для «прорывных инноваций», если бы таковые могла предложить Кремниевая долина. Производство устройств для сцеживания грудного молока – процветающий бизнес, особенно в США. В этой стране нет официальных декретных отпусков, и большинству американок, стремящихся следовать рекомендациям врачей и кормить детей грудью до полугода (на самом деле Американская академия педиатрии рекомендует кормить ребенка грудью до года), приходится сцеживать молоко[722].

Рынок молокоотсосов оккупировала компания Medela. По данным еженедельника *The New Yorker*, «молокоотсосы Medela закупают 80 % американских и британских больниц, и за два года, прошедшие после принятия в США в 2010 г. Закона о защите пациентов и доступном здравоохранении (Patient Protection and Affordable Care Act of 2010), предписывающего предоставление услуг в области грудного вскармливания, включая сцеживание молока, продажи компании возросли на 34 %». Но молокоотсосы Medela не очень удобны. Журналистка *The New Yorker*[723] Джессика Уинтер пишет, что они представляют собой «жесткие, неплотно прилегающие к телу конструкции с торчащей из них бутылкой». Они «тянут за грудь и растягивают ее так, словно она резиновая, вот только резина, в отличие от женщин, не чувствует боли»[724]. И хотя некоторые женщины все же умудряются пользоваться молокоотсосом, не придерживая его руками, большинство так не может, потому что он неплотно прилегает к телу. Приходится сидеть, прижимая индивидуальные доильные аппараты к груди, по 20 минут несколько раз в день.

Подведем итог. Существует рынок, на котором работает всего один поставщик (в настоящее время объем рынка оценивается в $700 млн, причем есть возможности для роста)[725]. Очень хорошо. При этом продукт, предлагаемый этим единственным поставщиком, не удовлетворяет потребителей. Прекрасно! Так почему же инвесторы не клюют на эту удочку?

Принято считать, что решение проблемы недостаточного представительства женщин на должностях, дающих власть и влияние, – уже само по себе благо. Разумеется, это так. Справедливость требует, чтобы у женщин и мужчин, имеющих одинаковую квалификацию, были равные шансы на успех. Но вопрос представительства женщин – это не только вопрос о том, получит или не получит работу конкретная женщина. Это еще и вопрос получения гендерных

---

[720] https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-09-21/a-smart-breast-pump-mothers-love-it-vcs-don-t.

[721] Там же.

[722] https://www.newyorker.com/business/currency/why-arent-mothers-worth-anything-to-venture-capitalists/amp.

[723] Там же.

[724] Там же.

[725] Там же.

данных. Как мы видели на примере Шерил Сэндберг и истории о парковке для беременных, у женщин есть специфические потребности, об удовлетворении которых мужчины не позаботятся, потому что у них таких потребностей нет. Нелегко убедить в существовании какой-либо проблемы человека, который с ней не сталкивается.

Доктор наук Таня Болер, основатель высокотехнологичной компании Chiaro, занимающейся разработкой медицинской техники для женщин, считает, что нежелание поддерживать компании, во главе которых стоят женщины, отчасти объясняется стереотипным представлением о том, что «мужчины любят инновационный дизайн и передовые технологии, а женщины – нет». Но основано ли это расхожее мнение на реальности, или же проблема заключается не столько в том, что женщины игнорируют технологии, сколько в том, что технологии игнорируют женщин, поскольку разрабатываются в отраслях, игнорирующих женщин и финансируемых игнорирующими женщин инвесторами?

Значительная часть высокотехнологичных стартапов финансируется венчурными инвесторами, которые могут позволить себе рисковать там, где банки такой возможности не имеют[726]. Проблема заключается в том, что 93 % венчурных инвесторов – мужчины[727], а «мужчины всегда поддерживают мужчин», поясняет Дебби Воскоу, одна из основательниц The AllBright – клуба, исследовательского центра и фонда, поддерживающих возглавляемые женщинами бизнесы. «Мы хотим, чтобы среди тех, кто подписывает финансовые документы, было как можно больше женщин. Мы хотим, чтобы мужчины поняли: поддерживать женщин выгодно». Дебби Воскоу признается, что, когда она вместе со своей подругой Анной Джонс, бывшим генеральным директором Hearst, создавала The AllBright, «мужчины, которые всегда знают, как надо», часто говорили им: «Как здорово, что вы с Анной основали благотворительную организацию!» Дебби Воскоу это возмущало. «Это не благотворительная организация. Это бизнес, – ведь женщины получают высокую прибыль».

Дебби Воскоу права, и ее правота подтверждается статистикой. Исследование Boston Consulting Group, опубликованное в 2018 г., показывает, что, хотя в среднем уровень инвестиций в компании, которыми владеют женщины, более чем вдвое ниже, чем в те, которыми владеют мужчины, их рентабельность более чем в два раза выше[728]. Каждый доллар, вложенный в стартапы, принадлежащие женщинам, приносит 78 центов, а в стартапы, принадлежащие мужчинам, – всего 31 цент. Кроме того, «женские» стартапы со временем работают все лучше и лучше – «через пять лет их совокупный доход увеличивается на 10 %».

Отчасти это, видимо, объясняется тем, что женщины «лучше приспособлены к управлению, чем мужчины»[729]. К такому выводу пришли авторы исследования, проведенного Норвежской школой бизнеса BI. Они выделили пять ключевых черт успешного руководителя (эмоциональная устойчивость, общительность, открытость новому опыту, покладистость и добросовестность). В четырех из пяти «номинаций» женщины набрали больше баллов, чем мужчины. Есть и другое объяснение: женщины, которым удается прорваться на руководящую должность, ликвидируют пробелы в гендерных данных. Многие исследования показывают, что чем выше степень гендерного разнообразия руководства компании, тем более оно открыто для инноваций[730]. Возможно, дело в том, что женщины от природы склонны к новизне, но более вероятно, что благодаря различным точкам зрения растет осведомленность бизнеса о потребностях клиентов. Инновации же, в свою очередь, способствуют росту финансовых показателей.

---

726 https://hbr.org/2017/05/we-recorded-vcs-conversations-and-analyzed-how-differently-they-talk-about-female-entrepreneurs.

727 https://www.newyorker.com/business/currency/why-arent-mothers-worth-anything-to-venture-capitalists/amp.

728 https://www.bcg.com/publications/2018/why-women-owned-startups-are-better-bet.

729 https://www.bi.edu/research/business-review/articles/2014/03/personality-for-leadership.

730 https://www.bcg.com/publications/2018/how-diverse-leadership-teams-boost-innovation.

Что касается бытовой электроники для женщин, то Таня Болер уверена: инноваций в этой области очень не хватает. «Производство женской бытовой электроники никогда не отличалось высокой инновационностью, – говорит она. – Дизайнеры обычно довольствовались непритязательными эстетическими новшествами: раскрашивали какую-нибудь деталь в розовый цвет либо украшали гаджет стразами, забывая о том, что технологии призваны решать реальные проблемы женщин». В результате в этом секторе наблюдается хроническая нехватка инвестиций, и поэтому «медицинская техника для женщин до сих пор работает на технологиях 1980-х гг.».

В начале 2018 г., когда я беседовала с Таней Болер, она как раз готовилась запустить производство собственного молокоотсоса. Таня Болер была возмущена качеством продукции, присутствовавшей в то время на рынке. «Они ужасны, – прямо заявила она. – Они причиняют боль, они шумят, ими неудобно пользоваться. Это просто издевательство над женщинами». Я тут же вспомнила, как однажды пыталась поддерживать разговор с сестрой мужа, сидевшей на диване с задранной майкой, с молокоотсосом, приставленным к груди. «Но дело не только в том, что молокоотсос должен хорошо работать», – продолжала Таня. Важно, чтобы «в процессе сцеживания молока он позволял заниматься чем-то еще, чтобы женщинам не приходилось каждый день часами сидеть, придерживая шумный аппарат руками». И это, по ее словам, было «главным требованием к молокоотсосу», которому имеющиеся на рынке продукты не отвечали. Когда я спросила, почему она считает это требование главным, Таня ответила, что, возможно, все дело в том, что она женщина. «Поэтому, – добавила она, – я призываю производителей продуктов для женщин всегда спрашивать себя: “Если бы я был женщиной, каким бы я хотел видеть продукт?”»

Нехватку данных о том, чего хотят женщины, устранить нетрудно – достаточно просто провести опрос. Но дело в том, что существует еще один хронический дефицит данных, а именно данных о женском организме. Таня Болер разработала свой первый продукт – тренажер для мышц тазового дна Elvie, – когда поняла, что заболевания, связанные со слабостью мышц этой части тела, приняли характер «скрытой эпидемии». Действительно, этими заболеваниями страдают 37 % женщин, а 10 % обречены на операцию из-за пролапса (выпадения органов малого таза через влагалище). Для женщин старше 50 лет этот показатель возрастает до 50 %.

«Мне кажется, такая ситуация неприемлема, – говорит Таня. – Это серьезная проблема. Тренировка мышц тазового дна должна стать неотъемлемой частью ухода за телом. Но для этого нужна информация. Нужны данные». Когда Таня Болер приступила к изучению проблемы, таких данных не было. «Мы пытались разработать продукт, удобно помещающийся во влагалище, – рассказывала она. – Для этого нам нужно было ответить на несколько простых вопросов. Какого он должен быть размера? Будет ли его форма зависеть от возраста женщины, ее расовой принадлежности, наличия детей? Это самые обычные вопросы. Но соответствующих данных *вообще* не было. […] У половины населения планеты есть вагина, – продолжала Таня, – и тем не менее вы не найдете в журналах статей об этой части тела. Три года назад я обнаружила всего четыре статьи, написанные несколько десятилетий тому назад». Автором одной из них был «парень, который сделал гипсовые отливки влагалища, что-то типа шаблона, и пришел к выводу, что оно бывает четырех форм: в виде гриба, конуса, сердца…». Тут Таня расхохоталась так, что больше не могла говорить.

Проблемы, связанные со слабостью мышц тазового дна, чаще всего можно предотвратить. По словам Тани Болер, необходимость тренировки мышц давно доказана: «Это линия обороны номер один. В Великобритании тренировки рекомендованы Национальным институтом здравоохранения и совершенствования медицинской помощи». Но, когда Таня увидела, какое оборудование используют в больницах, стало ясно, что «инвестиций практически не было; аппаратура настолько устарела, что буквально разваливалась». В Великобритании лечение пролапса с помощью сетки, помещаемой во влагалище, стало предметом постоянно возни-

кающих скандалов, поскольку сотни женщин во время лечения страдают от сильной, изнурительной боли. Подобный метод лечения они называют «варварским»[731]. В Шотландии от него даже скончалась одна женщина.

Ида Тин, разработавшая приложение для отслеживания менструального цикла Clue, столкнулась с такой же проблемой, когда попыталась найти альтернативу традиционным методам контрацепции. «Менструация считается одной из важнейших функций организма, – говорит Ида, – она так же важна, как сердцебиение, дыхание и температура тела». Но до сих пор «в этой области сохраняется множество табу и заблуждений». Что касается планирования семьи, то, по мнению Иды Тин, «с тех пор, как в 1950-е гг. появились противозачаточные таблетки, инноваций в этой области практически не было. А ведь с точки зрения научно-технического прогресса это *очень* большой срок».

Ида Тин разработала Clue, потому что хотела «дать женщинам возможность контролировать свой организм и управлять своей жизнью», но у нее были и личные мотивы. В свое время она принимала противозачаточные таблетки, и, как и многие другие женщины, пострадала от их побочных эффектов. «У меня нет детей, – признается она. – Чудодейственное средство оказалось далеко не безопасным. Последние 15 лет я пользуюсь презервативами». От огорчения Ида Тин начала изучать патентные базы данных, и оказалось, «все методы контрацепции были гормональными». «И я поняла, что это совершенно безграмотный, не основанный на данных подход к проблеме. Это меня раззадорило. Почему, думала я, никто не занимается исследованиями в этой области, почему никто не старается решить проблему? Ведь контрацепция – фактически одна из главных человеческих потребностей», – рассказывает она.

Когда у нее родилась идея приложения для отслеживания менструального цикла, на рынке было всего несколько аналогичных продуктов. «Это были продукты первого поколения – в основном календари, по которым можно было рассчитывать 28-дневные циклы. О, если бы наша физиология была так проста!» – смеется Ида. Она говорит, что работает в этой области уже десять лет, но в ней все еще полно белых пятен. «Очень не хватает данных, – жалуется женщина. – Менструацию не просто не замечали – ее активно игнорировали. Я много работаю с научными институтами, потому что на академической карте много белых пятен. Например, никто не знает, какую интенсивность кровотечения следует считать нормальной для молодой женщины. Это один из вопросов, ответ на который я пыталась найти в сотрудничестве со Стэнфордским университетом. Наука пока не знает, что считать нормой».

Учитывая, что подавляющее большинство венчурных инвесторов – мужчины, нехватка данных становится особенно серьезной проблемой, когда речь идет о финансировании технологий, предназначенных для женщин. «Не имея надежных данных, – объясняет Ида Тин, – трудно убедить инвесторов в существовании проблемы, с которой они сами не сталкиваются». Ей вторит Таня Болер: «Мы говорили с несколькими венчурными инвесторами, но они не верили, что наш новый продукт, смарт-тренажер Elvie, может оказаться выгодной инвестицией».

Другая проблема, с которой сталкиваются женщины, добивающиеся инвестирования, – это проблема «распознавания образов»[732]. Призванное выявлять соответствие объекта определенным «культурным установкам» на основе данных, на практике распознавание образов лишь красивое название процесса, суть которого чаще всего сводится к простой формуле: «этот человек похож на того, который уже добился успеха», где «этот человек» – белый-мужчина-основатель-стартапа-окончивший-Гарвард-и-одетый-в-худи. Признаюсь: я встречалась с парнем, который пытался создать стартап, и он уверял, что эта одежда действительно имеет значение. Распознавание образов по худи – это реальность. При этом тенденция к воспри-

[731] http://www.bbc.co.uk/news/health-39567240.
[732] https://blogs.wsj.com/accelerators/2014/08/08/theresia-gouw-no-more-pipeline-excuses/.

ятию именно мужского образа как образа успешного предпринимателя может усиливаться вследствие всеобщей убежденности в том, что технологии – область, где врожденная «гениальность» (которая, как мы видели выше, традиционно считается чисто мужским качеством)[733] важнее упорной работы (отсюда – фетишизация выпускников Гарварда).

Все это кажется неразрешимой проблемой, порочным кругом, «уловкой-22». В области, где женщины находятся в невыгодном положении *только потому*, что они женщины (и поэтому не соответствуют стереотипному мужскому образу), для женщин-предпринимателей данные приобретают ключевое значение. И тем не менее именно женщины-предприниматели с наименьшей вероятностью будут располагать ими, потому что именно они с наибольшей вероятностью будут пытаться делать продукты для женщин, данных о которых нам так не хватает.

Однако, несмотря ни на что, некоторым женщинам все-таки удается добиться финансирования. Ида Тин и Таня Болер в конце концов собрали деньги на свои стартапы (Таня получила часть средств от Дебби Воскоу). Теперь отдельные пробелы в данных начнут заполняться. Таня Болер говорит, что перед тем, как запустить смарт-тренажеры для мышц тазового дна Chiaro, она испытала их более чем на 150 женщинах, «и теперь у нас есть данные, полученные в ходе более миллиона тренировок, – много данных о состоянии мышц тазового дна, которых раньше не было совсем». По словам Тани, «носимые устройства – замечательная штука: люди получают больше информации о своем организме, и это помогает им принимать правильные решения».

●●●

Продукты Тани Болер и Иды Тин позволяют женщинам больше узнать о собственном организме, но в целом носимые устройства к этому не приспособлены. В мире технологий правит бал аксиома, что человек – по умолчанию мужчина. В 2014 г. Apple с большой помпой запустила свою систему мониторинга здоровья, которую рекламировала как «полностью» отслеживающую состояние организма[734]. Приложение позволяло измерять кровяное давление, считать количество сделанных шагов, показывать содержание алкоголя в крови и даже определять потребление молибдена (нет, спасибо, мне это не нужно!) и меди. Но, как заметили многие женщины, компания забыла об одной очень важной функции: о наблюдении за менструальным циклом[735].

Это был не единственный случай, когда Apple полностью проигнорировала потребности большей части своих клиентов. Когда компания запустила созданную на основе технологий искусственного интеллекта голосовую систему Siri, та (как ни странно) могла подсказать, как найти проституток и поставщиков виагры, но терялась, если ее спрашивали о медицинских учреждениях, где можно сделать аборт[736]. Siri могла помочь человеку, у которого случился инфаркт, но если вы сообщали ей, что вас изнасиловали, она отвечала: «Я не знаю, что значит “изнасиловать”»[737]. Эти серьезные недочеты, безусловно, были бы вовремя замечены и исправлены, если бы в разрабатывавшую Siri команду входило достаточное количество женщин, – ведь в этом случае программисты не столкнулись бы с нехваткой гендерных данных.

---

[733] http://science.sciencemag.org/content/355/6323/389.

[734] http://www.theverge.com/2014/9/25/6844021/apple-promisedan-expansive-health-app-so-why-cant-i-track.

[735] https://www.theatlantic.com/technology/archive/2014/12/how-selftracking-apps-exclude-women/383673/; http://www.theverge.com/2014/9/25/6844021/apple-promised-an-expansive-health-app-so-why-cant-i-track; http://www.techtimes.com/articles/16574/20140926/apple-healthkit-periodtracker.htm; https://www.thecut.com/2014/09/new-iphone-grossed-out-by-our-periods.html.

[736] http://www.telegraph.co.uk/technology/news/8930130/Apple-iPhonesearch-Siri-helps-users-find-prostitutes-and-Viagra-but-not-an-abortion.html.

[737] https://well.blogs.nytimes.com/2016/03/14/hey-siri-can-i-rely-on-you-in-a-crisis-not-always-a-study-finds.

Продукты, продаваемые в качестве гендерно нейтральных, но на самом деле страдающие «мужским перекосом», широко распространены в высокотехнологичных отраслях (где доминируют мужчины). Умные часы, болтающиеся на женских запястьях[738]; приложения с картами, не способными предложить «самый безопасный» и одновременно «самый короткий» маршрут; приложения, определяющие «насколько вы хороши в постели», под названиями iThrust[739] и iBang[740] (и действительно, представления разработчиков о качественном сексе полностью отражены в этих названиях)[741] – высокотехнологичные отрасли изобилуют примерами продуктов, не учитывающих потребности женщин. Шлемы виртуальной реальности (VR), слишком громоздкие для женской головы; умные сенсорные куртки, плотно сидящие на мужчинах, но свободно болтающиеся на женщинах (по словам одной испытуемой, «под такую куртку спокойно можно надевать теплое зимнее пальто»); VR-очки, линзы которых расположены так далеко от глаз женщины, что невозможно сфокусировать взгляд на изображении, а оправы «сразу же сползают с носа», – примеры можно приводить без конца. Не могу не упомянуть знакомые мне по опыту участия в телевизионных программах и чтения публичных лекций микрофоны, либо крепящиеся на ремне, либо требующие вместительных карманов, – а ведь женские платья не предусматривают ни того ни другого.

В спортивных технологиях «мужской перекос», судя по всему, настройка по умолчанию. Взять хотя бы самое распространенное устройство – счетчик калорий на тренажерах. Точно определить затраты энергии он не позволяет практически никому, но наиболее близкие к реальности цифры выдает среднестатистическим мужчинам с весом около 70 кг, на который большинство тренажеров настроено по умолчанию. Настройки веса можно изменить, но счетчик все равно будет считать калории, сжигаемые во время тренировок именно мужчиной. Дело в том, что у женщин, как правило, больше жира, а мускулатура менее развита, чем у мужчин. Соотношение различных мышечных волокон в организме мужчин и женщин также разное. Поэтому даже с учетом разницы в весе при одинаковой нагрузке затраты энергии у мужчин и женщин будут разными: мужчина в среднем потратит на 8 % больше калорий, чем женщина такого же веса. Счетчики калорий этого не учитывают.

С появлением носимых электронных устройств ситуация вряд ли изменилась к лучшему. Исследование, в ходе которого были изучены 12 наиболее популярных мониторов для занятий фитнесом, показало, что количество шагов, которые мы делаем во время работы по дому, занижается иногда на 74 % (данные по Omron, который занижает всего 1 % количества шагов при обычной ходьбе или беге), а количество калорий, сжигаемых во время этой работы, – на 34 %[742]. По моим наблюдениям, аппараты Fitbit явно не учитывают движений, совершаемых во время занятий столь популярным женским видом спорта, как толкание детской коляски или продуктовой тележки (да, мужчины тоже толкают коляски, но не так часто, как женщины, во всем мире выполняющие 75 % неоплачиваемой домашней работы). Другое исследование (как ни странно, почти 50 % испытуемых составляли женщины) показало, что мониторы для занятий фитнесом сильно завышают количество сожженных калорий[743]. К сожалению, авторы

[738] https://medium.com/hh-design/the-world-is-designed-for-men-d06640654491.

[739] https://www.theatlantic.com/technology/archive/2014/12/how-selftracking-apps-exclude-women/383673/.

[740] Lupton, Deborah (2015), 'Quantified sex: a critical analysis of sexual and reproductive self-tracking using apps', *Culture, Health & Sexuality*, 17:4.

[741] Thrust (англ.) – здесь: втыкать, совать; bang (англ.) – здесь: трахать.

[742] Nelson, M. Benjamin, Kaminsky, Leonard A., D. Dickin, Clark and Montoye, Alexander H. K. (2016), 'Validity of Consumer-Based Physical Activity Monitors for Specific Activity Types', *Medicine & Science in Sports & Exercise*, 48:8, 1619–28.

[743] Murakami, H, Kawakami, R., Nakae, S., Nakata, Y., Ishikawa-Takata, K., Tanaka, S. and Miyachi, M. (2016), 'Accuracy of Wearable Devices for Estimating Total Energy Expenditure: Comparison With Metabolic Chamber and Doubly Labeled Water Method', *JAMA Internal Medicine*, 176:5, 702–3.

исследования не представили данных в разбивке по половому признаку, поэтому нельзя сказать, имели ли место какие-либо гендерные различия.

Разработчики технологий игнорируют женщин даже тогда, когда те составляют подавляющее большинство пользователей. В США доля женщин в общей численности граждан в возрасте старше 65 лет составляет 59 %, а в общем количестве граждан, проживающих в одиночку, – 76 %. Это означает, что женщины больше мужчин нуждаются во вспомогательных технологиях[744], таких как детекторы падения[745]. Имеющиеся у нас данные свидетельствуют о том, что пожилые женщины не только падают чаще мужчин, но и получают при этом более серьезные травмы[746]. Анализ статистики обращений в отделения экстренной медицинской помощи в США за месяц показал, что из 22 560 пациентов, получивших травмы при падении, 71 % составляли женщины. При этом женщины в 2,2 раза чаще мужчин получали переломы и в 1,8 раза чаще – травмы, требовавшие госпитализации[747].

Но, несмотря на явно более серьезную потребность женщин в детекторах падения (а также на данные, свидетельствующие о том, что женщины, как правило, падают не так, как мужчины, и по другим причинам), при разработке этих устройств гендерный анализ не проводился. Метаанализ 53 исследований, посвященных детекторам падения, показал, что только в половине случаев при испытаниях указывался пол участников, не говоря уже о том, что данные не разбивались по половому признаку[748]. В другом исследовании отмечалось, что, «несмотря на обилие литературы о падениях пожилых людей, гендерные факторы риска почти не изучены»[749].

В материалах Международной конференции по интеллектуальной инженерии данных и автоматизированному обучению 2016 г. подчеркивается, что «главной причиной, по которой люди старшего возраста отказываются от детекторов падения, является размер устройств». В качестве решения предлагается установка соответствующих приложений на мобильные телефоны[750]. Вот только вряд ли такое решение поможет женщинам, потому что, как отмечают сами авторы документа, дамы, как правило, держат телефоны в сумках, «где алгоритмы детектора падения, скорее всего, не сработают, потому что они обучены обнаруживать падение через датчики ускорения, расположенные вблизи торса».

Авторы признают проблему, что само по себе весьма необычно. Уитни Эрин Бозель, научный сотрудник Центра изучения интернета и общества Беркмана при Гарвардском университете, выступает за «количественное самоизмерение», сулящее «самопознание через цифры». Эти цифры часто собираются с помощью приложений для пассивного слежения, установленных в телефонах (классический пример – счетчик шагов, сделанных за день). Но «познавать себя через цифры» мешает отсутствие карманов. «Каждый раз на конференции вылезает какой-нибудь хмырь и [заявляет], что “ваш телефон всегда при вас”, – сетует Уитни Эрин

---

[744] То есть электронных устройствах, предоставляющих доступ к специальным возможностям людям с нарушением зрения, слуха, функций опорно-двигательного аппарата и т. д.

[745] http://genderedinnovations.stanford.edu/case-studies/robots.html#tabs-2.

[746] Wolfson, Leslie, Whipple, Robert, Derby, Carl A., Amerman, Paula and Nashner, Lewis (1994), Gender Differences in the Balance of Healthy Elderly as Demonstrated by Dynamic Posturography, *Journal of Gerontology*, 49:4, 160–167; Stevens, J. A. and Sogolow, E. D. (2005), ‘Gender differences for non-fatal unintentional fall related injuries among older adults’, *Injury Prevention*, 11, 115–19.

[747] Там же.

[748] https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4750302/.

[749] Chang, Vicky C. and Minh, T. (2015), ‘Risk Factors for Falls Among Seniors: Implications of Gender’, *American Journal of Epidemiology*, 181:7, 521–31.

[750] Yin, Hujun et al eds. (2016) *Intelligent Data Engineering and Automated Learning*, Proceedings of the 17th International Conference, Yangzhou China.

Бозель в интервью журналу *The Atlantic*[751]. – И каждый раз мне приходится вставать и говорить: "Так вот, по поводу телефона, который «всегда при нас». Вот мой телефон. А вот мои штаны"».

Дизайн приложений для пассивного слежения, предполагающий наличие на женской одежде вместительных карманов, где можно было бы держать телефон, – хроническая проблема, которую легко можно было бы решить, если бы на женской одежде были нормальные карманы (пишу эти строки в ярости: только что мой телефон в сотый раз выпал из микроскопического кармана и грохнулся на пол). Но карманов нет, и женщины используют другие решения, а если дизайнеры не понимают, что вынуждают своих клиенток искать обходные пути, их разработки обречены на провал.

Одна высокотехнологичная компания, базирующаяся в Кейптауне, попала в эту ловушку, разработав приложение для облегчения жизни муниципальных медицинских работников, следящих за состоянием здоровья ВИЧ-инфицированных пациентов. Приложение «отвечало всем требованиям потребителей; оно было простым и удобным в использовании и легко адаптировалось к местным наречиям». Приложение предназначалось для решения конкретной задачи. Муниципальные медицинские работники «сгорали от желания поскорее получить его в свое распоряжение»[752]. Но когда сервис был запущен, он обманул их ожидания. Несмотря на несколько попыток выяснить причину провала, она оставалась загадкой до тех пор, пока над проектом не начала работать новая команда программистов, в которой по счастливому стечению обстоятельств оказалась одна женщина. Этой женщине «потребовался всего день, чтобы найти причину провала». Оказалось, что, поскольку ежедневные поездки в поселки, где проживали пациенты, были довольно опасны, женщины-медработники прятали все самое ценное в нижнем белье. А громоздкие телефоны не умещались в лифчике.

Гендерные различия затрагивают все решаемые нами вопросы, говорит Маргарет Митчелл, старший научный сотрудник Google. В интервью Bloomberg News она отметила, что, когда все разработчики систем искусственного интеллекта одного пола, компанию поражает близорукость[753]. С ней соглашается Гайна Уильямс, экс-директор по взаимодействию с пользователями Microsoft[754]. В своем блоге, в заметке под названием «Действительно ли наши компьютерные программы гендерно нейтральны?» (Are you sure your software is gender-neutral?), она поясняет, что дизайн продукта начинается с ответа на вопрос: какую проблему он призван решить? И тут все зависит от точки зрения: действительно, какую проблему решали ученые из NASA, снабдив человекоподобного робота-астронавта Valkyrie («Валькирия») женской грудью?[755]

Кстати о роботах, наделенных половыми признаками: даже если мужчины замечают проблему, касающуюся всех нас, это еще не значит, что они смогут найти правильное решение без помощи женщин. Когда, желая отомстить женщинам, отказывающимся заниматься с ним сексом, на который, по его мнению, он имел законное право, Алек Минасян арендовал фургон, с помощью которого ранил и задавил насмерть десять человек в Торонто, газета *The New York Times* опубликовала колонку, озаглавленную «Перераспределение секса» (The Redistribution of Sex), в которой утверждалось, что решением проблемы бедственного положения мужчин, которые не могут уговорить женщин спать с ними, могут быть роботы, наделенные женскими половыми признаками. Феминистки, однако, могут возразить, что решение, напротив, заключается в том, чтобы поставить под вопрос сексуальные притязания мужчин.

---

[751] https://www.theatlantic.com/technology/archive/2014/12/how-selftracking-apps-exclude-women/383673/.

[752] http://zbinworld.com/technology-women-and-africa-access-use-creation-and-leadership/.

[753] https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-06-23/artificial-intelligence-has-a-sea-of-dudes-problem.

[754] http://interactions.acm.org/archive/view/january-february-2014/areyou-sure-your-software-is-gender-neutral.

[755] http://foreignpolicy.com/2017/01/16/women-vs-the-machine/.

Что касается гаджетов, которые можно носить в кармане (не теряю надежды, что когда-нибудь и мы сможем это делать), то здесь все зависит от того, кто именно принимает решения. Как и в мире венчурных инвесторов, в высокотехнологичных отраслях доминируют мужчины. Маргарет Митчелл называет эту проблему «морем чуваков»[756]. За последние пять лет она работала примерно с десятью женщинами и «сотнями» мужчин. В США доля женщин в общей численности «профессиональных компьютерщиков» составляет 26 %, в то время как в других отраслях их удельный вес достигает 57 %[757]. В Великобритании доля женщин в отраслях, связанных с точными науками, не превышает 14 %[758].

Наряду с человекоподобными роботами, наделенными женскими половыми признаками, «море чуваков» рождает и такие монструозные продукты, как «экспериментальный образец гигантского робота PR2», с которым ученый-компьютерщик и одна из основательниц робототехнической компании Тесса Лау познакомилась, когда работала в лаборатории робототехнических исследований Willow Garage. По ее словам, он весил «несколько сот фунтов – гораздо больше, чем женщина нормального телосложения, и у него было две здоровенных руки». «Выглядел он устрашающе, – рассказывала Тесса Лау. – Я даже побаивалась приближаться к нему – а вдруг он выйдет из-под контроля?» Пару лет назад я брала интервью у специалиста по робототехнике Анжелики Лим, и она рассказала похожую историю про робота, которого демонстрировали на конференции в Словении. Если вы махали ему рукой, он приближался, чтобы пожать вам руку. Когда Анжелика помахала рукой этой машине на колесах ростом более 170 см (рост среднестатистической американки – около 160 см), робот медленно повернулся к ней, протянул руку, а затем быстро двинулся в ее сторону, от чего она вскрикнула и в испуге отпрянула назад.

Сравните эти устройства с VR-шлемом, который опробовала Эди Робертсон – журналистка, пишущая о технике[759]. Устройство должно было отслеживать движения ее глаз, но ему это не удавалось – до тех пор, пока один из ассистентов не спросил, есть ли на ресницах женщины тушь. «Через несколько минут гарнитура была перенастроена, – пишет Эди Робертсон. – Я очень удивилась, но не тому, что эта штука наконец заработала, а тому, что никто и не подумал о возможном макияже». «Кстати, – добавляет она, – это был один из немногих стартапов, производящих VR-гарнитуры, о которых я писала, созданный женщиной».

●●●

Однако большинство компаний, выпускающих VR-системы, основано не женщинами, поэтому их продукты часто выпускаются со встроенным «мужским перекосом». Как и большая часть онлайн-продуктов, VR-игры, судя по всему, благодатная почва для сексуальных домогательств, о чем программисты-мужчины постоянно забывают[760].

Когда писательница и геймерша Джордан Беламир опробовала VR-игру QuiVr в многопользовательском режиме, она столкнулась с сексуальным преследованием со стороны пользователя BigBro442[761]. Казалось бы, «виртуальная» реальность – не совсем реальность, но ощущения Джордан были вполне реальными. Ничего удивительного – VR-системы для того и предназначены, чтобы создавать ощущение реальности происходящего, и сегодня им удается

756 https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-06-23/artificial-intelligence-has-a-sea-of-dudes-problem.

757 https://www.ncwit.org/sites/default/files/resources/btn_03232017_web.pdf.

758 https://www.ft.com/content/ca324dcc-dcb0-11e6-86ac-f253db7791c6.

759 https://www.theverge.com/2016/1/11/10749932/vr-hardware-needs-to-fitwomen-too.

760 https://mic.com/articles/142579/virtual-reality-has-a-sexual-harassment-problem-what-can-we-do-to-stop-it#.ISQgjAanK.

761 https://mic.com/articles/157415/my-first-virtual-reality-groping-sexual-assault-in-vr-harassment-in-tech-jordan-belamire#.5lnAqHFW1.

настолько успешно обманывать наше сознание, что их используют для лечения посттравматического стресса, фобий и даже фантомных болей[762].

Надо отдать должное программистам-мужчинам, создавшим QuiVr: они мгновенно отреагировали на жалобы Джордан Беламир в ее блоге[763] и быстро изменили настройку «пространственный пузырь» (благодаря которой руки «насильника» исчезали из виду, когда он пытался коснуться лица другого игрока) так, что теперь при нарушении «личного пространства» «исчезало» все его тело, что делало какие-либо домогательства невозможными. Но, как отмечали сами разработчики, хотя «возможность того, что какой-нибудь злонамеренный геймер попытается руками загородить обзор другому геймеру и помешать игре» предусматривалась изначально, никто не подумал о том, чтобы сделать «исчезающим» все тело. И как же, вопрошали они, «мы могли не предусмотреть настолько очевидную возможность»?

Честно говоря, создатели игры, Генри Джексон и Джонатан Шенкер, просто оказались порядочными мужчинами, готовыми пойти навстречу женщинам. Но, как показывает история с Сергеем Брином и парковкой для беременных, даже самые лучшие мужчины не всегда понимают, каково это – жить в теле, на которое некоторые смотрят как на общедоступный зал игральных автоматов. Вряд ли Генри Джексон и Джонатан Шенкер регулярно сталкивались с этой проблемой, а потому неудивительно, что они «не предусмотрели настолько очевидную возможность».

Сексуальные домогательства – далеко не единственная проблема, мешающая женщинам наслаждаться виртуальной реальностью. Громоздкие шлемы; вызванное движением укачивание, от которого, как показывают результаты исследований, женщины в виртуальной реальности страдают намного чаще мужчин[764]; узкие дисплеи, ставящие мужчин в более выгодное по сравнению с женщинами положение в плане ориентации в пространстве[765], – все это делает VR еще одной технологией, не рассчитанной на женщин, что, конечно же, сокращает число пользовательниц.

Мы не знаем точно, почему в виртуальной реальности женщин укачивает чаще, чем мужчин, но, возможно, объяснение кроется в результатах исследования, проведенных Даной Бойд, научным сотрудником Microsoft[766]. Дело в том, что при зрительном восприятии объекта задействуются два механизма: параллакс движения и распознавание формы объекта по светотени. Первый механизм связан с изменением восприятия размеров объекта в зависимости от расстояния до него (чем вы ближе к нему, тем он кажется больше, и наоборот), а второй – с изменением освещенности при перемещении относительно объекта. В 3D-VR-системах первый механизм работает неплохо, а вот второй – «из рук вон плохо».

Этим недостатком обусловлены гендерные различия в восприятии виртуальной реальности, потому что, как обнаружила Дана Бойд, мужчины при восприятии объемного изображения «намного чаще» полагаются на параллакс движения, а женщины – на распознавание формы объекта по светотени. Соответственно, информационные сигналы, транслируемые трехмерной средой, воспринимаются мужчинами лучше, чем женщинами. А теперь вопрос: был бы второй механизм, обеспечивающий восприятие виртуальной реальности, настолько несовершенным, если бы 3D-системы с самого начала тестировались на равном числе мужчин и женщин?

У Тома Стоффреджена, профессора кинезиологии из Миннесотского университета, своя теория, объясняющая, почему женщин укачивает чаще, чем мужчин. Он считает, что «почти все» классические объяснения этого явления «упирают на несовпадение реакций органов

---

[762] http://uploadvr.com/dealing-with-harassment-in-vr/.

[763] Там же.

[764] https://www.newscientist.com/article/2115648-posture-could-explain-whywomen-get-more-vr-sickness-than-men/.

[765] https://www.newscientist.com/article/dn3628-women-need-widescreenfor-virtual-navigation.

[766] https://qz.com/192874/is-the-oculus-rift-designed-to-be-sexist/.

чувств на раздражители». Речь идет о конфликте между сигналами, поступающими в центральную нервную систему из вестибулярного аппарата и органов зрения (внутреннее ухо слышит одно, а глаза видят другое). «Такое несовпадение действительно имеет место, – соглашается Том Стоффреджен, – но это еще не все. При традиционном объяснении упускается из виду одно важное обстоятельство: наш организм не успевает вовремя реагировать на изменение тела в пространстве».

В обычном режиме наш организм незаметно вносит коррективы в информацию, передаваемую органами чувств, чтобы тело не теряло равновесия. Это происходит и когда мы стоим, и когда сидим, и когда ходим. Но если среда, в которой вы находитесь, например автомобиль или корабль, движется, труднее сохранять равновесие, потому что тело, потерявшее твердую опору, должно реагировать по-другому. В таких случаях, говорит Том Стоффреджен, «вы в буквальном смысле вынуждены двигаться в направлении, противоположном движению объекта, но вы не сразу понимаете, в каком именно». В виртуальной реальности, считает ученый, тело тоже теряет «твердую опору» – как в автомобиле или на корабле, что и вызывает укачивание.

VR-индустрия пока не проявляет особого интереса к исследованиям Тома Стоффреджена. «Есть понимание того, что это серьезная проблема, – говорит он, – но представители отрасли идут к ее решению неправильным путем. Люди, создающие VR-системы, считают, что достаточно просто поместить перед глазами изображение, а мысль о том, что виртуальная реальность воспринимается *не только* глазами, просто не приходит им в голову». Но, продолжает ученый, разработчикам VR-систем пора понять, что они не просто «помещают перед глазами людей дисплеи; нравится им это или нет и *понимают* ли они это или нет, но они делают нечто большее».

Разработчики VR-систем также должны начать систематически собирать данные, причем в разбивке по половому признаку. «Большая часть данных по болезни движения, вызванной виртуальной реальностью, собирается от случая к случаю, – поясняет Том Стоффреджен, – а их источником являются люди, работающие в компаниях и сами использующие либо тестирующие свои системы или апробирующие их на конференциях по компьютерным технологиям или где-то еще. Поэтому они не собирают данные систематически, к тому же большая часть этих людей – мужчины».

Больше всего в теории Стоффреджена меня убеждает то, что она объясняет, почему меня всегда укачивает в автомобиле, если только я не сижу за рулем: оказывается, все дело в контроле над телом. В процессе ходьбы мы контролируем свои движения. Мы знаем, куда и как двигаемся. В машине (как и на корабле) мы этого не знаем, если только сами не ведем машину. «Водитель понимает, в каком направлении и с какой скоростью будет двигаться автомобиль, и поэтому успевает сохранять равновесие в упреждающем режиме, – объясняет Том Стоффреджен, – а пассажир не может предвидеть количественные характеристики движения. Поэтому его контроль над собственным телом должен быть компенсаторным. Упреждающий контроль эффективнее компенсаторного. Как видите, ничего сложного, это не бином Ньютона».

Но при чем здесь гендерные различия? «Все, кто изучает проблему укачиваний, знают, что женщины в целом более подвержены ему, чем мужчины, – говорит Том Стоффреджен. – Этого никто не подвергает сомнению. Это *данность*». Но «лишь немногие» (к этой немногочисленной группе ученых Том относит и себя) «пытались понять, почему это так, и разгадать загадку». *Plus ça change*[767].

В 2010 г. Том Стоффреджен сделал открытие. «От нечего делать я просматривал литературу и вдруг наткнулся на результаты исследований, о которых не знал». Речь шла о гендерных

[767] Plus ça change (франц.) – все как всегда, ничего нового. Plus ça change, plus c’est la même chose – «Чем больше все меняется, тем больше все остается по-старому».

различиях в качательных движениях тела. «Это совсем незначительные, тонкие различия, – продолжает ученый. – Вы их не заметите, если будете просто смотреть на мужчин и женщин, но с точки зрения отдельных количественных характеристик качательных движений существуют определенные гендерные различия. И как только я увидел эти данные, – то есть буквально в то самое *мгновение*, когда я их увидел, – я понял, что мне есть что сказать о гендерных различиях в причинах укачивания. Ведь все мои объяснения его причин связаны с контролем над телом». После этого Том Стоффреджен также обнаружил доказательства того, что «качательные движения у женщин меняются в зависимости от дня менструального цикла». И это очень важно, потому что «восприимчивость женщин к укачиванию также меняется в зависимости от дня менструального цикла. Хотите верьте, хотите нет, но эти две вещи связаны между собой».

●●●

Гендерных данных по-прежнему очень не хватает. Мы пока не знаем, как и когда меняются качательные движения женщин. Но я радуюсь открытиям Тома Стоффреджена – и не только потому, что меня саму укачивает в машине, но и потому, что они связаны с еще одним обнаруженным мною информационным пробелом, связанным с конструкцией автомобиля.

Когда мы сидим, мы тоже совершаем качательные движения. «Сидя на табурете, вы раскачиваетесь относительно бедер, – объясняет Том Стоффреджен. – Если вы сидите на стуле со спинкой, качается ваша голова. Единственный способ избежать этого – купить подголовник и использовать его». Когда он это сказал, я почувствовала, что у меня в голове вспыхнула электрическая лампочка – как в мультике, когда персонажу приходит в голову замечательная идея. Что, если подголовник не подходит вам по росту, располагается под неправильным углом и не соответствует форме вашего тела, то есть не поддерживает голову? Что, если причиной укачивания женщин в автомобилях является дизайн, рассчитанный на мужчин? «Думаю, это вполне возможно, – отвечает Том Стоффреджен. – Подголовник не поддерживает голову, потому что не подходит по росту или по другим причинам… То, что вы сказали, для меня новость, но это похоже на правду».

И тут обнаруживается очередной информационный пробел: похоже, при разработке конструкции подголовников никто не позаботился о том, чтобы учесть особенности женского телосложения. В этом нет ничего удивительного, ведь история автомобильного дизайна – это долгая и постыдная история игнорирования женщин.

Мужчины попадают в аварии чаще женщин и, соответственно, составляют подавляющее большинство серьезно пострадавших в ДТП. Однако женщины, ставшие жертвами автокатастрофы, на 47 % чаще мужчин получают серьезные увечья и на 71 % – травмы средней тяжести[768], причем эти показатели не зависят от роста, веса, использования ремней безопасности и серьезности ДТП[769]. Вероятность гибели женщин, попавших в аварию, на 17 % выше, чем мужчин[770]. Все это объясняется конструкцией автомобиля, рассчитанной на мужчин.

Женщины-водители, как правило, сидят дальше от рулевой колонки, чем мужчины, – ведь в среднем мы меньше ростом. Чтобы достать до педалей, нам приходится вытягивать ноги, а чтобы четко видеть панель приборов – сидеть почти под прямым углом[771]. Такая поза, однако,

---

[768] https://www.washingtonpost.com/local/trafficandcommuting/femaledummy-makes-her-mark-on-male-dominated-crash-tests/2012/03/07/gIQANBLjaS_story.html?utm_term=.5ec23738142a.

[769] Gendered Innovations: How Gender Analysis Contributes to Research' (2013), report of the Expert Group 'Innovation Through Gender' (chairperson: Londa Schiebinger, rapporteur: Ineke Klinge), Directorate General for Research and Innovation, Luxembourg: Publications Office of the European Union.

[770] https://crashstats.nhtsa.dot.gov/Api/Public/ViewPublication/811766.

[771] https://www.washingtonpost.com/local/trafficandcommuting/female-dummy-makes-her-mark-on-male-dominated-crash-tests/2012/03/07/gIQANBLjaS_story.html?utm_term=.5ec23738142a.

не является «стандартной позой водителя». Женщины за рулем сидят неправильно[772]. Из-за того что им приходится сознательно отклоняться от нормы, они подвергаются большему риску получить повреждения внутренних органов при лобовом столкновении[773]. Угол, под которым мы сгибаем колени и бедра, чтобы наши более короткие, чем у мужчин, ноги доставали до педалей, делает нижние конечности более уязвимыми[774]. По сути, мы все делаем неправильно.

При наезде сзади женщины также подвергаются большему риску, чем мужчины. У женщин меньше мышц на шее и в верхней части туловища, чем у мужчин, что повышает риск травм шеи и позвоночника (примерно в три раза)[775], а дизайн автомобиля усиливает этот риск. Исследования, проведенные в Швеции, показали, что кресла в современных автомобилях слишком жесткие, чтобы защитить женщин от таких травм: они толкают их вперед сильнее, чем мужчин, потому что их спинки не рассчитаны на наш в среднем меньший вес[776]. Жесткие кресла разрешены к продаже по одной простой причине: при разработке конструкции автомобилей и в краш-тестах используются манекены, изображающие среднестатистического мужчину.

Манекены для краш-тестов впервые начали использовать в 1950-е гг., и в течение десятилетий это были мужские манекены 50-го процентиля (соответствующие медианным мужским антропометрическим показателям). Рост большинства манекенов составляет 177 см, вес – 76 кг (то есть они значительно выше и тяжелее среднестатистической женщины). Кроме того, манекены имитируют мышечную массу мужчин и строение их позвоночного столба. В начале 1980-х гг. ученые начали настаивать на использовании в нормативных краш-тестах женских манекенов 50-го процентиля, но их рекомендации игнорировались[777]. В США женские манекены начали использовать только в 2011 г.[778], хотя, как мы увидим далее, «женскими» их можно назвать лишь с большой натяжкой.

В 2018 г. Астрид Линдер, научный директор по безопасности движения Шведского национального института дорожно-транспортных исследований, в своем докладе на Всемирной конференции по безопасности дорожного движения, проходившей в Южной Корее, представила анализ законодательного регулирования процедур краш-тестов в ЕС [779]. Прежде чем европейский автомобиль появится на рынке, он должен пройти пять тестов: одно испытание ремней безопасности, два испытания на лобовое столкновение и два – на боковое столкновение. При проведении всех тестов женский манекен, соответствующий женским антропометрическим показателям, не используется. В нормативных документах указано, что при испытании ремней безопасности, а также в процессе одного испытания на лобовое столкновение и обоих испытаний на боковое столкновение должен использоваться мужской манекен 50-го процентиля. Изучив мировой опыт законодательного регулирования процедур краш-тестов, Астрид Линдер обнаружила, что, несмотря на «отдельные локальные различия», в большинстве стран по-прежнему используется мужской манекен 50-го процентиля, призванный «представлять все взрослое население страны».

---

[772] http://genderedinnovations.stanford.edu/case-studies/crash.html#tabs-2.

[773] Там же.

[774] https://www.washingtonpost.com/local/trafficandcommuting/femaledummy-makes-her-mark-on-male-dominated-crash-tests/2012/03/07/gIQANBLjaS_story.html?utm_term=.5ec23738142a.

[775] Linder, Astrid and Svedberg, Wanna (2018), 'Occupant Safety Assessment in European Regulatory Tests: Review of Occupant Models, Gaps and Suggestion for Bridging Any Gaps', conference paper, 'Road Safety on Five Continents' South Korea, May 2018.

[776] http://sciencenordic.com/gender-equality-crash-test-dummies-too.

[777] Linder and Svedberg (2018).

[778] United States Government Publishing Office, 'U.S. Code of Federal Regulations. 2011. 49 CFR U, -2RE Side Impact Crash Test Dummy, 50th Percentile Adult Male'. https://www.govinfo.gov/app/details/CFR-2011-title49-vol7/CFR-2011-title49-vol7-part572-subpartU.

[779] Linder and Svedberg (2018).

В соответствии с законодательством ЕС, лишь в одном краш-тесте необходимо использовать женский манекен 5-го процентиля, якобы представляющий всех женщин Европы. Но что значит «5-го процентиля»? Это значит, что только 5 % женщин меньше ростом, чем эта кукла. И тут мы сталкиваемся с целым рядом статистических пробелов. Во-первых, в ходе испытания манекен располагается только в пассажирском кресле, а значит, у нас совсем нет данных о риске для женщин, сидящих за рулем, – а ведь об этом следовало подумать, учитывая, что женщины сидят на водительском кресле в неправильной позе. Во-вторых, этот женский манекен на самом деле совсем не женский. Это просто уменьшенная копия мужского манекена.

Процедуру испытаний на потребителях следовало бы немного ужесточить. Когда я беседовала с представителями Euro NCAP (европейской организации, разрабатывающей потребительские рейтинги безопасности автомобилей), мне сообщили, что с 2015 г. в ходе испытаний на лобовое столкновение используются мужские и женские манекены и что последние изготавливаются в соответствии с антропометрическими показателями женщин, но с одной оговоркой: если «имеются соответствующие данные». И это, по словам Астрид Линдер, очень важная оговорка. «Насколько мне известно, – говорит она, – таких данных у нас либо мало, либо совсем нет». В любом случае представители Euro NCAP признают, что «иногда» используются лишь уменьшенные копии мужских манекенов. Но, как мы увидим в следующей главе, женщина – не уменьшенная копия мужчины. Мышечная масса у нас распределяется иначе. У нас более хрупкие кости. У нас не такое, как у мужчин, расстояние между позвонками. Как указывает Том Стоффреджен, даже качательные движения у нас не такие, как у мужчин. И все эти гендерные различия имеют огромное значение, когда речь идет об увечьях, получаемых в ДТП.

Беременным женщинам приходится еще труднее. Хотя «беременный» манекен для краш-тестов был создан еще в 1996 г., ни в США, ни в ЕС его применение до сих пор официально не предписано[780]. На самом деле, хотя ДТП являются главной причиной гибели плода от травм, полученных матерью[781], до сих пор не разработан даже ремень безопасности для беременных. С 2004 г. ученые рекомендуют беременным женщинам использовать стандартные ремни безопасности[782], но их конструкция не годится для 62 % беременных в третьем триместре[783]. Привязной ремень с креплением в трех точках, застегнутый под животом, ниже матки, может соскальзывать вверх и при этом, как было установлено в ходе исследования 1996 г., в три-четыре раза сильнее давить на живот, что «соответственно, увеличивает риск повреждения плода»[784]. Впрочем, стандартные ремни безопасности не слишком удобны и для небеременных женщин: чаще всего, чтобы они не давили на грудь, мы застегиваем их «ненадлежащим образом», что опять-таки увеличивает риск получения травмы (еще одна причина, по которой следует использовать именно женские манекены, а не уменьшенные копии мужских)[785]. При беременности у женщин увеличивается не только живот, но и грудь, а увеличение размера груди также может привести к «ненадлежащему использованию» ремней безопасности и, таким образом, снизить их эффективность. Это еще один пример ситуации, когда данные о женщинах есть, но мы их игнорируем. Очевидно, необходима полная переработка конструкции автомобилей с учетом всех этих данных, и это не так уж сложно, учитывая, что найти женщину, способную послужить прототипом женского манекена для краш-тестов, совсем нетрудно.

---

780 http://genderedinnovations.stanford.edu/case-studies/crash.html#tabs-2.

781 https://www.leru.org/files/Gendered-Research-and-Innovation-Full-paper.pdf; Londa Schiebinger and Martina Schraudner (2011), 'Interdisciplinary Approaches to Achieving Gendered Innovations in Science, Medicine, and Engineering', *Interdisciplinary Science Reviews*, 36:2 (June 2011), 154–67.

782 http://genderedinnovations.stanford.edu/case-studies/crash.html#tabs-2.

783 'Gendered Innovations: How Gender Analysis Contributes to Research' (2013).

784 http://genderedinnovations.stanford.edu/case-studies/crash.html#tabs-2.

785 https://www.washingtonpost.com/local/trafficandcommuting/femaledummy-makes-her-mark-on-male-dominated-crash-tests/2012/03/07/gIQANBLjaS_story.html?utm_term=.5ec23738142a.

Несмотря на все пробелы в статистике, после того как в 2011 г. в США при проведении краш-тестов начали использовать женский манекен, звездные рейтинги автомобилей начали стремительно падать. Газета *The Washington Post* приводит историю Бет Милито и ее мужа, которые купили Toyota Sienna 2011 г. выпуска, ориентируясь в первую очередь на четырехзвездочный рейтинг безопасности автомобиля[786]. Но, увы, их ожидания были обмануты. Пассажирское кресло, в котором, по словам Бет Милито, скорее всего, будет сидеть именно она, когда они с мужем «будут выезжать вдвоем», имело лишь двухзвездочный рейтинг безопасности. В модели 2010 г. переднее пассажирское кресло (тестировавшееся на мужском манекене) имело пятизвездочный рейтинг безопасности. Однако тестирование на женском манекене показало, что при лобовом столкновении на скорости 35 миль/ч (около 70 км/ч) вероятность гибели женщины-пассажира или получения ею серьезных травм составляет 20–40 %. В среднем вероятность гибели пассажира автомобиля этого класса, указывает *The Washington Post*, составляет 15 %.

Доклад Страхового института дорожной безопасности за 2015 г. обнадеживающе озаглавлен «Усовершенствованная конструкция автомобилей снижает риск гибели людей» (Improved vehicle designs bring down death rates). Звучит прекрасно. Но что стало причиной снижения случаев гибели в ДТП? Принятие новых законов? Вряд ли. Внимательно изучив доклад, мы находим такой пассаж: «Случаи со смертельным исходом включают только случаи гибели водителя, поскольку мы не располагаем данными о наличии в автомобилях пассажиров». Это огромный пробел в гендерных данных. Если в автомобиле находятся и мужчины, и женщины, за рулем чаще всего сидит мужчина[787]. Поэтому отсутствие данных о пассажирах так или иначе означает отсутствие данных о женщинах.

Вот парадокс, который приводит в ярость: представление о том, что за рулем сидят в основном мужчины, настолько укоренилось, что женский манекен используется лишь при испытании пассажирского кресла, а водительское кресло всегда тестируется на мужском манекене. Соответственно, статистика, включающая только случаи гибели водителя, ничего не говорит нам об эффективности внедрения женских манекенов для краш-тестов. Поэтому предлагаю более точное заглавие вышеупомянутого доклада: «Усовершенствованная конструкция автомобилей снижает риск гибели людей, сидящих в водительском кресле, то есть прежде всего мужчин, но кто его знает, как она влияет на риск гибели людей, сидящих в пассажирском кресле, то есть женщин, хотя, как известно, в случае ДТП вероятность гибели женщин на 17 % выше, чем мужчин». Немного длинновато, зато честно.

Доктор наук Дэвид Лоуренс, директор базы данных литературы по безопасности SafetyLit Foundation[788], в беседе со мной сказал, что «в большинстве штатов США качество полицейских отчетов о ДТП оставляет желать лучшего, и вряд ли они могут служить надежным источником данных для исследований». Информации о пострадавших в авариях пассажирах мало. Письменные полицейские отчеты обычно передаются в «подрядные организации, занимающиеся вводом данных в базы», большинство которых использует для этой цели труд заключенных. «Качество данных проверяется редко, а когда проверяется, обнаруживается, что оно низкое. Например, если им верить, то в Луизиане в 1980 гг. в ДТП попадали почти исключительно мужчины, родившиеся 1 января 1950 г., сидевшие за рулем автомобилей только 1960 г. выпуска». Разумеется, на самом деле все было не так. Просто в базах данных были такие настройки по умолчанию.

---

[786] ‘Gendered Innovations: How Gender Analysis Contributes to Research’ (2013).

[787] http://content.tfl.gov.uk/travel-in-london-understanding-our-diverse-communities-2019.pdf; https://www.wnyc.org/story/283137-census-data-show-public-transit-gender-gap/.

[788] SafetyLit Foundation – база данных на сайте SafetyLit.org, поддерживаемом Колледжем здравоохранения и социальных услуг Университета Сан-Диего и ВОЗ.

Дэвид Лоуренс говорит, что, несмотря на то что эта проблема стоит и «во многих других штатах», качество данных не улучшается, «потому что не меняется практика их ввода в базы данных; федеральное правительство требует, чтобы штаты представляли полицейские отчеты Национальному управлению по безопасности дорожного движения, но не устанавливает стандарты качества данных и не штрафует отправителей мусорных отчетов».

Астрид Линдер принимает участие в разработке манекена для краш-тестов, который, по ее словам, должен стать первым женским манекеном, в точности соответствующим женским антропометрическим показателям. Пока это лишь опытный образец, но Астрид Линдер призывает ЕС сделать использование таких манекенов обязательным. Она утверждает, что формально это требование *уже сейчас* является законным. Статья 8 имеющего обязывающую силу Договора о функционировании Европейского союза гласит: «Во всех видах своей деятельности Европейский союз стремится устранять неравенство и содействовать равенству мужчин и женщин»[789]. А то, что вероятность получения женщинами серьезных увечий в ДТП на 47 % выше, чем мужчинами, – следствие вопиющего неравенства, которое нельзя оставлять без внимания.

С одной стороны, не совсем понятно, почему женский манекен, точно соответствующий антропометрическим показателям женщин, не был разработан еще много лет назад, а его использование при испытаниях автомобилей до сих пор не стало юридической нормой. Но, с другой стороны, учитывая все, что мы знаем об игнорировании женщин и особенностей их организма при разработке дизайна и проектировании, удивляться не приходится. От инициатив в области развития до смартфонов, от медицинских технологий до кухонных плит, от орудий труда до финансовых инструментов – все это создавалось без учета потребностей женщин, и в результате эти продукты и технологии в массе своей их потребностям не соответствуют. Масштабы несоответствия грандиозны. И столь же грандиозны масштабы негативного влияния этих продуктов и технологий на жизнь женщин: из-за них мы становимся беднее, чаще болеем, а если речь идет об автомобилях, чаще погибаем. Дизайнеры могут считать, что создают продукты для всех, но на самом деле они создают их для мужчин. Пришло время позаботиться и о женщинах.

789 https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:41f89a28-1fc6-4c92-b1c8-03327d1b1ecc.0007.02/DOC_1&format=PDF.

Часть IV
У врача

Глава 10
Лекарства, которые не лечат

Диагноз Мишель поставили только через 12 лет после того, как она заболела. «Первые симптомы начали проявляться лет в четырнадцать, – рассказывает она. – Но я стеснялась обращаться к врачу». Два года девочка никому не говорила, что ей приходится постоянно бегать в туалет, что при дефекации она испытывает боль, а ходит с кровью. Это продолжалось до тех пор, пока однажды ночью ей не стало так плохо, что скрывать болезнь стало уже невозможно: «Я лежала скрючившись на полу в ванной и не могла пошевелиться. Мне казалось, что я умираю». Ей было 16 лет.

Родители Мишель поспешили отвезти ее в больницу, в отделение неотложной помощи. Врач (при родителях) спросил, не беременна ли она. Нет, ответила девушка, она не беременна и не может быть беременна, потому что у нее еще никогда не было близости с мальчиком. Да и в любом случае, боль была в кишечнике. «Меня отвезли в смотровую и, ничего не объяснив, положили мои ноги на подколенники, – вспоминает Мишель. – Потом я почувствовала, как мне во влагалище засовывают огромное холодное металлическое зеркало. Это было так больно, что я закричала и попыталась сесть, но медсестра снова уложила меня на спину и не давала пошевелиться, пока врач не убедился в том, что я действительно не беременна». Девушку отправили домой, сказав, что она просто приняла просроченный аспирин, и посоветовав денек отдохнуть.

В течение следующих 10 лет Мишель дважды обращалась к врачам, оба раза – к гастроэнтерологам-мужчинам, и оба они говорили, что болезнь существует только в ее голове и что ей нужно успокоиться и перестать обращать на нее внимание. В возрасте 26 лет Мишель обратилась к терапевту. Это была женщина, и она направила девушку на колоноскопию. Обследование показало, что поражена вся левая половина кишечника. Мишель поставили диагноз: синдром раздраженного кишечника и язвенный колит. «Наконец-то, хотя и поздновато, стало ясно, что болезнь существует не только в моей голове», – заключает Мишель. Но в результате того, что диагноз был поставлен поздно и лечение не проводилось, возникла опасность развития рака кишечника.

Рассказ Мишель оставляет тяжелое впечатление. Сразу начинаешь проклинать медиков, доведших девушку до такого состояния. Но дело в том, что виноваты не отдельные плохие врачи, не негодяи, которых надо выгнать с работы. Нет, эти врачи – плоть от плоти системы здравоохранения, сверху донизу систематически ущемляющей права женщин, которых никто не слушает, которых плохо лечат, которым ставят неправильные диагнозы.

Все начинается с системы медицинского образования. Традиционно она строилась на предположении, что между мужским и женским организмами нет других различий, кроме размера и репродуктивного механизма, поэтому нормой считалось то, что было нормой для мужчин. Все, что выходило за рамки этой нормы, классифицировалось как «нетипичное» или даже «патологическое»[790]. В эту «норму» (норму «для мужчины весом 70 кг»[791]), автомати-

---

[790] Marts, Sherry A. and Keitt, Sarah (2004), ‘Principles of Sex-based Differences in Physiology: Foreword: a historical overview of advocacy for research in sex based biology’, *Advances in Molecular and Cell Biology*, 34, 1–333.

[791] Поиск в Medline, крупнейшей американской базе данных статей по медицине, показывает, что «мужская» норма сохраняется до сих пор, – как практические руководства для врачей, так и исследования в области медицины часто ориентированы

чески переносимую на женщин, на самом деле, как пояснил мне один врач, укладываются даже не все мужчины. В учебниках для студентов-медиков о женщинах пишут (если о них их *вообще* пишут) как о «подвиде» стандартного индивида. Будущие врачи изучают физиологию и отдельно – женскую физиологию, анатомию и отдельно – женскую анатомию. «Предметом анатомии как таковой, – пишет социопсихолог Кэрол Теврис в своей книге "Ложная мерка для женщин" (The Mismeasure of Woman), вышедшей в 1992 г., – является именно мужское тело»[792].

«Мужской перекос» в определении нормы мы унаследовали от древних греков, которые первыми назвали женское тело «недоразвитым мужским» (спасибо Аристотелю за комплимент). На женщин смотрели как на «мужчин, вывернутых наизнанку», на «мужчин наоборот». Яичники считались женскими тестикулами (самостоятельное название они получили лишь в XVII в.), а матка – женской мошонкой. Причина, по которой эти органы располагались не снаружи, а внутри тела, якобы заключалась в том, что женщинам не хватало «жизненного тепла». Мужское тело считалось эталоном, до которого женщины не дотягивали.

Современные врачи, разумеется, не считают женское тело недоразвитым мужским, но представление о том, что мужской организм – это универсальный человеческий организм, сохраняется. Проведенный в 2008 г. анализ ряда учебников, рекомендованных для 10 «самых престижных университетов Европы, США и Канады», показал, что на 16 329 иллюстрациях с изображениями «гендерно нейтральных частей тела» мужчины присутствовали втрое чаще, чем женщины[793]. Авторы обзора учебников для голландских медицинских вузов, опубликованного в том же 2008 г., указывают, что даже в разделах, посвященных заболеваниям и механизмам, в которых половые различия выявлены достаточно давно (например, депрессии или воздействию алкоголя на организм), отсутствует информация, относящаяся конкретно к мужскому или женскому организму, а результаты клинических испытаний лекарственных препаратов представлены как относящиеся к представителям обоих полов, даже если в них участвовали только мужчины[794]. Немногочисленные упоминания о половых различиях «трудно найти как в текстах учебников, так и в указателях», при этом они кратки и туманны («женщины чаще испытывают дискомфорт в области груди»). Как мы увидим далее, лишь у одной из восьми женщин симптомы инфаркта миокарда совпадают с классическими мужскими, такими как боль в груди, так что на самом деле вышеприведенный пассаж не только туманно сформулирован, но и некорректен[795].

В 2017 г. я решила посмотреть, многое ли изменилось в этой области, для чего отправилась в большой книжный магазин в центре Лондона, славящийся богатым выбором медицинской литературы. Увы, все осталось по-прежнему. На обложках книг с заголовками «Анатомия человека» красовались мужчины с отлично развитой мускулатурой. На рисунках, изображавших гендерно нейтральные части тела, по-прежнему торчали не имеющие отношения к делу пенисы. На плакатах с надписями «Ухо, горло, нос», «Нервная система», «Мышечный аппарат» и «Кровеносная система и внутренние органы» тоже были огромные изображения мужчин. Правда, на одном наглядном пособии, изображавшем кровеносную систему, сбоку была пририсована картинка с подписью «Женский таз». Мы с моим тазом не могли не оценить этот знак внимания, оказанный нам авторами плаката.

на среднестатистического мужчину весом 70 кг. Marts and Keitt (2004).

[792] С. 17–18.

[793] Plataforma SINC (2008), 'Medical Textbooks Use White, Heterosexual Men As A 'Universal Model', *ScienceDaily*, http://www.sciencedaily.com/releases/2008/10/081015132108.htm.

[794] Dijkstra, A. F, Verdonk, P. and Lagro-Janssen, A. L. M. (2008), 'Gender bias in medical textbooks: examples from coronary heart disease, depression, alcohol abuse and pharmacology', *Medical Education*, 42:10, 1021–8.

[795] http://www.marieclaire.com/health-fitness/a26741/doctors-treat-womenlike-men/.

Пробелы в гендерных данных, столь часто встречающиеся в учебниках для медиков, обнаруживаются и в стандартных учебных программах медицинских вузов. Исследование, выполненное в 2005 г. в Нидерландах, показало, что вопросы, связанные с половыми и гендерными различиями, «систематически не находят отражения в учебных программах»[796]. А обзор CurrMIT, американской онлайн-базы данных программ медвузов, показал, что только девять из 95 учебных заведений, программы которых представлены в базе данных, предлагают курсы, которые условно можно считать «курсами женского здоровья»[797]. При этом лишь два из этих девяти курсов обязательны (курсы акушерства и гинекологии, которые студенты проходят на втором и третьем годах обучения). Даже в описаниях важнейших и хорошо известных факторов, влияющих на заболеваемость и смертность женщин, недостаточно информации, касающейся особенностей женского организма. Десять лет спустя в ходе другого исследования было обнаружено, что вопросы, связанные с половыми и гендерными различиями, в программах американских медвузов освещаются «минимально» и «бессистемно», причем информационные пробелы особенно заметны в разделах, посвященных методам лечения и назначения лекарственных препаратов[798].

Эти пробелы чреваты серьезными проблемами, потому что, вопреки бытовавшему в течение тысячелетий мнению, различия между представителями двух полов весьма существенны. Ученые обнаруживают их как во всех тканях и системах органов[799], так и в «частоте встречаемости, протекании и тяжести» большинства наиболее распространенных заболеваний[800]. Эти различия проявляются в важнейших механизмах сердечной деятельности[801]. Ими определяется разный объем легких у мужчин и женщин[802], причем независимо от роста (именно этим, возможно, объясняется то, что женщины, выкуривающие столько же сигарет, сколько мужчины, на 20–70 % чаще рискуют заболеть раком легких)[803].

Аутоиммунными заболеваниями болеют около 8 % населения[804], но у женщин они встречаются втрое чаще, чем у мужчин. Доля женщин в общей численности страдающих этими заболеваниями достигает 80 %[805]. Мы не знаем точно, почему так происходит, но ученые полагают: причина в том, что именно женщины вынашивают и рожают детей. Согласно этой гипотезе, иммунная система женщин «выработала механизм быстрого и мощного реагирования для защиты плода и новорожденного»[806]. Иногда иммунный ответ бывает избыточным, и иммунная система атакует женский организм[807]. Считается, что этот механизм обуславливает и разную реакцию на вакцины: женщины вырабатывают больше антител, чем мужчины, и у них

---

[796] Dijkstra et al. (2008).

[797] Henrich, Janet B. and Viscoli, Catherine M. (2006), ‘What Do Medical Schools Teach about Women’s Health and Gender Differences?’ *Academic Medicine*, 81:5.

[798] Song, Michael M. Jones, Betsy G. and Casanova, Robert A. (2016), ‘Auditing sex- and gender-based medicine (SGBM) content in medical school curriculum: a student scholar model’, *Biology of Sex Differences*, 7: Suppl. 1, 40.

[799] Marts and Keitt (2004).

[800] Karp, Natasha A. et al (2017), ‘Prevalence of sexual dimorphism in mammalian phenotypic traits’, *Nature Communications*, 8:15475.

[801] Martha L. Blair (2007), ‘Sex-based differences in physiology: what should we teach in the medical curriculum?’, *Advanced Physiological Education*, 31, 23–5.

[802] Там же.

[803] https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4800017/.

[804] https://theconversation.com/man-flu-is-real-but-women-get-moreautoimmune-diseases-and-allergies-77248.

[805] https://www.washingtonpost.com/national/health-science/why-do-autoimmune-diseases-affect-women-more-often-than-men/2016/10/17/3e224db2-8429-11e6-ac72-a29979381495_story.html?utm_term=.acef157fc395.

[806] http://www.nature.com/news/infections-reveal-inequality-between-thesexes-1.20131?WT.mc_id=TWT_NatureNews.

[807] Там же.

чаще встречаются серьезные осложнения[808]. В статье 2014 г. даже предлагается разрабатывать специальные мужские и женские вакцины от гриппа[809].

Различия между мужским и женским организмами проявляются даже на клеточном уровне: в биомаркерах аутизма в сыворотке крови[810]; в белках[811]; в иммуноцитах, отвечающих за передачу в мозг болевых сигналов[812]; в механизме гибели клеток в результате инсульта[813]. Одно из недавних исследований выявило также значительные половые различия в «экспрессии гена, влияющего на метаболизм лекарственных веществ»[814]. Половые различия в протекании и исходе болезни Паркинсона, инсульта и ишемии головного мозга (нарушения мозгового кровообращения) также прослеживаются до клеточного уровня[815]. Кроме того, появляется все больше доказательств существования таких различий в механизме возрастных изменений кровеносных сосудов, что «неизбежно создает проблемы для здоровья, а также диагностики и лечения заболеваний»[816]. В 2013 г. в статье в журнале *Nature* доктор наук Элизабет Политцер писала, что, как показывают результаты исследований, клетки самцов и самок мышей по-разному реагируют на стресс; что «содержание многих продуктов обмена веществ в мужских и женских клетках существенно различается»; и что «все больше данных» говорит о том, что «мужские и женские клетки различаются независимо от воздействия на них половых гормонов»[817].

Хотя серьезный дефицит медицинских гендерных данных сохраняется до сих пор и нам предстоит заполнить еще множество информационных пробелов, за последние 20 лет было наглядно продемонстрировано, что женщина не просто уменьшенная копия мужчины и что женский организм отличается от мужского уже на клеточном уровне. Так почему же студентов-медиков этому не учат?

●●●

Чтобы информация об особенностях человеческого организма, обусловленных половой принадлежностью, включалась в учебники для студентов-медиков, необходимо, чтобы она была. Однако, поскольку медицинские исследования в основном не охватывают женщин, ее катастрофически не хватает. Даже в данных о важнейших факторах, определяющих половую принадлежность человека, имеется множество пробелов. Парадоксально, но факт: даже после того, как в 1990 г. была опубликована революционная работа, доказывающая, что именно от Y-хромосомы зависит пол будущего ребенка, и женский пол начал считаться «настройкой по умолчанию», женщинам по-прежнему уделялось меньше внимания, чем мужчинам. Исследователи ставили во главу угла формирование тестикул как якобы «активный» процесс – в отличие от «пассивного» процесса развития женских половых органов. Так продолжалось до

---

808 https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4157517/.

809 Там же.

810 http://docs.autismresearchcentre.com/papers/2010_Schwartz_SexSpecific_MolAut.pdf.

811 Clayton, Janine Austin (2015), 'Studying both sexes: a guiding principle for biomedicine', https://faseb.onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1096/fj.15-279554.

812 Там же.

813 Там же.

814 https://theconversation.com/not-just-about-sex-throughout-our-bodiesthousands-of-genes-act-differently-in-men-and-women-86613.

815 Holdcroft, Anita, Snidvongs, Saowarat and Berkley, Karen J. (2011), 'Incorporating Gender and Sex Dimensions in Medical Research', *Interdisciplinary Science Reviews*, 36:2, 180–92.

816 Gender and Health Knowledge Agenda', May 2015, ZonMw, Netherlands, http://www.genderportal.eu/sites/default/files/resource_pool/Gender%20%26%20Health%20Knowledge%20Agenda_0.pdf.

817 Pollitzer, Elizabeth (2013), 'Cell sex matters', *Nature*, 500, 23–24.

2010 г., когда ученые вплотную занялись изучением формирования яичников как активного процесса[818].

Большинство исследований сердечно-сосудистых заболеваний всегда проводилось на мужчинах, и до сих пор женщины охвачены ими недостаточно: их доля в общей численности участников 31 важнейшего исследования хронической сердечной недостаточности (ХСН), проводившегося в период с 1987 г. по 2012 г., не превышала 25 %[819]. Доля женщин в общей численности ВИЧ-инфицированных представителей взрослого населения развивающихся стран достигает 55 %[820], а в некоторых регионах Африки и странах Карибского бассейна у девочек и женщин в возрасте от пяти до 24 лет шансы заразиться ВИЧ до шести раз выше, чем у мальчиков и молодых людей того же возраста[821]. Мы также знаем, что симптомы заболевания и осложнения у ВИЧ-инфицированных женщин и мужчин различаются, но тем не менее опубликованный в 2016 г. анализ участия женщин в исследованиях ВИЧ, проводившихся в США, показывает, что доля женщин в общей численности участников клинических испытаний антиретровирусных препаратов составляла лишь 19,2 %, в клинических испытаниях вакцин – 38,1 %, а в клинических испытаниях методов лечения – 11,1 %[822].

Из-за того что женщины так редко участвуют в клинических испытаниях, мы сталкиваемся и с дефицитом надежных данных о методах лечения ряда заболеваний у беременных женщин. Зачастую мы не знаем, как у них будет протекать болезнь и каков ее вероятный исход, хотя ВОЗ предупреждает, что многие заболевания могут привести к «особенно тяжелым последствиям для беременных женщин или плода»[823]. Некоторые штаммы вируса гриппа (в том числе вирус свиного гриппа 2009 г. H1N1) «вызывают особенно тяжелые симптомы при заражении во время беременности». Есть свидетельства того, что атипичная пневмония у беременных также может протекать особенно тяжело. Разумеется, нежелание беременных женщин принимать участие в медицинских исследованиях вполне понятно, но это не значит, что мы должны признать свое бессилие и смириться с тем, что ничего не знаем. Напротив, мы должны регулярно, систематически отслеживать, собирать и анализировать данные о влиянии заболеваний на здоровье женщин. Но мы этого не делаем – даже во время пандемий. При вспышке атипичной пневмонии в Китае в 2002 г. последствия заболевания для здоровья беременных женщин не отслеживались систематически, и, как указывает ВОЗ, «в результате не удалось дать исчерпывающего описания течения и последствий заболевания у беременных»[824]. Вот вам и еще одна информационная дыра, которую легко можно было бы заткнуть; но мы этого не сделали, и в результате, когда случится следующая пандемия, у нас не будет нужной информации.

Как и нехватка информации о женщинах в учебниках анатомии, недостаточный охват женщин медицинскими исследованиями – проблема, уходящая корнями в историю, в те же давние представления о человеческом организме как о мужском. При этом исторически сложившийся «мужской перекос» был радикально усилен в 1970-е гг., что нанесло колоссальный

---

[818] Londa Schiebinger (2014), 'Gendered innovations: harnessing the creative power of sex and gender analysis to discover new ideas and develop new technologies', *Triple Helix*, 1:9.

[819] Cristiana Vitale et al. (2017), 'Under-representation of elderly and women in clinical trials', *International Journal of Cardiology*, 232, 216–21.

[820] The Henry J. Kaiser Family Foundation (2014), 'Women and HIV/AIDS in the United States'; women also experience different clinical symptoms and complications due to HIV disease.

[821] http://www.who.int/gender/hiv_aids/hivaids1103.pdf.

[822] Curno, Mirjam J. et al. (2016), 'A Systematic Review of the Inclusion (or Exclusion) of Women in HIV Research: From Clinical Studies of Antiretrovirals and Vaccines to Cure Strategies', *Journal of Acquired Immune Deficiency Syndrome*, 1:71(2) (February 2016), 181–8.

[823] http://www.wpro.who.int/topics/gender_issues/Takingsexandgenderintoaccount.pdf.

[824] Там же.

ущерб здоровью женщин. Речь идет о последствиях самого громкого медицинского скандала XX в.[825]

В 1960 г. медики начали назначать беременным женщинам, страдавшим по утрам от тошноты, талидомид – препарат, который в качестве легкого седативного средства во многих странах применялся еще с конца 1950-х гг., продавался без рецепта и считался вполне безопасным, потому что его разработчики «не смогли определить дозу, достаточно высокую, чтобы убить крысу»[826]. Талидомид не убивал крыс, но зато негативно влиял на развитие плода (о чем на самом деле производители знали уже в 1959 г.)[827]. В 1962 г. продажи препарата были прекращены, но к этому времени во всем мире уже родились 10 000 детей, страдающих от заболеваний, вызванных его употреблением их матерями во время беременности[828]. Вскоре после скандала, в 1977 г., Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США (FDA) запретило участие женщин детородного возраста в клинических испытаниях лекарственных препаратов. Эта мера ни у кого не вызвала возражений[829] – как и «мужской перекос», теперь официально закрепленный в процедуре медицинских исследований.

Многие и сегодня не ставят под сомнение «мужскую» норму. Некоторые исследователи продолжают настаивать на том, что биологический пол не имеет значения, несмотря на все доказательства обратного. Одна исследовательница, занимающаяся проблемами организации здравоохранения, признается, что получила следующие ответы на две свои заявки на гранты: «Мне бы хотелось, чтобы вы перестали отвлекаться на все эти половые различия и занялись наукой» и «Я работаю в этой области 20 лет, и, поверьте, все эти [биологические различия] не имеют значения»[830]. Так реагируют отнюдь не только анонимные рецензенты. В 2014 г. автор публицистической статьи в журнале *Scientific American* писал, что включение в эксперименты представителей обоих полов – напрасная трата денег[831], а в 2015 г. авторы колонки в *Proceedings of the National Academy of Science* («Журнал Национальной академии наук США») уверяли, что «учет половых различий в ходе доклинических исследований не решает проблему неравенства мужчин и женщин в области здравоохранения»[832].

Если одни исследователи отрицают значение половых различий, то некоторые другие, признавая важность учета биологического пола, тем не менее тоже выступают против включения женщин в число участников медицинских исследований, мотивируя это отсутствием сопоставимых данных за прошлые годы. По их мнению, если данные не собирались ранее, участие женщин в исследованиях нежелательно (еще одна щепотка соли на наши раны!)[833]. Они утверждают, что женский организм (как и организм самок животных) слишком сложен и слишком изменчив[834], – словом, его изучение обходится слишком дорого. Учет половых и гендерных

---

825 Hughes, Robert N. (2007), 'Sex does matter: comments on the prevalence of male-only investigations of drug effects on rodent behaviour', *Behavioural Pharmacology*, 18:7, 583–9.

826 http://helix.northwestern.edu/article/thalidomide-tragedy-lessons-drug-safety-and-regulation.

827 https://www.smh.com.au/national/the-50-year-global-cover-up-20120725-22r5c.html.

828 http://broughttolife.sciencemuseum.org.uk/broughttolife/themes/controversies/thalidomide.

829 Marts and Keitt (2004).

830 https://foreignpolicy.com/2014/08/20/why-are-so-many-women-dying-from-ebola/.

831 R. D. Fields (2014), 'Vive la difference requiring medical researchers to test males and females in every experiment sounds reasonable, but it is a bad idea', *Scientific American*, 311, 14.

832 Richardson, S. S., Reiches, M., Shattuck-Heidorn, H., LaBonte, M. L. and Consoli, T. (2015), 'Opinion: focus on preclinical sex differences will not address women's and men's health disparities', *Proceedings of the National Academy of Science*, 112, 13419–20.

833 Holdcroft, Anita (2007) 'Gender bias in research: how does it affect evidence based medicine?', *Journal of the Royal Society of Medicine*, 100.

834 Ibarra, Manuel, Vazquez, Marta and Fagiolino, Pietro (2017), 'Sex Effect on Average Bioequivalence', *Clinical Therapeutics*, 39:1, 23–33.

различий будет «слишком обременительным», полагают они[835]. В таких исследованиях будет «слишком много гендера»[836], и на этом основании (то есть «для простоты») считают возможным проводить исследования без участия женщин[837]. На это можно возразить, что недавние исследования на мышах продемонстрировали более значительный разброс показателей по ряду маркеров у самцов, чем у самок[838]. Так кто же слишком сложен для исследований?

Помимо утверждений о том, что женский организм с его изменчивостью и «нетипичными» гормонами не самый удобный объект исследований, некоторые ученые оправдывают свое нежелание включать женщин в число участников клинических испытаний организационными трудностями. Отчасти они правы: из-за семейных обязанностей у женщин меньше свободного времени, чем у мужчин, и им труднее прийти в медицинское учреждение в часы, когда, например, нужно везти детей в школу. Однако это говорит не столько о том, что женщин не стоит включать в число участников испытаний, сколько о необходимости менять график испытаний с учетом женского распорядка дня. Так или иначе, найти женщин можно, было бы желание. Обзоры испытаний медицинской аппаратуры, предписываемых FDA, показывают, что доля женщин в общей численности участников испытаний устройств для эндоваскулярного лечения окклюзионных расстройств (используемых, в частности, при нарушениях работы кровеносных сосудов, соединяющих мать с плодом) составляет лишь 18 %[839], а в численности участников испытаний коронарных стентов (которые, кстати, приживаются у женщин хуже, чем у мужчин) – только 32 %[840]. В то же время для испытаний методов коррекции морщин на лице и стоматологических устройств этот показатель достигает, соответственно, 90 и 92 %.

«Новаторский» подход к проблеме недостаточного участия женщин в медицинских исследованиях заключается в ее отрицании как таковой. Сторонники этого подхода уверяют, что женщин-испытуемых вполне достаточно, спасибо им большое. В феврале 2018 г. в *British Journal of Pharmacology* была опубликована статья, озаглавленная «Проблема учета гендерных различий в практике клинических испытаний: миф или реальность?» (Gender differences in clinical registration trials: is there a real problem?)[841]. Опираясь на «межсекционное структурированное исследование открытых данных о результатах испытаний часто назначаемых лекарственных препаратов, одобренных FDA», авторы статьи (все поголовно – мужчины) утверждают, что проблема «явно надуманна».

Даже если оставить в стороне все рассуждения о том, что значит «надуманная» проблема, выводы авторов буквально шокируют. Во-первых, в их распоряжении были данные только по 28 % испытаний лекарственных препаратов, так что неизвестно, насколько репрезентативна выборка. Согласно *этим* данным, количество женщин, участвовавших более чем в четверти испытаний, не соответствовало доле американок, страдающих от заболеваний, для лечения которых предназначались испытываемые препараты. Во-вторых, авторы статьи не учитывали испытания дженериков, на долю которых приходится 80 % назначаемых в США препаратов[842].

---

[835] Mergaert, Lut and Lombardo, Emanuela (2014), ‘Resistance to implementing gender mainstreaming in EU research policy’, in Weiner, Elaine and MacRae, Heather (eds.), ‘The persistent invisibility of gender in EU policy’, European Integration online Papers (EIoP), special issue 1, Vol. 18, Article 5, 1–21.

[836] Там же.

[837] Там же.

[838] Hughes (2007).

[839] Pinnow, Ellen, Herz, Naomi, Loyo-Berrios, Nilsa and Tarver, Michelle (2014), ‘Enrollment and Monitoring of Women in Post-Approval Studies for Medical Devices Mandated by the Food and Drug Adminstration’, *Journal of Women’s Health*, 23:3 (March 2014), 218–23.

[840] http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0002870310000864.

[841] Labots, G., Jones, A., Visser, S. J. de, Rissmann, R. and Burggraaf, J. (2018), ‘Gender differences in clinical registration trials: is there a real problem?’, *British Journal of Clinical Pharmacology*.

[842] McGregor, Alyson J. (2017), ‘The Effects of Sex and Gender on Pharmacologic Toxicity: Implications for Clinical Therapy’, *Clinical Therapeutics*, 39:1.

FDA определяет дженерик как «лекарственный препарат, производимый так же, как уже присутствующий на рынке фирменный препарат»; дженерики продаются после истечения срока действия патента на оригинальные фирменные препараты и проходят далеко не такие строгие испытания, как оригинальные лекарства, – они должны лишь продемонстрировать такую же биодоступность, как последние. Испытания дженериков проводятся «почти исключительно» на молодых мужчинах[843]. Это важно, потому что, хотя дженерики содержат те же действующие вещества, что и оригинальные препараты, из-за различных добавок и возможных изменений в технологии производства их эффективность может быть ниже[844]. При этом, как указывал в 2002 г. Центр по оценке и изучению лекарственных средств FDA, «для мужчин и женщин наблюдаются статистически значимые различия в отклонении показателей биоэквивалентности большинства дженериков от показателей эталонных препаратов»[845].

Несмотря на это, авторы вышеуказанной статьи утверждают, что проблемы систематической недопредставленности женщин в клинических испытаниях не существует, потому что на втором и третьем этапах их доля в общей численности участников исследования составляет 48 и 49 % соответственно. В то же время эти авторы указывают, что на первом этапе испытаний этот показатель не превышал 22 %. Но, как ни крути, недопредставленность женщин на первом этапе имеет огромное значение. По данным FDA, вторая по частоте встречаемости нежелательная реакция на лекарственные препараты у женщин – полная невосприимчивость к ним (хотя эти препараты прекрасно действовали на мужчин). Зная об этой особенности, обусловленной полом, невольно задаешься вопросом: а сколько лекарств, *действующих* на женщин, отметается на первом этапе испытаний только потому, что они *не действуют* на мужчин?

Если как следует покопаться в цифрах, возникает еще один вопрос, на который у авторов статьи нет ответа. Проводились ли испытания препаратов на женщинах в различные фазы менструального цикла? По всей вероятности, нет – ведь большинство лекарств так не тестируют. Если женщины вообще участвуют в испытаниях, то, как правило, в ранней, фолликулярной фазе цикла, когда уровень гормонов в крови минимальный, – то есть когда организм женщины ближе всего к мужскому. Это делается для того, чтобы «минимизировать возможное воздействие эстрадиола и прогестерона на результаты испытаний»[846]. Но клинические испытания – это одно, а жизнь – другое, и в реальности эти проклятые гормоны обязательно будут влиять на действие лекарства. На данный момент уже есть подтверждения того, что антипсихотические средства, антибиотики, а также антигистаминные и сердечные препараты в разных фазах менструального цикла действуют по-разному[847]. Уже установлено, что это относится и к некоторым антидепрессантам. Значит, в одной фазе цикла назначенная доза препарата может оказаться слишком высокой, а на другой – слишком низкой[848]. Кроме того, от фазы цикла зависит и вероятность возникновения нарушений сердечного ритма, вызываемых некоторыми лекарственными средствами[849]. Опаснее всего с этой точки зрения первая половина цикла[850]. Последствия отказа от учета этих особенностей женского организма могут оказаться фатальными.

---

[843] Там же.

[844] Там же.

[845] Там же.

[846] Bruinvels, G. et al. (2016), 'Sport, exercise and the menstrual cycle: where is the research?', *British Journal of Sports Medicine*, 51:6, 487–488.

[847] Zopf, Y. et al. (2008), 'Women encounter ADRs more often than do men', *European Journal of Clinical Pharmacology*, 64:999.

[848] https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC198535/.

[849] Soldin, Offie P., Chung, Sarah H. and Mattison, Donald R. (2011), 'Sex Differences in Drug Disposition', *Journal of Biomedicine and Biotechnology*, 2011:187103; Anderson, Gail D. (2005), 'Sex And Racial Differences In Pharmacological Response: Where Is The Evidence? Pharmacogenetics, Pharmacokinetics, and Pharmacodynamics', *Journal of Women's Health*, 14:1, https://www.liebertpub.com/doi/10.1089/jwh.2005.14.19.

[850] Anderson (2005).

Наконец, авторы статьи не рассматривают ряд лекарственных препаратов, которые, возможно, способны помочь женщинам, но не имеют шансов дойти до этапа клинических испытаний на людях, будучи забракованными уже на этапах клеточных исследований и испытаний на животных. Не исключено, что количество таких препаратов весьма значительно. Вот уже почти 50 лет постоянно сообщается, что на самцов и самок лекарства действуют по-разному, но тем не менее автор статьи 2007 г. пишет, что в 90 % статей по фармакологии речь идет об испытаниях, проводившихся исключительно на самцах[851]. Авторы статьи 2014 г. установили, что в ходе 22 % исследований, проводимых на животных, данные не разбиваются по половому признаку, а 80 % испытаний, в которых пол животных указывается, проводятся только на самцах[852].

Возможно, самое обидное в связи с нехваткой гендерных данных – то, что самок, оказывается, не используют даже в исследованиях заболеваний, которыми страдают преимущественно женщины. Например, женщины страдают депрессией на 70 % чаще мужчин, но исследования мозговых нарушений в пять раз чаще проводятся на самцах, чем на самках[853]. Авторы вышеупомянутой статьи 2014 г. пишут, что в общем количестве исследований, посвященных заболеваниям, чаще встречающимся у женщин, доля испытаний, в которых указывался пол животных, составляла 44 %, и из них только 12 % проводилось на самках[854]. Даже если испытания проводятся на животных обоих полов, данные не всегда анализируются в разбивке по половому признаку. Так, авторы статьи 2017 г. указывают, что этого не делалось в двух третях исследований, проводимых на животных обоих полов[855]. И это, по мнению авторов, не имеет значения? Особенно учитывая, что все в той же статье 2007 г., посвященной исследованиям на животных, подчеркивается, что в ходе тех немногих тестов на крысах и мышах, которые проводились на животных обоих полов, в 54 % случаев были выявлены различия в действии лекарств в зависимости от пола подопытного животного[856].

Эти обусловленные половой принадлежностью различия могут быть весьма существенными. Доктор наук Тами Мартино изучает влияние циркадных ритмов на болезни сердца. В 2016 г. на лекции в Британском физиологическом обществе она рассказала об одном недавнем поразительном открытии. Исследование, которое она провела вместе со своей командой, показало, что при инфаркте миокарда вероятность благоприятного исхода зависит от того, в какое время суток он случился. В дневные часы инфаркт вызывает в числе прочего более сильный иммунный и, в частности, нейтрофильный ответ (нейтрофилы – разновидность белых кровяных телец, которые обычно первыми реагируют на травму), и этот ответ коррелирует с вероятностью благоприятного исхода. Это открытие долгие годы многократно проверялось на множестве различных животных, пока, по словам Тами Мартино, не вошло в научную литературу как «золотой стандарт выживаемости».

Поэтому Тами Мартино и ее команда «были весьма озадачены», когда в 2016 г. другая группа исследователей опубликовала работу, в которой также шла речь о том, что инфаркт, случившийся в дневное время, вызывает более сильный нейтрофильный ответ, но при этом утверждалось, что в таком случае шансы на благоприятный исход *снижаются*. Ей пришлось долго чесать в затылке, пока она не поняла, в чем его единственное отличие от множества более ранних исследований: оно проводилось не на мышах-самцах, а на самках. Стоило только изменить пол подопытных животных, как был получен противоположный результат.

---

[851] Hughes (2007).

[852] Yoon, Dustin Y. et al. (2014), 'Sex bias exists in basic science and translational surgical research', *Surgery*, 156:3, 508–16.

[853] https://archive.thinkprogress.org/scientists-avoid-studying-womens-bodies-because-they-get-periods-3fe9d6c39268/.

[854] Yoon et al. (2014).

[855] Karp (2017).

[856] Hughes (2007).

Что касается клеточных исследований, то обзор статей в десяти журналах по сердечно-сосудистым заболеваниям за 2011 г. показывает, что 69 % исследований, в которых был указан пол, проводились только на мужских клетках[857]. Оговорка об указании пола очень важна: анализ 645 статей, посвященных клиническим исследованиям сердечно-сосудистых заболеваний (всех статей по этой теме, опубликованных в авторитетных журналах) за 2007 г., говорит о том, что только в 24 % публикаций были представлены результаты в разбивке по половому признаку[858]. Анализ пяти ведущих хирургических журналов за 2014 г. позволяет сделать вывод, что в 76 % клеточных исследований пол не указывался, а когда это делалось, то в 71 % случаев исследования проводились только на мужских клетках; лишь в 7 % случаев были представлены результаты в разбивке по половому признаку[859]. И опять-таки, даже если речь шла о заболеваниях, чаще встречающихся у женщин, некоторые исследователи работали «исключительно» с клетками с X- и Y-хромосомами[860].

Как и в ходе исследований на животных и людях, в процессе клеточных исследований при анализе данных в разбивке по половому признаку обнаруживались серьезные расхождения. Долгие годы ученые ломали голову над причиной непредсказуемости результатов трансплантации стволовых клеток для регенерации мышечных волокон (в одних случаях травмированные мышцы регенерировали, в других – нет), пока не поняли, что клетки вели себя вполне предсказуемо, – просто женские клетки способствовали регенерации мышц, а мужские – нет. Возможно, более серьезные последствия для здоровья женщин имело открытие в 2016 г. половых различий в реакции клеток на эстроген. В ходе исследования[861] мужские и женские клетки подвергли воздействию этого гормона, а затем заразили их вирусом. Только женские клетки отреагировали на эстроген и начали бороться с вирусом. Это многообещающее открытие неизбежно подводит нас к вопросу о том, сколько женщин осталось без нужных лекарств из-за того, что эти последние не действовали на мужские клетки, на которых (и только на которых) они испытывались.

В свете всех этих фактов трудно понять, как можно по-прежнему настаивать на том, что пол не имеет значения. Напротив, очевидно, что Джеффри Могил, нейробиолог из Университета Макгилла, был совершенно прав, заявив на заседании Организации по изучению гендерных различий[862], что отказ проводить исследования на представителях обоих полов «с самого начала работы» – «не только идиотизм с научной точки зрения и пустая трата средств, но и вопрос этики»[863]. Тем не менее женщины по-прежнему редко участвуют в медицинских исследованиях, и сегодня трудно даже представить, что их доля в общей численности участников исследований, посвященных преимущественно женским заболеваниям, когда-нибудь станет адекватной. Когда выяснилось, что «виагра для женщин»[864], производство которой с большой помпой началось в 2015 г., может привести к негативным последствиям в сочетании с алкоголем (как знает большинство читателей, алкоголь по-разному усваивается мужчинами и женщинами[865]), компания Sprout Pharmaceuticals, выпускающая препарат, естественно, решила про-

[857] Yoon et al. (2014).

[858] Там же.

[859] Там же.

[860] Ortona, Elena, Delunardo, Federica, Baggio, Giovannella and Malorni, Walter (2016), ‘A sex and gender perspective in medicine: A new Mandatory Challenge For Human Health’, *Ann Ist Super Sanita*, 52:2, 146–8.

[861] J. Peretz et al. (2016), ‘Estrogenic compounds reduce influenza A virus in primary human nasal epithelial cells derived from female, but not male, donors’, *American Journal of Physiology*, 310:5, 415–425.

[862] Организация по изучению гендерных различий (Organization for the Study of Sex Differences, OSSD) – исследовательская организация, деятельность которой нацелена на изучение половых и гендерных различий на базе междисциплинарных исследований и взаимодействия между учеными и клиницистами.

[863] http://protomag.com/articles/pain-women-pain-men.

[864] https://www.newscientist.com/article/dn28064-female-viagra-has-beenapproved-heres-what-you-need-to-know/.

[865] Anderson (2005); Whitley, Heather P. and Lindsey, Wesley (2009), ‘Sex-Based Differences in Drug Activity’, *American Family*

вести испытания, для участия в которых пригласила 23 мужчин и двух женщин[866]. При этом полученные результаты не были разбиты по половому признаку.

Компания Sprout Pharmaceuticals не единственная, кто так поступает. Несколько обзоров статей, опубликованных в крупных журналах за последние десять лет, показали, что в большинстве случаев исследователи не представляли результаты в разбивке по половому признаку и не объясняли, почему игнорировали гендерные различия[867]. Аудиторская проверка отчетности FDA, проведенная в 2001 г. Главным бюджетно-контрольным управлением США[868], показала, что примерно в трети отчетов результаты испытаний не были разбиты по половому признаку, а в 40 % даже не был указан пол участников.

Аудиторы пришли к выводу, что FDA «неэффективно контролировало представление и анализ данных, полученных в ходе разработки лекарственных средств и касающихся половых различий»[869]. Этот вывод подтвердился в 2007 г. результатами анализа новых заявок на лекарства, поданных в FDA, выявившего несоблюдение авторами заявок стандартов анализа данных[870]. В 2015 г. Счетная палата США раскритиковала Национальные институты здоровья США[871] за неспособность эффективно контролировать учет в исследованиях всех половых различий[872]. С испытаниями, финансируемыми из неправительственных источников (а таких большинство), дело обстоит еще хуже. Проверка учета половых различий при анализе результатов исследований в области сердечно-сосудистых заболеваний, проведенная в 2014 г., показала, что из 61 испытания, финансируемого Национальными институтами здоровья США, данные анализировались с учетом половых различий только в ходе 31 испытания. Из 567 испытаний, финансируемых из других источников, такой анализ проводился лишь в ходе 125[873].

Отсутствие данных в разбивке по половому признаку влияет на качество медицинских рекомендаций женщинам. В 2011 г. Всемирный фонд исследований рака пожаловался на то, что только в 50 % исследований, посвященных влиянию рациона питания на рак, в которых участвовали и мужчины, и женщины, результаты были разбиты по половому признаку. Это затрудняет разработку основных принципов питания для профилактики рака, эффективных для представителей обоих полов[874]. Например, из-за потери мышечной массы женщины с возрастом должны потреблять больше белка, чем мужчины, но «оптимальное количество белка, которое пожилым женщинам необходимо потреблять за один прием пищи для поддержки синтеза протеина в мышцах, не определено»[875].

Отсутствие разбивки данных по половому признаку даже в тех исследованиях, в число участников которых входили и мужчины, и женщины, вызывает недоумение, не говоря уже о том, что из-за этого, по словам Лонды Шибингер из Стэнфордского университета, исследо-

---

Physician, 80:11 (December 2009), 1254–8.

866 https://www.accessdata.fda.gov/drugsatfda_docs/label/2015/022526REMS.pdf.

867 https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4800017; https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/20799923; Howard, Louise M., Ehrlich, Anna M., Gamlen, Freya and Oram, Sian (2017), 'Gender-neutral mental health research is sex and gender biased', Lancet Psychiatry, 4:1, 9–11.

868 Главное бюджетно-контрольное управление США (General Accounting Office, GAO) – так до 2004 г. называлась Счетная палата США (Government Accountability Office, GAO).

869 Marts and Keitt (2004).

870 Parekh, A., Sanhai, W., Marts, S. and Uhl, K. (2007), 'Advancing women's health via FDA Critical Path Initiative', *Drug Discovery Today: Technologies*, 4:2.

871 Национальные институты здоровья (National Institutes of Health, NIH) – учреждение в структуре Министерства здравоохранения США, включающее 27 институтов и исследовательских центров и занимающееся исследованиями в области здравоохранения и биомедицины.

872 http://www.nature.com/news/infections-reveal-inequality-between-the-sexes-1.20131?WT.mc_id=TWT_NatureNews.

873 Yoon et al. (2014).

874 http://genderedinnovations.stanford.edu/case-studies/colon.html#tabs-2.

875 Devries, Michaela C. (2016), 'Sex-based differences in endurance exercise muscle metabolism: impact on exercise and nutritional strategies to optimize health and performance in women', *Experimental Physiology*, 101:2, 243–9.

вания превращаются в «пустую трату денег и делаются непригодными для метаанализа»[876]. Поскольку в целом доля женщин среди испытуемых чрезвычайно низка, метаанализ имеет огромное значение.

Опубликованный в 2014 г. обзор базы данных FDA по испытаниям систем для сердечной ресинхронизирующей терапии (СРТ) (по сути, представляющих собой усовершенствованные кардиостимуляторы) показал, что доля женщин в общем числе испытуемых не превышала 20 %[877]. Количество женщин, участвовавших в каждом отдельном испытании, было настолько незначительным, что разбивка данных по половому признаку не выявила статистически значимых расхождений. Но когда авторы обзора проанализировали результаты испытаний в совокупности, разбив их по половому признаку, обнаружилось нечто, что заставило их насторожиться.

Системы для СРТ используются для коррекции нарушений проведения импульса в проводящей системе сердца. Их имплантируют при ХСН, и они, по сути, представляют собой уменьшенные дефибрилляторы (которые большинство из нас не раз видело в фильмах, где фигурируют реанимационные отделения больниц). Они производят своего рода жесткую перезагрузку сердца, с помощью электрошока корректируя нерегулярный сердечный ритм и нормализуя работу органа. Один врач, с которым я говорила, назвал системы для СРТ устройствами, «снимающими симптомы». Они не лечат, но позволяют предотвратить внезапную смерть пациента. Если время сокращения желудочков вашего сердца превышает 150 мс, вам пора ставить такую систему. Если желудочки сокращаются быстрее, устройство не нужно.

Оно не нужно, если только (как показал метаанализ) вы не женщина. Пороговое значение для мужчин – 150 мс, но для женщин оно на 20 мс ниже. Казалось бы, совсем немного, но метаанализ показал, что при установке систем для СРТ у женщин с показателями от 130 до 149 мс вероятность появления симптомов ХСН или летальных исходов снижалась на 76 %. При установке усовершенствованных кардиостимуляторов число летальных исходов также снижалось на 76 %. Однако, в соответствии с официальными рекомендациями, этим женщинам не была показана установка таких кардиостимуляторов. Причина заключалась в том, что испытания проводились на мужчинах, чей организм рассматривался как «универсальный человеческий». Женщины рассматривались как исключение из правил, и в результате многие из них оказались приговоренными к ХСН и смерти, которые можно было предотвратить.

Системы для СРТ – далеко не единственные медицинские устройства, не помогающие женщинам, что неудивительно, учитывая результаты обзора базы данных FDA по испытаниям систем для СРТ 2014 г., которые показали, что только в ходе 14 % испытаний разрешенных к использованию медицинских устройств половая принадлежность участников рассматривалась в качестве ключевого критерия оценки результатов и только в 4 % отдельно анализировались результаты для женщин[878]. Авторы статьи, опубликованной в 2010 г., обнаружили, что «при установке кардиостимулятора риск серьезных осложнений для женщин выше, чем для мужчин, причем независимо от возраста пациентов и марки устройства»[879]. Созданное в 2013 г. и считающееся принципиально новым искусственное сердце оказалось слишком громоздким для женщин[880]. Конструкторы работают над уменьшенной версией, и это не может не радовать.

---

[876] Schiebinger (2014).

[877] Zusterzeel, R. et al. (2014), 'Cardiac Resynchronization Therapy in Women: US Food and Drug Administration Meta-analysis of Patient-Level Data', *JAMA Internal Medicine*, 174:8, 1340–8.

[878] Woodruff, Teresa K. (2014), 'Sex, equity, and science', *PNAS*, 111:14, 5,063–4.

[879] Nowak, Bernd et al. (2010), 'Do gender differences exist in pacemaker implantation? – results of an obligatory external quality control program', *Europace*, 12, 210–15.

[880] http://www.smithsonianmag.com/innovation/the-worlds-first-true-artificial-heart-now-beats-inside-a-75-year-old-patient-180948280/?no-ist.

Поразительно, однако, другое: как и в случаях с другими искусственными сердцами[881], к разработке нового «женского» сердца приступили лишь спустя годы после создания «мужского», считающегося «универсальным человеческим».

Даже такая простая вещь, как рекомендации по выполнению профилактических упражнений, базируется на результатах исследований, содержащих «мужской перекос». Если вы захотите выяснить, способствуют ли силовые упражнения предотвращению сердечных заболеваний, то найдете множество работ, предупреждающих об опасности таких упражнений при повышенном кровяном давлении[882]. Это в значительной степени связано с мнением, что силовые упражнения, в отличие от аэробных, не способствуют снижению давления и что они повышают ригидность артерий.

Все это правда – для мужчин, которые, как всегда, составляли большинство участников испытаний. Результаты исследований, посвященных женщинам, говорят о том, что эта рекомендация не является гендерно нейтральной. Так, авторы статьи, опубликованной в 2008 г., обнаружили, что у женщин силовые упражнения не только в большей степени способствуют снижению кровяного давления, чем у мужчин, но и не ведут к такому же, как у них, повышению ригидности артерий[883]. Это важное открытие, потому что с годами кровяное давление у женщин становится выше, чем у мужчин того же возраста, и повышенное кровяное давление у них чаще становится причиной смерти от сердечно-сосудистых заболеваний, чем у мужчин. По сути, риск умереть от ишемической болезни сердца с каждым повышением кровяного давления на 20 мм рт. ст. сверх нормального уровня у женщин растет вдвое быстрее, чем у мужчин. Это также важно, потому что наиболее часто используемые препараты для снижения давления менее эффективны для женщин, чем для мужчин[884].

Итак, суммируем: препараты для снижения давления (испытываемые на мужчинах) действуют на женщин не столь эффективно, как на представителей сильного пола, зато силовые упражнения творят чудеса. Вот только мы, к сожалению, не знали этого, потому что все исследования проводились на мужчинах. Стоит ли говорить о том, что силовые упражнения также способствуют предотвращению остеопении и остеопороза – заболеваний, которыми женщины часто страдают после наступления менопаузы.

Другие рекомендации, страдающие «мужским перекосом», касаются пользы интервальных тренировок высокой интенсивности для страдающих сахарным диабетом. Такие тренировки женщинам не помогают[885] (мы не знаем почему, но, возможно, дело в том, что женщины во время упражнений сжигают больше жиров, чем углеводов)[886]. Мы очень мало знаем о том, как женщины реагируют на ушибы, полученные во время занятий спортом[887], «несмотря на то, что женщины, занимающиеся сопоставимыми видами спорта, страдают от ушибов чаще мужчин и восстанавливаются дольше»[888]. Изометрические упражнения женщины переносят лучше мужчин (что важно для реабилитации после травм), поскольку у мужчин и женщин разные

---

[881] http://www.syncardia.com/medical-professionals/two-sizes-70cc-50cc.html.

[882] Sardeli, Amanda Veiga and Chacon-Mikahil, Mara Patricia T. (2016), 'Exercise-Induced Increase as a Risk Factor for Central Arterial Stiffness', Journal of Archives in Military Medicine; http://circ.ahajournals.org/content/110/18/2858; http://www.medscape.com/viewarticle/728571; https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/22267567.

[883] Collier, Scott R. (2008), 'Sex Differences in the Effects of Aerobic and Anaerobic Exercise on Blood Pressure and Arterial Stiffness', *Gender Medicine*, 5:2.

[884] Там же.

[885] Devries (2016).

[886] Tarnopolsky, M. A. (2008), 'Sex Differences in Exercise Metabolism and the Role of 17-Beta Estradiol', *Medicine and Science in Sports and Exercise*, 40:4, 648–54.

[887] Dick, R. W. (2009), 'Is there a gender difference in concussion incidence and outcomes?', *British Journal of Sports Medicine*, 43, Suppl. I, i46–i50, DOI: 10.1136/bjsm.2009.058172.

[888] https://archive.thinkprogress.org/scientists-avoid-studying-womens-bodies-because-they-get-periods-3fe9d6c39268/.

соотношения типов мышечных волокон, но мы «мало знаем об этом различии», так как «публикаций об исследованиях в этой области недостаточно»[889].

Если даже такое примитивное медицинское устройство, как пузырь со льдом, по-разному действует на мужчин и женщин, очевидно, что женщин следует включать в число участников исследований в области спортивной медицины в той же пропорции, что и мужчин[890]. Но этого не делается[891]. Ученые продолжают исследовать только мужчин и делать вид, что полученные результаты относятся и к женщинам. В 2017 г. британские СМИ раструбили о результатах исследования, проведенного Лафборским университетом[892], якобы показавших, что горячая ванна обладает противовоспалительным действием и так же снижает уровень сахара в крови, как и физические упражнения[893]. Среди участников исследования, которому журнал *Temperature* посвятил статью с подзаголовком «Новый метод лечения заболеваний, связанных с обменом веществ?» (A possible treatment tool for metabolic diseases?), не было ни одной женщины.

Мы знаем, что у мужчин и женщин разные механизмы обмена веществ. Мы знаем, что сахарный диабет – одно из заболеваний, для лечения которых вышеуказанное открытие якобы имеет особое значение, – также по-разному проявляется у мужчин и женщин[894] и что для женщин он является более серьезным фактором риска развития сердечно-сосудистых заболеваний, чем для мужчин[895]. Однако, несмотря на это, авторы работы последовательно игнорируют половые различия. При этом они ссылаются на исследования, проводившиеся на животных, – тоже исключительно на самцах. Самое удивительное, что в разделе, посвященном «недостаткам данного исследования», они напрочь забыли указать на такой его недостаток, как то, что оно проводилось только на самцах, посетовав лишь на «относительно небольшой размер выборки».

Попытки заставить исследователей обеспечивать адекватное участие женщин в медицинских исследованиях предпринимались не раз. С 1993 г., когда в США был принят Закон об активизации деятельности Национальных институтов здоровья (National Institute of Health Revitalization Act of 1993), включение женщин в число участников клинических испытаний, финансируемых из федерального бюджета, стало обязательным. В Австралии аналогичные правила были установлены для исследований, финансируемых Национальным советом по здоровью и медицинским исследованиям, предоставляющим большинство исследовательских грантов в этой области[896]. В ЕС пошли еще дальше – там и доклинические исследования должны проводиться на животных обоих полов. В США эта норма не работала до января 2016 г.[897], пока Национальные институты здоровья не ввели обязательную разбивку результа-

---

[889] Hunter, Sandra K. (2016), 'Sex differences in fatigability of dynamic contractions', *Experimental Physiology*, 101:2, 250–5.

[890] Jutte, Lisa S., Hawkins, Jeremy, Miller, Kevin C., Long, Blaine C. and Knight, Kenneth L. (2012), 'Skinfold Thickness at 8 Common Cryotherapy Sites in Various Athletic Populations', *Journal of Athletic Training*, 47:2, 170–7.

[891] Costello, Joseph T., Bieuzen, Francois and Bleakley, Chris M. (2014), 'Where are all the female participants in Sports and Exercise Medicine research?', *European Journal of Sport Science*, 14:8, 847–51; https://www.sciencenews.org/blog/scicurious/women-sports-are-often-underrepresented-science.

[892] Faulkner, S. H., Jackson, S., Fatania, G. and Leicht, C. A. (2017), 'The effect of passive heating on heat shock protein 70 and interleukin-6: A possible treatment tool for metabolic diseases?', *Temperature*, 4, 1–13.

[893] https://theconversation.com/a-hot-bath-has-benefits-similar-to-exercise-74600; http://www.huffingtonpost.com/entry/hot-bath-may-have-similarbenefits-as-exercise_us_58d90aa8e4b03692bea7a930.

[894] Gender and Health Knowledge Agenda', May 2015 (ZonMw, Netherlands); https://www.health.harvard.edu/heart-health/gender-matters-heart-disease-risk-in-women; Dallongeville, J. et al. (2010), 'Gender differences in the implementation of cardiovascular prevention measures after an acute coronary event', *Heart*, 96, 1744–9.

[895] Gender and Health Knowledge Agenda', May 2015 (ZonMw, Netherlands).

[896] https://theconversation.com/medicines-gender-revolution-how-womenstopped-being-treated-as-small-men-77171.

[897] https://orwh.od.nih.gov/clinical/women-and-minorities/.

тов финансируемых ими исследований по половому признаку и их анализа с учетом половых различий (если нет веских причин не делать этого)[898].

Среди других внушающих оптимизм тенденций можно отметить и усилия Германского эпидемиологического общества, которое уже более десяти лет требует от ученых обосновывать включение в эксперименты, результаты которых касаются и мужчин, и женщин, представителей только одного пола[899]. Обнадеживает и введение в 2012 г. аналогичных правил Канадскими институтами медицинских исследований[900], а также требование обязательно включать в план исследований вопросы, связанные с половыми и гендерными различиями. Некоторые академические журналы также требуют от авторов публикаций гендерной информации – например, о половой принадлежности участников клинических испытаний[901].

Позади всех плетется Великобритания, где главные спонсоры медицинских исследований «не налагают на получателей грантов никаких серьезных обязательств, касающихся рассмотрения гендерных вопросов, и не требуют учета гендерных различий при разработке плана исследований и анализа результатов»[902]. Несмотря на более высокий риск развития сердечно-сосудистых заболеваний и более высокую смертность от них у женщин[903], научные исследования в области ишемической болезни сердца у мужчин в Соединенном Королевстве финансируются значительно лучше, чем исследования этого заболевания у женщин. На самом деле в Великобритании проводится так мало гендерных клинических исследований, что Анита Холдкрофт, почетный профессор Имперского колледжа Лондона, рекомендует при лечении сердечно-сосудистых заболеваний «опираться на исследования, проводимые в Северной Америке и Европе, где эти вопросы изучены лучше»[904].

Ситуация в Великобритании оставляет желать лучшего, но серьезные проблемы стоят и перед всеми другими странами. Во-первых, рассмотренные выше свидетельства недостаточного участия женщин в клинических испытаниях говорят о том, что государство не в состоянии обеспечить строгое соблюдение соответствующих требований. Это подтверждается результатами анализа деятельности Национальных институтов здоровья США. Спустя четыре года после того, как это ведомство ввело требование обязательного включения женщин в число участников клинических испытаний, был опубликован доклад Счетной палаты США, в котором Национальные институты здоровья критиковались за «отсутствие доступного источника демографических данных об участниках финансируемых ими испытаний», что заставляло усомниться в том, следят ли Национальные институты здоровья за выполнением собственных рекомендаций[905]. В 2015 г. Счетная палата США снова сообщила, что Национальные институты здоровья «плохо обеспечивают соблюдение правил, согласно которым в число участников клинических испытаний должны включаться представители обоих полов»[906].

Во-вторых, остается много лазеек для американских производителей лекарств, не желающих тратить лишние деньги и усложнять себе жизнь, включая женщин с их непредсказуемыми гормонами в число участников клинических испытаний, где требуется точность и аккуратность. А поскольку требование включать женщин касается только испытаний, финансируемых Национальными институтами здоровья, независимые производители могут делать все что

[898] https://orwh.od.nih.gov/sites/orwh/files/docs/NOT-OD-15-102_Guidance.pdf.

[899] Yoon et al. (2014).

[900] Канадские институты медицинских исследований (Canadian Institutes of Health Research, CIHR) – финансируемый государством орган, занимающийся поддержкой исследований и инноваций в области здравоохранения.

[901] Rees, Teresa (2011), 'The Gendered Construction of Scientific Excellence', *Interdisciplinary Science Reviews*, 36:2, 133–45.

[902] Howard, Ehrlich, Gamlen and Oram (2017).

[903] Holdcroft (2007).

[904] Там же.

[905] Marts and Keitt (2004).

[906] http://www.nature.com/news/infections-reveal-inequality-between-the-sexes-1.20131?WT.mc_id=TWT_NatureNews.

хотят. Именно так они и поступают, и тому есть множество подтверждений. Так, авторы статьи, опубликованной в 2016 г., пишут, что «в ходе отраслевого обследования было обнаружено, что четверть производителей лекарственных препаратов не привлекали к клиническим испытаниям достаточного количества женщин-добровольцев»[907]. Что касается испытаний дженериков, то FDA устанавливает для них не правила, а только «общие принципы», которые, как мы видели, постоянно нарушаются. Если же говорить о клеточных исследованиях, то требование Национальных институтов здоровья США включать в число объектов изучения женские клетки к ним вообще не относится.

Далее, разумеется, возникает еще один вопрос: а как быть с лекарствами, разработанными ранее, до принятия указанных требований? Ежегодно около 3 млн женщин принимают валиум, назначаемый при самых разных состояниях и заболеваниях – от повышенной тревожности до эпилепсии. Десятки лет его активно рекламировали и продавали женщинам[908]. Однако, как указывает Лонда Шибингер в статье, опубликованной в 2003 г.[909], эти таблеточки – «маленькие мамины помощницы» – никогда не подвергались рандомизированным клиническим испытаниям с участием женщин. Опрос, проведенный в 1992 г. Главным бюджетно-контрольным управлением США (этим сторожевым псом конгресса), показал, что лишь менее половины часто назначаемых лекарств проходило испытания с учетом половых различий[910]. В голландской работе 2015 г. подчеркивается, что «мы ничего не знаем о том, как многие ранее разработанные лекарства действуют именно на женщин»[911].

Нам предстоит пройти долгий путь, но мы должны срочно начать латать информационные дыры – ведь пока они существуют, женщины (которые в США потребляют около 80 % лекарственных препаратов)[912] продолжают умирать. Некоторые лекарства, используемые для быстрого растворения тромбов при инфаркте, у женщин могут вызывать «серьезные кровотечения»[913]. Препараты, часто назначаемые для снижения кровяного давления, снижают смертность от инфаркта миокарда у мужчин, но, как оказалось, приводят к росту смертности от сердечно-сосудистых заболеваний у женщин[914]. Статины, регулярно назначаемые во всех странах мира для профилактики сердечных заболеваний, испытывались главным образом на мужчинах и, как показали недавние исследования, проведенные в Австралии, в больших дозах повышают риск развития сахарного диабета[915], который, в свою очередь, является более серьезным фактором риска развития сердечно-сосудистых заболеваний у женщин, чем у мужчин[916]. В 2000 г. FDA запретило производителям лекарств использовать фенилпропаноламин – препарат, входящий в состав многих лекарств, продаваемых без рецепта, – из-за сообщений о том, что он повышает риск кровоизлияния в мозг и мозговые ткани (у женщин, но не у мужчин)[917]. У женщин также чаще, чем у мужчин, развивается острая печеночная недостаточность[918], вызванная приемом лекарств, а некоторые лекарства от ВИЧ дают побочные эффекты в шесть – восемь раз чаще, чем у мужчин[919].

---

907 Ortona, Delunardo, Baggio and Malorni (2016).

908 http://www.goretro.com/2014/08/mothers-little-helper-vintage-drug-ads.html.

909 https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC198535/.

910 Там же.

911 Gender and Health Knowledge Agenda', May 2015 (ZonMw, Netherlands).

912 https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC198535.

913 Там же.

914 Там же.

915 http://www.ajmc.com/newsroom/women-taking-stains-faced-increased-diabetes-risk.

916 https://www.health.harvard.edu/heart-health/gender-matters-heart-disease-risk-in-women.

917 Pollitzer (2013).

918 https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4800017/.

919 Whitley and Lindsey (2009).

В 2014 г. FDA представило базу данных по побочным эффектам препаратов за период с 2004 г. по 2013 г. Оказалось, что женщины страдают от побочного действия лекарств чаще мужчин. За указанный период было зафиксировано 2 млн случаев нежелательных реакций на препараты у женщин и менее 1,3 млн случаев – у мужчин[920]. Хотя смертность от побочного действия лекарств у мужчин и женщин примерно одинакова, у женщин смерть занимает лишь девятое место в списке наиболее распространенных побочных эффектов препаратов (у мужчин – первое). Второй (после тошноты) наиболее распространенный побочный эффект, от которого страдают женщины, – отсутствие действия препарата. Данных по количеству смертей из-за недействующих препаратов у нас нет, но мы знаем, что женщин чаще, чем мужчин, госпитализируют из-за побочных эффектов препаратов[921] и что они чаще страдают сразу от нескольких таких эффектов[922]. Исследование, проведенное в США в 2001 г., показало, что 80 % препаратов, недавно запрещенных к продаже, вызывали больше побочных реакций у женщин[923], чем у мужчин, а результаты анализа, проведенного в 2017 г., показывают, что «значительное число» лекарств и медицинских устройств, запрещенных FDA, также создавали больший риск для женщин[924].

Ничто из этого не должно нас удивлять, потому что, несмотря на очевидные половые различия, подавляющее большинство лекарств, включая анестезирующие и химиотерапевтические средства[925], по-прежнему назначают в гендерно нейтральных дозах[926], из-за чего женщины подвергаются риску передозировки[927]. Во-первых, содержание жира в организме женщин, как правило, выше, чем у мужчин. Во-вторых, в жировую ткань у них поступает больше крови (у мужчин лучше снабжаются кровью скелетные мышцы). В сочетании эти два фактора способны серьезно повлиять на метаболизм некоторых препаратов[928]. Так, ацетаминофен (содержащийся во многих болеутоляющих средствах) выводится из женского организма приблизительно на 40 % медленнее, чем из мужского[929]. Половые различия в метаболизме препаратов отчасти объясняются разной мышечной массой (чем она меньше, тем ниже скорость обмена веществ)[930], но они могут быть вызваны и другими причинами, такими как половые различия между почечными ферментами[931], содержание в желчи желчных кислот (у женщин оно ниже)[932] и активность кишечных ферментов[933]. Время кишечного транзита у мужчин вдвое меньше, чем у женщин, поэтому перед приемом лекарств, лучше усваивающихся на пустой желудок, женщинам приходится ждать после еды дольше, чем мужчинам[934]. Скорость клубочковой фильтрации у мужчин выше, чем у женщин, поэтому «может потребоваться корректи-

---

920 https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2014/06/07/bad-medicine-the-awful-drug-reactions-americans-report/?utm_term=.1a7067d-40dce.

921 Tharpe, N. (2011), 'Adverse Drug Reactions in Women's Health Care', *Journal of Midwifery & Women's Health*, 56, 205–13.

922 https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2014/06/07/bad-medicine-the-awful-drug-reactions-americans-report/?utm_term=.1a7067d-40dce.

923 Marts and Keitt (2004).

924 Carey, Jennifer L. et al. (2017), 'Drugs and Medical Devices: Adverse Events and the Impact on Women's Health', *Clinical Therapeutics*, 39:1.

925 Yoon et al. (2014).

926 'Gender and Health Knowledge Agenda', May 2015 (ZonMw, Netherlands) 134 https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC198535/.

927 https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC198535/.

928 https://www.hindawi.com/journals/bmri/2011/187103/.

929 Там же.

930 Anderson (2005).

931 Wang, Lishi et al. (2017), 'Sex Differences in Hazard Ratio During Drug Treatment of Non-small-cell Lung Cancer in Major Clinical Trials: A Focused Data Review and Meta-analysis', *Clinical Therapeutics*, 39:1.

932 Ibarra, Vazquez and Fagiolino (2017).

933 Whitley and Lindsey (2009).

934 Там же.

ровка дозировки» некоторых препаратов, выводящихся из организма с мочой (например, сердечного препарата дигоксина)[935].

На протяжении тысячелетий медицина опиралась на представление, что мужской организм универсален для всех людей. В результате имеет место колоссальный дефицит данных о работе женского организма, потому что в прошлом их не собирали. Информационная дыра становится все шире, поскольку исследователи до сих пор игнорируют настоятельную этическую необходимость включения женских клеток и самок животных в число объектов исследований, а женщин – в число их участников. Тот факт, что этого не делается, хотя на дворе уже XXI в., иначе как безобразием не назовешь. О нем должны кричать газеты всего мира. Из-за него умирают женщины, а медики становятся соучастниками убийства. Пора одуматься и прекратить дискриминацию женщин.

[935] Там же.

Глава 11
Синдром Йентл

В фильме «Йентл» 1983 г. Барбра Стрейзанд играет роль еврейской девушки из Польши, которой, чтобы получить образование, приходится выдавать себя за молодого человека. Посыл фильма нашел свое отражение в медицинском жаргоне, обогатив его понятием «синдром Йентл». Этот синдром мешает ставить женщинам правильный диагноз и назначать правильное лечение, если симптомы их заболеваний отличаются от типичных мужских. В отдельных случаях синдром Йентл чреват летальным исходом.

Если я попрошу вас описать человека, у которого случился инфаркт, вы, скорее всего, нарисуете в своем воображении пожилого полноватого мужчину, хватающегося за сердце и корчащегося от боли в груди. Именно такую картинку выдаст вам и поисковик Google. Вряд ли вы подумаете о женщине, ведь сердечные заболевания – удел мужчин. Но это стереотипное представление не соответствует действительности. Проведенный недавно анализ данных по 22 млн человек, проживающих в Северной Америке, Европе, Азии и Австралии, показал, что женщины, принадлежащие к беднейшим слоям населения, страдают сердечными заболеваниями на 25 % чаще мужчин с таким же уровнем дохода[936].

С 1989 г. сердечно-сосудистые заболевания считаются главной причиной смертности женщин в США. Кроме того, смертность от инфаркта миокарда у них выше, чем у мужчин[937]. Это расхождение наблюдается с 1984 г., причем наиболее уязвимую группу населения, судя по всему, составляют молодые женщины. В 2016 г. *British Medical Journal* сообщил, что они почти вдвое чаще мужчин умирают после госпитализации с инфарктом[938]. Отчасти это объясняется тем, что врачи не выявляют женщин, входящих в группу риска. В 2016 г. Американская кардиологическая ассоциация также выразила обеспокоенность в связи с тем, что многие стандартные подходы к прогнозированию риска, «широко используемые» в работе с пациентами с острым коронарным синдромом, разрабатывались в ходе исследований, по меньшей мере две трети участников которых составляли мужчины[939]. Соответственно, эти стандарты «далеко не всегда» позволяют прогнозировать риск для женщин.

Общепринятые методы профилактики инфаркта миокарда у женщин также не всегда эффективны. Так, считается, что ацетилсалициловая кислота (аспирин) способствует предотвращению первого инфаркта у мужчин. Но в статье 2005 г. показано, что женщинам в возрасте от 45 до 65 лет этот препарат почти не помогает[940]. Авторы статьи отмечают, что до проведенного ими исследования было «мало соответствующих данных по женщинам». Более позднее исследование 2011 г. показало, что аспирин не только не помогает женщинам, но и потенциально вреден «большинству пациенток»[941]. Аналогичным образом, в ходе исследования 2015 г. было установлено, что прием аспирина в малых дозах через день «для первичной профилактики» онкологических и сердечных заболеваний «большинству женщин не только не помогает, но и вредит их здоровью»[942].

---

[936] https://www.georgeinstitute.org/media-releases/disadvantaged-womenat-greater-risk-of-heart-disease-than-men-0.

[937] https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4800017/; http://circ.ahajournals.org/content/133/9/916?sid=beb5f268-4205-4e62-be8f-3caec4c4d9b7.

[938] http://heart.bmj.com/content/102/14/1142.

[939] http://circ.ahajournals.org/content/133/9/916?sid=beb5f268-4205-4e62-be8f-3caec4c4d9b72016.

[940] Ridker, Paul M. et al. (2005), ‘A Randomized Trial of Low-Dose Aspirin in the Primary Prevention of Cardiovascular Disease in Women’, *New England Journal of Medicine*, 352, 1293–304.

[941] Johannes, A. N. et al. (2011), ‘Aspirin for primary prevention of vascular events in women: individualized prediction of treatment effects’, *European Heart Journal*, 32:23, 2962–9.

[942] Kruijsdijk, R. C. M. van et al. (2015), ‘Individualised prediction of alternateday aspirin treatment effects on the combined risk

Возможно, главная причина высокой смертности женщин от инфаркта миокарда заключается в том, что врачи часто пропускают заболевание. Исследования, проведенные в Великобритании, говорят о том, что вероятность неправильной постановки диагноза женщинам с инфарктом на 50 % выше, чем мужчинам (для некоторых видов инфаркта миокарда этот показатель достигает почти 60 %)[943]. Отчасти это связано с тем, что симптомы инфаркта у женщин часто не совпадают с теми, которые медики называют «голливудскими» (боль в груди и левом предплечье)[944]. Женщины (особенно молодые) при инфаркте, как правило, вообще не испытывают боли в груди – чаще они страдают от боли в желудке, затрудненного дыхания, тошноты и слабости[945]. Эти симптомы называют «нетипичными» – определение, против которого возражают авторы статьи в *British Medical Journal*, опубликованной в 2016 г., подчеркивая, что оно «может стать причиной недооценки риска»[946]. Не исключено, что недооценка риска является и следствием того, что, как показало исследование, проведенное в 2005 г. в США, «лишь один из пяти врачей различных специальностей знал о том, что ежегодно от сердечно-сосудистых заболеваний умирает больше женщин, чем мужчин, и большинство врачей не считало себя компетентными в лечении сердечно-сосудистых заболеваний с учетом половых различий» [947].

Нетипичны описанные выше симптомы или нет, но при некоторых видах инфаркта миокарда риск летального исхода у женщин (и опять-таки прежде всего молодых), не ощущающих боли в груди, особенно высок[948]. Поэтому особую тревогу вызывает параграф действующих рекомендаций Национальной службы здравоохранения Англии, в соответствии с которым именно «острая боль в груди в районе сердца» считается основанием для направления пациента на первичное чрескожное коронарное вмешательство (ЧКВ) в один из круглосуточных национальных специализированных центров лечения инфарктов[949]. Первичное ЧКВ – метод экстренного вмешательства для восстановления кровотока после инфаркта. По словам одного врача, с которым я говорила, оно «значительно повышает шансы пациента на выживание и благоприятный исход болезни». Но ЧКВ выполняется только в круглосуточных специализированных центрах, и, возможно, поэтому 75 % пациентов, направляемых на ЧКВ, составляют мужчины[950].

Более высокие показатели смертности женщин при инфаркте миокарда, видимо, объясняются и методами диагностики. Стандартные обследования, такие как электрокардиограмма и стресс-тест, были признаны менее показательными для женщин, чем для мужчин[951]. Авторы статьи, опубликованной в *British Medical Journal* в 2016 г., ссылаются на недавнее исследование, проведенное в Эдинбурге, которое показало, что пороговый показатель содержания в крови тропонинов (белков сердечной мышцы, поступающих в кровь после инфаркта), позволяющий диагностировать инфаркт, для женщин, возможно, ниже, чем для мужчин[952]. И речь не только о том, что «стандартные» биомаркеры непригодны для диагностики заболеваний у женщин; главное, что необходимо определить новые, специфически женские биомаркеры[953].

---

of cancer, cardiovascular disease and gastrointestinal bleeding in healthy women', *Heart*, 101, 369–76.

943 Wu, J. et al. (2016), 'Impact of initial hospital diagnosis on mortality for acute myocardial infarction: A national cohort study', *European Heart Journal*, 7:2.

944 https://www.nytimes.com/2014/09/28/opinion/sunday/womens-atypical-heart-attacks.html?_r=0.

945 http://heart.bmj.com/content/102/14/1142.

946 Там же.

947 Yoon et al. (2014).

948 http://circ.ahajournals.org/content/133/9/916?sid=beb5f268-4205-4e62-be8f-3caec4c4d9b7.

949 https://www.england.nhs.uk/wp-content/uploads/2013/06/a09-cardi-prim-percutaneous.pdf.

950 https://www.hqip.org.uk/wp-content/uploads/2018/02/national-audit-of-percutaneous-coronary-intervention-annual-public-report.pdf.

951 https://www.sciencedaily.com/releases/2016/03/160304092233.htm, 2016, March.

952 http://heart.bmj.com/content/102/14/1142 Опубликовано в сети 24 июня 2016 г.

953 https://www.sciencedaily.com/releases/2016/03/160304092233.htm, 2016, March.

Биомаркеры – это характеристики (биологические признаки – например, содержание тропонинов в крови), выступающие в качестве диагностических критериев конкретного заболевания. Обзор литературы, посвященной исследованиям половых различий, представленный в статье 2014 г., показывает, что изучение биомаркеров может оказаться весьма плодотворной областью работы[954]. К сожалению, авторы статьи констатируют, что до настоящего времени исследований в этой области проводилось недостаточно и их результаты не позволяют понять, будут ли найдены специфические женские биомаркеры.

Поскольку инфаркт миокарда у женщин может не только проявляться, но и протекать иначе, чем у мужчин, диагностические технологии тоже не всегда пригодны для исследования состояния их сердца[955]. Так, для диагностики инфаркта миокарда традиционно используют ангиографию – исследование кровеносных сосудов с помощью контрастного вещества, позволяющее выявлять нарушение проходимости артерий[956]. Но у женщин поражение артерий при инфаркте наблюдается далеко не всегда. В таких случаях ангиография не показывает никаких аномалий[957], и женщин, поступивших в больницу с жалобами на боль в груди, выписывают с диагнозом «неспецифическая боль в груди», объясняя, что у них нет серьезных заболеваний[958]. Вот только вскоре после выписки у женщин с «нормальной» ангиограммой может случиться инфаркт или инсульт[959].

Если женщине повезет и у нее верно диагностируют сердечное заболевание, ей придется пройти через еще одно испытание – курс лечения, который тоже, скорее всего, будет страдать «мужским перекосом», ведь половые различия, как правило, не укладываются в «традиционные представления медиков» и не учитываются в клинических руководствах[960]. Приведем пример. Допустим, у мужчины и женщины диагностировали аневризму аорты (аорта – главный кровеносный сосуд, по которому кровь поступает от сердца вниз в грудь и живот). Хотя утолщение аорты у обоих пациентов одинаковое, они подвергаются разному риску: у женщины риск разрыва аорты (который в 65 % случаев приводит к летальному исходу) выше, чем у мужчины[961]. Однако в нидерландских клинических руководствах показания к хирургическому вмешательству одинаковы для обоих полов[962].

Обследования, рассчитанные на мужской организм, создают проблемы и при диагностике других заболеваний, в том числе чреватых большим риском для женщин. Так, вероятность развития правостороннего рака толстой кишки у женщин выше, чем у мужчин, и он часто протекает более агрессивно[963], однако анализ фекальной крови, обычно используемый для постановки диагноза, менее показателен для женщин, чем для мужчин[964]. Кроме того, поскольку у женщин толстая кишка длиннее и уже, чем у мужчин, колоноскопия тоже не всегда помогает поставить правильный диагноз[965]. Наконец, играет свою роль и то, что ВОЗ называет «распро-

---

[954] Motiwala, Shweta R., Sarma, Amy, Januzzi, James L. and O'Donoghue, Michelle L. (2014), 'Biomarkers in ACS and Heart Failure: Should Men and Women Be Interpreted Differently?', *Clinical Chemistry*, 60:1.

[955] 'Gender and Health Knowledge Agenda', May 2015 (ZonMw, Netherlands).

[956] https://www.leru.org/files/Gendered-Research-and-Innovation-Full-paper.pdf.

[957] Там же.

[958] 'Gender and Health Knowledge Agenda', May 2015 (ZonMw, Netherlands).

[959] Schiebinger, Londa (2014), 'Gendered innovations: harnessing the creative power of sex and gender analysis to discover new ideas and develop new technologies', *Triple Helix*, 1:9.

[960] Dijkstra, A. F, Verdonk, P. and Lagro-Janssen, A. L. M. (2008), 'Gender bias in medical textbooks: examples from coronary heart disease, depression, alcohol abuse and pharmacology', *Medical Education*, 42:10, 1021–8; 'Gender and Health Knowledge Agenda', May 2015 (ZonMw, Netherlands); https://link.springer.com/article/10.1007/s10459-008-9100-z; Holdcroft (2007).

[961] Sakalihasan, N., Limet, R. and Defawe, O. D. (2005), 'Abdominal aortic aneurysm', *Lancet*, 365, 1577–89.

[962] 'Gender and Health Knowledge Agenda', May 2015 (ZonMw, Netherlands).

[963] http://genderedinnovations.stanford.edu/case-studies/colon.html#tabs-2.

[964] Там же.

[965] Там же.

страненной диагностической ошибкой», а именно недооценка важности симптомов, характерных для представителей конкретного пола, – например, вагинального кровотечения при лихорадке денге[966]. Если симптомы заболевания перечисляются в порядке частоты встречаемости у больных обоего пола, а не только одного, специфические женские симптомы воспринимаются как менее значимые, чем в реальности.

Проблемы, вызываемые этими информационными пробелами, растут как снежный ком. Взять, к примеру, туберкулез. Игнорирование социальных факторов, повышающих риск развития заболевания у женщин, в сочетании с отсутствием данных в разбивке по половому признаку может привести к фатальным последствиям[967]. Если у мужчин заболевание часто протекает в латентной форме, то у женщин – в виде активного процесса[968]. Исследования показывают, что в развивающихся странах у женщин, готовящих еду на очагах в плохо проветриваемых помещениях и использующих биотопливо (а, как мы знаем, таких женщин миллионы), нарушается работа иммунной системы, снижается сопротивляемость организма и повышается восприимчивость к инфекции[969]. В результате в мире туберкулез убивает больше женщин, чем любое другое инфекционное заболевание. Каждый год от него умирает больше рожениц, чем от всех других причин материнской смертности, вместе взятых[970]. И тем не менее это заболевание все еще часто считается «мужским», из-за чего женщин реже направляют на диагностические обследования.

Впрочем, скрининг не всегда позволяет выявить заболевание у женщин[971]. Женский иммунный ответ может отличаться от мужского, как и симптомы заболевания[972]. Исследование, выявляющее причины неправильной диагностики туберкулеза у женщин, показало, что очаговые поражения легких у них не так заметны, как у мужчин[973]. Имеются также свидетельства разной чувствительности мужчин и женщин к наиболее распространенным тестам[974]. Так, в бедных странах, где не хватает средств на проведение дорогих тестов, пациентов обычно просят покашлять, а полученную мокроту изучают под микроскопом[975]. Но женщины при туберкулезе реже страдают от мокрого кашля, чем мужчины, а если и страдают, то анализ мокроты реже дает положительный результат[976]. Кроме того, этот тест не очень эффективен и по социальным причинам. Исследование, проведенное в Пакистане, показало, что женщины стесняются выкашливать необходимые для анализа сгустки слизи, тем более что медицинские работники не объясняют, зачем это нужно. В результате женщины кашляют «всухую»[977].

Практика здравоохранения, не учитывающая социальных условий, в которых живут женщины, сводит на нет многие усилия в области профилактики заболеваний. Традиционная рекомендация использовать презервативы для предотвращения заражения ВИЧ вряд ли будет

---

966 http://www.wpro.who.int/topics/gender_issues/Takingsexandgenderintoaccount.pdf.

967 United Nations Development Programme (2015), *Discussion Paper: Gender and Tuberculosis*.

968 ACTION (Advocacy to Control TB Internationally), 'Women and Tuberculosis: Taking a Look at a Neglected Issue', ACTION, Washington DC, 2010.

969 Там же.

970 United Nations Development Programme (2015), *Discussion Paper: Gender and Tuberculosis*.

971 ACTION (Advocacy to Control TB Internationally), 'Women and Tuberculosis: Taking a Look at a Neglected Issue', ACTION, Washington DC, 2010.

972 Там же; United Nations Development Programme (2015), *Discussion Paper: Gender and Tuberculosis*.

973 ACTION (Advocacy to Control TB Internationally), 'Women and Tuberculosis: Taking a Look at a Neglected Issue', ACTION, Washington DC, 2010; United Nations Development Programme (2015), *Discussion Paper: Gender and Tuberculosis*.

974 http://www.wpro.who.int/topics/gender_issues/Takingsexandgenderintoaccount.pdf.

975 ACTION (Advocacy to Control TB Internationally), 'Women and Tuberculosis: Taking a Look at a Neglected Issue', ACTION, Washington DC, 2010.

976 United Nations Development Programme (2015), *Discussion Paper: Gender and Tuberculosis*.

977 ACTION (Advocacy to Control TB Internationally), 'Women and Tuberculosis: Taking a Look at a Neglected Issue', ACTION, Washington DC, 2010.

соблюдаться многими женщинами, чье приниженное положение в обществе не позволяет настаивать на использовании средств защиты во время полового акта. Это относится и к профилактике лихорадки Эбола, возбудители которой могут сохраняться в семенной жидкости до полугода. Для решения этой проблемы разработан специальный гель[978], но его применению препятствуют традиции «сухого секса», распространенные в ряде регионов Африки, расположенных к югу от Сахары[979]. Гель, который также играет роль лубриканта, не находит применения там, где женщины перед половым актом специально осушают вагину травами, чтобы продемонстрировать свою невинность.

Игнорирование социальных условий, в которых живут женщины, затрудняет и диагностику нарушений поведения. Много лет считалось, что мальчики страдают аутизмом в четыре раза чаще девочек и что у последних он проявляется в более серьезной форме[980]. Однако новейшие исследования показывают, что на самом деле социальные условия маскируют симптомы заболевания у девочек успешнее, чем у мальчиков. Соответственно, оказалось, что аутизмом страдают гораздо больше девочек, чем мы думали[981]. Традиционное заблуждение отчасти объяснялось диагностическими критериями аутизма, разработанными на основе исследований, проводившихся «почти исключительно на мальчиках»[982]. Исследование, проведенное в 2016 г, на Мальте, показало, что одной из главных причин неправильной диагностики заболевания у девочек был «общий “мужской перекос” в методах диагностики и клинических ожиданиях»[983]. Появляются и свидетельства того, что у некоторых девочек, страдающих анорексией, на самом деле может быть аутизм. Поскольку анорексия – симптом, нетипичный для мужчин, врачи часто не принимали его во внимание[984]. Сара Уайльд, глава Limpsfield Grange – единственной в Соединенном Королевстве финансируемой государством школы-интерната для девочек с особыми потребностями, в интервью газете *The Guardian* сказала, что «стандартные перечни симптомов и тесты рассчитаны на мальчиков и мужчин, а у девочек и женщин заболевание проявляется совершенно иначе»[985]. В то же время в недавно опубликованном проекте новых рекомендаций британской Национальной службы здравоохранения, касающихся диагностики и лечения аутизма, об особых потребностях женщин нет ни слова[986].

Те же проблемы стоят и в диагностике синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ), а также синдрома Аспергера. Обследование, проведенное в 2012 г. Национальным обществом аутизма Великобритании, показало, что всего 8 % девочек, страдающим синдромом Аспергера, диагноз был поставлен в возрасте до шести лет, в то время как для мальчиков этот показатель составлял 25 %; в возрасте до одиннадцати лет заболевание было диагностировано, соответственно, у 21 % девочек и 52 % мальчиков[987]. Доля девочек с СДВГ, которым диагноз не был поставлен вовремя, может составлять до трех четвертей. Доктор наук Эллен Литтман, автор книги «Чего хотят девочки с СДВГ» (Understanding Girls with ADHD), считает, что причина поздней постановки диагноза в том, что ранее клинические исследования СДВГ проводились на «мальчиках белой расы, отличающихся выраженной гиперактивностью». Для

[978] Schiebinger (2014).
[979] http://genderedinnovations.stanford.edu/case-studies/hiv.html#tabs-2.
[980] https://www.scientificamerican.com/article/autism-it-s-different-in-girls/.
[981] https://www.um.edu.mt/library/oar/handle/123456789/15597.
[982] https://www.scientificamerican.com/article/autism-it-s-different-in-girls/.
[983] https://www.um.edu.mt/library/oar/handle/123456789/15597.
[984] https://www.scientificamerican.com/article/autism-it-s-different-in-girls/.
[985] . https://www.theguardian.com/society/2016/oct/21/m-in-the-middle-girls-autism-publish-novel-limpsfield-grange.
[986] https://www.gov.uk/government/consultations/adult-autism-strategy-guidance-update.
[987] https://www.theguardian.com/society/2016/oct/21/m-in-the-middle-girls-autism-publish-novel-limpsfield-grange.

девочек же, как правило, характерна не столько гиперактивность, сколько неорганизованность, рассеянность и интроверсия[988].

В целом ученые считают, что, поскольку общество требует от женщин, чтобы в разговоре они «не перебивали собеседника и вели себя просто, скромно и приветливо», традиционный опрос пациенток обычно не позволяет получить информацию, необходимую для постановки правильного диагноза[989]. Но иногда (и даже часто) женщины предоставляют врачам нужную информацию о своем состоянии. Но, увы, им не верят.

Американский новостной сайт ThinkProgress опубликовал историю Кэти, которая страдала такими обильными менструациями, что в критические дни буквально падала без сил[990]. Обратившись к врачу, она столкнулась с той же проблемой, что и Мишель в предыдущей главе. Кэти долго не могли поставить диагноз. Четверо разных медиков говорили, что болезнь существует только в ее голове, что «у нее просто повышенная тревожность и, возможно, даже серьезное психическое расстройство». А врач-педиатр додумался до того, чтобы сказать девочке, что «все ее симптомы – воображаемые».

Но болезнь Кэти не была воображаемой. На самом деле, как оказалось, у Кэти были «потенциально опасные для жизни маточные фиброиды, которые требовали хирургического вмешательства», что было обнаружено лишь после того, как она потребовала УЗИ. Девочка вовсе не страдала повышенной тревожностью (хотя после девяти месяцев, в течение которых ей твердили, что она сумасшедшая, это было бы неудивительно) – у нее просто было малокровие.

Рейчел тоже говорили, что ее болезнь – воображаемая. Десять лет она пыталась справиться с сильными болями и обильными кровотечениями во время менструации с помощью таблеток, пока однажды не упала в обморок прямо на концерте. Ее выписали из больницы, назначив обезболивающие, с диагнозом «стресс». В следующий раз, когда она рухнула в обморок и попала в больницу, ее поместили в отделение гастроэнтерологии. «Шесть суток я пролежала там под капельницей. Напротив меня лежала женщина, умирающая от рака кишечника. Это было ужасно». Врачи заподозрили камни в почках, провели несколько урологических обследований, но ничего не нашли. Анализ крови тоже ничего не показал. Чем дольше девушку обследовали, тем явственнее она ощущала, что отношение к ней меняется. «Я начала понимать, что врачи мне не верят. Они считали, что я все выдумываю». Наконец, когда Рейчел в очередной раз пожаловалась врачу-консультанту на сильную боль, тот покачал головой и сказал: «Придется отправить тебя домой. Ты совершенно здорова».

Но Рейчел не была здорова. В конце концов у нее обнаружили эндометриоз – заболевание, при котором клетки эндометрия – внутренней слизистой поверхности матки – начинают распространяться за пределы матки, в другие органы, вызывая сильную боль, а в отдельных случаях – бесплодие. Для диагностики этого заболевания в Великобритании в среднем требуется около восьми лет[991], в США – около десяти лет[992], и в настоящее время оно не лечится. И хотя считается, что болезнь поражает каждую десятую женщину (во всем мире им страдают 176 млн человек)[993], в Англии Национальный институт здравоохранения и совершенствования медицинской помощи лишь в 2017 г. впервые выпустил рекомендации для врачей, касающиеся лечения эндометриоза. Какова же главная рекомендация? «Выслушайте женщину»[994].

---

988 https://www.theatlantic.com/health/archive/2013/04/adhd-is-differentfor-women/381158/?utm_source=quartzfb.

989 Hoffman, Diane E. and Tarzian, Anita J. (2001), ‘The Girl Who Cried Pain: A Bias Against Women in the Treatment of Pain’, *Journal of Law, Medicine & Ethics*, 29, 13–27.

990 https://archive.thinkprogress.org/when-gender-stereotypes-become-a-serious-hazard-to-womens-health-f1f130a5e79/.

991 https://www.theguardian.com/society/2017/sep/06/listen-to-women-uk-doctors-issued-with-first-guidance-on-endometriosis.

992 https://www.endofound.org/endometriosis.

993 https://www.theguardian.com/society/2015/sep/28/endometriosis-hidden-suffering-millions-women.

994 https://www.theguardian.com/society/2017/sep/06/listen-to-women-uk-doctors-issued-with-first-guidance-on-endometriosis.

Но проще сказать, чем сделать, – ведь нежелание прислушиваться к жалобам женщин давно и глубоко укоренилось в медицинской практике. В ходе эксперимента, проведенного в 2016 г. Сассекским университетом, испытуемым (родителям, в том числе 25 отцам и 27 матерям) предложили прослушать несколько записей плача трехмесячных детей. Обнаружилось, что, хотя по плачу невозможно определить пол младенцев (половые различия не проявляются до пубертатного периода), звук более низкого тембра воспринимался как плач мальчика, а более высокого – как плач девочки. Эксперимент также показал, что, когда отцам говорили, что плач более низкого тембра – это плач мальчика, те оценивали дискомфорт, испытываемый ребенком, как более серьезный, чем дискомфорт, испытываемый плачущей девочкой.

Вместо того чтобы верить женщинам, жалующимся на боль, мы часто называем их сумасшедшими. Да и что с них взять? Сучки шальные, как когда-то сказал Платон. Женщины – истерички (*ὑστέρα* (греч.) – матка), сумасшедшие (если бы я получала фунт каждый раз, когда мужчины, читающие мои феминистские посты в Twitter, выражали сомнение в моей нормальности, мне не нужны были бы другие источники заработка), иррациональные и неуравновешенные существа. Выражение «чокнутая бывшая» настолько распространено, что его даже высмеяли Тейлор Свифт в своей знаменитой песне Blank Space («Свободное место») и Рейчел Блум, сыгравшая главную роль в сериале Netflix «Чокнутая бывшая» (Crazy Ex-Girlfriend). Знаменитый физик Стивен Хокинг назвал женщину загадкой[995], а Зигмунд Фрейд, прославившийся и разбогатевший на диагнозе «истерия», который он ставил женщинам, в 1933 г. объяснял в одной из лекций, что «на протяжении всей истории люди ломали голову, пытаясь разгадать тайну женственности»[996].

За свою загадочность женщинам всегда приходилось расплачиваться. За поступки, выходящие за рамки дозволенного (например, за демонстрацию либидо), их на годы сажали в сумасшедший дом. Их подвергали гистероэктомии и клиторидэктомии – удаляли матку и клитор. Их отправляли в психушку даже при легкой послеродовой депрессии: бабушка одного моего друга, осмелившаяся запустить в свою свекровь мочалкой для мытья посуды, всю оставшуюся жизнь провела в психиатрической лечебнице. По меньшей мере один американский учебник психиатрии, широко применявшийся еще в 1970-е гг., рекомендовал лоботомию для женщин, проявивших жестокость[997].

Разумеется, сегодня мы уже не обращаемся с женщинами подобным образом. Мы больше не сажаем их в сумасшедший дом и не вырезаем им часть мозга. Вместо этого мы даем им лекарства: женщин в два с половиной раза чаще сажают на антидепрессанты, чем мужчин[998]. Я не имею ничего против антидепрессантов: людям, страдающим психическими расстройствами, они нужны как воздух. Но все-таки хотелось бы понять, *почему* женщин сажают на них настолько чаще, чем мужчин, – уж, верно, не потому, что они чаще мужчин обращаются за медицинской помощью. Исследование, проведенное в Швеции в 2017 г., показало, что на самом деле именно мужчины более охотно обращаются к врачам с жалобами на депрессию[999]. Так почему же антидепрессанты чаще прописывают женщинам? Потому что у них «слабая психика»? Может быть, виной всему жизнь в этом несовершенном мире, сводящая нас с ума? Или антидепрессанты – новая (и, несомненно, более гуманная) лоботомия для женщин с травмированной психикой?

---

[995] http://www.independent.co.uk/news/science/stephen-hawking-sayswomen-are-the-most-intriguing-mystery-in-reddit-ama-a6687246.html.

[996] https://icpla.edu/wp-content/uploads/2012/10/Freud-A.-Collaboration-Femininity-Complete-Psychological-Works-of-Sigmund-Freud-vol.-22-1932-1936.pdf.

[997] Showalter, Elaine (1985) *The Female Malady: Women, Madness and English Culture 1830–1980*, London 1987.

[998] https://www.health.harvard.edu/blog/astounding-increase-in-antidepressant-use-by-americans-201110203624.

[999] http://pb.rcpsych.org/content/pbrcpsych/early/2017/01/06/pb.bp.116.054270.full.pdf.

Одно время Фрейд считал, что истерия может быть следствием пережитого в детстве сексуального насилия. Позднее он отказался от этой теории, так как слишком много мужчин должны были быть насильниками, чтобы она была правдоподобной. Однако одно недавнее исследование позволяет предположить, что некоторые виды болей, которыми страдают женщины, действительно могут быть вызваны пережитым в прошлом насилием[1000], – и в свете глобального скандала #MeToo это кажется не таким уж невероятным.

Исчерпывающие ответы на эти вопросы выходят за рамки тематики этой книги. Но одно из объяснений «пристрастия» женщин к антидепрессантам может заключаться в том, что эти препараты прописывают женщинам, у которых нет депрессии. Физическую боль у женщин часто не принимают всерьез, объясняя ее эмоциональным или психосоматическим расстройством. Упомянутое выше шведское исследование 2017 г., показавшее, что мужчины чаще женщин обращаются к врачам с жалобами на депрессию, выявило также, что женщинам, *не* жалующимся на депрессию, назначают антидепрессанты в два раза чаще, чем мужчинам. Выводы шведских ученых перекликаются с исследованиями 1980-х–1990-х гг., в ходе которых обнаружилось, что при жалобах на боль пациентам-мужчинам, как правило, прописывают обезболивающие, а женщинам – седативные препараты или антидепрессанты[1001]. А в 2014 г. была опубликована статья, призывавшая медиков разработать рекомендации по лечению болей в пояснице, и в ней также указывалось, что женщинам назначают антидепрессанты значительно чаще, чем мужчинам[1002].

Видимо, здесь тоже проявляется синдром Йентл: поразительно, как часто женщины, жалующиеся на боль, не получают диагноза и лечения, пока не оказывается, что боль имеет физические причины, то есть вызывается либо исключительно женскими заболеваниями, либо заболеваниями, которыми женщины страдают чаще мужчин. К числу таких заболеваний относится и синдром раздраженного кишечника (у женщин он встречается почти в два раза чаще, чем у мужчин)[1003], и мигрень (которой женщины страдают втрое чаще)[1004]. Между тем о мигрени мы знаем очень мало, несмотря на хронический характер этого заболевания, подтачивающего здоровье 37 млн американцев[1005] и каждого восьмого жителя Великобритании[1006]. На самом деле многие заболевания, связанные с болью, значительно чаще встречаются у женщин, чем у мужчин[1007], а ряд исследований, проведенных за последние десятилетия, показывает, что женщины более чувствительны к боли, чем мужчины (в свете этих открытий то, что женщины реже мужчин получают обезболивающие препараты, выглядит особой жестокостью).

Мы также видим все больше свидетельств того, что мужчины и женщины ощущают боль по-разному. У женщин чувствительность к боли меняется на протяжении менструального цикла, поскольку «кожа, подкожные ткани и мышцы по-разному реагируют на изменения гормонального фона»[1008]. Исследование на животных показало, что у самцов и самок передача болевых сигналов происходит с помощью разных типов иммунных клеток. Это наблюдение, возможно, указывает путь к ответу на вопрос о причинах изменения чувствительности к боли

[1000] https://academic.oup.com/painmedicine/article/10/2/289/article.

[1001] Hoffman and Tarzian (2001).

[1002] Fillingim, R. B., King, C. D., Ribeiro-Dasilva, M. C., Rahim-Williams, B. and Riley, J. L. (2009), ‘Sex, Gender, and Pain: A Review of Recent Clinical and Experimental Findings’, *Journal of Pain: Official Journal of the American Pain Society*, 10:5, 447–85.

[1003] https://www.med.unc.edu/ibs/files/2017/10/IBS-in-Women.pdf.

[1004] https://www.npr.org/sections/health-shots/2012/04/16/150525391/why-women-suffer-more-migraines-than-men.

[1005] https://migraine.com/migraine-statistics/.

[1006] http://www.independent.co.uk/life-style/health-and-families/health-news/will-this-hurt-doctor-much-more-if-you-are-a-woman-907220.html.

[1007] Greenspan, Joel D. et al. (2007), ‘Studying sex and gender differences in pain and analgesia: A consensus report’, *Pain,* 132, S26–S45.

[1008] Hoffmann and Tarzian (2001).

у женщин[1009] – но всего лишь указывает, потому что половые различия в механизме болевых ощущений до сих пор недостаточно изучены, и даже те знания, которые у нас есть, не получили широкого распространения. Доктор наук Беверли Коллетт, которая до выхода на пенсию в 2015 г. работала консультантом в службе борьбы с болью Лестерской городской больницы и председателем Коалиции по борьбе с хронической болью, в интервью газете *The Independent* рассказала, что рядовой терапевт «понятия не имеет, что такие лекарства, как парацетамол и морфин, по-разному действуют на женщин и мужчин»[1010].

Даже если женщинам снимают боль, им, как правило, приходится ждать обезболивания дольше, чем мужчинам. Анализ 92 000 обращений в отделения экстренной медицинской помощи в США в период с 1997 г. по 2004 г. показал, что женщинам приходилось ждать помощи дольше, чем мужчинам[1011], а опрос взрослых пациентов, обратившихся в отделения экстренной медицинской помощи американских городских больниц в период с апреля 2004 г. по январь 2005 г., – что женщины, испытывавшие боль той же интенсивности, что и мужчины, реже получали обезболивающие препараты, а получившие их ждали обезболивания дольше[1012]. Одна из публикаций американского Института медицины[1013] за 2011 г., посвященная хроническим болям, указывает, что ситуация почти не изменилась, – женщинам, страдающим от боли, по-прежнему «дольше приходится ждать правильного диагноза, а для лечения часто используются неправильные или сомнительные методы». Кроме того, они сталкиваются с «пренебрежительным отношением со стороны медперсонала, уделяющего им недостаточно внимания, а также подвергаются дискриминации»[1014]. В Швеции женщинам с инфарктом миокарда от начала приступа боли до прибытия в больницу приходится ждать помощи на час дольше, чем мужчинам; скорая помощь едет к ним дольше; а первичный осмотр в больнице занимает на 20 минут больше, чем осмотр мужчин[1015].

Тот факт, что медики не уделяют женскому телу такого внимания, как мужскому, часто игнорируют на том основании, что в среднем женщины живут дольше мужчин. Однако, хотя ожидаемая продолжительность жизни женщин на несколько лет больше ожидаемой продолжительности жизни мужчин (впрочем, этот разрыв сокращается по мере того, как быт женщин перестает регулироваться обычаями, а требования производственной безопасности на предприятиях, где работают в основном мужчины, становятся все строже), некоторые данные свидетельствуют о том, что преимущество женщин в этой области не слишком устойчиво.

Авторы статьи, опубликованной в 2013 г. и посвященной динамике смертности в 3140 округах США в период с 1992 г. по 2006 г., пишут, что, хотя в большинстве округов смертность в целом снижалась, женская смертность в 42,8 % округов росла[1016]. В то же время по показателям роста продолжительности жизни и продолжительности здоровой жизни женщины серьезно отставали от мужчин: данные о состоянии здоровья населения США за 30 лет говорят о том, что, хотя в этой стране женщины живут в среднем на пять лет дольше мужчин (в Европе – на 3,5 года дольше)[1017], эти годы нельзя назвать годами здоровой и активной жизни[1018].

[1009] Clayton, Janine Austin (2016), ‘Studying both sexes: a guiding principle for biomedicine’, *The FASEB Journal*, 30:2, 519–524.

[1010] http://www.independent.co.uk/life-style/health-and-families/health-news/will-this-hurt-doctor-much-more-if-you-are-a-woman-907220.html.

[1011] http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=18106275.

[1012] Там же.

[1013] Институт медицины (Institute of Medicine, IOM), ранее входивший в состав Национальной академии наук США, с 2015 г. именуется Национальной академией медицинских наук (National Academy of Medicine, NAM) и является самостоятельным исследовательским учреждением.

[1014] https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK92516/.

[1015] http://www.gendermedicine.com/1st/images/Oral02.pdf.

[1016] Kindig, David A. and Cheng, Erika R. (2013), ‘Even As Mortality Fell In Most US Counties, Female Mortality Nonetheless Rose In 42.8 Percent Of Counties From 1992 To 2006’, *Health Affairs*, 32:3, 451–8.

[1017] ‘Gender and Health Knowledge Agenda’, May 2015 (ZonMw, Netherlands).

В результате женщины в США, хотя по-прежнему живут дольше мужчин, больше не опережают их по продолжительности активной жизни[1019]. Доля женщин в численности населения США в возрасте старше 65 лет составляет 57 %, а в общей численности нуждающихся в ежедневной помощи – 68 %[1020]. В 1982 г. как мужчины, так и женщины, дожившие до 85 лет, могли рассчитывать еще на два с половиной года активной и здоровой жизни. С тех пор для женщин этот показатель не изменился, в то время как 85-летний мужчина сейчас может рассчитывать на активную и здоровую жизнь до 89 лет. Рост долголетия и продолжительности здоровой жизни мужчин наблюдается и в Бельгии[1021], и в Японии[1022]. В материале ВОЗ, посвященном состоянию здоровья женщин в ЕС, указывается, что в 2013 г. «даже в странах с наиболее высокой в ЕС общей ожидаемой продолжительностью жизни женщины почти 12 лет проводят в болезнях»[1023]. И опять-таки было бы неплохо иметь данные в разбивке по половому признаку, позволяющие понять причины такой динамики.

Одним из особенно неприятных последствий синдрома Йентл является то, что, когда речь идет о чисто женских медицинских проблемах, нечего и думать о включении женщин в число участников клинических исследований, потому что такие исследования часто вообще не ведутся.

Предменструальный синдром (ПМС) – это совокупность симптомов, включающих, в частности, перепады настроения, беспокойство, нагрубание молочных желез, метеоризм, акне, головные боли, боль в животе и бессонницу. От ПМС страдают 90 % женщин, но ученые никогда не уделяли ему достаточного внимания. При прокрутке ленты одного научного портала обнаруживается в пять раз больше материалов по эректильной дисфункции, чем по ПМС[1024]. Для лечения эректильной дисфункции существует множество средств[1025], а лекарств для женщин, страдающих ПМС, очень мало, к тому же более 40 % женщин существующие методы лечения ПМС не помогают. ПМС до сих пор лечат с помощью гистерэктомии. Иногда женщины, страдающие ПМС в особо тяжелой форме, даже пытаются покончить с собой[1026]. Однако ученым до сих пор отказывают в финансировании исследований в этой области на том основании, что «ПМС фактически не существует»[1027].

Периодические боли (дисменорея) – еще одно распространенное женское заболевание. Им страдают до 90 % женщин[1028]; по данным Американской академии семейных врачей, оно отравляет жизнь примерно каждой пятой женщине[1029]. Интенсивность боли, которую женщины испытывают ежемесячно, оценивается как «такая же высокая, как при инфаркте миокарда»[1030]. Но, несмотря на то что столько женщин регулярно мучаются от сильной боли, врачи до сих пор практически ничем не могут им помочь. В одной из немногих заявок 2007 г. на получение гранта на исследования первичной дисменореи причины заболевания оцениваются как «недостаточно изученные», а возможности лечения – как «ограниченные»[1031]. Назначаемые

1018 http://ajph.aphapublications.org/doi/10.2105/AJPH.2016.303089.

1019 Там же.

1020 https://www.newscientist.com/article/2081497-women-live-longer-thanmen-but-suffer-more-years-of-poor-health/.

1021 https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10433-008-0082-8.

1022 https://www.demographic-research.org/volumes/vol20/19/20-19.pdf.

1023 http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0006/318147/EWHR16_interactive2.pdf?ua=1.

1024 https://www.researchgate.net/blog/post/why-do-we-still-not-knowwhat-causes-pms.

1025 https://www.nhs.uk/conditions/erection-problems-erectile-dysfunction/treatment/.

1026 https://www.health.harvard.edu/womens-health/treating-premenstrual-dysphoric-disorder.

1027 https://www.researchgate.net/blog/post/why-do-we-still-not-knowwhat-causes-pms.

1028 http://grantome.com/grant/NIH/R03-TW007438-02.

1029 https://qz.com/611774/period-pain-can-be-as-bad-as-a-heart-attack-so-why-arent-we-researching-how-to-treat-it/.

1030 Там же.

1031 http://grantome.com/grant/NIH/R03-TW007438-02.

для лечения препараты могут вызывать серьезные побочные реакции и помогают далеко не всем женщинам.

Когда я пожаловалась своему врачу (мужчине) на периодические боли, которые по ночам не дают мне спать, а днем заставляют лежать скрючившись, он едва не выставил меня из кабинета. Больше у меня не возникало желания обращаться к врачам. Представьте же себе мое ликование, когда я прочитала об одном исследовании 2013 г., в ходе которого, казалось, было найдено лекарство от дисменореи. «Предварительные результаты» двойных слепых рандомизированных контролируемых испытаний цитрата силденафила показали, что этот препарат (дорогие дамы, лучше сядьте) «снимает боль и действует в течение четырех часов, не вызывая побочных эффектов»[1032]. Нет, вы только представьте себе!

Препарат цитрат силденафила (это его химическое название, а продается он под торговым названием виагра) был создан в 1989 г. В начале 1990-х гг. его испытывали как сердечный препарат[1033]. Оказалось, что от сердца он помогает плохо, зато участники испытаний сообщили, что он способствует эрекции (да, все участники испытаний были мужчинами). От полной эректильной дисфункции страдают от 5 до 15 % мужчин в зависимости от возрастной категории[1034], а примерно у 40 % мужчин обнаруживается эректильная дисфункция различной степени тяжести, поэтому вполне естественно, что исследователей заинтересовала возможность альтернативного использования препарата. К 1996 г. цитрат силденафила был запатентован в США, а к марту 1998 г. утвержден FDA[1035]. Счастливый конец? Да, для мужчин.

Что было бы, если бы в испытаниях участвовали женщины? Результаты исследования 2013 г. были многообещающими. Но его пришлось прекратить из-за того, что кончилось финансирование, а значит, ученые не смогли исследовать достаточно большую выборку и подтвердить правильность своих предположений. Они заявили, что для этого необходимо проведение «более масштабных и продолжительных исследований, возможно многоцентровых».

Но такие исследования проведены не были. Доктор наук Ричард Легро, руководивший исследованиями, сказал мне, что дважды обращался в Национальные институты здоровья США за финансированием, чтобы «провести более продолжительные и широкие исследования, а также выяснить, соответствует ли силденафил стандартным требованиям, предъявляемым к без-опасным нестероидным противовоспалительным средствам». Оба раза он получал отказ. В обоих случаях «тематика исследований была сочтена неактуальной». Их даже не читали. Ричард Легро также сказал, что из замечаний рецензентов следовало, что «они вообще не считали дисменорею серьезным заболеванием, которым должны заниматься государственные органы здравоохранения». Эти люди даже не вникли в «план клинических исследований по дисменорее». Когда я спрашиваю ученого, получит ли он, по его мнению, финансирование в будущем, он отвечает: «Нет. Мужчин не волнует дисменорея. Они не понимают, что это такое. Дайте мне группу рецензентов, целиком состоящую из женщин!»

Нежелание фармацевтических компаний финансировать разработку препарата для лечения дисменореи, имеющего, безусловно, блестящие коммерческие перспективы, вызывает недоумение, но, возможно, оно связано все с той же проблемой нехватки данных. Ричард Легро написал мне по электронной почте, что из соображений экономии фармацевтические компании «обычно не финансируют проекты, инициированные исследователями», – в частности, в области разработки лекарств, которые можно заменить дженериками. Именно здесь, возможно, и играет свою роль нехватка данных: по дисменорее проводилось очень мало исследо-

[1032] Dmitrovic, R., Kunselman, A. R. and Legro, R. S. (2013), ‘Sildenafil citrate in the treatment of pain in primary dysmenorrhea: a randomized controlled trial’, *Human Reproduction*, 28:11, 2958–65.

[1033] http://edition.cnn.com/2013/03/27/health/viagra-anniversary-timeline/index.html.

[1034] http://www.clevelandclinicmeded.com/medicalpubs/diseasemanagement/endocrinology/erectile-dysfunction/.

[1035] http://edition.cnn.com/2013/03/27/health/viagra-anniversary-timeline/index.html.

ваний[1036], и поэтому фармацевтические компании не могут правильно оценить коммерческие перспективы нового препарата и, соответственно, принять решение о финансировании испытаний (особенно если люди, принимающие решения, не женщины). Ричард Легро также предположил, что фармацевтические компании боятся проводить испытания на женщинах, потому что в случае неудачи под ударом могут оказаться продажи цитрата силденафила (виагры) мужчинам. Возможно, фармацевтические компании на самом деле не считают новый препарат перспективным с коммерческой точки зрения. В результате женщины по-прежнему ежемесячно мучаются от боли.

Тем, что решения о финансировании исследований принимают в основном мужчины, объясняется, видимо, и столь малое количество лекарственных препаратов для коррекции нарушений сократительной деятельности матки. Ежедневно из-за осложнений во время беременности и родов во всем мире умирают 830 женщин[1037] (в некоторых африканских странах от них ежегодно умирает больше женщин, чем в разгар эпидемии лихорадки Эбола)[1038]. Причина половины смертей – нарушение сократительной деятельности матки, не позволяющее женщине нормально родить. Единственное, что помогает при слабости родовой деятельности, – это гормон окситоцин, который действует примерно в половине случаев. Женщины, реагирующие на окситоцин, получают возможность родить естественным путем; тем же, кому гормон не помогает, в срочном порядке делают кесарево сечение. В Великобритании именно из-за слабости родовой деятельности делается большая часть кесаревых сечений, общее число которых достигает 100 000 в год.

Пока неизвестно, чем объясняется разная реакция женщин на лечение окситоцином. И это плохо, потому что из-за этого страдают все женщины, и для многих эти страдания оказываются бессмысленной жестокой пыткой, потому что они все равно не могут родить самостоятельно. Такое случилось с моей подругой в 2017 г. После того как она двое суток промучилась в больнице (где осталась без поддержки, потому что отца ребенка отправили домой), ее матка открылась только на 4 см. В конце концов ей сделали кесарево сечение, которое закончилось благополучно и для нее, и для ребенка. Но пережитые мучения глубоко травмировали женщину. Воспоминания о них преследовали ее несколько недель после родов. Обследования и процедуры показались ей жестокими, связанными с грубым насилием. Это была, по ее словам, настоящая пытка. Но что, если бы все происходило иначе? Что, если бы с самого начала было ясно, что кесарево сечение неизбежно?

В 2016 г. профессор Ливерпульского университета Сьюзан Врей, специалист по клеточной и молекулярной физиологии, прочитала лекцию в Британском физиологическом обществе[1039]. Как руководитель центра по облегчению родов при Ливерпульской женской больнице она рассказала о результатах последних исследований, согласно которым у женщин, не способных родить самостоятельно из-за слабости родовой деятельности, в крови миометрия (мышечной стенки матки, сокращающейся во время родов) обнаруживается избыточное содержание кислоты. Чем выше содержание кислоты, тем выше вероятность того, что женщине в конце концов придется делать кесарево сечение, потому что окситоцин, оказывается, не действует на женщин с повышенным содержанием кислоты в крови.

Но Сьюзан Врей проводила свои исследования не для того, чтобы можно было прогнозировать необходимость кесарева сечения. Ее целью было узнать, как обойтись без него. Вместе со своей коллегой Евой Вайберг-Итцель она провела рандомизированное контролируемое исследование на женщинах со слабостью родовой деятельности. Половина испытуемых полу-

---

[1036] https://www.telegraph.co.uk/women/life/period-pain-can-feel-bad-heart-attack-ignored/.

[1037] http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs348/en/.

[1038] https://www.nytimes.com/interactive/2017/05/24/upshot/how-trumps-budget-affects-women.html.

[1039] https://www.youtube.com/watch?v=7t_LW4EtNlM.

чала только окситоцин, а другая половина – сначала бикарбонат соды, а затем, спустя час, окситоцин. Результаты были поразительными: 67 % женщин, получивших только окситоцин, смогли родить естественным путем, а для тех, кто получал также бикарбонат соды, этот показатель составил аж 84 %. Как отметила Врей, это притом что доза бикарбоната соды давалась без учета массы тела женщин и содержания кислоты в крови, а прием был однократным. С учетом всех этих факторов можно обеспечить еще более высокую эффективность окситоцина.

Это открытие могло не только изменить к лучшему жизнь десятков тысяч женщин в год, подвергающихся операции, без которой, оказывается, можно обойтись (попутно сэкономив для Национальной службы здравоохранения немало средств). Оно могло спасти жизнь женщинам в странах, где кесарево сечение – опасная и дорогая операция. Впрочем, чтобы столкнуться с этой проблемой, не обязательно жить в бедной стране – достаточно быть просто чернокожей женщиной, проживающей в Соединенных Штатах[1040].

В США самый высокий в развитых странах уровень материнской смертности, но эта проблема особенно остро стоит для афроамериканок. ВОЗ подсчитала, что показатели смертности чернокожих беременных женщин и рожениц в США не ниже показателей смертности женщин, проживающих в гораздо более бедных странах, таких как Мексика и Узбекистан. Состояние здоровья у чернокожих американок в целом хуже, чем у белых женщин, а что касается беременных и рожениц, цифры просто зашкаливают: от осложнений во время беременности и после родов афроамериканки умирают на 243 % чаще белых женщин. И дело не только в том, что они, как правило, беднее белых женщин. Анализ статистики родов в Нью-Йорке, проведенный в 2016 г., показал, что «чернокожие матери, получившие образование в колледже и рожавшие в местных больницах, чаще страдали от тяжелых осложнений при беременности и после родов, чем белые женщины, не закончившие среднюю школу». Не является исключением даже суперзвезда мирового тенниса Серена Уильямс: в феврале 2018 г. она сообщила, что чуть не умерла после экстренной операции кесарева сечения[1041]. Афроамериканкам чаще делают эту операцию, и, как показывает исследование 2015 г., проведенное в штате Коннектикут, чернокожие женщины независимо от социально-экономического положения более чем вдвое чаще белых вновь попадали в больницу в течение месяца после нее[1042]. Исследования Сьюзан Врей могли бы в корне изменить ситуацию.

Но, похоже, в обозримой перспективе мы не сможем воспользоваться плодами трудов Сьюзан Врей. Узнав, что Британский совет медицинских исследований выделяет финансирование для работ, ориентированных на улучшение ситуации в странах со средним и низким уровнем дохода, она решила подать заявку на грант. Однако, несмотря на все доводы об опасности нарушений сократительной деятельности матки, ей отказали. Исследование было оценено как «не относящееся к числу приоритетных направлений». Так что сегодня у нас по-прежнему есть только одно средство для усиления родовой деятельности, да и то не помогающее половине женщин. Сравните это, говорит Сьюзан Врей, с количеством лекарств от хронической сердечной недостаточности: их около 50.

Свидетельств дискриминации женщин системой здравоохранения более чем достаточно. Особенности организма, характерные для половины населения планеты, и симптомы и заболевания, наиболее распространенные среди женщин, игнорируют. Жалобам женщин либо не верят, либо не обращают на них внимания. И все это – следствие нехватки данных в сочетании с до сих пор широко распространенным, несмотря на все *имеющиеся* доказательства обратного, мнением, что люди – по умолчанию мужчины. Это не так. Давайте констатируем очевидное:

[1040] https://www.propublica.org/article/nothing-protects-black-women-from-dying-in-pregnancy-and-childbirth.

[1041] https://edition.cnn.com/2018/02/20/opinions/protect-mother-pregnancy-williams-opinion/index.html?fbclid=IwAR1lesUWINeK4YBqq3HS7wf2FbNQUoVbEqOnAfB6zMv4DtA51BVPUHWYjyg.

[1042] https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/26444126.

мужчины – это всего лишь мужчины. И данные, собранные по ним, не относятся, не могут и не должны относиться к женщинам. Нам нужны революционные изменения в медицинской науке и практике. Они нужны нам вчера. Нам нужно научить врачей слушать и слышать женщин. Мы должны признать, что они ставят женщинам неправильные диагнозы не потому, что те – лгуньи и истерички, а потому, что данных о женщинах, как и медицинских знаний о них, катастрофически не хватает. Пора перестать игнорировать женщин. Пора начать беречь их.

Часть V
Общественная жизнь

Глава 12
Бесплатный ресурс

Сколько это будет стоить? Вот первый вопрос, на который необходимо ответить любому, кто предлагает новую политическую инициативу. За ним сразу же следует другой: а можем ли мы себе это позволить? Ответить на первый вопрос нетрудно, на второй – гораздо сложнее. Все зависит от экономической ситуации в стране, а ее оценка – вещь куда более субъективная, чем думают многие. Главный показатель состояния экономики – валовой внутренний продукт (ВВП), и если бы экономике было присуще религиозное чувство, она молилась бы ему как Богу. ВВП рассчитывается на основе данных, получаемых из разных источников. Этот показатель отражает общий объем товаров (например, обуви) и услуг (например, блюд, поданных в ресторанах), произведенных в стране, в стоимостном выражении. ВВП также можно считать по общему объему доходов или расходов государства и бизнеса. Казалось бы, все вполне научно и обоснованно, но есть одна загвоздка. При расчете ВВП не учитывается труд женщин.

Методика расчета официального показателя ВВП по определению субъективна, поясняет Дайана Койл, профессор экономики Манчестерского университета. «Многие думают, – говорит она, – что [ВВП] – некая осязаемая вещь. Но на самом деле это вещь неосязаемая, эфемерная, тонкое блюдо, в состав которого входит множество различных соображений и оговорок. А также много неопределенности». ВВП, по ее словам, рассчитывается «не так, как высота горы». Когда вы читаете в новостях, что за квартал «ВВП вырос на 0,3 %», предупреждает Дайана Койл, важно помнить, что на самом деле это неточная цифра, потому что многие данные, на основе которых она получена, сомнительны.

Неточность показателя и сомнительность исходных данных объясняется зияющими пробелами в статистике, используемой для расчета ВВП. Показатель не учитывает великого множества товаров и услуг. Методика его расчета фактически была принята волевым решением. До 1930-х гг. никто вообще серьезно не занимался оценкой состояния экономики в целом. Ситуация изменилась, когда началась Великая депрессия. Чтобы справиться с обвалом экономики, государству нужно было точно знать, что происходит, и в 1934 г. статистик Саймон Кузнец разработал систему национальных счетов США[1043]. Так родился показатель ВВП.

Вскоре разразилась Вторая мировая война, и именно в этот период, поясняет Дайана Койл, показатель ВВП был принят в том виде, в каком он используется сейчас. Показатель рассчитывался с учетом потребностей военной экономики, говорит она: «Он был нужен, чтобы понимать, сколько продукции может быть произведено и каким объемом потребления придется пожертвовать, чтобы продолжать войну». Показатель учитывал «всю продукцию, произведенную государством и бизнесом, и, соответственно, производство в этих двух секторах и рассматривалось как собственно экономика». Но оставался один сектор экономики, не включенный в «международное соглашение о том, что считать экономикой и как рассчитывать ее объем». Речь идет о неоплачиваемом труде в домашнем хозяйстве, то есть о таких вещах, как приготовление еды, уборка и уход за детьми. «Все признают экономическую значимость этого труда, но он не является частью экономики, как мы ее понимаем», – говорит Дайана Койл.

[1043] https://www.thetimes.co.uk/article/review-the-growth-delusion-the-wealthand-wellbeing-of-nations-by-david-pilling-b322223kc.

Виной тому не случайная оплошность. Это было сознательное решение, принятое после бурных дискуссий. «Отказ от включения неоплачиваемого труда домохозяек в национальный доход, – писал экономист Павел Студенский в своей классической монографии 1958 г. “Доход наций”[1044], – искажает реальную картину». В принципе, указывал он, «неоплачиваемый труд в домашнем хозяйстве должен включаться в ВВП». Но принципы устанавливают люди, поэтому, говорит Дайана Койл, после нескольких попыток «включения и исключения» и долгих споров о том, как именно измерять и оценивать неоплачиваемые услуги домохозяек, «было решено, что собирать соответствующие данные будет слишком сложно».

Как и многие другие решения об исключении женщин из расчетов «ради простоты», принимаемые во многих областях – от градостроительства до медицинских исследований, – отказ от включения неоплачиваемого труда женщин в ВВП был возможен только в рамках культуры, основанной на предпосылке, что люди по умолчанию – мужчины, а женщины – частный случай, отклонение от нормы. Заведомое упрощение реальности, которую мы якобы пытаемся оценить с помощью цифр, имеет смысл только при условии, что женщинам не придается принципиального значения. Упрощение возможно, только если они рассматриваются как некий дополнительный, второстепенный, лишь усложняющий общую картину фактор. Но поскольку речь идет о половине населения планеты, упрощение неоправданно. Оно недопустимо, если нас волнует точность данных.

Исключение женщин из расчетов искажает общую картину. Дайана Койл указывает на период с окончания войны до примерно середины 1970-х гг., который, по ее словам, сегодня считается «золотым веком роста производительности». Однако в известном смысле это был химерический рост. В значительной степени он обуславливался тем, что женщины начали работать, а продукты их труда в домашнем хозяйстве (которые никто не учитывал) были заменены рыночными товарами и услугами. «Например, еду теперь можно было приобрести в супермаркете, а не готовить дома. Одежду тоже можно было купить, а не шить самим», – поясняет Дайана Койл. На самом деле производительность не выросла. Просто произошел экономический сдвиг: женский труд вышел из особой, невидимой, «женской» сферы, и его начали учитывать, поскольку теперь он влился в общее экономическое пространство, где ранее доминировали мужчины.

Возможно, именно отказ от учета неоплачиваемого труда женщин в домашнем хозяйстве стал причиной самого большого пробела в гендерных данных. Согласно оценкам, в странах с высоким уровнем дохода доля неоплачиваемой домашней работы, связанной с уходом за близкими, в ВВП может составлять до 50 %, а в бедных странах – до 80 %[1045]. Если включить этот труд в расчеты, окажется, что в 2016 г. ВВП Великобритании составил $3,9 трлн[1046] (а не $2,6 трлн, согласно официальной оценке Всемирного банка)[1047], а ВВП Индии – около $3,7 трлн[1048] (а не $2,3 трлн, согласно официальной оценке Всемирного банка).

По оценке ООН, суммарная стоимость неоплачиваемых услуг по уходу за детьми в США в 2012 г. составила $3,2 трлн, или приблизительно 20 % ВВП (который в 2012 г. оценивался в $16,2 трлн)[1049]. В 2014 г. затраты времени на уход на дому за членами семей, страдающими болезнью Альцгеймера (а в США этим заболеванием страдает почти каждый девятый человек старше 65 лет), достигли почти 18 млрд часов. Стоимость этой работы оценивается в

[1044] Студенский П. Доход наций (теория, измерение и анализ: прошлое и настоящее). – М.: Статистика, 1968.

[1045] https://www.chathamhouse.org/expert/comment/g20-must-push-more-inclusive-gdp.

[1046] https://www.theguardian.com/uk-news/2016/nov/10/doing-the-chores-valued-at-1tn-a-year-in-the-uk.

[1047] http://databank.worldbank.org/data/download/GDP.pdf.

[1048] http://www.oecd.org/dev/development-gender/Unpaid_care_work.pdf.

[1049] http://progress.unwomen.org/en/2015/pdf/UNW_progressreport.pdf.

$218 млрд[1050], что составляет, как пишет журнал *The Atlantic*, «почти половину чистого дохода Walmart в 2013 г.»[1051].

В 2015 г. доля неоплачиваемой работы по дому и уходу за семьей в ВВП Мексики оценивалась в 21 %, то есть была «больше доли обрабатывающей промышленности, торговли, сектора недвижимости, горнодобывающей промышленности, строительства, транспортировки и хранения»[1052]. А исследование, проведенное в Австралии, показало, что неоплачиваемый уход за детьми фактически является крупнейшей отраслью экономики страны – ее объем (в ценах 2011 г.) составлял $345 млрд, то есть «почти в три раза превышал объем сектора финансовых и страховых услуг – крупнейшей отрасли формальной экономики страны»[1053]. Финансовые и страховые услуги были даже не на втором месте в этом ряду – они оказались на третьем месте после «прочей неоплачиваемой домашней работы».

Нетрудно заметить, что приведенные выше цифры – лишь приблизительная оценка. Иначе и не может быть, так как в настоящее время ни одна страна не занимается систематическим сбором данных, – и не потому, что это невозможно. Причина в том, что общепринятая методика измерения объема неоплачиваемого женского труда основывается на исследованиях затрат времени. Участников опросов просят хронометрировать и записывать все действия, совершаемые в течение дня, – все, что они делают, где и с кем. Именно благодаря этому методу сбора информации, пишет известный экономист Нэнси Фольбре, мы знаем, что сегодня «практически во всех странах доля женщин в затратах труда на неоплачиваемую домашнюю работу непропорционально велика и что женщины в целом тратят на такую работу больше времени, чем мужчины».

Как правило, в ходе исследований затрат времени измеряются главным образом затраты времени на конкретную, осязаемую работу – приготовление пищи, уборку, кормление ребенка[1054]. При этом обычно не учитывается работа «в фоновом режиме» – например, присмотр за спящим ребенком или взрослым, страдающим серьезным заболеванием, – то есть труд, совмещаемый с выполнением других обязанностей. Вот вам и еще один пробел в данных. Изучение затрат времени непосредственно на работу «в фоновом режиме» говорит о том, что ее рыночная стоимость, даже рассчитанная по самому скромному коэффициенту замещения заработной платы, весьма значительна[1055], но, как и затраты времени на поездки в транспорте, эта работа часто включается в такие категории, как «свободное время» или «время, потраченное на развлечения»[1056]. Нэнси Фольбре ссылается на исследование, посвященное домашнему уходу за больными ВИЧ/СПИД в Ботсване, авторы которого «оценивают годовую стоимость услуг по уходу в пересчете на одного ухаживающего примерно в $5000; если бы ее включали в общий объем расходов на здравоохранение, он оказался бы значительно выше»[1057].

К счастью, сегодня подобные исследования проводятся все чаще. «В первом десятилетии XXI в. было проведено 87 таких исследований – больше, чем за весь XX в.», – пишет Нэнси Фольбре. Однако во многих странах достоверной информации о затратах времени по-прежнему не хватает[1058]. Учет неоплачиваемого труда женщин по-прежнему часто считается необя-

---

[1050] https://www.theatlantic.com/business/archive/2016/03/unpaidcaregivers/474894/.

[1051] https://www.theatlantic.com/business/archive/2016/03/unpaidcaregivers/474894/.

[1052] http://progress.unwomen.org/en/2015/pdf/UNW_progressreport.pdf.

[1053] https://www.pwc.com.au/australia-in-transition/publications/understanding-the-unpaid-economy-mar17.pdf.

[1054] http://hdr.undp.org/sites/default/files/folbre_hdr_2015_final_0.pdf.

[1055] Там же.

[1056] Sanchez de Madariaga, Ines, ‘Mobility of Care: Introducing New Concepts in Urban Transport’, in Marion Roberts and Ines Sanchez de Madariaga (eds.) (2013), *Fair Shared Cities: The Impact of Gender Planning in Europe*, Farnham.

[1057] http://hdr.undp.org/sites/default/files/folbre_hdr_2015_final_0.pdf.

[1058] http://progress.unwomen.org/en/2015/pdf/UNW_progressreport.pdf.

зательным[1059]. Так, Австралия в 2013 г. отказалась проводить запланированное исследование затрат времени, и поэтому последние данные по этой стране относятся к 2006 г.[1060]

По словам Дайаны Койл, она не может «избавиться от подозрения, что решение не тратить время на измерение затрат труда в домашнем хозяйстве было изначально продиктовано гендерными стереотипами 1940-х и 1950-х гг.». Это подозрение, скорее всего, вполне оправданно – и не только потому, что обоснование отказа включать женский труд в ВВП с самого начала было малоубедительным. Дело еще и в том, что с появлением общедоступных цифровых товаров и услуг, таких как «Википедия» или программы с открытым исходным кодом (пришедших на смену товарам и услугам, за которые надо было платить, – бумажным энциклопедиям и дорогим проприетарным программам), неоплачиваемый труд начал восприниматься серьезно – как мощная экономическая сила, которую необходимо измерять и включать в официальные данные. А чем, собственно, приготовление еды на собственной кухне отличается от написания компьютерной программы на дому? Тем, что еду готовят в основном женщины, а программы пишут мужчины.

●●●

Из-за нежелания собирать все эти данные неоплачиваемый женский труд, как правило, рассматривается как «бесплатный ресурс, который так удобно использовать», пишет профессор экономики Сьюзен Химмелвейт[1061]. Поэтому, когда государство сокращает социальные расходы, расплачиваться за это обычно приходится женщинам.

В Великобритании социальные расходы были сильно урезаны после финансового кризиса 2008 г. В период с 2011 г. по 2014 г. расходы на детские учреждения сократились на £82 млн, причем 285 детских садов были либо слиты с другими, либо закрыты[1062]. С 2010 г. по 2015 г. муниципальные и городские расходы на социальное обеспечение снизились на £5 млрд[1063], социальные пособия не индексировались с учетом инфляции и были ограничены в расчете на домохозяйство, а пороговая величина дохода родителей, дающая право на получение пособия по уходу за ребенком, отставала от показателя минимальной заработной платы в стране[1064]. Какое множество великолепных возможностей для экономии!

Проблема, однако, в том, что эта экономия не столько экономия, сколько переложение расходов государства на плечи женщин – ведь кто-то же должен ухаживать за детьми и стариками. По оценке Women's Budget Group[1065][1066], в результате сокращения социальных расходов в 2017 г. потребность примерно каждого десятого жителя Англии старше 50 лет (1,86 млн человек) в уходе удовлетворялась не за счет государства. Уход за этими людьми лег прежде всего на плечи женщин. Снижение социальных расходов также способствовало росту женской безработицы: к марту 2012 г., после двух лет режима жесткой экономии, она выросла на 20 %

[1059] В докладе ОЭСР 2017 г., посвященном социальным показателям, есть глава о неоплачиваемой работе, но в следующих докладах подобные разделы отсутствуют. http://www.oecd-ilibrary.org/docserver/download/8111041e.pdf?expires=1500914228&id=id&accname=guest&checksum=CD8E8A5F41FA84BE66F2291FF893E9F0.

[1060] https://theconversation.com/gender-neutral-policies-are-a-myth-why-weneed-a-womens-budget-55231.

[1061] Himmelweit, Susan (2002), 'Making Visible the Hidden Economy: The Case for Gender-Impact Analysis of Economic Policy', *Feminist Economics*, 8:1, 49–70, http://dx.doi.org/10.1080/13545700110104864.

[1062] https://www.unison.org.uk/content/uploads/2014/06/On-line-Catalogue224222.pdf.

[1063] http://wbg.org.uk/wp-content/uploads/2017/03/WBG_briefing_Social-Care_Budget-2017_final_JDH_SH_EN_20Mar.pdf.

[1064] Там же.

[1065] Women's Budget Group (WBG) – независимая сеть, включающая ведущих ученых, экспертов в области политики и представителей бизнеса, целью которой является обеспечение гендерного равенства в области работы по дому.

[1066] Там же.

(до 1,13 млн человек) и достигла самого высокого уровня за предшествующие 25 лет[1067]. В то же время уровень мужской безработицы остался на том же уровне, что и после окончания рецессии в 2009 г. По данным крупнейшего британского профсоюза UNISON, к 2014 г. показатели неполной занятости выросли на 74 %[1068].

В 2017 г. библиотека палаты общин парламента Великобритании опубликовала анализ кумулятивного эффекта «ужесточения налогово-бюджетной политики» в период с 2010 г. по 2020 г. Согласно результатам исследования, 86 % расходов фактически было урезано за счет женщин[1069]. Анализ, проведенный Women's Budget Group[1070], показал, что все изменения в области налоговой политики и налоговых льгот, проводимые с 2010 г., к 2020 г. ударят по доходам женщин в два раза сильнее, чем по доходам мужчин. Еще одна щепотка соли на наши раны: последние изменения не только ухудшают положение женщин с низким уровнем доходов (и прежде всего самых бедных – одиноких матерей и мигранток из азиатских стран)[1071], но и делают богатых мужчин еще богаче. По данным Women's Budget Group, от изменений в области налоговой политики и налоговых льгот, принятых с июля 2015 г., выигрывают мужчины из 50 % домохозяйств с самыми высокими доходами[1072].

Так почему же в Великобритании государство творит такую вопиющую несправедливость? Ответ прост: оно не учитывает гендерных данных. Государство не только не принимает во внимание вклад неоплачиваемого труда женщин в ВВП, но и (как и большинство государств мира) не анализирует статьи доходов и расходов бюджета с учетом гендерной проблематики.

Раз за разом (в частности, в декабре 2017 г.) отказываясь проводить комплексную оценку влияния бюджета на гендерное равноправие, государственная власть Великобритании, по сути, нарушает закон – с тех пор как в 2010 г. обеспечение соблюдения равенства стало официальной обязанностью государственных органов. В соответствии с Законом о равенстве (Equality Act 2010), принятым в 2010 г.[1073], государственные органы Великобритании «при выполнении своих функций обязаны должным образом учитывать необходимость устранения дискриминации [и] содействовать обеспечению равенства возможностей»[1074]. Ева Нейтцерт, директор Women's Budget Group, в интервью *The Guardian* заявила, что не понимает, как Казначейство Ее Величества может выполнять свои закрепленные в законе обязательства без официальной оценки гендерных последствий бюджетно-налоговой политики[1075]. А может быть, спрашивает она, Казначейство «намеренно скрывает неудобную правду о влиянии проводимой им политики на положение женщин»?

Это было бы очень неразумно со стороны Казначейства, потому что сокращение социальных расходов не просто несправедливо, но и контрпродуктивно. Увеличение объема неоплачиваемой работы, которая ложится на плечи женщин, ведет к сокращению их доли в численности занятых в формальной экономике. А этот показатель оказывает серьезное влияние на ВВП.

В США в период с 1970 г. по 2009 г. в армию трудящихся влились почти 38 млн женщин. Доля женщин в общей численности занятых возросла с 37 до почти 48 %. Согласно расчетам McKinsey, без их участия ВВП США был бы ниже на 25 %, то есть на величину, «равную

[1067] https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2012/mar/18/public-sector-cuts-hit-prudent-houseife.

[1068] https://www.unison.org.uk/content/uploads/2014/06/On-line-Catalogue224222.pdf.

[1069] http://wbg.org.uk/wp-content/uploads/2017/03/WBG_briefing_Soc-Security_pre_Budget.pdf.

[1070] https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/may/01/conservatives-universal-credit-hard-work.

[1071] http://progress.unwomen.org/en/2015/pdf/UNW_progressreport.pdf; http://wbg.org.uk/wp-content/uploads/2016/12/WBG_Budget2017_Fullresponse-1.pdf.

[1072] https://wbg.org.uk/wp-content/uploads/2016/12/Budget_pressrelease_9Mar17.pdf.

[1073] Закон, в частности, накладывает на государственные органы Великобритании обязанность обеспечивать соблюдение равенства (public sector equality duty, PSED).

[1074] https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/15/section/149.

[1075] https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/may/01/conservatives-universal-credit-hard-work.

ВВП штатов Иллинойс, Калифорния и Нью-Йорк, вместе взятых»[1076]. По данным Всемирного экономического форума, рост доли женщин в численности занятых «в последнее десятилетие выступал мощным стимулом экономического роста стран Европы». И наоборот, «из-за ограниченного доступа женщин к рабочим местам страны Азиатско-Тихоокеанского региона ежегодно теряют от $42 до $47 млрд»[1077].

Рост экономики мог бы быть еще более впечатляющим. В ЕС разрыв в показателях занятости мужчин и женщин сохраняется в среднем на уровне 12 % (варьируясь от 1,6 % в Латвии до 27,7 % на Мальте)[1078]. В США он составляет 13 %[1079], а в целом по всему миру – 27 %[1080]. По расчетам Всемирного экономического форума, устранение этого разрыва «могло бы стать мощным стимулом роста экономики развитых стран и, в частности, привело бы к росту ВВП США на 9 %, а ВВП стран еврозоны – не менее чем на 13 %»[1081]. В 2015 г. компания McKinsey подсчитала, что мировой ВВП мог бы вырасти на $12 трлн при условии, что доля женщин в численности занятых сравняется с долей мужчин[1082].

Но этого не происходит, потому что у женщин просто нет времени. ОЭСР[1083] и McKinsey[1084] выявили «сильную отрицательную корреляцию» между затратами времени на выполнение неоплачиваемой домашней работы и долей женщин в общей численности занятых. В ЕС 25 % женщин объясняют невозможность работать необходимостью выполнять домашнюю работу[1085]. Для мужчин этот показатель составляет 3 %.

В Великобритании женщины, имеющие малолетних детей, вынуждены работать по сокращенному графику, в то время как мужчины, имеющие таких детей, наоборот, работают больше[1086]. Примерно такая же тенденция наблюдается в Мексике, где в 2010 г. работали только 46 % женщин, имеющих детей самого младшего возраста (для бездетных женщин этот показатель составлял 55 %). При этом 99 % мужчин, имеющих маленьких детей, и 96 % бездетных женщин работали. В США доля молодых бездетных женщин в общей численности занятых весьма высока, а доля женщин, имеющих малолетних детей, значительно ниже, несмотря на то, что женщины заводят детей все позже[1087].

Нежелание собирать данные о неоплачиваемой трудовой нагрузке женщин также тормозит усилия по развитию бедных стран. Майра Бувинич, старший научный сотрудник Фонда ООН, рассказывает о том, как в ходе подобных инициатив в странах с низким уровнем дохода провалилось множество программ профессиональной подготовки, потому что «в их основе лежало ошибочное мнение, будто у женщин достаточно свободного времени, обусловленное нехваткой данных о напряженном графике работы женщин»[1088]. Женщины, может быть, с радостью участвовали бы в программах, но у них не было такой возможности, поскольку никто не подумал о том, что им приходится заниматься детьми. В результате программы развития оказались пустой тратой денег, а экономический потенциал женщин не был реализован. На самом

1076 Barsh, Joanna and Yee, Lareina (2011), 'Unlocking the full potential of women in the U.S. Economy', McKinsey.

1077 http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2015/the-case-for-gender-equality.

1078 http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Gender_statistics#Labour_market.

1079 https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.CACT.FE.ZS?locations=US, accessed 13 March 2018.

1080 Там же; https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.CACT.MA.ZS, accessed 13 March 2018.

1081 http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2015/the-case-for-gender-equality.

1082 McKinsey (2015), 'The Power of Parity: how advancing women's equality can add $12 trillion to global growth'.

1083 Там же.

1084 Там же.

1085 http://progress.unwomen.org/en/2015/pdf/UNW_progressreport.pdf.

1086 Himmelweit (2002).

1087 http://cep.lse.ac.uk/pubs/download/dp1464.pdf.

1088 https://www.researchgate.net/publication/269288731_Business_training_plus_for_female_entrepreneurship_Short_and_medium-term_experimental_evidence_from_Peru.

деле лучшая программа стимулирования женской занятости – создание во всех странах мира сетей общедоступных детских учреждений.

Разумеется, женщинам не позволяет работать не только необходимость ухода за детьми. Немало времени у них отнимает также уход за пожилыми родственниками, и эта тенденция будет только расти[1089]. Согласно прогнозам, в период с 2013 г. по 2050 г. численность населения планеты в возрасте от 60 лет и старше возрастет более чем вдвое[1090]. К 2020 г. впервые в истории численность граждан, принадлежащих к этой возрастной группе, превысит количество детей младше пяти лет[1091]. А с возрастом, как известно, приходят и болезни. В 2014 г. почти четверть мирового бремени болезней приходилось на лиц старше 60 лет, при этом заболевания были по преимуществу хроническими[1092]. Согласно оценкам, к 2030 г. в Великобритании хроническими заболеваниями будут страдать около 6 млн пожилых людей (почти 9 % населения страны)[1093]. Страны ЕС уже миновали этот рубеж: согласно оценкам, 10 % населения[1094] (около 50 млн человек[1095]) страдают двумя или более хроническими заболеваниями. Большинство этих людей относится к возрастной категории от 60 лет и старше[1096]. В США 80 % граждан старше 65 лет страдают по меньшей мере одним хроническим заболеванием, а 50 % – по меньшей мере двумя[1097].

Необходимость ухаживать за пожилыми членами семей (в США неоплачиваемую работу по уходу за больными и престарелыми родственниками выполняют 40 млн человек)[1098] ограничивает возможности женщин в области занятости. Женщины, вынужденные ухаживать за пожилыми родственниками, в семь раз чаще мужчин переходят на работу на условиях неполной занятости[1099]. Женщинам в возрасте от 55 до 67 лет, ухаживающим за своими родителями, приходится сокращать оплачиваемый рабочий день в среднем на 41 %[1100], а 10 % американок, ухаживающих за родственниками, страдающими деменцией, утратили преимущества, которые дает официальная занятость[1101]. В Великобритании 18 % женщин, ухаживающих за такими родственниками, вынуждены брать отпуска; почти 19 % – бросать работу, чтобы иметь возможность выполнять ставшие приоритетными домашние обязанности; а 20 % – переходить на работу на условиях неполной занятости. Соответствующие показатели для мужчин не превышают 3 %[1102].

●●●

Если государство заинтересовано в росте ВВП за счет увеличения доли женщин в общей численности занятых, ясно, что оно должно снижать трудовую нагрузку на женщин в виде

[1089] http://www.salute.gov.it/imgs/C_17_pagineAree_431_listaFile_itemName_1_file.pdf.

[1090] http://progress.unwomen.org/en/2015/pdf/UNW_progressreport.pdf.

[1091] http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2014/lancet-ageing-series/en/.

[1092] Там же.

[1093] https://www.kingsfund.org.uk/projects/time-think-differently/trends-disease-and-disability-long-term-conditions-multi-morbidity.

[1094] https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&language=en&pcode=tps00001&tableSelection=1&footnotes=yes&labeling=labels&plugin=1.

[1095] http://www.salute.gov.it/imgs/C_17_pagineAree_431_listaFile_itemName_1_file.pdf.

[1096] Там же.

[1097] http://caringeconomy.org/wp-content/uploads/2015/08/care-crisis-meansbig-trouble.pdf.

[1098] Там же.

[1099] http://www.slate.com/blogs/xx_factor/2017/06/20/the_gop_s_plan_to_slash_medicaid_will_shift_a_costly_burden_onto_women_who.html.

[1100] http://progress.unwomen.org/en/2015/pdf/UNW_progressreport.pdf.

[1101] https://www.alzheimersresearchuk.org/wp-content/uploads/2015/03/Women-and-Dementia-A-Marginalised-Majority1.pdf.

[1102] Там же.

неоплачиваемой работы. По данным McKinsey, сокращение количества времени, расходуемого британками на выполнение такой работы, на три – пять часов приводит к увеличению их доли в общей численности занятых на 10 %[1103]. Как мы уже видели, введение достойно оплачиваемых материнских и отцовских отпусков по уходу за ребенком – важный шаг к увеличению доли женщин на рынке труда и, возможно, ликвидации гендерного неравенства в его оплате[1104], которая сама по себе способствует росту ВВП. По данным Института исследований женской политики[1105], если бы в 2016 г. труд женщин оплачивался так же, как и труд мужчин, прибавка к ВВП США составила бы $512,6 млрд, то есть 2,8 % ВВП страны в этом году. Эта сумма «почти в 16 раз превышает расходы федерального бюджета и бюджета штатов на Программу предоставления временной помощи нуждающимся семьям[1106] в 2015 финансовом году»[1107].

Более серьезной мерой государственной поддержки женской занятости, чем предоставление оплачиваемых отпусков по уходу за ребенком, могли бы стать инвестиции в социальную инфраструктуру. Под инфраструктурой обычно понимают материальные объекты, без которых немыслимо существование современного общества: железные дороги, водопроводные трубы, энергетические мощности. В это понятие обычно не включают социальные услуги, без которых нормальное функционирование современного общества так же невозможно, как и без материальной инфраструктуры, – уход за детьми и престарелыми.

По мнению Women's Budget Group, это неправильно[1108], потому что, как и материальная инфраструктура, так называемая социальная инфраструктура «дает немалую экономическую и социальную отдачу, поскольку способствует повышению уровня образования граждан, улучшению состояния их здоровья и обеспечению ухода за ними в старости». Поэтому, несомненно, исключение услуг по уходу за детьми и престарелыми из понятия инфраструктуры – еще один вопиющий структурный «мужской перекос» в экономике.

Взять, к примеру, систему дошкольного образования и хорошо отлаженную сеть государственных дошкольных учреждений, в том числе для детей ясельного и грудничкового возраста. Инвестиции в эту сферу способствуют сокращению расходов на образование (снимая необходимость в затратах на дополнительное обучение детей с проблемами развития)[1109], повышению уровня умственного развития и успеваемости учащихся и улучшению состояния здоровья[1110] детей (особенно из неблагополучных семей)[1111]. Все это в долгосрочной перспективе ведет к повышению производительности труда[1112].

Результаты двух пилотных исследований Европейской экономической комиссии ООН (ЕЭК ООН) говорят о том, что американцы, посещавшие детские дошкольные учреждения, к 40 годам имеют больше шансов получить работу, чем те, кто их не посещал (76 % против 62 % соответственно), и более высокий медианный доход ($20 800 против $15 300 соответ-

---

[1103] http://www.mckinsey.com/global-themes/gender-equality/the-powerof-parity-advancing-womens-equality-in-the-united-kingdom.

[1104] http://www.nytimes.com/2010/06/10/world/europe/10iht-sweden.html.

[1105] Институт исследований женской политики (The Institute for Women's Policy Research, IWRP) – основанный в 1987 г. американский исследовательский центр, занимающийся изучением положения женщин и разрабатывающий соответствующие предложения для органов власти.

[1106] Программа предоставления временной помощи нуждающимся семьям (Temporary Assistance for Needy Families, TANF) – американская федеральная программа, принятая в 1997 г. и нацеленная на улучшение положения нуждающихся семей за счет предоставления помощи в области ухода за детьми, профессиональной подготовки и трудоустройства.

[1107] https://iwpr.org/publications/impact-equal-pay-poverty-economy/.

[1108] https://wbg.org.uk/wp-content/uploads/2016/11/De_Henau_Perrons_WBG_CareEconomy_ITUC_briefing_final.pdf.

[1109] https://wbg.org.uk/wp-content/uploads/2016/11/De_Henau_WBG_childcare_briefing3_2017_02_20-1.pdf.

[1110] http://progress.unwomen.org/en/2015/pdf/UNW_progressreport.pdf.

[1111] http://wbg.org.uk/wp-content/uploads/2016/11/De_Henau_WBG_childcare_briefing3_2017_02_20-1.pdf.

[1112] Kim, Kijong and Antonopoulos, Rania (2011), 'Working Paper No. 691: Unpaid and Paid Care: The Effects of Child Care and Elder Care on the Standard of Living', Levy Economics Institute of Bard College.

ственно)[1113]. Они чаще становятся домовладельцами (37 % против 28 %), покупают автомобили (82 % против 60 %) и открывают сберегательные счета (76 % против 50 %). ЕЭК ООН также обнаружила более широкий косвенный эффект дошкольного образования – например, снижение уровня преступности и, соответственно, сокращение затрат на охрану общественного порядка. Результаты исследования говорят о том, что инвестиции в дошкольное образование в долгосрочной перспективе способствуют экономическому росту. Благодаря им к 2080 г. ВВП мог бы вырасти на 3,5 %.

Однако, несмотря на все потенциальные плюсы, необходимость инвестиций в социальную инфраструктуру часто игнорируется – в немалой степени из-за нехватки данных, связанных с неоплачиваемой трудовой нагрузкой женщин. Нэнси Фольбре утверждает, что из-за нехватки гендерных данных «отдача инвестиций в социальную инфраструктуру недооценивается»[1114]. А эта отдача могла бы быть колоссальной. В Великобритании она могла бы выразиться в создании до 1,5 млн рабочих мест (для сравнения: тот же объем инвестиций в строительную отрасль позволил бы создать только 750 000 рабочих мест). В США инвестиции в социальную инфраструктуру в размере 2 % ВВП привели бы к созданию почти 13 млн рабочих мест (тот же объем инвестиций в строительство позволил бы создать только 7,5 млн рабочих мест)[1115]. Поскольку в секторе социального обслуживания в настоящее время преобладают женщины, новые рабочие места получили бы прежде всего они, а, как мы помним, рост женской занятости – мощный драйвер роста ВВП.

По расчетам Women’s Budget Group, в Великобритании, США, Германии и Австралии инвестиции в сферу социального обслуживания в объеме 2 % ВВП «способствовали бы созданию такого же количества рабочих мест для мужчин, как инвестиции того же объема в строительную отрасль […] и в четыре раза большему числу рабочих мест для женщин»[1116]. В США две трети новых рабочих мест, созданных в результате таких вложений в социальную инфраструктуру, заняли бы женщины (в строительной отрасли – только треть)[1117], причем доля женщин в общей численности занятых возросла бы на восемь процентных пунктов, а гендерное неравенство в области занятости сократилось бы наполовину[1118]. В Великобритании эти инвестиции снизили бы гендерное неравенство в области занятости на четверть (эта динамика была бы справедлива, учитывая, что жесткая экономия на социальных расходах привела к сокращению количества именно женских рабочих мест)[1119].

Инвестиции в социальную инфраструктуру способствуют росту женской занятости (и, следовательно, ВВП) не только за счет быстрого создания новых рабочих мест для женщин, но и в силу сокращения их неоплачиваемой трудовой нагрузки. В Великобритании показатели занятости женщин, имеющих детей в возрасте от трех до пяти лет, на 6 % ниже среднего показателя для стран ОЭСР. В 2014 г. лишь 41 % женщин, имевших детей младше четырех лет, работали на условиях полной занятости; для мужчин, имевших детей этого возраста, и бездетных женщин этот показатель составлял соответственно 84 и 82 %[1120]. Такая дискриминация женщин по половому признаку отчасти связана с тем, что общество ожидает от женщины (и эти ожидания закреплены в законе в форме неравной оплаты отпусков по уходу за ребенком,

[1113] Там же.

[1114] http://hdr.undp.org/sites/default/files/folbre_hdr_2015_final_0.pdf.

[1115] https://newlaborforum.cuny.edu/2017/03/03/recognize-reduce-redistribute-unpaid-care-work-how-to-close-the-gender-gap/.

[1116] https://wbg.org.uk/wp-content/uploads/2016/11/De_Henau_Perrons_WBG_CareEconomy_ITUC_briefing_final.pdf.

[1117] https://newlaborforum.cuny.edu/2017/03/03/recognize-reduce-redistribute-unpaid-care-work-how-to-close-the-gender-gap/.

[1118] http://wbg.org.uk/wp-content/uploads/2016/11/De_Henau_Perrons_WBG_CareEconomy_ITUC_briefing_final.pdf.

[1119] Там же.

[1120] http://wbg.org.uk/wp-content/uploads/2016/11/De_Henau_WBG_childcare_briefing3_2017_02_20-1.pdf.

предоставляемых матерям и отцам), что ухаживать за ребенком будет главным образом она. Другая причина дискриминации – гендерное неравенство в оплате труда: во многих гетеросексуальных семьях именно женщины вынуждены отказываться от работы по финансовым соображениям – ведь они, как правило, зарабатывают меньше своих мужей.

Нельзя забывать и о стоимости услуг детских учреждений. В ходе недавнего исследования Министерство образования Великобритании установило, что 54 % женщин, имеющих детей и не работающих вне дома, готовы были бы работать, «если бы детям был обеспечен удобный, качественный и недорогой уход»[1121]. Но большинство таких женщин работать не могут. В последние 10–15 лет рост стоимости услуг детских учреждений в Великобритании опережал темпы роста инфляции[1122]. Британские родители тратили на уход за детьми 33 % чистого дохода домохозяйств (в странах ОЭСР этот показатель в среднем составляет 13 %)[1123], поэтому неудивительно, что в Великобритании в этой сфере наблюдается заметное социально-экономическое неравенство, особенно по сравнению с другими странами ОЭСР[1124], что, в свою очередь, влияет на женскую занятость. Так, в ходе опроса, проведенного McKinsey, 29 % британок (и почти 50 % женщин с низким и средним уровнем дохода) заявили, что «не смогут вернуться на работу по финансовым соображениям». Об этом заявило вдвое больше женщин, чем мужчин[1125].

Аналогичная ситуация наблюдается в штате Нью-Йорк, который Исследовательский центр Пью в 2012 г. назвал самым дорогим штатом с точки зрения стоимости услуг детских учреждений[1126]. А Центр американского прогресса[1127] установил, что до введения городскими властями единой системы дошкольных учреждений «более трети семей, проживающих в Нью-Йорке, стояли в очереди в детские сады и либо теряли работу, либо не имели возможности получить ее». По оценкам этой организации, в Лос-Анджелесе, где государственные расходы на дошкольные учреждения резко сократились, около 6000 матерей были вынуждены работать на 1,5 млн часов меньше, в результате потеряв $24,9 млн в виде недополученной заработной платы.

Между тем эта проблема вполне решаема. Как показывают результаты одного исследования, при наличии отлаженной системы ухода за детьми матери увольняются вдвое реже. Другое исследование говорит о том, что «финансируемая государством сеть дошкольных учреждений способна увеличить уровень занятости матерей на 10 %»[1128]. В 1997 г. власти Квебека поставили эксперимент, введя субсидии на услуги детских учреждений. В результате стоимость услуг снизилась. К 2002 г. занятость матерей, имевших хотя бы одного ребенка в возрасте от года до пяти лет, увеличилась на 8 %, при этом количество их рабочих часов росло на 231 в год[1129]. Результаты еще нескольких более поздних исследований показали, что, беря на себя уход за детьми, государство обеспечивает «значительный рост» женской занятости[1130].

[1121] http://www.mckinsey.com/global-themes/gender-equality/the-powerof-parity-advancing-womens-equality-in-the-united-kingdom.

[1122] http://wbg.org.uk/wp-content/uploads/2016/11/De_Henau_WBG_childcare_briefing3_2017_02_20-1.pdf.

[1123] http://www.mckinsey.com/global-themes/gender-equality/the-powerof-parity-advancing-womens-equality-in-the-united-kingdom.

[1124] http://wbg.org.uk/wp-content/uploads/2016/11/De_Henau_WBG_childcare_briefing3_2017_02_20-1.pdf.

[1125] Там же.

[1126] http://www.gothamgazette.com/city/6326-pre-k-offers-parents-opportunityat-economic-gain.

[1127] Центр американского прогресса (The Center for American Progress, CAP) – американская исследовательская и правозащитная организация либерального направления.

[1128] Там же.

[1129] https://ourworldindata.org/women-in-the-labor-force-determinants.

[1130] http://wbg.org.uk/wp-content/uploads/2016/11/De_Henau_WBG_childcare_briefing3_2017_02_20-1.pdf; http://progress.unwomen.org/en/2015/pdf/UNW_progressreport.pdf.

Когда уход за детьми, которым по традиции бесплатно и незаметно для общества занимаются сами женщины, берут на себя в рамках формальной экономики и за соответствующую плату детские учреждения, запускается благотворный цикл: если 300 000 женщин, имеющих детей младше пяти лет, начинают работать на условиях полной занятости, государство дополнительно получает £1,5 млрд в виде налоговых поступлений[1131]. По оценке Women's Budget Group, эти поступления (в сочетании с сокращением расходов на социальные пособия) покрывают от 89 до 95 % ежегодных затрат на детские учреждения[1132].

И это, скорее всего, еще весьма скромная оценка, потому что она основана на текущих показателях заработной платы. Но так же, как и справедливо оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком, государственное финансирование детских учреждений смягчает гендерное неравенство в оплате труда. В Дании, где все дети в возрасте от 26 недель до шести лет имеют право на пребывание в дошкольных учреждениях в течение всего рабочего дня, гендерный разрыв в заработной плате в 2012 г. составлял около 7 % и снижался на протяжении многих лет. А в США, где в большинстве штатов государство не оплачивает уход за детьми в возрасте до пяти лет, этот показатель в том же году был почти вдвое выше и не снижался[1133].

Нам нравится думать, что выполнение неоплачиваемой работы – личный выбор отдельных женщин, ухаживающих за членами семей по собственному желанию. Но это не так. Неоплачиваемый труд женщин – это труд, в котором нуждается общество в целом, от которого выигрываем мы все. И если государство сокращает расходы на социальные услуги, которые за счет налогов оплачиваем мы все, потребность в этих услугах не исчезает. Просто они перекладываются на плечи женщин – со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для динамики женской занятости и ВВП. Значит, неоплачиваемый труд женщин – не просто их личный выбор, но неотъемлемая составляющая созданной нами системы. Но ситуацию легко изменить. Нужна лишь готовность начать собирать данные, а затем строить экономику, учитывающую реальность, а не основанную на теоретических выкладках, страдающих «мужским перекосом».

[1131] http://www.mckinsey.com/global-themes/gender-equality/the-power-of-parity-advancing-womens-equality-in-the-united-kingdom; http://wbg.org.uk/wp-content/uploads/2016/11/.

[1132] http://wbg.org.uk/wp-content/uploads/2016/11/De_Henau_WBG_childcare_briefing3_2017_02_20-1.pdf.

[1133] https://newlaborforum.cuny.edu/2017/03/03/recognize-reduce-redistribute-unpaid-care-work-how-to-close-the-gender-gap/.

Глава 13
Кошелек и бумажник

Это случилось в Великобритании в 2017 г., в день парламентских выборов. Было одиннадцать вечера, и избирательные участки уже час как были закрыты. Внезапно в социальных сетях начали распространяться слухи о том, что явка молодежи оказалась очень высокой. Небывало высокой. Народ был в восторге. «Мне пишут, что явка избирателей в возрасте от 18 до 24 лет составила 72 или 73 %! Наконец-то молодежь проснулась!!! #GE2017» – написал в Twitter Алекс Кейсрн[1134], организатор и руководитель The Youth Vote – кампании за участие молодежи в британской политике. Несколько часов спустя те же цифры указала в своем твите Малия Буатиа, в то время президент Национального союза студентов Великобритании[1135]. Твит перепостили более 7000 человек. А утром молодых избирателей поздравил в своем твите Дэвид Лэмми, депутат-лейборист от лондонского района Тоттенхэм: «Явка молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет – 72 %! Так держать! #GE2017»[1136]. Твит перепостили более 29 000 человек, он получил более 49 000 лайков.

Была только одна загвоздка: никто, судя по всему, толком не знал, откуда взялись эти цифры. Это не помешало раструбить о них в выпусках новостей, ссылаясь на непроверенную информацию в Twitter и других СМИ[1137]. К Рождеству Оксфордский словарь английского языка назвал словом года словечко *youthquake* – «молодежетрясение»[1138], случившееся, когда «молодые избиратели неожиданно едва не обеспечили лейбористам никем не прогнозируемую победу»[1139]. А мы стали свидетелями рождения зомби-данных.

Зомби-данные – это сомнительные, но очень живучие цифры, которые очень трудно опровергнуть, – в том числе потому, что интуитивно они представляются верными. В случае с британскими парламентскими выборами 2017 г. нужно было как-то объяснить, почему вопреки почти всем прогнозам лейбористы набрали так много голосов. Беспрецедентно высокая явка молодежи хорошо вписывалась в контекст: лейбористы заручились поддержкой молодых людей, те пришли на выборы, и партия почти победила. Но затем, в январе 2018 г., появились новые данные British Election Study[1140]. Можно было спорить относительно того, насколько они точны[1141], но одно было ясно: знаменитое «молодежетрясение» оказалось в лучшем случае слабой дрожью. К марту уже никто не говорил всерьез о «всплеске активности молодежи» без существенных оговорок, и о цифре 72 % потихоньку начали забывать[1142].

Миф о британском «молодежетрясении», которого на самом деле не было, по меркам зомби-данных просуществовал очень недолго. Отчасти это объясняется тем, что хотя при тайном голосовании невозможно получить абсолютные точные и полные данные о том, кто и как проголосовал, мы, по крайней мере, собираем доступную информацию. На самом деле такой информации много: выборы вряд ли можно назвать недостаточно изученным процессом. Но

[1134] https://twitter.com/alex6130/status/872937838488281088.

[1135] https://twitter.com/MaliaBouattia/status/872978158135508992.

[1136] https://twitter.com/DavidLammy/status/873063062483357696.

[1137] https://www.buzzfeed.com/ikrd/we-dont-actually-know-how-many-young-people-turned-out-to?utm_term=.yw9j2lr8l#.cqOlx8Aa8.

[1138] По аналогии и созвучию с earthquake (англ.) – землетрясение.

[1139] https://blog.oxforddictionaries.com/2017/12/14/youthquake-word-ofthe-year-2017-commentary/.

[1140] http://blogs.lse.ac.uk/politicsandpolicy/the-myth-of-the-2017-youthquake-election/.

[1141] https://www.prospectmagazine.co.uk/blogs/peter-kellner/the-british-election-study-claims-there-was-no-youthquake-last-june-its-wrong.

[1142] https://twitter.com/simonschusterUK/status/973882834665590785.

если зомби-статистика появляется в области, где данных мало, избавиться от нее гораздо труднее.

Взять, к примеру, утверждение, что «70 % живущих в нищете – женщины». Никто точно не знает, откуда взялась эта цифра, но считается, что она впервые промелькнула в Докладе ООН о развитии человечества за 1995 г. без ссылки на источник[1143]. С тех пор она постоянно всплывает везде – от статей в газетах до сайтов и пресс-релизов благотворительных и правозащитных организаций и заявлений и докладов официальных институтов, таких как МОТ и ОЭСР[1144].

Попытки опровергнуть эту зомби-цифру предпринимались не раз. Дункан Грин на портале From Poverty to Power («От бедности к власти») назвал ее «весьма сомнительной»[1145]. Джон Гринберг, штатный сотрудник сайта PolitiFact, занимающийся проверкой фактов, утверждал со ссылкой на данные Всемирного банка[1146], что «доли мужчин и женщин в общей численности бедного населения примерно одинаковы», причем мужчины в целом даже немного беднее женщин. Карен Гроун, старший директор Всемирного банка по гендерным вопросам, прямо называла эту цифру «ложью», поясняя, что для того, чтобы сказать что-то определенное, не хватает данных в разбивке по половому признаку (и, разумеется, универсального определения такого понятия, как бедность)[1147].

Именно из-за этой неопределенности зомби-данные так трудно опровергнуть. Цифры могут оказаться ложными. Но они могут оказаться и верными. В настоящее время мы не можем установить, соответствуют ли они действительности. Данные, на которые ссылается Джон Гринберг, несомненно, свидетельствуют о том, что нищета не зависит от гендерных факторов, но результаты опросов, о которых он пишет, возможно, мало что дают для определения масштабов женской нищеты (хотя сами опросы и впечатляют размерами выборки – «компиляция результатов примерно 600 обследований в 73 странах»). А иметь точные данные важно – ведь они показывают, как распределяются доходы внутри домохозяйств. Неверные данные – неправильное представление о распределении доходов. Увы, данные, которыми мы располагаем сегодня, судя по всему, неверны.

Бедность, обусловленная гендерными факторами, в настоящее время оценивается[1148] на основе сравнения домохозяйств, где ресурсы контролирует мужчина, с домохозяйствами, где ресурсы контролирует женщина, то есть семей, главами которых являются мужчины, с семьями, главами которых являются женщины[1149]. Этот подход основан на двух допущениях: во-первых, что доходы домохозяйств распределяются между членами семей поровну (и, соответственно, уровень жизни всех членов семей одинаков), и, во-вторых, что и мужчины, и жен-

---

[1143] https://oxfamblogs.org/fp2p/are-women-really-70-of-the-worlds-poor-how-do-we-know/; https://www.politifact.com/article/2014/jul/03/meet-zombie-stat-just-wont-die/.

[1144] https://www.americanprogress.org/issues/poverty/news/2013/03/11/56097/gender-equality-and-womens-empowerment-are-key-to-addressing-global-poverty/; https://www.theguardian.com/global-development-professionals-network/2013/mar/26/empower-women-end-poverty-developing-world; https://www.globalcitizen.org/en/content/introduction-to-the-challenges-of-achieving-gender/; https://www.pciglobal.org/womens-empowerment-poverty/; https://reliefweb.int/report/world/women-and-development-worlds-poorest-are-women-and-girls; http://www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/news/WCMS_008066/lang-en/index.htm.

[1145] https://oxfamblogs.org/fp2p/are-women-really-70-of-the-worlds-poor-how-do-we-know/.

[1146] http://www.politifact.com/punditfact/article/2014/jul/03/meet-zombie-stat-just-wont-die/.

[1147] http://ideas4development.org/en/zombie-facts-to-bury-about-women-and-girls/.

[1148] https://www.researchgate.net/profile/Rahul_Lahoti/publication/236248332_Moving_from_the_Household_to_the_Individual_Multidimensional_Poverty_Analysis/links/5741941d08aea45ee8497aca/Moving-from-the-Household-to-the-Individual-Multidimensional-Poverty-Analysis.pdf?origin=publication_list.

[1149] Следует пояснить, как определяется, кто глава семьи, мужчина или женщина. Это зависит от того, к какому полу принадлежат другие члены семьи. В семьях, где глава – мужчина, обычно имеются взрослые женщины. В семьях же, главами которых являются женщины, часто просто нет взрослых мужчин. Собственно, только в этом случае женщина по определению и может быть главой семьи.

щины, являющиеся главами семей, расходуют контролируемые ими ресурсы одинаково. Оба предположения, мягко говоря, весьма сомнительны.

Начнем с предположения, что уровень жизни всех членов семей одинаков. Поскольку бедность оценивается на уровне домохозяйств, данных на уровне отдельных членов семей мало. Правда, в конце 1970-х гг. британское правительство помимо своей воли поставило интересный натурный эксперимент, благодаря которому ученые смогли проверить рассматриваемое допущение с помощью косвенных показателей[1150]. Дело в том, что до 1977 г. детские пособия в Великобритании в основном предоставлялись отцу ребенка в форме налогового вычета (из налога на зарплату). После 1977 г. отцовские налоговые вычеты были заменены денежными выплатами матерям. В результате имело место существенное перераспределение доходов между мужчинами и женщинами. Если бы доходы распределялись между членами семей поровну, то перетекание дохода «из мужского бумажника в дамский кошелек» не повлияло бы на структуру расходов. Но она изменилась. Об этом свидетельствовала динамика расходов британцев на одежду: «существенное увеличение расходов на женскую и детскую одежду по сравнению с расходами на мужскую одежду» после принятия новой политики в области выплаты детских пособий косвенно указывало на то, что доходы распределяются между членами семьи не поровну.

Конечно, 1977 г. уже далеко в прошлом, и можно было бы надеяться, что с тех пор многое изменилось. Но, к сожалению, данные за 1977 г. – последние данные в разбивке по половому признаку, которые у нас есть по Великобритании, так что ничего нельзя сказать наверняка. Правда, по другим странам (включая Ирландию, Бразилию, США, Францию, Бангладеш и Филиппины) есть более свежие данные, но они не обнадеживают. Доходы по-прежнему распределяются между членами семей не поровну, и женщины тратят контролируемые ими доходы на детей (кстати, дети – еще одно якобы гендерно нейтральное понятие, на самом деле таковым не являющееся)[1151] чаще, чем мужчины[1152]. Таким образом, если с тех пор Великобритания не превратилась в тайный феминистский рай (а я могу подтвердить, что не превратилась), логично будет предположить, что и в этой стране с 1977 г. мало что изменилось.

Учитывая вышесказанное, решение британского правительства о введении единых социальных выплат вряд ли можно назвать удачным. Единая социальная выплата объединяет несколько пособий и налоговых вычетов (в том числе родительские налоговые вычеты). В отличие от старых пособий, она по умолчанию назначается члену семьи, получающему самый высокий доход[1153]. В условиях гендерного неравенстве в оплате труда в гетеросексуальных семьях эти деньги почти всегда получает мужчина. «Почти всегда» – важное уточнение, поскольку мы не можем ничего сказать наверняка, – ведь Министерство труда и пенсий Великобритании не собирает данные о получателях единых социальных выплат в разбивке по половому признаку. Соответственно, дыра в данных о бедности, обусловленной гендерными факторами, становится все шире – во всяком случае, в Соединенном Королевстве.

Теперь, когда мы установили, что мужчины и женщины предпочитают тратить деньги на разные нужды, можно с уверенностью сказать, что и другое допущение – что, если доходами семьи распоряжается мужчина, это никак не сказывается на уровне жизни женщины – вызывает серьезные вопросы. Имеющиеся у нас данные показывают, что это не так. В Руанде

[1150] Lundberg, Shelly J., Pollak, Robert A. and Wales, Terence J. (1997), 'Do Husbands and Wives Pool Their Resources? Evidence from the United Kingdom Child Benefit', *Journal of Human Resources,* 32:3, 463–80, http://www.jstor.org/stable/146179.

[1151] http://www.cpahq.org/cpahq/cpadocs/Feminization_of_Poverty.pdf; http://eprints.lse.ac.uk/3040/1/Gendered_nature_of_natural_disasters_%28LSERO%29.pdf.

[1152] https://www.jstor.org/stable/145670?seq=1#page_scan_tab_contents; https://blogs.wsj.com/ideas-market/2011/01/27/the-gender-of-money/; Francois Bourguignon, Martin Browning, Pierre-Andre Chiappori and Valerie Lechene (1993), 'Intra Household Allocation of Consumption: A Model and Some Evidence from French Data', *Annales d'Economie et de Statistique*, 29, Progres recents en theorie du consommateur / Recent Advances in Economic Theory, 137–56; http://jezebel.com/5744852/money-has-a-gender.

[1153] https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/may/01/conservatives-universal-credit-hard-work.

и Малави дети из семей, главами которых были женщины, были здоровее детей из семей, главами которых были мужчины, – даже если доходы последних семей были выше[1154].

По результатам анализа данных о доходах и расходах домохозяйств индийского штата Карнатака, проведенного в 2010 г., вырисовывается еще более мрачная картина[1155]. При сравнении семей, главами которых были женщины и мужчины, серьезных различий в уровне бедности не обнаружилось. Однако при оценке бедности на уровне отдельных членов семьи проявились огромные различия: только подумайте, доля женщин в общей численности тех, кто жил в нищете, достигала 71 %! При этом именно женщинам приходилось терпеть самые страшные лишения. Но, пожалуй, самым убедительным доказательством того, что бедность, обусловленную гендерными факторами, нельзя оценивать на уровне домохозяйств, стало то, что большинство бедных женщин принадлежало к отнюдь «не бедным семьям».

Пора отказаться от зомби-допущения, что бедность можно оценивать на уровне домохозяйств и что уровень жизни членов семьи не зависит от того, кто является ее главой. Эти допущения основаны на неверных данных и результатах анализа, проводимого без учета гендерной проблематики. Помимо всего прочего, они увеличивают и закрепляют дефицит гендерных данных. На сегодняшний день они уже привели к ряду политических решений, катастрофически ухудшивших положение женщин.

•••

В США почти все супружеские пары подают совместную налоговую декларацию. Они не обязаны это делать. Каждый из супругов вправе подать индивидуальную декларацию. Однако налоговая система США такова, что налоговые льготы и вычеты стимулируют супругов к подаче именно совместной декларации, и 96 % супружеских пар так и поступают[1156]. В результате большинство замужних американок теряет на подоходном налоге больше, чем если бы они подавали индивидуальную декларацию.

В США действует прогрессивная шкала налогообложения[1157], то есть ставка налога зависит от размера дохода. Грубо говоря, первые $10 000 дохода облагаются налогом по минимальной ставке, а каждые следующие $10 000 – по более высокой[1158]. Допустим, вы зарабатываете $20 000, а ваш партнер – $60 000. С $20 000 каждый из вас заплатит одинаковый налог. Но с дохода, полученного сверх этих $20 000, налог придется платить по более высокой ставке, если только вы не женаты официально и не подаете совместную налоговую декларацию. В этом случае вы и ваш супруг будут рассматриваться как единая хозяйственная единица, получившая доход в размере $80 000, и подоходный налог будет начисляться иначе.

В совместной налоговой декларации супруги указывают общий доход. Супруг, получающий более высокий доход (учитывая гендерное неравенство в оплате труда, это, как правило, муж), получает статус основного кормильца и попадает в льготную категорию налогоплательщиков. Доход второго супруга (как правило, жены), не являющегося основным кормильцем, облагается налогом по более высокой ставке. Вернемся к нашей паре, зарабатывающей $60 000 и $20 000. Доход супруги, заработавшей $20 000, будет обложен налогом, как если бы это были последние $20 000 из общих $80 000, то есть по более высокой ставке, чем если бы это

[1154] https://docs.gatesfoundation.org/documents/gender-responsive-orientation-document.pdf.

[1155] Там же.

[1156] Gauff, Tonya Major (2009), 'Eliminating the Secondary Earner Bias: Lessons from Malaysia, the United Kingdom, and Ireland', *Northwestern Journal of Law and Social Policy*, 4:2.

[1157] Для федерального подоходного налога; местные налоги и налоги штатов обычно взимаются по плоской шкале.

[1158] Шкала налогообложения в США семиступенчатая. Для лиц, не состоящих в браке, часть дохода до $9700 облагается налогом по ставке 10 %, часть дохода от $9701 до $39 475 – по ставке 12 %, и т. д. Максимальная ставка – 37 % (данные на 2019/2020 финансовый год).

был просто ее заработок ($20 000). Иными словами, женщина заплатит в виде налога гораздо больше, чем если бы она подала индивидуальную декларацию, а не совместную (вместе со своим высокооплачиваемым супругом).

Сторонники совместной подачи налоговой декларации могут возразить, что *в сумме* в этом случае семейная пара платит меньше налогов. Это правда. Но поскольку, как мы видели выше, допущение, что в домашних хозяйствах доходы распределяются поровну, мягко говоря, некорректно, тот факт, что *семейная пара* платит меньше налогов, чем заплатили бы муж и жена по отдельности, не обязательно означает, что в кармане супруги, не имеющей статуса основного кормильца, в итоге окажется больше денег, чем если бы она подала индивидуальную декларацию. И это без учета возможных финансовых злоупотреблений, которые могут сделать подачу совместной налоговой декларации еще менее выгодной для женщины. Иными словами, налоговая политика США в отношении супружеских пар сегодня ущемляет права работающих женщин. Это подтверждается результатами целого ряда исследований, показывающими, что подача супругами совместной налоговой декларации лишает женщину стимулов к работе (что, как мы видели, негативно сказывается на показателе ВВП)[1159].

США не единственная страна, где налоговая система, не учитывающая гендерную проблематику, ущемляет права женщин. Авторы одного из недавних исследований выражают недоумение по поводу того, что «многие страны ОЭСР» одной рукой принимают законы, нацеленные на сокращение гендерного неравенства в оплате труда, а другой – усиливают это неравенство с помощью политики в области налогообложения семейных пар и распределения налогового бремени[1160]. Примером могут служить Великобритания и Австралия, где, хотя каждый из супругов подает индивидуальную налоговую декларацию, большинство налоговых льгот и вычетов нарушает принцип индивидуального налогообложения.

В Соединенном Королевстве так называемые супружеские вычеты[1161] при определенных условиях дают супругу, получающему более высокий доход (как правило, мужу), право на налоговые вычеты, если доход второго супруга (то есть жены) не превышает[1162] £11 500[1163]. Эта мера расширяет гендерный разрыв в оплате труда в обе стороны: во-первых, увеличивает доход мужчины, во-вторых, снижает мотивацию женщины к работе. В Японии применяется аналогичная схема, страдающая «мужским перекосом». С 1961 г. супруг, имеющий статус главы семьи (как правило, мужчина), может «претендовать на налоговый вычет в размере от ¥380 000 ($3700), если доход второго супруга (жены) не превышает ¥1,03 млн (около $10 000). Обследование, проведенное Министерством здравоохранения, труда и благосостояния Японии в 2011 г., показало, что «более трети замужних женщин, работавших на условиях неполной занятости и по собственному желанию сокративших количество рабочих часов, сделало это ради сохранения права на налоговые вычеты»[1164].

Несколько другой пример скрытого гендерного перекоса демонстрирует налоговая система Аргентины, где налоговые вычеты для наемных работников почти в четыре раза выше, чем для самозанятых. Гендерные проблемы возникают в связи с этим потому, что в формаль-

---

[1159] European Parliament (2017), *Gender Equality and Taxation in the European Union*, http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/583138/IPOL_STU%282017%29583138_EN.pdf.

[1160] Andrienko, Yuri, Apps, Patricia and Rees, Ray (2014), 'Gender Bias in Tax Systems Based on Household Income', Discussion Paper, Institute for the Study of Labor.

[1161] Супружеские вычеты (Marriage Allowance), введенные в Великобритании в 2015 г., позволяют супругу, получающему более высокий доход (обычно мужу), перечислить часть личного налогового вычета (в 2019/2020 финансовом году – £1250) жене или партнеру, если их доход не превышает минимального не облагаемого доходом (в 2019/2020 финансовом году – £12 500) и если он сам платит подоходный налог по базовой ставке, соответственно уменьшив налоговые общие обязательства на £250 в год.

[1162] Данные за 2017/2018 финансовый год.

[1163] https://www.gov.uk/marriage-allowance/how-it-works.

[1164] https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-08-18/japan-may-finally-end-10-000-cap-on-women-s-incentive-to-work.

ной экономике чаще заняты мужчины, а индивидуальной трудовой деятельностью занимаются в основном женщины[1165]. Таким образом, налоговая система Аргентины, по сути, неявно предусматривает более высокие налоговые вычеты для мужчин, чем для женщин.

Дискриминационный характер налоговых систем многих стран объясняется нежеланием систематически собирать данные об их влиянии на положение женщин, или, иначе говоря, дефицитом гендерных данных. В докладе Европейского парламента за 2017 г. подчеркивается, что влияние налоговых систем на положение женщин – «малоизученная проблема». Европарламент призвал собирать больше соответствующих данных в разбивке по половому признаку[1166]. Даже такие страны, как Испания, Финляндия и Ирландия, старающиеся учитывать гендерную проблематику при формировании бюджета, как правило, анализируют статьи расходов, а не налоговые поступления. Австрия – «одна из немногих стран ЕС, где государство использует налоговую политику для решения конкретных задач, в том числе для обеспечения равного распределения оплачиваемого и неоплачиваемого труда между женщинами и мужчинами, увеличения доли женщин в общей численности занятых и сокращения гендерного неравенства в оплате труда». Между тем опрос, проведенный в 2016 г. в странах – членах ЕС, показал, что только в Финляндии и Швеции подоходный налог взимается с супругов на строго индивидуальной основе[1167].

То, что налоговые системы дискриминируют женщин, связано далеко не только с зомби-допущением, что доходы в семьях распределяются между мужчинами и женщинами поровну. Эта проблема коренится в самой теории налогообложения – по крайней мере, в ее сегодняшнем виде. С 1980-х гг. государства всего мира меньше заинтересованы в налогах как в средстве перераспределения доходов, рассматривая их скорее как потенциальный тормоз экономического роста, который следует держать под контролем. Поэтому налоги на прирост капитала, прибыль корпораций и доходы высокооплачиваемых работников снижаются, а лазеек, позволяющих транснациональным компаниям и самым богатым людям уклоняться от уплаты налогов, становится все больше. Это делается для того, чтобы не мешать эффективной работе «рыночных механизмов»[1168].

Гендерные проблемы принимаются во внимание (если вообще принимаются) лишь в контексте негативного влияния налоговой системы на экономический рост вследствие ослабления мотивации женщин к оплачиваемой работе. При этом не учитывается, что налоговая система, нацеленная исключительно на обеспечение «экономического роста», ставит мужчин в более выгодное положение по сравнению с женщинами. В условиях гендерного неравенства в оплате труда снижение максимальных ставок подоходного налога создает непропорциональные преимущества для мужчин. При этом большинство женщин во всем мире лишено возможности использовать налоговые лазейки, которые может подсказать высокооплачиваемый финансовый консультант. Снижение (или отказ от увеличения) налогов на личное состояние и активы также создает преимущества для мужчин, поскольку последние гораздо чаще владеют собственностью и капиталом, чем женщины[1169].

Дело не только в том, что мужчины оказываются в более выгодном положении по сравнению с женщинами. Беда в том, что преимущества, обусловленные «мужским перекосом», мужчины получают за счет женщин – ведь, как мы видели, при сокращении социальных расходов именно женщинам приходится брать на себя неоплачиваемую работу по уходу за семьей.

[1165] https://www.undp.org/content/dam/undp/library/gender/Gender%20and%20Poverty%20Reduction/Taxation%20English.pdf.

[1166] European Parliament (2017), *Gender Equality and Taxation in the European Union*, http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/583138/IPOL_STU%282017%29583138_EN.pdf.

[1167] Там же.

[1168] Там же.

[1169] Institute of Development Studies (2016), ‘Redistributing Unpaid Care Work – Why Tax Matters for Women’s Rights’.

В 2017 г. Women's Budget Group указывала, что меры жесткой экономии в Соединенном Королевстве негативно сказываются прежде всего на положении женщин, и в то же время «предоставление мужчинам налоговых льгот к 2020 г. будет обходиться Казначейству Ее Величества в £44 млрд в год»[1170]. Эта сумма складывается из потери £9 млрд из-за снижения акцизов на бензин и алкоголь, £13 млрд из-за снижения налога на прибыль корпораций и £22 млрд из-за повышения минимального размера дохода, облагаемого подоходным налогом и используемого для расчета взносов в фонд социального страхования. В совокупности потери от снижения налоговых поступлений превышают годовую экономию за счет сокращения социальных расходов, а это говорит о том, что дело не в нехватке финансовых ресурсов, а в приоритетах при расходовании бюджетных средств и учете гендерных факторов.

В бедных странах проблема снижения налоговых поступлений усугубляется использованием транснациональными компаниями различных схем ухода от налогообложения. Такие компании часто «добиваются налоговых каникул и других льгот в обмен на перевод бизнеса в развивающиеся страны», в результате чего последние ежегодно теряют $138 млрд налоговых поступлений. Что же делать, скажете вы, если единственная возможность заманить крупные компании в развивающиеся страны – полностью освободить их от налогов, позволив им использовать дешевую рабочую силу? Но это не так. Исследование ОЭСР показывает, что «эти стимулы далеко не всегда выступают главной причиной инвестирования в экономику развивающихся стран»[1171]. С другой стороны, дешевый женский труд, безусловно, очень притягателен. Но такая система налогообложения иногда «навязывается развивающимся странам международными финансовыми институтами»[1172].

Подобно тому, как налоговые льготы и вычеты в Великобритании сводят на нет экономию за счет сокращения социальных расходов, согласно оценкам Международного валютного фонда (МВФ), ежегодные потери развивающихся стран от схем ухода от налогообложения, используемых транснациональными компаниями ($212 млрд), значительно превышают объемы предоставляемой этим странам помощи[1173]. Считается, что более трети мирового объема незарегистрированных офшорных доходов хранится на секретных счетах в банках Швейцарии, к которой у ООН недавно возникли вопросы, касающиеся «негативных последствий ее политики в области налоговой и банковской тайны для прав женщин во всем мире»[1174]. Анализ, проведенный в 2016 г. Центром по экономическим и социальным правам[1175], показал, что финансовые потери развивающихся стран из-за ухода от налогообложения транснациональных компаний, занимающихся добычей меди – таких как базирующаяся в Швейцарии Glencore, – достигают величины, равной 60 % расходов на здравоохранение в Замбии, где работает указанная компания. Центр по экономическим и социальным правам также подсчитал, что Индия потеряла до «$1,2 млрд налоговых поступлений от средств, находящихся только в одном отделении одного из швейцарских банков, – это примерно 44 % расходов [Индии] на защиту прав женщин и 6 % общего объема социальных расходов страны в 2016 г.»[1176].

Но государству нужны деньги, и оно пытается компенсировать эти потери. Часто это делается с помощью налогов на потребление, которые легко собирать и от которых трудно уклоняться. Бедные страны получают «около двух третей налоговых поступлений за счет косвен-

---

[1170] https://wbg.org.uk/wp-content/uploads/2017/11/taxation-pre-Budget-nov-2017-final.pdf.

[1171] Там же.

[1172] Там же.

[1173] Institute of Development Studies (2016), 'Redistributing Unpaid Care Work – Why Tax Matters for Women's Rights' 36, http://www.taxjustice.net/2016/11/03/switzerland-un-hot-seat-impact-tax-policies-womens-rights/.

[1174] http://www.taxjustice.net/2016/11/03/switzerland-un-hot-seat-impact-tax-policies-womens-rights/.

[1175] Центр по экономическим и социальным правам (Center for Economic and Social Rights, CESR) – международная правозащитная организация, целью которой является борьба с бедностью и неравенством.

[1176] http://cesr.org/sites/default/files/downloads/switzerland_factsheet_2nov2016.pdf.

ных налогов, таких как НДС, и чуть более четверти – за счет подоходного налога»[1177]. Анализ, проведенный недавно МОТ, показал, что 138 стран (93 развивающихся и 45 развитых) планируют увеличить и/или ввести новые налоги на потребление, в первую очередь НДС[1178].

Рост косвенных налогов также негативно сказывается прежде всего на положении женщин, и не только потому, что доля женщин в численности бедного населения непропорционально велика (ведь чем вы беднее, тем выше доля дохода, которая тратится на потребление), но и потому, что именно женщины, как правило, занимаются покупкой продуктов питания и предметов домашнего обихода. А поскольку оплачиваемый труд женщин более эластичен по заработной плате (в немалой степени из-за гендерного неравенства в оплате труда), повышение НДС может привести к тому, что женщины будут тратить больше времени на неоплачиваемую работу, чтобы производить в домашних условиях продукты, которые иначе они могли бы купить на рынке.

Эта проблема зачастую усугубляется тем, что многие товары облагаются НДС без учета гендерных факторов. Эти факторы не учитываются, потому что никто не анализирует данные (в разбивке по половому признаку), отражающие влияние ставки налога на потребление и налоговых льгот на положение женщин[1179]. НДС обычно не облагаются «товары первой необходимости». Соответственно, в Великобритании от него освобождаются продукты питания, но не iPhone, без которых якобы можно обойтись. Но нередко товары, совершенно не нужные мужчинам, для женщин являются предметами первой необходимости. Поэтому во всем мире женщины призывают законодателей, большинство которых – мужчины, признать, наконец, что гигиенические изделия не являются предметами роскоши. В некоторых странах им это удается.

Понятно, что во всем мире налоговые системы, считающиеся объективным фактором торможения рыночных сил, приводят к серьезным гендерным последствиям. Налоговые системы разрабатывались на основе данных, не разбитых по половому признаку, людьми, чье мышление страдало «мужским перекосом». В сочетании с подходом к ВВП и социальным расходам, игнорирующим потребности женщин, налоговые системы во всем мире не только не способствуют преодолению нищеты, обусловленной гендерными проблемами, но и стимулируют ее. И если мы хотим ликвидировать неравенство, нам не обойтись без анализа экономики, опирающегося на реальность.

[1177] http://www.undp.org/content/dam/undp/library/gender/Gender%20and%20Poverty%20Reduction/Taxation%20English.pdf.

[1178] Institute of Development Studies (2016), 'Redistributing Unpaid Care Work – Why Tax Matters for Women's Rights'.

[1179] European Parliament (2017), *Gender Equality and Taxation in the European Union*.

Глава 14
Права женщин – права человека

В двух предыдущих главах я пыталась показать, что принимаемые государством решения нередко оказываются неудачными из-за существенного дефицита гендерных данных. В результате государственная политика, страдающая «мужским перекосом», негативно сказывается на положении женщин. Нехватка данных отчасти объясняется нежеланием собирать их, а отчасти – доминированием мужчин в органах власти всех стран мира. И хотя мы не всегда видим связь между «мужским перекосом» и дефицитом гендерных данных, факты недвусмысленно говорят о том, что присутствие женщин во власти имеет огромное значение.

Результаты ряда исследований, выполненных в США в период с 1980-х по 2000-е гг., свидетельствуют, что женщины, наделенные властью, чаще считают женские проблемы приоритетными и чаще поддерживают законы, направленные на решение этих проблем[1180]. Проведенный недавно в Великобритании анализ результатов работы женщин-парламентариев в Вестминстерском дворце с 1945 г. показал, что они чаще поднимают женские проблемы и вопросы политики в области поддержки семьи, образования и социального обеспечения[1181]. Анализ[1182] результатов работы женщин в органах законодательной власти 19 стран ОЭСР[1183] в период с 1960 г. по 2005 г. также указывает на то, что женщины-политики чаще решают женские проблемы.

Анализ ОЭСР также показал, что женщины не только поднимают проблемы, но и решают их. По мере увеличения политического представительства женщин в Греции, Португалии и Швейцарии в этих странах наблюдался рост инвестиций в образование. И наоборот, по мере его сокращения в конце 1990-х гг. в Ирландии, Италии и Норвегии имело место «пропорциональное сокращение доли расходов на образование в ВВП». Было установлено, что увеличение количества женщин в органах законодательной власти всего на один процентный пункт приводит к увеличению доли расходов на образование в ВВП. Точно так же исследование, проведенное в Индии в 2004 г. и посвященное работе местных органов власти в штатах Западная Бенгалия и Раджастан, показало, что, когда доля женщин в общем количестве членов местных советов достигла трети, увеличился объем инвестиций в социальную инфраструктуру, в которой нуждались женщины[1184]. Результаты анализа 2007 г., посвященного представительству женщин в органах власти Индии в период с 1967 г. по 2001 г., также свидетельствуют, что его увеличение привело к росту «количества жителей городов, получивших начальное образование», на 6 %[1185].

Иными словами, десятилетиями мы получаем свидетельства того, что участие женщин в политической жизни оказывает ощутимое влияние на принимаемые законы. А раз так, Берни Сандерс, видимо, был неправ, когда заявил во время президентской кампании 2016 г., что «нехорошо говорить: “Голосуйте за меня, потому что я женщина!”». Проблема не в том, что кто-то думает, что это хорошо. Проблема в том, что никто так не думает. Более того, многие считают, что принадлежность политика к женскому полу – достаточное основание для того, чтобы не голосовать за него на выборах. Незадолго до президентских выборов в США 2016 г.

[1180] https://www.politicalparity.org/wp-content/uploads/2017/10/Parity-Research-Women-Impact.pdf.

[1181] http://www.historyandpolicy.org/policy-papers/papers/women-inparliament-since-1945-have-they-changed-the-debate.

[1182] https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:200156/FULLTEXT01.pdf.

[1183] Австралия, Австрия, Бельгия, Канада, Дания, Финляндия, Франция, Греция, Ирландия, Италия, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Португалия, Испания, Швеция, Швейцария, Великобритания и США.

[1184] https://economics.mit.edu/files/792.

[1185] https://web.stanford.edu/group/peg/Papers%20for%20call/nov05%20papers/Clots-Figueras.pdf.

журнал *The Atlantic* опубликовал данные по фокус-группе избирателей, не определившихся с позицией[1186]. Общее мнение было таково: Хиллари Клинтон слишком амбициозна.

Участники фокус-группы были не оригинальны. Их мнение разделяли и Энн Эпплбаум, писавшая о «необычайном, иррациональном, бьющем через край честолюбии Хиллари Клинтон»[1187], и голливудский магнат, спонсор Демократической партии и «временный союзник Хиллари Клинтон»[1188] Дэвид Геффин, вопрошавший: «О Боже, есть ли в целом свете человек, более честолюбивый, чем она?»[1189], и Колин Пауэлл, говоривший о ее «безудержных амбициях»[1190], и руководитель предвыборного штаба Берни Сандерса, призывавший «не разрушать Демократическую партию ради удовлетворения амбиций госсекретаря»[1191], и, конечно, старый добрый Джулиан Ассанж, называвший эту женщину «снедаемой амбициями»[1192]. Единственное, с чем все, видимо, готовы были согласиться (согласие – такая редкость в эпоху поляризации), так это с тем, что честолюбие Хиллари Клинтон заслуживает порицания. Действительно, о нем говорилось так много, что оно даже удостоилось войти в заголовок статьи на сайте The Onion: «Хиллари Клинтон слишком честолюбива, чтобы стать первой женщиной-президентом» (Hillary Clinton is too ambitious to be the first female president)[1193].

Чтобы стать первой женщиной – президентом США, заняв пост, позволяющий играть главную роль в мире, действительно требуется невероятное честолюбие. Можно, конечно, возразить, что стремление занять этот главный в мире политический пост требует невероятного честолюбия и от бывшего бизнесмена и телеведущего, не имеющего опыта политической деятельности. Но Трампа почему-то никто не упрекает в излишней амбициозности.

Доцент кафедры психологии Калифорнийского университета в Беркли Родольфо Мендоса-Дентон предлагает интересное объяснение причин, по которым честолюбие Хиллари Клинтон считают «патологическим»[1194]. Дело в том, что она «вторглась на территорию, которую люди считают мужской». Поэтому, поясняет он, избиратели восприняли ее выдвижение на выборах как нарушение нормы. А нарушение нормы, пишет Родольфо Мендоса-Дентон, «не вызывает ничего, кроме отвращения, и часто провоцирует сильные отрицательные эмоции».

Женщины, стремящиеся к власти, воспринимаются как нарушение нормы по одной простой причине: из-за нехватки гендерных данных. Лично я, например, выросла на мифе, что женщины – как бы это выразиться? – существа, в общем-то, никчемные. Отчасти это произошло потому, что именно такими (пустыми, лишенными логики, помешанными на тряпках) *представляли* их нам СМИ, а отчасти – потому, что они представляли женщин *недостаточно*. Я была одной из тех девочек, которым внушали, – с помощью школьных программ, выпусков новостей и массовой культуры, где почти не было женщин, – что блестящие способности и успехи – это не про меня. Мне не показывали женщин (ни женщин прошлого, ни моих современниц), на которых я могла бы равняться. Мне не рассказывали ни о женщинах-политиках, ни о женщинах-правозащитницах, ни о писательницах, ни о художницах, ни об адвокатессах, ни о руководительницах компаний. Все люди, которых ставили мне в пример, были мужчинами, и в результате в моей голове власть, влияние и амбиции ассоциировались с принадлежностью к

[1186] https://www.theatlantic.com/politics/archive/2016/09/clintontrust-sexism/500489/.

[1187] http://www.telegraph.co.uk/comment/3558075/Irrational-ambition-is-Hillary-Clintons-flaw.html.

[1188] https://www.psychologytoday.com/blog/are-we-born-racist/201010/is-hillary-clinton-pathologically-ambitious.

[1189] https://archive.nytimes.com/query.nytimes.com/gst/fullpage-9D06E2DF113EF936A15751C0A9619C8B63.html.

[1190] https://www.washingtonexaminer.com/weekly-standard/colin-powell-on-hillary-clinton-unbridled-ambition-greedy-not-transformational.

[1191] http://www.teenvogue.com/story/hillary-clinton-laughs-too-ambitious-attack.

[1192] http://www.dailymail.co.uk/news/article-3900744/Assange-says-Clintoneaten-alive-ambitions-denies-Russia-Democratic-email-hacks-interview-Kremlin-s-TV-channel.html.

[1193] https://politics.theonion.com/hillary-clinton-is-too-ambitious-to-be-the-first-female-1819584287.

[1194] https://www.psychologytoday.com/blog/are-we-born-racist/201010/is-hillary-clinton-pathologically-ambitious.

мужскому полу. И, если уж на то пошло, признаюсь: я тоже когда-то считала, что для женщины честолюбивое стремление к власти – нарушение нормы. Я была почти готова согласиться с тем, что женщины, занимающие высокие посты, слишком амбициозны и что правы те, кто, говоря «амбициозная», подразумевает «стервозная».

С горечью приходится констатировать: до сих пор считается, что настоящая леди просто не захочет стать президентом. Исследование 2010 г. показало, что слишком властолюбивыми считают всех политиков, независимо от пола, но осуждают за это только женщин[1195]. Аналогичное исследование, проведенное Родольфо Мендосой-Дентоном, позволяет сделать вывод, что восприятие понятий «решительность» и «настойчивость» в применении к мужчинам и женщинам зависит от контекста[1196]. В контексте стереотипных «мужских» занятий (автомеханик, финансист с Уолл-стрит, президент США) поведение женщин воспринималось как более агрессивное, чем поведение мужчин, хотя представители обоих полов говорили одно и то же. В то время как решительность и настойчивость мужчин в контексте чисто женских занятий (выбор штор, планирование детской вечеринки по случаю дня рождения) не воспринимались как нарушение нормы (разве что казались немного странными), у женщин эти качества оценивались как нарушение нормы независимо от контекста. Решительная и настойчивая – значит властолюбивая.

Общество ограничивает стремление женщины к политической карьере в том числе с помощью своего рода «утешительного приза». За «отказ от конкуренции с мужчинами» ей предлагается социальный авторитет (для обретения которого необходимо, чтобы ее считали мягкой и отзывчивой), пишут профессора психологии Сьюзан Фиске и Мина Сикара[1197]. Получается, что социальный авторитет женщин в принципе несовместим с профессиональной политической деятельностью, потому что если женщина хочет, чтобы ее считали серьезным политиком, ее предполагаемая мягкость будет ей только мешать.

Ну и что? Пускай вас не любят. Пускай считают жесткой и холодной. Подумаешь! Хотите быть мягкой и теплой – отправляйтесь на кухню, так ведь?

Нет, не так. Это было бы так, если бы мужчин порицали за жесткость и холодность так же, как женщин. Но их за это не порицают. Вышеупомянутое исследование 2010 г. показало, что женщин, наделенных политической властью, не просто считали недостаточно отзывчивыми, – они навлекали на себя праведный гнев всех участников опроса независимо от пола. И у мужчин, и у женщин они вызывали презрение, возмущение и/или отвращение. Отношение к политикам мужского пола было иным. У Молли Крокетт, адъюнкт-профессора кафедры экспериментальной психологии Оксфордского университета, есть свое объяснение этой несправедливости: предполагаемое отсутствие «душевности» – нарушение нормы для женщин, но не для мужчин. «От женщин ожидают, – говорит Молли Крокетт, – что в целом они будут более ориентированы на межличностные связи, чем мужчины». Поэтому любое воспринимаемое (пускай даже необоснованно) отступление женщины от этой «нравственной установки» шокирует людей больше, чем отступление от нее мужчины.

Принимая во внимание очевидную гендерную составляющую этих проблем, можно было бы надеяться, что в этой области будет проводиться множество исследований, способствующих ликвидации дефицита гендерных данных. Но такие исследования не проводятся. Представьте же себе мое ликование, когда я наткнулась на работу, опубликованную в январе 2017 г. и озаглавленную «Лицом к лицу с отторжением: как воспринимаемые по внешности мягкость и компетентность влияют на моральные оценки и становятся фактором социальной изоля-

[1195] http://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0146167210371949.

[1196] http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0022103108000334.

[1197] Cikara, Mina and Fiske, Susan T. (2009), ‘Warmth, competence, and ambivalent sexism: Vertical assault and collateral damage’, in Barreto, Manuela, Ryan, Michelle K. and Schmitt, Michael T. (eds.), *The glass ceiling in the 21st century: Understanding barriers to gender equality*, Washington.

ции» (Faced with exclusion: Perceived facial warmth and competence influence moral judgments of social exclusion)[1198]. Учитывая результаты исследований Сьюзан Фиске и Мины Сикары, посвященных дилемме «мягкость или компетентность», указанная работа могла оказаться чрезвычайно полезной. Как указывают ее авторы, «моральные оценки, связанные с социальной изоляцией, могут зависеть от восприятия внешнего облика человека, что имеет огромное значение при проведении межгрупповых исследований». Это значит, что мнения людей о том, справедливо ли подвергать человека остракизму и издевательствам, определяются внешностью жертвы.

Разумеется, это так. К сожалению, авторы работы «из соображений эффективности проводили исследования только на изображениях мужских лиц», что делает исследование абсолютно бессмысленным для тех, кого эта проблема затрагивает в первую очередь, то есть для женщин. Сьюзан Фиске и Мина Сикара указывают, что гендерная принадлежность «проявляется явно, может быть, даже намного более явно, чем принадлежность к любой другой социальной категории», причем гендерные стереотипы часто срабатывают мгновенно и неосознанно: «одного взгляда на женщину бывает достаточно, чтобы мгновенно оценить весь набор свойственных ей фенотипических проявлений и их значение в том или ином контексте». Что же, надеюсь, исследование было по крайней мере эффективным.

«На самом деле просто удивительно, как мало внимания уделялось гендеру в литературе, посвященной вопросам нравственности», – говорит Молли Крокетт. Впрочем, может быть, ничего удивительного: исследования в этой области, говорит она, «в действительности были нацелены на раскрытие универсальных человеческих проявлений». При слове «универсальных» у меня в голове, естественно, мгновенно включается сигнал тревоги: ведь мы опять сталкиваемся с представлением о том, что человек по умолчанию – мужчина. Многие исследователи, занимавшиеся вопросами нравственности, придерживаются «эгалитарного, утилитарного, беспристрастного взгляда на моральные нормы», продолжает Молли Крокетт, и, возможно, эти взгляды накладывают отпечаток на «проводимые нами исследования». В моей голове снова включается сигнал тревоги.

Но то, что говорит Молли Крокетт далее, проливает хоть какой-то свет на то, почему представление о том, что люди – по умолчанию мужчины, настолько распространено в мире, ни много ни мало 50 % обитателей которого – женщины. «Таковы особенности человеческой психологии, – поясняет она, – людям кажется, что их личный опыт совпадает с опытом всех других людей». В социальной психологии это явление называется «наивный реализм», или «предвзятость проекции». Суть его в следующем: люди думают, что все другие мыслят и поступают так же, как они, что их представления и поведение типичны, что они – норма. У представителей белой расы предвзятость проекции, безусловно, подкрепляется культурой, отражающей их опыт и возвращающий им его, тем самым делая его еще более типичным. Предвзятость проекции усиливается предвзятостью восприятия, то есть, если угодно, склонностью во всем видеть подтверждение собственной правоты. В определенном смысле это помогает объяснить, почему «мужской перекос», как правило, маскируется под гендерную нейтральность. Если большинство людей, наделенных властью, – мужчины (а так оно и есть), эти люди просто не замечают его. «Мужской перекос» кажется им проявлением здравого смысла. Но на самом деле этот «здравый смысл» – лишь следствие дефицита гендерных данных.

Ошибочно принимая «мужской перекос» за объективное, универсальное проявление здравого смысла, люди (мужчины), сталкиваясь с теми, кто пытается установить общие правила игры, часто видят только сами эти попытки (возможно, считая их проявлением предвзятости), а не то, что за ними стоит. В статье 2017 г. показано, что в то время как в руководителях –

1198 https://www.researchgate.net/publication/304247016_Faced_with_exclusion_Perceived_facial_warmth_and_competence_influence_moral_judgments_of_social_exclusion.

белых мужчинах приветствуется стремление к гендерному и этническому разнообразию, руководителей – женщин и представителей этнических меньшинств за это порицают[1199]. Отчасти это объясняется тем, что, будучи носителями этого разнообразия, женщины и представители этнических меньшинств напоминают белым мужчинам, что их начальники (то есть женщины и представители этнических меньшинств) – это женщины и представители этнических меньшинств. В результате начинают проявляться все соответствующие стереотипы: эти начальники и властолюбивые, и жесткие, и холодные, и т. д. Руководители – женщины и представители этнических меньшинств, напротив, «имея дело с людьми, не ценящими гендерное и этническое разнообразие, стараются избегать негативных стереотипов». Вот оно, эмпирическое доказательство того, что большинство женщин (даже не признаваясь в этом себе) и так всегда знало, во всяком случае интуитивно: подыгрывая патриархату, можно ненадолго получить индивидуальное преимущество. Но у этой тактики есть один маленький недостаток: использовать ее можно лишь очень недолго.

То, что, проявляя «стремление к разнообразию», женщина напоминает людям о том, что она женщина, возможно, объясняет, почему Берни Сандерс решил, будто все, что сказала Хиллари Клинтон, это «голосуйте за меня, потому что я женщина», – ведь данные говорят, что это, конечно же, не так. Анализ частоты встречаемости слов в ее выступлениях, проведенный журналистом американского новостного сайта Vox Дэвидом Робертсом, показал, что Хиллари Клинтон «чаще всего говорила о трудящихся, рабочих местах, образовании и экономике – то есть о вещах, в пренебрежительном отношении к которым ее как раз и обвиняли. Рабочие места она упомянула почти 600 раз, а расизм, права женщин и аборты – всего несколько десятков раз». Но, как подчеркивает писательница Ребекка Солнит в своей колонке в журнале *London Review of Books*, посвященной выборам, «считалось, что она все время говорит о представительницах своего пола и гендере, хотя об этом без умолку трещали все, кроме нее»[1200].

•••

Что это означает с точки зрения гендера? То, что демократия – игра без правил, что система выборов страдает предвзятостью по отношению к женщинам. Это проблема, потому что мужчины и женщины, работающие в органах законодательной власти, неизбежно смотрят на политику с разных точек зрения. Жизнь женщин отличается от жизни мужчин, и эти отличия обуславливаются как половыми, так и гендерными факторами. К женщинам относятся не так, как к мужчинам. У них другой опыт взаимодействия с миром, а значит, другие потребности и приоритеты. Как и команды разработчиков продуктов, страдающие «мужским перекосом», органы законодательной власти, в которой преобладают мужчины, будут испытывать нехватку гендерных данных и, следовательно, плохо обслуживать интересы граждан женского пола. А в большинстве правительств мира работают преимущественно мужчины.

По состоянию на декабрь 2017 г. доля женщин в общем количестве парламентариев всего мира составляла в среднем 23,5 %, причем этот показатель сильно варьировался по регионам. Так, если в странах Северной Европы он достигал 41,4 %, то в арабских государствах не превышал 18,3 %[1201]. В 31 стране он был ниже 10 %, причем в парламентах четырех из этих стран не было ни одной женщины. При этом в большинстве стран практически ничего не предпринималось для изменения ситуации.

[1199] Hekman, David, Johnson, Stefanie, Foo, Maw-Der and Yang, Wei (2017), 'Does Diversity-Valuing Behavior Result in Diminished Performance Ratings for Non-White and Female Leaders?', *Academy of Management Journal*, 60:2, 771.

[1200] https://www.lrb.co.uk/v39/n02/rebecca-solnit/from-lying-to-leering.

[1201] http://archive.ipu.org/wmn-e/world.htm.

В 2017 г. британский Комитет по делам женщин и равноправию[1202] опубликовал доклад, содержавший шесть рекомендаций правительству, касающихся увеличения представительства женщин в парламенте[1203]. Все они были отклонены[1204]. Одна из них заключалась в том, чтобы правительство разрешило использовать так называемые полностью женские короткие списки[1205] не только на парламентских выборах, но и на выборах в местные органы власти, в том числе после 2030 г., до которого их использование было разрешено в тот момент. Британская избирательная система предусматривает проведение предварительных внутрипартийных выборов по каждому избирательному округу, определяющих, какого кандидата партия будет выставлять на парламентских выборах. Полностью женские короткие списки, включающие только кандидатов-женщин, используются на таких выборах, если партия хочет выставить на парламентских выборах кандидата-женщину.

Полностью женские короткие списки впервые были применены на парламентских выборах в Великобритании в 1997 г. В январе 1997 г. доля женщин в палате общин составляла 9,5 %. В мировом рейтинге представительства женщин в парламенте Соединенное Королевство занимало 50-е место, деля его с Сент-Винсент и Гренадинами и Анголой[1206]. Но к декабрю того же года страна неожиданно поднялась аж на 20-е место. Дело в том, что в мае прошли парламентские выборы, на которых главная оппозиционная партия – лейбористская – впервые использовала полностью женские короткие списки. Результат превзошел все ожидания. Количество женщин-депутатов от лейбористской партии выросло с 37 до 101, а общее количество женщин-парламентариев – с 60 до 120 человек.

На британских парламентских выборах 2017 г. лейбористы использовали женские списки в 50 % избирательных округов, кандидаты от которых прошли в парламент. Доля женщин в общем количестве прошедших в парламент кандидатов от партии составила 41 %. Для тори и либеральных демократов, не использовавших полностью женские короткие списки, этот показатель составил 29 %. В 2018 г. доля женщин в палате общин составляла уже 32 %. В мировом рейтинге представительства женщин в парламенте страна заняла 39-е место, то есть опустилась на несколько строк вниз, что отчасти было связано с тем, что и другие страны не стояли на месте, а отчасти – преобладанием в парламенте консерваторов, не использовавших полностью женские короткие списки (доля женщин, представляющих в парламенте лейбористскую партию, составляла 43 %, а партию консерваторов – 21 %).

Очевидно, что значительное увеличение доли женщин в парламенте стало следствием использования лейбористами полностью женских коротких списков. Отказ правительства от продления использования этого инструмента на период после 2030 г. равносилен законодательному закреплению возврата к «мужскому перекосу» в британской демократии. Возможно, члены правительства не ознакомились с данными о влиянии женщин-политиков на законотворческий процесс. Или, наоборот, ознакомились с ними.

Отказ британского правительства разрешить использование полностью женских коротких списков на выборах в местные органы власти вызывает, мягко говоря, недоумение, потому что представительство женщин в местных советах еще ниже, чем в парламенте. Политика децентрализации власти в Великобритании подразумевает возвращение властных полномочий

[1202] Один из комитетов палаты общин, созданный в 2015 г.

[1203] https://www.parliament.uk/business/committees/committees-a-z/commons-select/women-and-equalities-committee/news-parliament-2017/govt-response-women-hoc-2017-19/.

[1204] https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/642904/Government_Response_-_Women_in_the_House_of_Commons.pdf.

[1205] Полностью женские короткие списки (all-women shortlists, AWS) – инструмент позитивной дискриминации, направленный на увеличение доли женщин в парламенте Великобритании и ряда других стран и позволяющий партиям выставлять на выборах в определенных избирательных округах только кандидатуры женщин.

[1206] http://archive.ipu.org/wmn-e/arc/classif010197.htm.

на уровень местных сообществ (местные органы власти, на которые Великобритания ежегодно расходует £94 млрд, играют ключевую роль в системе социального обеспечения, в котором нуждаются прежде всего женщины). Но факты, представленные в докладе 2017 г., подготовленном по заказу женской благотворительной организации Fawcett Society, говорят о том, что в основном этот процесс выливается в возвращение властных полномочий мужчинам[1207].

В докладе, подготовленном для Fawcett Society, указывается, что в девяти местных советах Англии и Уэльса по-прежнему работают исключительно мужчины, и только 33 % местных советов возглавляют женщины. Лишь каждый третий член местного совета в Англии – женщина, причем за два десятилетия доля женщин выросла всего на пять процентных пунктов. Все шесть новых избранных мэров городов – мужчины (на последних выборах в Ливерпуле ни одна из ведущих партий даже не выставляла кандидатуры женщин), и всего 12 % членов советов в областях, где проходили выборы, – женщины.

Доклад, подготовленный для Fawcett Society, – единственный источник данных, потому что государство их не собирает. Если благотворительная организация вдруг перестанет это делать, отслеживать динамику будет невозможно. При этом отказ разрешить использование полностью женских коротких списков на выборах в местные советы и выборах мэров городов правительство объясняет «недостаточностью доказательной базы»[1208]. Учитывая также отказ принять главную рекомендацию Комитета по делам женщин и равноправию – заставить партии собирать и публиковать данные о половой и этнической принадлежности кандидатов («возложив на них соответствующие обязательства, закрепленные в законе»), – это объяснение ставит тех, кто хотел бы, чтобы британская демократия меньше страдала от «мужского перекоса», не в самое выгодное положение.

Три из шести рекомендаций, содержащихся в докладе Комитета по делам женщин и равноправию, касались введения квот, и неудивительно, что они были отклонены: британское правительство традиционно сопротивляется подобным мерам, считая их недемократичными. Но мировой опыт говорит о том, что политические гендерные квоты вовсе не ведут к чудовищному засилью некомпетентных женщин в органах власти[1209]. Как показывают результаты исследований Лондонской школы экономики и политических наук, политические гендерные квоты, как и трудовые квоты, не только не ведут к этому, но, если уж на то пошло, «повышают уровень компетентности представителей политического класса в целом». А если так, то гендерные квоты не более чем инструмент, смягчающий скрытый «мужской перекос», и именно нынешняя политическая система является недемократичной.

Форма гендерной квоты, применяемая в той или иной стране, зависит от избирательной системы. В Великобритании от каждого из 650 избирательных округов в парламент избирается один депутат. Побеждает кандидат, набравший простое большинство голосов. При мажоритарной системе единственным возможным инструментом смягчения «мужского перекоса» являются полностью женские короткие списки.

В Швеции проводится голосование по партийным спискам. От каждого округа избирается несколько депутатов, количество которых устанавливается по принципу пропорционального представительства. Каждая партия формирует список кандидатов по каждому избирательному округу, при этом кандидаты перечисляются в порядке предпочтения. Чем больше голосов получает партия, тем больше кандидатов из списка будут представлять избирательный округ. Чем ниже кандидат стоит в списке, тем меньше у него шансов пройти в парламент.

[1207] https://www.fawcettsociety.org.uk/Handlers/Download.ashx?IDMF=2e149e34-9c26-4984-bf64-8989db41a6ad.

[1208] https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/642904/Government_Response_-_Women_in_the_House_of_Commons.pdf.

[1209] Diana Z. O'Brien and Johanna Rickne (2016), 'Gender Quotas and Women's Political Leadership', *American Political Science Review*, 110:1 (February 2016), 112–26.

В 1971 г. доля женщин в парламенте Швеции составляла всего 14 %[1210]. Социал-демократическая рабочая партия Швеции (СДРПШ) решила устранить эту несправедливость. Сначала в 1972 г. она рекомендовала включать в списки своих кандидатов «больше женщин»[1211]. В 1978 г. был сделан следующий шаг: количество женщин в списке кандидатов теперь должно было быть пропорционально количеству женщин – членов партии. В 1987 г. была установлена минимальная доля женщин в списках – 40 %. Ни одна из этих мер не оказала существенного влияния на количество избранных депутатов-женщин: их доля в списке кандидатов могла составлять 50 %, но если все женщины располагались внизу списка, у них практически не было шансов пройти в парламент.

Поэтому в 1993 г. СДРПШ ввела так называемую чередующуюся квоту. Составлялись два списка: кандидатов-мужчин и кандидатов-женщин. Затем составлялся общий список, в котором кандидаты из обоих списков строго чередовались. После выборов 1994 г. представительство женщин – членов партии в парламенте Швеции резко возросло: на восемь процентных пунктов[1212], и с тех пор никогда не опускалась ниже 40 %[1213] (хотя доля женщин в общем количестве шведских парламентариев снижалась, поскольку граждане страны все чаще голосовали за правые партии, не использующие гендерные квоты).

Сравните этот опыт с опытом Южной Кореи, наглядно показывающий, что такая, казалось бы, никак не связанная с гендерной проблематикой вещь, как избирательная система, на самом деле серьезно влияет на политическое представительство женщин. В Южной Корее действует смешанная избирательная система: около 18 % депутатов парламента избираются по партийным спискам по принципу пропорционального представительства[1214], а остальные – как в Великобритании, то есть простым большинством голосов по одномандатным округам. Гендерные квоты используются в обоих случаях.

Когда на выборах 2004 г. гендерная квота для депутатов, избираемых по принципу пропорционального представительства, была увеличена с 30 до 50 %, доля женщин в южнокорейском парламенте увеличилась более чем вдвое. Звучит впечатляюще, но следует учитывать, что рост происходил с очень низкой базы, потому что если на выборах по принципу пропорционального представительства квоты более или менее работали, то в одномандатных округах дело обстояло иначе. Предполагалось, что доля избранных кандидатов-женщин будет составлять 30 %, однако на выборах 2016 г. в одномандатных округах она составила всего 7 % по партии «Сэнури» и 10 % по Совместной демократической партии. Если бы гендерные квоты работали одинаково эффективно на выборах во всех округах, доля женщин в парламенте Южной Кореи могла бы достичь 33,6 %. Но в настоящее время она составляет 15,7 %.

Причины разной эффективности гендерных квот на выборах по принципу пропорционального представительства и в одномандатных округах понять нетрудно. В этой игре кто-то побеждает, а кто-то проигрывает[1215]. Победитель получает все. И хотя на макроуровне полностью женские короткие списки в обоих случаях способствуют восстановлению справедливости, на микроуровне они, естественно, уже не кажутся справедливыми – особенно конкретным мужчинам, которым не позволили даже конкурировать с женщинами.

Этот аргумент использовали два не прошедших в парламент кандидата от лейбористской партии – Питер Джепсон и Роджер Диас-Эллиот. В 1996 г. они подали на партию в суд, утверждая, что использование полностью женских коротких списков является нарушением Акта о

[1210] https://blogs.eui.eu/genderquotas/wp-content/uploads/sites/24/2015/03/Executive-summary-Sweden-Freidenvall1.pdf.

[1211] Там же.

[1212] http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2013/493011/IPOL-FEMM_NT(2013)493011_EN.pdf.

[1213] https://blogs.eui.eu/genderquotas/wp-content/uploads/sites/24/2015/03/Executive-summary-Sweden-Freidenvall1.pdf.

[1214] Yoon, J. and Shin, K. (2015), 'Mixed effects of legislative quotas in South Korea', *Politics & Gender*, 11:1, 186–95.

[1215] O'Brien and Rickne (2016).

дискриминации по половому признаку 1975 г. (Sex Discrimination Act 1975). Учитывая то, что мы знаем о скрытой позитивной дискриминации, проявляющейся в том, что мужчины оказываются в более выгодном положении по сравнению с женщинами, списки, конечно, соответствуют духу закона. Однако они не соответствуют его букве. Поэтому Питер Джепсон и Роджер Диас-Эллиот выиграли дело. Полностью женские короткие списки были объявлены вне закона, однако вскоре снова разрешены законом 2002 г.[1216], принятым правительством лейбористов. Изначально предполагалось, что они будут использоваться до 2015 г., но в 2008 г. Гарриет Гарман, в то время заместитель лидера лейбористов, объявила, что срок их действия будет продлен до 2030 г.[1217] Между тем Роджер Диас-Эллиот недавно вновь оказался в суде, где ему был вручен запретительный приказ за отправку супруге депутата-соперника мертвой птицы[1218].

•••

Во всем мире в странах с самым высоким уровнем женского политического представительства выборы в парламент, как правило, проводятся по партийным спискам (по принципу пропорционального представительства)[1219]. Учитывая опыт Южной Кореи и Швеции, возможно, Комитету по делам женщин и равноправию не следовало начинать с того, чтобы призывать к введению квот. Если он действительно хочет повысить долю женщин в парламенте, возможно, первым шагом должна была бы стать кардинальная реформа избирательной системы. Кроме того, усиление представительства женщин – это только полдела, потому что какой смысл избирать в органы власти женщин, если им мешают эффективно работать? А им действительно мешают.

Клэр Кастильехо, специалист по нестабильным государствам, пишет, что влиятельности женщин в органах власти зачастую препятствует отсутствие доступа в протекционистские структуры, в которых преобладают мужчины[1220]. Женщины могут присутствовать на официальных переговорах, но что толку, если мужчины организуют закулисные встречи (а это, подчеркивает Клэр Кастильехо, обычная практика в постконфликтных ситуациях)[1221] для реального обсуждения вопросов «в неформальной обстановке, на площадках, куда женщинам вход закрыт»[1222].

Очень часто женщин оттесняют от процесса принятия решений. Это одна из главных причин (самая главная – отсутствие женщин в органах власти), по которой из системы, страдающей «мужским перекосом», вымываются гендерные данные, отражающие жизненный опыт и потребности женщин. В ходе опроса американских законодателей, проведенного в 2011 г., 40 % женщин не согласились с утверждением «При принятии важных решений глава органа законодательной власти консультируется с коллегами-женщинами так же часто, как и с мужчинами» (интересно, что из мужчин с этим не согласились только 17 %)[1223]. Аналогичным образом, в докладе 2017 г., посвященном работе местных органов власти в Великобритании, под-

---

[1216] Законом о дискриминации по половому признаку (кандидатов на выборах) 2002 г. (Sex Discrimination (Election Candidates) Act 2002).

[1217] https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/law-allowing-all-women-shortlists-extended-792766.html.

[1218] https://www.worksopguardian.co.uk/news/man-who-sent-mps-wife-dead-bird-post-given-restraining-order-2742866.

[1219] https://christinescottcheng.wordpress.com/publications/women-in-politics/mixed-member-proportional-leads-to-more-women-mps/how-the-electoral-system-matters-for-electing-women/.

[1220] Castillejo, Clare (2016), 'Women political leaders and peacebuilding', https://noref.no/Publications/Themes/Peacebuilding-and-mediation/Women-political-leaders-and-peacebuilding.

[1221] https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/6ccaf3f24b120b8004f0db2a767a9dc2.pdf.

[1222] Castillejo (2016).

[1223] https://www.politicalparity.org/wp-content/uploads/2017/10/Parity-Research-Women-Impact.pdf.

черкивается, что «в органах местного самоуправления властные полномочия осуществляются в рамках неформальных группировок», в которые «женщины входят редко»[1224].

При этом чтобы оттеснить женщин от законотворчества, мужчинам вовсе не обязательно собираться в местах, куда женщинам вход закрыт. У них много других способов помешать женщинам работать, и их можно использовать (и используют) на площадках, равно доступных для представителей обоих полов. Один из таких способов – перебивать женщин во время выступления. «Женщин перебивают гораздо чаще, чем мужчин», – подчеркивается в исследовании 2015 г., в ходе которого было установлено, что мужчины в среднем более чем вдвое чаще перебивают женщин, чем женщины – мужчин[1225]. Во время дебатов в рамках президентской кампании 2016 г. Дональд Трамп перебил Хиллари Клинтон 51 раз, в то время как она перебила его лишь 17 раз[1226]. Женщину – кандидата в президенты перебивал не только Трамп. Журналист Мэтт Лаудер (ныне уволенный из-за многочисленных обвинений в сексуальных домогательствах)[1227] перебивал Хиллари Клинтон чаще, чем Трампа. Он также «выражал сомнение в правдивости ее высказываний чаще, чем высказываний Трампа»[1228], хотя на промежуточных выборах 2018 г. Хиллари Клинтон была признана самым честным кандидатом[1229].

Другой прием – покровительственный тон. Печально известный пример такого тона продемонстрировал в 2011 г. Дэвид Кэмерон, в то время премьер-министр Великобритании, когда сказал депутату от лейбористов Анжеле Игл: «Остынь, дорогая!»[1230] В глобальном исследовании, проведенном Межпарламентским союзом (МПС) в 2016 г. и посвященном проявлениям сексизма, насилию и харассменту в отношении женщин-политиков, приводится жалоба женщины, заседающей в парламенте одной из европейских стран: «Если женщины, выступая в парламенте, говорят слишком громко, на них шикают, прижимая палец к губам, как на расшумевшихся малышей; если же громко говорят мужчины, никто не делает им замечаний»[1231]. Другая женщина-парламентарий рассказала, что ее «постоянно спрашивают – даже мужчины из ее же партии, – действительно ли то, что она собирается сказать, настолько важно, чтобы давать ей слово». Встречаются и примеры попыток более жесткого давления на женщин. В интервью *The Guardian* афганский парламентарий Фавзия Кофи заявила, что ее коллеги-мужчины прибегают к откровенным угрозам, чтобы заставить женщин-депутатов замолчать, а если это не удается, «руководство парламента просто отбирает у женщин микрофон»[1232].

Указывая на скрытый гендерный перекос, возникающий из-за того, что время выступлений в парламенте контролирует один человек (чаще всего мужчина), женщина-парламентарий одной из стран Африки, расположенных к югу от Сахары (в докладе уточняется только регион, чтобы женщины-парламентарии могли сохранять анонимность), заявила, что спикер оказывал давление на одну из ее коллег, принуждая к сексу. После того, как та отказала ему, «он больше ни разу не дал ей слова». Впрочем, чтобы женщине не давали слова, ей вовсе не обязательно отказывать спикеру парламента. «В течение моего первого срока в парламенте руководство всегда предоставляло мужчинам слово по первому требованию, в обход женщин», – рассказала женщина-парламентарий одной из азиатских стран.

[1224] https://www.fawcettsociety.org.uk/Handlers/Download.ashx?IDMF=2e149e34-9c26-4984-bf64-8989db41a6ad.

[1225] Hancock, Adrienne B., Rubin, Benjamin A. (2015), 'Influence of Communication Partner's Gender on Language', *Journal of Language and Social Psychology,* 34:1, 46–64.

[1226] https://www.pbs.org/newshour/politics/for-many-women-watching-trump-interrupt-clinton-51-times-was-unnerving-but-familiar.

[1227] https://www.vanityfair.com/news/2017/11/inside-the-fall-of-todays-matt-lauer.

[1228] https://hbr.org/2016/09/why-hillary-clinton-gets-interrupted-more-than-donald-trump.

[1229] https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/mar/28/hillary-clinton-honest-transparency-jill-abramson.

[1230] http://www.bbc.co.uk/news/uk-politics-13211577.

[1231] http://archive.ipu.org/pdf/publications/issuesbrief-e.pdf.

[1232] https://www.theguardian.com/politics/2014/feb/09/fawzia-koofi-afghanistan-mp-turn-off-microphones.

В докладе МПС делается вывод, что проявления сексизма, насилие и харассмент в отношении женщин-политиков «не знают границ и в той или иной степени распространены в любой стране». В докладе подчеркивается, что 66 % женщин-парламентариев регулярно слышат от коллег-мужчин женоненавистнические замечания – от высказываний, унижающих их достоинство («Тебе только в порнофильмах сниматься!»), до прямых угроз («Ее надо изнасиловать, чтобы она поняла, что творят эти мигранты!»).

Подобное отношение к женщинам-политикам, безусловно, объясняется гендерными факторами[1233]. Во время праймериз демократов в 2016 г. Хиллари Клинтон получила почти в два раза больше оскорбительных твитов, чем Берни Сандерс. Чаще всего в них встречалось слово «сука». Оно чаще всего встречалось и в твитах, полученных австралийским экс-премьером Джулией Гиллард, которой в период с 2010 г. по 2014 г. было прислано в два раза больше оскорбительных сообщений, чем ее политическому конкуренту Кевину Радду. Одна женщина – депутат Европейского парламента пожаловалась МПС, что однажды за четыре дня получила более 500 сообщений в Twitter с угрозами изнасилования[1234]. На другую женщину оказывали давление, отправляя ей сообщения с информацией о ее сыне, давая понять, что знают «его возраст, школу, класс, где он учится и т. д., и угрожая похитить его».

Иногда дело не ограничивается «просто угрозами». Более 20 % женщин-парламентариев, опрошенных МПС, «подверглись сексуальному насилию не менее одного раза», а каждая третья женщина была свидетелем сексуального насилия в отношении своих коллег-женщин. Во время выборов 2010 г. в Афганистане почти все кандидаты-женщины получали звонки с угрозами[1235], а некоторым даже потребовалась круглосуточная охрана[1236]. «Не проходит и дня, чтобы я не боялась за свою жизнь», – призналась афганский парламентарий Фавзия Кофи в интервью *The Guardian* в 2014 г.[1237] Годом позже одна из ее коллег погибла от взрыва бомбы, заложенной в автомобиль, – это было второе покушение на женщин-политиков в Афганистане за три месяца[1238].

Судя по всему, с ростом числа женщин в органах законодательной власти нарастает и направленная на них агрессия. Результаты исследований, проводимых в самых разных странах мира (включая благополучные скандинавские), показывают, что по мере усиления представительства женщин в парламентах наблюдается все больше проявлений ненависти к ним [1239], особенно со стороны коллег-мужчин. В США и Новой Зеландии[1240] исследования показали, что «по мере роста доли женщин в органах законодательной власти наблюдается все больше проявлений вербальной агрессии со стороны мужчин с целью подавления женщин как на слушаниях в комитетах, так и на парламентских дебатах». В ходе другого исследования было обнаружено, что по мере увеличения доли женщин в конгрессе США (в настоящее время она составляет лишь 19,4 %)[1241] они все реже занимают руководящие посты в своей партии[1242]. Согласно ана-

---

1233 https://www.theguardian.com/technology/datablog/ng-interactive/2016/jun/27/from-julia-gillard-to-hillary-clinton-online-abuse-of-politicians-around-the-world.

1234 http://archive.ipu.org/pdf/publications/issuesbrief-e.pdf.

1235 Там же.

1236 http://www.medicamondiale.org/fileadmin/redaktion/5_Service/Mediathek/Dokumente/English/Documentations_studies/medica_mondiale_-_Report_on_Women__Peace_and_Security_-_October_2007.pdf.

1237 https://www.theguardian.com/politics/2014/feb/09/fawzia-koofi-afghanistan-mp-turn-off-microphones.

1238 https://www.reuters.com/article/us-afghanistan-women/bomb-attack-ineastern-afghanistan-kills-female-politician-idUSKBN0LK1EI20150216.

1239 O'Brien and Rickne (2016).

1240 Там же.

1241 http://archive.ipu.org/wmn-e/classif.htm.

1242 Kanthak, Kristin and Krause, George A. (2012), *The Diversity Paradox: Political Parties, Legislatures, and the Organizational Foundations of Representation in America*, New York.

лизам[1243], проведенным в США и Аргентине, значительное увеличение доли женщин в органах законодательной власти «сопровождается снижением как эффективности продвижения вносимых ими законов, так и шансов на назначение в “мужские” или “влиятельные” комитеты»[1244]. Точно так же анализ, проведенный в США, показывает, что при постановке вопросов о правах человека как вопросов, касающихся прав женщин, политики-мужчины менее охотно поддерживают соответствующие законопроекты, а законы, продвигаемые преимущественно женщинами, в конечном итоге становятся настолько размытыми и выхолощенными, что штатам становится неинтересно вкладывать в них ресурсы[1245]. Видимо, демократия – в той мере, в какой она касается женщин, – работает неправильно.

Женщинам приходится работать в экстремальных условиях психологической войны, что не может не сказываться на эффективности законотворческого процесса. Многие из них жалуются МПС, что вынуждены ограничивать свои поездки, стараются возвращаться домой до наступления темноты и не путешествовать в одиночку[1246]. Другие занимаются самоцензурой, особенно когда речь идет о проблемах женщин[1247] (которые, как правило, провоцируют самую сильную агрессию со стороны мужчин)[1248]. Дело доходит до того, что некоторые женщины-парламентарии отказываются от использования социальных сетей, лишаясь таким образом «площадки для продвижения и обсуждения своих идей».

Некоторые просто сдаются и отступают. Из-за проявлений насилия женщины-политики в странах Азии и Латинской Америки реже баллотируются на следующий срок и работают в органах законодательной власти не так долго, как их коллеги-мужчины[1249]. «Не знаю, буду ли я выставлять свою кандидатуру на следующих выборах, – сказала МПС женщина-парламентарий из одной из азиатских стран, – потому что не хочу подвергать свою семью серьезной опасности»[1250]. Даже в благополучной Швеции каждая третья женщина, работающая в местных органах власти, «намеревается оставить свой пост из-за угроз применить насилие»[1251].

У некоторых женщин проявленная по отношению к ним агрессия с самого начала отбивает желание заниматься публичной политикой. Более 75 % британок, участвовавших в программе для женщин – начинающих политических лидеров, заявили, что сексистские высказывания о женщинах-политиках в интернете «заставили их задуматься о том, стоит ли продолжать участвовать в политической жизни»[1252]. В Австралии 60 % женщин в возрасте от 18 лет до 21 года и 80 % женщин старше 31 года сказали, что из-за негативного отношения СМИ к женщинам-политикам они сомневаются, что будут выставлять свои кандидатуры на выборах[1253]. В Нигерии в период с 2011 г. по 2015 г. наблюдалось «заметное сокращение» количества женщин, избранных в Национальную ассамблею. Исследование, проведенное американской неправительственной организацией Национальный демократический институт[1254],

---

[1243] O’Brien and Rickne (2016).

[1244] Kanthak and Krause (2012). Как только женщины получают большинство, мужчины отступают.

[1245] Wittmer, Dana and Bouche, Vanessa (2010), ‘The Limits of Gendered Leader ship: The Public Policy Implications of Female Leadership on Women’s Issues’, *The Limits of Gendered Issues*, APSA 2010 Annual Meeting Paper.

[1246] http://archive.ipu.org/pdf/publications/issuesbrief-e.pdf.

[1247] http://www.medicamondiale.org/fileadmin/redaktion/5_Service/Mediathek/Dokumente/English/Documentations_studies/medica_mondiale_-_Report_on_Women__Peace_and_Security_-_October_2007.pdf.

[1248] http://archive.ipu.org/pdf/publications/issuesbrief-e.pdf.

[1249] https://www.cfr.org/article/violence-against-female-politicians.

[1250] http://archive.ipu.org/pdf/publications/issuesbrief-e.pdf.

[1251] https://www.cfr.org/article/violence-against-female-politicians.

[1252] https://www.ndi.org/sites/default/files/not-the-cost-program-guidance-final.pdf.

[1253] https://www.ndi.org/sites/default/files/not-the-cost-program-guidance-final.pdf.

[1254] Национальный демократический институт (The National Democratic Institute, NDI), или Национальный демократический институт по международным вопросам (The National Democratic Institute for International Affairs, NDIFA) – американская некоммерческая организация, созданная в 1983 г. с целью содействия развивающимся странам в повышении эффективности

показало, что причиной этого могло быть «насилие в отношении женщин и сексуальные домогательства, с которыми женщины сталкиваются на рабочем месте»[1255]. А как мы видели, сокращение представительства женщин в органах законодательной власти порождает дефицит гендерных данных, который, в свою очередь, ведет к сокращению количества законов, нацеленных на удовлетворение потребностей женщин.

●●●

Факты неопровержимо свидетельствуют: политическая среда (в ее сегодняшнем виде) неблагоприятна для женщин. Это означает, что, хотя *формально* правила игры для всех одинаковы, в реальности женщины-политики оказываются в невыгодном положении по сравнению с мужчинами. Так происходит всегда, если какая-либо система (в данном случае политическая) создается без учета гендерных факторов.

Женщины, готовые работать засучив рукава и делать карьеру во враждебной профессиональной среде, могут взять на вооружение подход Шерил Сэндберг, описанный в ее книге «Не бойся действовать». Он, разумеется, не решает проблему полностью. Я не занимаюсь политикой, но участвую в общественной жизни и получаю свою долю угроз и оскорблений. И, каким бы непопулярным ни было мое мнение, я считаю, что именно те из нас, кто не боится трудностей, обязаны взять на себя бремя ответственности. Мужчины угрожают нам, потому что боятся. На самом деле страх обусловлен дефицитом гендерных данных: некоторые мужчины, воспитанные в культуре, где слышны лишь мужские голоса и заметны лишь мужские лица, боятся, что женщины вытеснят их из политического и общественного пространства, которое, как они считают, принадлежит им по праву. И этот страх не рассеется, пока мы не заткнем гендерную информационную дыру в нашей культуре. Если мы это сделаем, мужчины больше не будут воспитываться на представлении, что публичная сфера – их законная вотчина. В каком-то смысле женщинам нашего поколения придется пройти это испытание, чтобы избавить от него следующие поколения.

Это не значит, что не существует организационных, процедурных решений проблемы. Взять, к примеру, манеру перебивать женщин во время выступлений. Анализ прений сторон в Верховном суде Великобритании за 15 лет говорит о том, что «мужчины перебивают выступления чаще, чем женщины, и чаще перебивают женщин, чем мужчин»[1256]. Речь идет о защитниках-мужчинах (адвокатессы, как показывает анализ, не перебивают другую сторону вообще), а также судьях (впрочем, защитники должны молчать, когда говорит судья). И, как и в политической сфере, по мере усиления представительства женщин в адвокатском корпусе проблема, похоже, становится острее.

На индивидуальном уровне можно просто предложить женщинам тоже перебивать выступающих[1257], возможно научив их делать это «вежливо»[1258]. Но с этим, казалось бы, гендерно нейтральным подходом есть одна проблема: на самом деле он не является гендерно нейтральным. К женщине, перебивающей собеседника, относятся иначе, чем к мужчине. В июне 2017 г. американский сенатор Камала Харрис задала изворотливому генеральному прокурору США Джеффу Сешнсу несколько неудобных вопросов. Когда он несколько раз попытался увильнуть от ответа, она прервала его и потребовала говорить прямо. Сенатор Джон Маккейн

демократических институтов.

[1255] https://www.cfr.org/article/violence-against-female-politicians.

[1256] Jacobi, Tonja and Schweers, Dylan (2017), 'Justice, Interrupted: The Effect of Gender, Ideology and Seniority at Supreme Court Oral Arguments' (14 March 2017), *Virginia Law Review*, 1379, *Northwestern Law & Econ Research Paper No. 17–03*.

[1257] http://www.bbc.com/capital/story/20170622-why-women-should-interrupt-men.

[1258] http://www.bbc.com/capital/story/20160906-how-rude-the-secret-to-smart-interrupting.

в свою очередь дважды (в двух разных случаях) перебивал Камалу Харрис, призывая ее сменить тон[1259]. Камала Харрис перебивала Джеффа Сешнса точно так же, как ее коллега, сенатор Рон Уайден, который тоже пытался добиться от генерального прокурора прямых ответов на неудобные вопросы, но только Камалу Харрис в результате назвали «истеричкой»[1260].

Проблема не в том, что женщины иррационально вежливы. Проблема в том, что они понимают (может быть, на уровне подсознания), что им не простят «вежливого» перебивания собеседника. Поэтому призывать женщин вести себя как мужчины – то есть по-человечески (памятуя о том, что люди по умолчанию – мужчины) – бесполезно и даже, видимо, вредно. Учитывая, что мужчины перебивают выступающих чаще, чем женщины, и что женщин порицают за мужское поведение, подобные призывы следует обращать не к женщинам, а к тем, кто их окружает в политике и на работе.

Сегодня в среде работодателей вошло в моду пренебрежительное отношение к таким якобы устаревшим пережиткам уходящей не столь эгалитарной эпохи, как скучная иерархия и линейные организационные структуры. Но дело в том, что отсутствие формальной иерархии отнюдь не означает отсутствия иерархии вообще. Оно означает возврат к неписаной, негласной иерархии, в которой практически нет места равноправию. На вершине неформальной иерархической пирамиды – белые мужчины, а внизу – все остальные, сражающиеся за место под солнцем в отведенном им тесном пространстве. Как известно, поясняет Гайна Уильямс, ведущая тренинги для женщин-лидеров, методы работы, предполагающие коллективное обсуждение проблем, – например, мозговые штурмы – «в условиях гендерного и этнического разнообразия сопряжены с множеством вызовов», поскольку решения принимают те, кто оказался на вершине иерархической пирамиды[1261].

Однако такие простые приемы, как мониторинг перебивания выступлений[1262] и строгий контроль над соблюдением регламента, способны ослабить мужской напор во время коллективных обсуждений. Именно их использовал Глен Мазарра, продюсер телесериала The Shield («Щит») на канале FX, когда заметил, что в комнате сценаристов женщины стараются молчать, а если берут слово, то их перебивают, а их идеи перехватывают. Он начал бороться с привычкой перебивать женщин во время изложения сценаристами (как мужчинами, так и женщинами) творческих идей. Глен Мазарра добился успеха, и, по его словам, «эффективность работы команды сценаристов повысилась»[1263].

Более радикальный путь – изменение самой системы управления организацией, то есть переход от принятия решений на основе простого большинства голосов к принятию решений на основе консенсуса. Факты свидетельствуют, что это позволяет повысить долю женщин в общем количестве выступающих и смягчить негативную реакцию их оппонентов, оказавшихся в меньшинстве[1264]. (Исследование, проведенное в США в 2012 г., показало, что женщины участвуют в обсуждениях наравне с мужчинами только в том случае, если их позиция совпадает с позицией «подавляющего большинства» участников дискуссии[1265]. Интересно, что,

---

[1259] https://www.nytimes.com/2017/06/13/us/politics/kamala-harris-interrupted-jeff-sessions.html.

[1260] https://edition.cnn.com/2017/06/13/politics/powers-miller-kamala-harris-hysterical-sessions-hearing-ac360-cnntv/index.html.

[1261] http://interactions.acm.org/archive/view/january-february-2014/are-you-sure-your-software-is-gender-neutral.

[1262] Tali Mendelberg, a Princeton University professor who is co-author of *The Silent Sex: Gender, Deliberation and Institutions*, https://mobile.nytimes.com/2016/10/27/upshot/speaking-while-female-and-at-a-disadvantage.html?em_pos=small&emc=edit_up_20161028&nl=upshot&nl_art=3&nlid=67555443&ref=headline&te=1&_r=0&referer=http://m.facebook.com.

[1263] http://time.com/3666135/sheryl-sandberg-talking-while-female-manterruptions/.

[1264] Mendelberg.

[1265] Karpowitz, C., Mendelberg, T. and Shaker, L. (2012) ‘Gender Inequality in Deliberative Participation’, *American Political Science Review*, 106:3, 533–47.

если женщины в целом оказываются в меньшинстве, они выступают реже, в то время как доля мужчин в числе участников обсуждения никак не влияет на частоту их выступлений.)

Некоторые страны пытались бороться с недопустимыми приемами оттеснения женщин от власти с помощью принятия соответствующих законов. С 2012 г. в Боливии политическая агрессия в отношении женщин, избранных в органы законодательной власти или работающих на государственной службе, считается уголовным преступлением. Кроме того, в 2016 г. был принят закон, запрещающий тем, кто применял насилие в отношении женщин, избираться в органы власти.

Но в целом большинство государств ведет себя так, словно женщины-политики не оказываются постоянно в менее выгодном положении по сравнению с мужчинами. Хотя в большинстве парламентов приняты этические кодексы, они, как правило, ориентированы на соблюдение гендерно нейтрального «этикета». В большинстве стран нет официальной процедуры рассмотрения жалоб на харассмент, и зачастую вопросы о том, носили ли проявления сексизма непристойный характер и, следовательно, нарушали ли они этические нормы, решают именно те, кого обвиняют в сексуальных домогательствах (то есть, как правило, мужчины). Чаще всего они выносят отрицательные решения. Одна женщина-депутат рассказала МПС, что, когда она хотела выступить по порядку ведения собрания в связи с оскорбительным сексистским высказыванием коллеги-мужчины в свой адрес, спикер не дал ей слова, заявив, что «не отвечает за то, что думают о ней другие депутаты».

В Соединенном Королевстве в органах местной власти раньше действовал этический кодекс, защищающий права женщин. За его соблюдением следил особый независимый орган, имевший полномочия временно отстранять от должности членов советов, нарушивших этические нормы. Но о кодексе забыли в 2010 г., когда коалиционное правительство инициировало кампанию по борьбе с излишним формализмом в работе органов государственной власти – Red Tape Challenge («Вызов красной ленте»). Теперь каждый орган местной власти вправе сам решать, каким этическим нормам следовать. Соответствующие рекомендации правительства содержат лишь туманный призыв поощрять соблюдение «высоких этических норм». О дискриминации в них нет ни слова[1266]. Более не существует четкого механизма, с помощью которого членов местных советов, нарушивших этические нормы, можно отстранить от должности, если это нарушение не является уголовным преступлением[1267].

Поэтому неудивительно, что после публикации доклада 2017 г. о работе местных органов власти, подготовленного по заказу Fawcett Society, обнаружилось, что «политика некоторых местных органов власти потворствует разрушительной культуре сексизма, что считалось недопустимым с 1970-х гг.». В таких органах власти «терпимо относятся к сексизму, рассматривая его как неотъемлемую составляющую политической жизни»; четыре из десяти женщин – членов местных советов заявили, что им доводилось слышать сексистские высказывания других членов советов в свой адрес[1268]. Одна женщина рассказала о том, что представляет собой «культура, унижающая достоинство молодых женщин и принижающая вклад женщин в работу». По ее словам, женщин – членов советов называли «женским клубом», а обед с одним известным британским политическим деятелем – «возможностью для членов “женского клуба” продемонстрировать свои наряды». Когда она и ее коллега-женщина пожаловались на «проявления агрессии» и «унизительные сексистские прозвища», жалоба, направленная по электронной почте, была проигнорирована. Ей перестали присылать уведомления о заседаниях совета. Ее участие в обсуждениях «скорее терпели, чем приветствовали». В социальных сетях даже това-

[1266] https://www.fawcettsociety.org.uk/Handlers/Download.ashx?IDMF=2e149e34-9c26-4984-bf64-8989db41a6ad.

[1267] https://www.bindmans.com/insight/updates/when-can-the-law-remove-acouncillor-without-an-election; http://localgovernmentlawyer.co.uk/index.php?option=com_content&view=article&id=17463%3Acouncil-blames-localism-act-for-inability-to-remove-councillor-from-office&catid=59%3Agovernance-a-risk-articles&Itemid=27.

[1268] https://www.fawcettsociety.org.uk/Handlers/Download.ashx?IDMF=2e149e34-9c26-4984-bf64-8989db41a6ad.

рищи по партии советовали ей «перестать вести себя как маленькая девочка и не мешать взрослым работать».

Из того, о чем идет речь в этом разделе книги, следуют два главных вывода. Первый из них таков: оттеснение половины населения планеты от политики порождает дефицит гендерных данных на самом верху, на вершине государственного управления. Мы должны понимать, что хорошее правительство – не то, в котором работают «те, у кого есть деньги и время и кто от рождения твердо знает, что будет учиться в хорошей школе, а потом поступит в хороший университет». Хорошее правительство – значит эффективное в целом, как единая рабочая команда. Важнейшее условие эффективности работы этой команды – гендерное и этническое разнообразие. Все, о чем я писала в этой книге, убедительно доказывает важность такого разнообразия. Данные, полученные на основе жизненного опыта женщин, имеют огромное значение. И от того, будут ли эти данные в распоряжении правительства, зависит успех его работы.

Это подводит нас ко второму выводу: данные, которые у нас уже есть, неопровержимо свидетельствуют, что на политическом поле правила игры для женщин и мужчин неодинаковы. Избирательная система страдает «мужским перекосом», а значит, способствует сохранению дефицита гендерных данных в органах власти всего мира со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для половины населения планеты. Мы должны перестать намеренно закрывать глаза на позитивную дискриминацию, в настоящее время ставящую мужчин в более выгодное положение по сравнению с женщинами. Мы должны перестать действовать так, словно формальное, существующее лишь на бумаге, и реальное, подлинное равенство возможностей – это одно и то же. Мы должны создать избирательную систему, учитывающую реальность и способную обеспечить участие самых разных людей в принятии законов, касающихся всех нас.

Часть VI
Когда случается беда

Глава 15
«Мы» – значит мужчины?

Когда на четвертой Всемирной конференции ООН по положению женщин, проходившей в Пекине в 1995 г., Хиллари Клинтон решила заговорить о правах женщин, в правильности ее решения усомнились даже члены американской делегации[1269]. «Мне говорили: “Администрация США не считает эту тему заслуживающей первоочередного внимания. Права женщин – это хорошо, и хорошо, что они вас волнуют, но если первая леди Америки вдруг заговорит о правах женщин, этот вопрос заслонит другие важные вопросы – распад СССР, переходный период, переживаемый бывшими советскими республиками и странами Варшавского договора, события в Руанде и Боснии. В мире столько других проблем – может быть, стоит начать с них?”». Как мы увидим далее (а администрация США видела это уже тогда), «события в Руанде и Боснии» были сопряжены с массовым, систематическим насилием над женщинами.

Когда случается беда – война, стихийное бедствие или пандемия – все привычные пробелы в данных, которые, как мы видели, наличествуют в любой области, – от планирования городского пространства до организации здравоохранения – расширяются и умножаются. Но в экстремальных ситуациях они куда более опасны, чем пренебрежение потребностями женщин в обычных условиях. Дело в том, что если мы не прислушиваемся к мнению женщин и забываем об их нуждах в нормальной ситуации, то во время стихийного бедствия, хаоса, социальных потрясений происходит нечто, отчего привычная предвзятость начинает казаться вполне оправданной. Предлоги для нее всегда найдутся. Ну как же, сейчас главное – восстановить экономику (как мы видели, это восстановление осуществляется на основе ложной посылки). Нужно спасать человеческие жизни (как мы увидим далее, их тоже спасают, исходя из ложной посылки). На самом деле оправдания не выдерживают никакой критики. Истинная причина, по которой о женщинах забывают, заключается в том, что к правам половины населения планеты относятся как к правам меньшинства.

Нежелание учитывать мнение женщин при ликвидации последствий стихийных бедствий иногда выливается в самый настоящий фарс. «Пострадавшим строили дома без кухонь», – говорит профессор Морин Фордэм, специалист по борьбе с последствиями стихийных бедствий. Она рассказывает о землетрясении 2001 г. в штате Гуджарат на западе Индии, унесшем тысячи человеческих жизней и разрушившем около 400 000 домов. Людям срочно требовалось новое жилье, но у проектировщиков штата Гуджарат не было достаточного количества гендерных данных. Они не учли потребности женщин. С женщинами даже не посоветовались на этапе проектирования жилья. Итог – дома без кухонь. В некотором замешательстве я спрашиваю Морин Фордэм, где же, по мнению проектировщиков, люди должны были готовить еду? «Сама задаюсь этим вопросом», – отвечает она и добавляет, что в новых домах также не было предусмотрено пристроек для скота – ведь мужчины обычно не ухаживают за животными. «Это женская забота», – поясняет она.

Если вы думаете, что это единичный случай, исключение из правил, знайте: это не так. То же самое произошло в Шри-Ланке четыре года спустя[1270], когда на второй день Рождества

[1269] http://www.makers.com/once-and-for-all.

[1270] https://www.globalfundforwomen.org/wp-content/uploads/2006/11/disaster-report.pdf.

по побережью Индийского океана пронеслось цунами, унесшее четверть миллиона человеческих жизней в 14 странах. Как и в Гуджарате, в Шри-Ланке при проектировании нового жилья не учли потребности женщин, в результате чего там тоже были построены дома без кухонь. Аналогичная ситуация нередко наблюдается и в лагерях беженцев: гуманитарные организации снабжают их сырыми продуктами, забывая о топливе, необходимом для приготовления пищи[1271].

Похожая история произошла и в США, где при ликвидации последствий стихийного бедствия тоже забыли о женщинах. Морин Фордэм рассказывает о проекте реконструкции застройки Майами после урагана «Эндрю» 1992 г. Проект назывался We Will Rebuild («Мы восстановим»). Проблема заключалась в том, что «мы» в названии проекта относилось почти исключительно к мужчинам: среди 56 руководителей проекта (как сообщалось, это были «специально приглашенные проектировщики, постоянно проживавшие в Майами»)[1272], было только 11 женщин.

Местоимение «мы» в названии проекта, относившееся почти исключительно к мужчинам, стало объектом критики. Проектировщиков называли «парнями из предместий, взявшихся перестраивать центр города». Одна женщина даже назвала их «дружной компанией придурков, которым в очередной раз поручили решать проблемы (в том числе проблемы женщин), о которых они не имели ни малейшего представления. Как всегда, их интересовала только нажива». «Дружная компания» бросилась восстанавливать бизнес-центры, небоскребы и здание Торговой палаты в то время, когда «тысячи людей все еще страдали от [нехватки] предметов первой необходимости [и] коммунальных услуг». Эти придурки совершенно забыли, говорит Морин Фордэм, «о таких вещах, как детские сады и медицинские учреждения», равно как и о небольших коммерческих площадях для занятых в неформальной экономике (прежде всего женщин). Чтобы залатать дыры, которыми пестрел официальный проект, возмущенные гражданские активистки Майами, борцы за права женщин, разработали собственный проект – Women Will Rebuild («Женщины восстановят»).

Проект We Will Rebuild – дело давнее, но когда 13 лет спустя на Новый Орлеан обрушился ураган «Катрина», стало ясно, что уроки этой истории прошли даром. В августе 2005 г. ураган оставил без крова более 30 000 человек (США тогда заняли первое место в списке из десяти стран с «наибольшим количеством внутренне перемещенных лиц – граждан страны»)[1273], Эти «внутренне перемещенные лица» в основном были афроамериканками. Но, хотя они составляли основную долю пострадавших, их мнение не учитывалось ни до, ни после удара стихии[1274]. Это упущение стало причиной серьезного дефицита гендерных данных, в результате которого помощь оказывалась не тем, кто в ней действительно нуждался, – а этого, как подчеркивалось в докладе Института исследований женской политики[1275] 2015 г., легко можно было бы избежать, предварительно изучив ситуацию. Однако проектировщики не проконсультировались с женщинами, не расспросили об их потребностях, и поэтому, по выражению авторов доклада, фактически стали «третьим стихийным бедствием» после урагана и последовавшего за ним наводнения. Этот третий катаклизм был, «как и не выдержавшие удара стихии дамбы, рукотворным».

1271 https://scholarworks.uark.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1016%26context=archuht.

1272 http://gdnonline.org/resources/women_will_rebuild_miami.pdf.

1273 Murakami-Ramalho, E. and Durodoye, B. (2008), 'Looking Back to Move Forward: Katrina's Black Women Survivors Speak', *NWSA Journal*, 20(3), 115–37.

1274 https://iwpr.org/wp-content/uploads/wpallimport/files/iwpr-export/publications/D506_GetToTheBricks.pdf.

1275 Институт исследований женской политики (Institute for Women's Policy Research, IWPR) – исследовательская организация, созданная в 1987 г. и занимающаяся изучением потребностей женщин для разработки политики, нацеленной на улучшение их положения.

Большинство арендаторов социального жилья в Новом Орлеане хотело – и надеялось – вернуться в свои дома после ликвидации последствий природной катастрофы, тем более что никто не отменял четырех крупных проектов строительства жилья в границах Нового Орлеана – The Bricks («Кирпичи»). Более того, по данным Министерства жилищного строительства и городского развития США, пострадавшее жилье не было разрушено до основания, и после очистки там вполне можно было бы жить. Но людям не суждено было вернуться в свои дома. Именно в тот момент, когда они больше всего нуждались в «доступном и в целом пригодном для проживания жилье в Новом Орлеане», было объявлено о финансировании сноса домов и строительстве на их месте новых. Эти новые дома были предназначены для людей с разным уровнем доходов, и лишь 706 квартир относились к категории социального жилья – вместо 4534 квартир в снесенных домах.

Как и проект We Will Rebuild в Майами, проектировщики в Новом Орлеане, судя по всему, поставили интересы бизнеса выше потребностей «теперь уже навсегда перемещенных лиц – в основном граждан с низким уровнем доходов и прежде всего чернокожих женщин». В ходе судебного разбирательства 2007 г. Управление жилищного строительства Нового Орлеана заявило, что провело опрос бывших арендаторов социального жилья и большинство опрошенных ответило, что они не хотят возвращаться в Новый Орлеан. Это заявление противоречило выводам Института исследований женской политики, и у многих возникло подозрение, что «решение о сносе домов, возможно, принималось не столько для ликвидации последствий стихийного бедствия и удовлетворения нужд пострадавших от удара стихии, лишившихся крова и получивших травмы людей, сколько для того, чтобы нажиться на перепланировке городской застройки».

Люди хотели вернуться в свои дешевые дома, построенные в рамках программы The Bricks, потому что, как и бразильские фавелы, эти дома были не просто жильем. Здесь сформировалась социальная инфраструктура, прикрывавшая недостатки жилья, построенного государством в духе *laissez-faire*. «Социальное жилье, может быть, было не лучшего качества, но зато каждая жившая в нем женщина заменяла мамочку кому-нибудь из соседей», – сказала одна бывшая арендаторша в интервью сотрудникам Института исследований женской политики. Когда женщин переселили, а дома снесли, соседи оказались вдали друг от друга, и социальные связи были разорваны. Поскольку мы не учитываем неоплачиваемый труд женщин, при строительстве нового жилья в очередной раз не была принята во внимание необходимость сохранения неформальных связей. Благодаря этим связям, возможным при старой жилищной программе, женщины, помимо всего прочего, чувствовали себя в безопасности и могли спокойно передвигаться по городу. «Район был не так уж плох, – вспоминает одна женщина, – потому что все друг друга знали и никто не боялся ходить по Клейборн-авеню и другим улицам Нового Орлеана».

Мобильность женщин, проживавших в домах, построенных в рамках проекта The Bricks, обеспечивалась также за счет регулярного автобусного сообщения и множества магазинов шаговой доступности. После сноса домов все изменилось. Многие переселенные женщины теперь не могут добраться до магазина пешком – ведь до него придется шагать несколько километров. Изменилось и расписание автобусов: если раньше они ходили с интервалом 15 минут, теперь их приходится ждать около часа. Одна женщина из-за этого лишилась работы. Так же, как и разработчики программы Minha Casa, Minha Vida в Бразилии, проектировщики жилья в Новом Орлеане, судя по всему, не считали приоритетной задачей обеспечение женщин с низким уровнем доходов транспортом, чтобы те могли добираться до работы.

Нет таких норм международного права, которые требовали бы учитывать мнение женщин при планировании мероприятий по ликвидации последствий стихийных бедствий (хотя, исходя из имеющихся данных, они, видимо, необходимы). Но что касается помощи пострадав-

шим от вооруженных конфликтов, то такая норма есть. Это резолюция 1325 (2000) Совета Безопасности ООН.

Эта резолюция призывает всех «действующих лиц» к поддержке участия женщин и «учету гендерной проблематики» во всех усилиях ООН по поддержанию «международного мира и безопасности». Она была принята в 2000 г. благодаря «продолжавшемуся не одно десятилетие лоббированию» борцов за права женщин[1276]. Однако, хотя после ее принятия прошло уже почти 20 лет, в этом направлении мало что сделано. Прежде всего, данных все так же не хватает[1277], что само по себе вызывает сомнения в том, что принимавшие резолюцию государства всерьез намеревались выполнять ее. А те данные, которые у нас есть, почти не обнадеживают. За истекший после принятия резолюции период только две женщины выступали в качестве главных переговорщиков и только одна из них участвовала в подписании заключительного мирного соглашения[1278]. Финансирование политики в области защиты прав женщин в зонах, пострадавших от вооруженных конфликтов, остается «недостаточным»[1279], как и прогресс в выполнении базового требования включения женщин в состав всех делегаций на переговорах[1280]. Даже если женщин включают в состав делегаций, они составляют меньшинство членов и их не назначают на ответственные посты. По некоторым направлениям даже наблюдается регресс: в 2016 г. лишь половина подписанных мирных соглашений содержала положения, касающиеся гендерных проблем (в 2015 г. такие положения содержались в 70 % подписанных мирных договоров). На мирных переговорах в Афганистане в июне 2017 г. доля женщин в общем количестве участников составляла лишь 6 %. Среди посредников и лиц, уполномоченных подписывать соглашения, не было ни одной женщины.

Данных, говорящих о причинах внезапного отката в 2016-2017 гг., нет, но на возможную разгадку любезно указала одна из участниц неофициального круглого стола по проблемам женщин, мира и безопасности, организованного Институтом исследований женской политики в 2014 г.: «ООН и другие влиятельные игроки идут на поводу у тех, кто требует не включать женщин в состав участников переговоров. Если правительство какой-либо страны заявляет, что не хочет иметь дело с женщинами, международное сообщество отвечает “окей”»[1281]. Как и при ликвидации последствий стихийных бедствий, приводятся разные оправдания подобного подхода: необходимость учитывать культурные особенности участников переговоров; боязнь, что из-за участия женщин переговоры могут затянуться; женщин лучше привлекать к работе уже после подписания соглашения. Но все они, в конечном счете, сводятся к одному и тому же припеву, который мы слышим уже не одно столетие: сейчас не до вас, мы займемся вами после революции.

Эти аргументы, явно продиктованные сексизмом, указывают на то, что мир до сих пор не избавился от убеждения, что «человеческие жизни» важнее жизней женщин, учитывая, что «человеческие» в данном случае значит «мужские». Однако легкость, с которой международные институты пренебрегают резолюцией 1325 (2000) Совета Безопасности ООН, не просто проявление сексизма. Это еще и проявление недальновидности. Присутствие женщин за столом переговоров не только повышает вероятность подписания мирного соглашения[1282], но и способствует его соблюдению в долгосрочной перспективе. Анализ 182 мирных соглашений, подписанных в период с 1989 г. по 2011 г., показывает, что участие женщин в мирных пере-

---

[1276] https://www.theguardian.com/global-development/2015/jan/22/women-rights-war-peace-un-resolution-1325.

[1277] http://www.peacewomen.org/assets/file/NationalActionPlans/miladpournikanalysisdocs/igis_womeninpeaceandsecuritythroughunsr1325_millerpournikswaine_2014.pdf.

[1278] https://www.cfr.org/womens-participation-in-peace-processes/explore-the-data.

[1279] https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/UNW-GLOBAL-STUDY-1325-2015.pdf.

[1280] United Nations Security Council (2017) ‘Report of the Secretary-General on women and peace and security’.

[1281] Clare Castillejo (2016), ‘Women political leaders and peacebuilding’, Norwegian Peacebuilding Resource Centre.

[1282] Там же.

говорах повышает вероятность того, что оно будет соблюдаться на протяжении не менее двух лет, на 20 %, а на протяжении не менее 15 лет – на 35 %[1283].

Это не обязательно означает, что женщины ведут переговоры лучше мужчин. Отчасти дело в том, *о чем именно* договариваются женщины. Клэр Кастильехо, специалист по вопросам правления и прав человека в нестабильных государствах, указывает, что «в процессе мирного строительства женщины обычно ставят важные вопросы, которые мужчины – представители элиты, как правило, упускают», – в частности, вопросы инклюзивности, прозрачности процессов и институтов, а также учета местных условий и неформальных отношений[1284]. Иными словами, участие женщин в мирном строительстве, как и в других процессах, способствует ликвидации пробелов в данных. Один из таких пробелов, причем значимый, устраняют результаты недавнего количественного анализа, в ходе которого были получены «убедительные доказательства» того, что в странах, где женщин не допускают на должности, связанные с властными полномочиями, и где к ним относятся как к гражданам второго сорта, чаще происходят вооруженные конфликты[1285]. Иными словами, от ликвидации дефицита гендерных данных выигрывают все.

[1283] https://www.ipinst.org/wp-content/uploads/2015/06/IPI-E-pub-Reimagining-Peacemaking.pdf; O'Reilly, Marie, Suilleabhain, Andrea O and Paffenholz, Thania (2015), 'Reimagining Peacemaking: Women's Roles in Peace Processes', International Peace Institute, New York.

[1284] Castillejo (2016).

[1285] O'Reilly, Suilleabhain and Paffenholz (2015).

Глава 16
Вас убьет не стихия

Парадокс в том, что, когда случается беда, учет мнения женщин особенно важен, потому что в экстремальных условиях привычные предрассудки становятся *не более, а менее* оправданными, чем в нормальной ситуации, – ведь женщины по определению страдают от последствий вооруженных конфликтов, пандемий и стихийных бедствий сильнее, чем мужчины. Данных о последствиях вооруженных конфликтов (числе погибших, заболеваемости и насильственном перемещении) очень немного, а в разбивке по половому признаку – и того меньше. Но имеющиеся данные говорят о том, что сегодня эти последствия затрагивают женщин намного серьезнее, чем мужчин[1286]. В условиях современных войн чаще погибают не бойцы, а гражданские лица[1287]. Разумеется, мужчины и женщины в равной степени рискуют получить увечья или ранения, подвергнуться насильственному перемещению или погибнуть, но женщины страдают еще и от специфических, направленных именно на них проявлений насилия.

В условиях вооруженных конфликтов возрастает уровень домашнего насилия в отношении женщин. На самом деле в таких условиях оно даже более распространено, чем сексуальное насилие, непосредственно связанное с военными действиями[1288]. Масштабы домашнего насилия становятся яснее, если учесть, что во время продолжавшегося три года конфликта в Боснии жертвами сексуального насилия стали примерно 60 000 женщин, а во время стодневного геноцида в Руанде – до 250 000 женщин. По оценкам различных учреждений ООН, во время гражданских войн жертвами насилия стали более 60 000 женщин в Сьерра-Леоне (1991–2002 гг.), более 40 000 женщин в Либерии (1989–2003 гг.) и не менее 200 000 женщин в Демократической Республике Конго (с 1998 г.)[1289]. Учитывая неполноту этих данных (помимо всего прочего, женщины далеко не всегда сообщают о случаях насилия), в действительности от насилия в ходе всех этих конфликтов пострадало, видимо, гораздо больше женщин.

Женщины также сильнее мужчин страдают от вызванных войной социальных потрясений. В так называемых постконфликтных ситуациях уровень сексуального и домашнего насилия остается чрезвычайно высоким, «поскольку демобилизованные участники военных действий, привыкшие применять силу, вернувшись домой, сталкиваются с изменением гендерных ролей и безработицей»[1290]. В Руанде до геноцида 1994 г. средний возраст девушек, вступавших в брак, составлял от 20 до 24 лет; в лагерях беженцев во время и после геноцида он снизился до 15 лет[1291].

Женщины также чаще мужчин гибнут от косвенных последствий войны. Более половины случаев материнской смертности в мире регистрируется в пострадавших от конфликтов и нестабильных государствах. 10 стран с самым высоким уровнем материнской смертности – это страны, где вооруженные конфликты либо в разгаре, либо только что закончились. Материнская смертность в таких странах в среднем в 2,5 раза выше, что отчасти объясняется также тем, что гуманитарные организации, помогающие пострадавшим от вооруженных столкнове-

---

[1286] http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/WPS%202010%20Sidebar2.pdf.

[1287] https://www.un.org/en/preventgenocide/rwanda/supporting-survivors.shtml.

[1288] O'Reilly, Marie, Suilleabhain, Andrea O and Paffenholz, Thania (2015), 'Reimagining Peacemaking: Women's Roles in Peace Processes,' International Peace Institute, New York, June 2015, https://www.ipinst.org/wp-content/uploads/2015/06/IPI-E-pub-Reimagining-Peacemaking.pdf.

[1289] https://www.un.org/en/preventgenocide/rwanda/supporting-survivors.shtml.

[1290] O'Reilly, Suilleabhain and Paffenholz (2015).

[1291] https://www.unwomen.org/en/what-we-do/peace-and-security/facts-and-figures.

ний и стихийных бедствий, часто не учитывают особых потребностей женщин в области здравоохранения.

На протяжении более 20 лет Межучрежденческая рабочая группа по вопросам охраны репродуктивного здоровья в кризисных ситуациях [1292] призывает к обеспечению женщин, оказавшихся в зонах военных действий или районах, пострадавших от стихийных бедствий, оборудованием для родовспоможения, средствами контрацепции, акушерской помощью и консультированием. Но, как сообщает *The New York Times*, «за последние два десятилетия такая помощь оказывалась нерегулярно, если оказывалась вообще» [1293]. В одном из докладов подчеркивается, что беременные женщины остаются без акушерской помощи и ухода, в результате чего у них «случаются выкидыши, а рожать приходится в антисанитарных условиях».

Женщины сталкиваются с этой проблемой и в районах, пострадавших от стихийных бедствий. После тайфуна, обрушившегося на Филиппины в 2013 г., 4 млн человек остались без крова, и из 1000 женщин, ежедневно рожавших в этих условиях, почти 150 подвергались риску для жизни[1294]. Родовспомогательные учреждения и оборудование были уничтожены тайфуном, женщины умирали[1295]. Но когда Фонд ООН в области народонаселения (ЮНФПА) обратился к странам-донорам с просьбой выделить средства для приобретения гигиенических комплектов, оплаты труда персонала временных родовспомогательных учреждений и работы с жертвами сексуального насилия, те отреагировали «прохладно», и было собрано лишь около 10 % необходимой суммы[1296].

В районах, пострадавших от вооруженных конфликтов и стихийных бедствий, особенно быстро распространяются инфекционные заболевания. При этом при пандемиях погибает больше женщин, чем мужчин[1297]. Примером может служить Сьерра-Леоне – страна, оказавшаяся в эпицентре эпидемии лихорадки Эбола в 2014 г. Уровень материнской смертности здесь был самым высоким в мире: 1360 случаев на каждые 100 000 живых рождений (для сравнения: в странах ОЭСР этот показатель составляет в среднем 14 случаев на 100 000 живых рождений)[1298], причем каждая семнадцатая роженица подвергалась риску для жизни[1299]. Недавно опубликованные официальные данные говорят о том, что в Сьерра-Леоне ежемесячно умирают по меньшей мере 240 беременных женщин[1300].

В условиях эпидемии лихорадки Эбола женщины подвергались двойному риску для жизни: они могли умереть и от болезни, и от родов. На самом деле ситуация была еще хуже, потому что беременные женщины подвергались повышенному риску заражения лихорадкой Эбола, поскольку чаще мужчин обращались в медицинские учреждения и контактировали с медперсоналом[1301]. Как писала газета *The Washington Post*, две из трех крупнейших вспышек лихорадки Эбола «были вызваны распространением вируса через родовспомогательные учре-

---

[1292] Межучрежденческая рабочая группа по вопросам охраны репродуктивного здоровья в кризисных ситуациях (Inter-Agency Working Group on Reproductive Health in Crises, IAWG) – структура, объединяющая более 450 международных, государственных и некоммерческих организаций, в том числе учреждений ООН, благотворительных организаций и исследовательских центров, созданная в 1995 г. и занимающаяся вопросами репродуктивного здоровья населения, пострадавшего от вооруженных конфликтов и стихийных бедствий.

[1293] https://www.nytimes.com/2013/12/11/world/asia/effort-to-help-filipino-women-falters-un-says.html.

[1294] https://www.unfpa.org/press/women%E2%80%99s-health-critical-recovery-aftermath-typhoon-haiyan-says-unfpa-executive-director.

[1295] Там же.

[1296] https://www.nytimes.com/2013/12/11/world/asia/effort-to-help-filipino-women-falters-un-says.html.

[1297] O'Reilly, Suilleabhain and Paffenholz (2015).

[1298] https://www.indexmundi.com/facts/oecd-members/maternal-mortality-ratio.

[1299] https://www.unicef.org/childsurvival/sierraleone_91206.html.

[1300] http://www.thesierraleonetelegraph.com/?p=16261.

[1301] https://www.washingtonpost.com/national/health-science/2014/08/14/3e08d0c8-2312-11e4-8593-da634b334390_story.html?utm_term=.51eb39dc57dc.

ждения»[1302]. Эпидемии буквально косили работников здравоохранения (большинство которых составляли женщины), и это еще больше повышало риск для женщин: по оценке журнала *The Lancet*, в трех странах, затронутых эпидемией лихорадки Эбола, из-за нехватки медперсонала ежегодно погибали дополнительно 4022 женщины[1303].

Нежелание учитывать гендерную проблематику при оказании помощи в таких чрезвычайных ситуациях отчасти объясняется сохраняющимся убеждением в том, что, поскольку инфекция косит и мужчин, и женщин, лучше сосредоточиться на профилактике и лечении заболевания, «предоставив другим право решать существующие в стране социальные проблемы, включая проблему гендерного неравноправия, после окончания эпидемии»[1304]. Доля вины лежит и на ученых: недавний анализ 29 млн публикаций в более 15 000 рецензируемых научных изданий, вышедших во время вспышек лихорадки Зика и Эбола, показал, что лишь менее 1 % работ затрагивало гендерные последствия эпидемий[1305]. Однако, как указано в докладе ВОЗ, сбрасывать со счетов гендерные факторы весьма опасно, потому что это тормозит усилия по предотвращению и сдерживанию эпидемий, а также препятствует сбору информации и изучению путей распространения инфекции[1306].

Невнимание к гендерным факторам во время вспышки в 2009 г. свиного гриппа (H1N1) привело к тому, что «представители власти занимались в основном мужчинами, так как именно они были владельцами фермерских хозяйств, хотя зачастую большую часть работы по уходу за животными в личных подсобных хозяйствах выполняли женщины»[1307]. Во время вспышки лихорадки Эбола в Сьерра-Леоне в 2014 г. «первые программы снабжения находящихся на карантине предусматривали обеспечение женщин запасами продовольствия, но не учитывали потребности в воде и топливе». Поскольку в Сьерра-Леоне и других развивающихся странах заготовкой топлива и воды (прожить без которых невозможно) занимаются женщины, до тех пор пока программы не были скорректированы, «они были вынуждены покидать свои дома в поисках дров, что повышало риск распространения инфекции»[1308].

Уход за больными близкими, лежащий на плечах женщин, во время пандемий тоже становится для них источником смертельной опасности. Женщины выполняют львиную долю обязанностей по уходу за больными в домашних условиях. Они же традиционно составляют большинство «акушерок, медсестер, уборщиц и работников прачечных в больницах, то есть работают в условиях повышенного риска заражения», – особенно учитывая, что эти категории работников «не получают такой же поддержки и помощи, как врачи, большинство которых – мужчины»[1309]. Женщины также занимаются подготовкой умерших к погребению, а традиционные погребальные обряды также способствуют распространению заболевания[1310]. По некоторым оценкам, в Либерии во время эпидемии лихорадки Эбола 2014 г. доля женщин в общем количестве умерших от заболевания составила 75 %[1311]. По оценкам Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ), в Сьерра-Леоне, в эпицентре эпидемии, этот показатель составил 60 %[1312].

[1302] Там же.

[1303] http://www.thelancet.com/journals/langlo/article/PIIS2214-109X(15)00065–0/fulltext.

[1304] ttp://www.wpro.who.int/topics/gender_issues/Takingsexandgenderintoaccount.pdf.

[1305] http://theconversation.com/zika-and-ebola-had-a-much-worse-effect-onwomen-we-need-more-research-to-address-this-in-future-64868.

[1306] Там же.

[1307] http://foreignpolicy.com/2014/08/20/why-are-so-many-women-dying-from-ebola/.

[1308] https://www.unwomen.org/en/news/stories/2016/5/ed-statement-on-wh.

[1309] https://www.washingtonpost.com/national/health-science/2014/08/14/3e08d0c8-2312-11e4-8593-da634b334390_story.html?utm_term=.51eb39dc57dc.

[1310] https://www.buzzfeednews.com/article/jinamoore/ebola-is-killing-women-in-far-greater-numbers-than-men.

[1311] Там же.

[1312] https://www.washingtonpost.com/national/health-science/2014/08/14/3e08d0c8-2312-11e4-8593-da634b334390_story.html?utm_term=.51eb39dc57dc.

В публикации 2016 г.[1313] говорится о том, что во время недавних вспышек лихорадки Эбола и Зика международные институты, разрабатывающие рекомендации в области здравоохранения, не «учитывали ограниченной возможности женщин защищаться от инфекции»[1314]. В обоих случаях эти рекомендации основывались на (неверной) предпосылке, что женщины наделены экономическими, социальными и политическими правами, способными обеспечить их «изоляцию в соответствии с рекомендациями международных учреждений». Соответственно, эти рекомендации «лишь усиливали» существующее гендерное неравенство.

●●●

Для правильной организации гуманитарной помощи в кризисных ситуациях необходимо устранить дефицит гендерных данных, и как можно скорее, потому что мало кто сомневается в том, что из-за изменения климата наш мир становится все более опасным. По данным Всемирной метеорологической организации (ВМО), вероятность природных катастроф сегодня почти в пять раз выше, чем 40 лет назад: если в 1970-е гг. случилось лишь 743 стихийных бедствия, то с 2000 г. по 2010 г. их количество возросло до 3496 (наводнений, ураганов, засух и случаев аномальной жары)[1315]. Помимо того что, как указывают аналитики, изменение климата может выступать причиной вооруженных конфликтов[1316] и пандемий[1317], оно само по себе чревато риском для жизни. В соответствии с прогнозом, опубликованным в журнале *The Lancet Planetary Health* в 2017 г., в период 2071–2100 гг. в Европе от стихийных бедствий, вызванных изменением климата, ежегодно будут погибать 152 000 человек[1318] (для сравнения: в период с 1981 г. по 2010 г. от них ежегодно погибали 3000 человек)[1319]. И, как мы увидим далее, жертвами стихийных бедствий чаще всего становятся именно женщины.

До 2007 г., когда были опубликованы результаты первого системного количественного анализа[1320], у нас не было точных данных о гендерном распределении случаев гибели от природных катаклизмов. Анализ статистики по 141 стране за период с 1981 г. по 2002 г. показал, что женщин погибло значительно больше, чем мужчин, и что чем выше была доля погибших обоих полов в общей численности населения, тем ниже были сравнительные шансы женщин на выживание. И, что особенно важно, чем выше был социально-экономический статус женщин в стране, тем ниже был гендерный разрыв в количестве случаев гибели.

Женщин убивает не стихия, поясняет Морин Фордэм. Их убивает гендер – и общество, которое не понимает, что гендерные проблемы влияют на шансы женщин на выживание. Установлено, что в Индии во время землетрясений, случающихся ночью, выживает больше мужчин, чем женщин, «потому что в жару мужчины спят не в помещении, а на крышах домов, чего не может позволить себе большинство женщин»[1321]. В Шри-Ланке плаванию и альпинизму обучают «преимущественно» мужчин и мальчиков. В результате, когда в декабре 2004 г. на

[1313] https://www.chathamhouse.org/publication/ia/gendered-human-rights-analysis-ebola-and-zika-locating-gender-global-health.

[1314] http://theconversation.com/zika-and-ebola-had-a-much-worse-effect-onwomen-we-need-more-research-to-address-this-in-future-64868.

[1315] https://www.theguardian.com/environment/blog/2014/jul/14/8-charts-climate-change-world-more-dangerous.

[1316] https://www.washingtonpost.com/news/energy-environment/wp/2016/07/25/how-climate-disasters-can-drive-violent-conflict-around-the-world/?utm_term=.8b5c33ad65e7.

[1317] https://www.washingtonpost.com/opinions/another-deadly-consequence-of-climate-change-the-spread-of-dangerous-diseases/2017/05/30/fd3b8504-34b1-11e7-b4ee-434b6d506b37_story.html?utm_term=.e49b6bd86143.

[1318] https://www.thelancet.com/journals/lanplh/article/PIIS2542-5196(17)30082-7/fulltext?elsca1=tlpr.

[1319] http://edition.cnn.com/2017/08/04/health/climate-change-weather-disasters-europe/index.html.

[1320] Neumayer, Eric and Plumper, Thomas (2007) 'The gendered nature of natural disasters: the impact of catastrophic events on the gender gap in life expectancy, 1981–2002', *Annals of the Association of American Geographers*, 97:3, 55–66.

[1321] Там же.

страну обрушилось цунами (от которого погибло в четыре раза больше женщин, чем мужчин)[1322], мужчины и мальчики оказались лучше подготовленными к выживанию в условиях наводнения[1323]. В Бангладеш социальные предрассудки в отношении обучения женщин плаванию также «резко» снижают их шансы на выживание во время наводнения[1324]. Социальная ущербность женщин в этой стране усугубляется тем, что им непозволительно покидать свой дом без сопровождения родственника мужского пола[1325]. В результате при приближении циклона до прихода мужчины, который может отвести их в безопасное место, они остаются дома, теряя драгоценное время и не успевая вовремя эвакуироваться.

Они теряют драгоценное время еще и потому, что без мужчины могут вообще не узнать о приближении циклона. Морин Фордэм поясняет, что оповещения о приближающемся циклоне транслируются в общественных местах – на рынках или в мечетях, куда доступ женщинам закрыт. «Они сидят дома и узнают, что пора спасаться, только если им сообщает об этом мужчина». Многие женщины так никогда и не узнают об этом.

Служба оповещений о стихийных бедствиях, ориентированная на мужчин, не единственная составляющая системы защиты от циклонов в Бангладеш, не учитывающая потребностей женщин. По словам Морин Фордэм, укрытия от циклона сконструированы «мужчинами и для мужчин» и поэтому далеко не безопасны для женщин. Ситуация медленно меняется, но сохранилось «огромное количество» укрытий старого образца, в основном представляющих собой просто «*очень* большую забетонированную яму». В традиционных укрытиях мужчины и женщины находятся вместе. Как правило, там нет отдельных мужских и женских туалетов: «просто ведро в углу, а ведь в укрытии могут находиться до 1000 человек».

Помимо очевидной проблемы одного ведра на 1000 человек, отсутствие разделения по половому признаку в принципе не позволяет женщинам спускаться в убежище. «В соответствии с культурными традициями, в Бангладеш женщины не могут находиться рядом с мужчинами и мальчиками, не являющимися членами их семей, – поясняет Морин Фордэм, – из опасения навлечь позор на семью». Любая женщина, оказавшаяся рядом с чужими мужчинами, «рассматривается как законная мишень для любого вида сексуальных домогательств, если не хуже. Поэтому женщины предпочитают вовсе не спускаться в укрытие». В результате они погибают чаще мужчин (во время циклона и наводнения 1991 г. погибло почти в пять раз больше женщин, чем мужчин)[1326] – просто потому, что им нельзя находиться рядом с посторонними мужчинами.

Что касается насилия, с которым женщины сталкиваются в районах, пострадавших от стихийных бедствий, то мы знаем: «в условиях хаоса и общественных беспорядков, неизбежных при природных катаклизмах», его уровень повышается, хотя и не знаем точно насколько, отчасти из-за того же хаоса и беспорядков. Во время урагана «Катрина» местные кризисные центры для жертв сексуального насилия пришлось закрыть, поэтому в последующие дни никто не регистрировал и не подсчитывал количество случаев изнасилования[1327]. Пришлось закрыть и приюты для жертв домашнего насилия – с теми же последствиями. Кроме того, как и в Бангладеш, в гендерно нейтральных укрытиях от урагана женщины становились жертвами сексуального насилия. Тысячи людей, не успевших эвакуироваться из Нового Орлеана до того, как на него обрушился ураган «Катрина», были временно размещены на крытом стадионе

[1322] https://www.theguardian.com/society/2005/mar/26/internationalaidanddevelopment.indianoceantsunamidecember2004.
[1323] http://eprints.lse.ac.uk/3040/1/Gendered_nature_of_natural_disasters_%28LSERO%29.pdf.
[1324] Там же.
[1325] https://thewire.in/gender/economic-growth-bangladesh-challenge-change-women.
[1326] http://www.bridge.ids.ac.uk/sites/bridge.ids.ac.uk/files/reports/Climate_Change_DFID.pdf.
[1327] https://www.globalfundforwomen.org/wp-content/uploads/2006/11/disaster-report.pdf.

Superdome в Луизиане. Сразу же поползли зловещие слухи о проявлениях грубости, изнасилованиях и драках. Поступали сообщения о том, что женщин избивают их партнеры[1328].

«Было слышно, как люди кричат и молят о помощи: “Пожалуйста, не надо, пожалуйста, помогите!”, – рассказывала одна женщина в интервью Институту по освещению войны и мира[1329][1330]. – Говорят, на стадионе ничего такого не было. Но это неправда. Все это было. Женщин насиловали. Все слышали, как они кричали. Потому что света не было, было темно, понимаете? Думаю, мужчины просто хватали женщин и делали с ними все, что хотели». Информация о том, что творилось во время урагана «Катрина» и действительно ли насиловали женщин, никогда не проверялась.

●●●

Кошмар гендерной нейтральности продолжает преследовать женщин, спасающихся от войн и стихийных бедствий, и в лагерях беженцев по всему миру. «Из опыта множества ошибок, совершенных в прошлом, мы знаем, что при отсутствии отдельных санузлов женщины чаще рискуют стать жертвами сексуальных домогательств и насилия», – говорит Гаури ван Гулик, заместитель директора Amnesty International по Европе и Центральной Азии[1331]. В соответствии с международными руководящими принципами в лагерях беженцев должны быть отдельные туалеты для мужчин и женщин, причем снабженные соответствующими табличками и запирающиеся[1332]. Но эти требования зачастую не соблюдаются.

Опрос, проведенный в 2017 г. мусульманской женской благотворительной организацией Global One, показал, что 98 % беженок в Ливане не имели доступа к отдельным туалетам[1333]. Результаты исследования, выполненного Комиссией по делам женщин-беженцев[1334], говорят о том, что женщины и девочки во временных центрах размещения беженцев в Германии и Швеции становятся жертвами сексуального и другого насилия, поскольку там нет отдельных туалетов и ванных комнат для женщин. В результате совместного проживания с представителями противоположного пола многие женщины страдают от кожных заболеваний, так как вынуждены в течение нескольких недель не снимать хиджабы.

Беженки постоянно[1335] жалуются на то, что до туалетов часто приходится далеко идти[1336], а надлежащего освещения нет как на пути к ним, так и в самих санузлах. По их словам, в печально известном огромном лагере Идомени в Греции ночью не видно ни зги. И хотя результаты двух исследований показали, что установка в лагерях ламп на солнечных батареях или раздача женщинам ручных фонарей позволяет им чувствовать себя безопаснее, эта мера не получила широкого распространения[1337].

[1328] Там же.

[1329] Институт по освещению войны и мира (Institute for War and Peace Reporting, IWPR) – независимая сеть организаций, базирующаяся в Лондоне и работающая со СМИ и гражданскими активистами в целях содействия позитивным изменениям в зонах конфликтов, закрытых обществах и странах с переходной экономикой во всем мире.

[1330] https://iwpr.org/wp-content/uploads/wpallimport/files/iwpr-export/publications/D506_GetToTheBricks.pdf.

[1331] https://qz.com/692711/the-radically-simple-way-to-make-female-refugees-safer-from-sexual-assault-decent-bathrooms/.

[1332] https://emergency.unhcr.org/entry/39929/wash-in-camps.

[1333] https://www.globalone.org.uk/wp-content/uploads/2017/03/SYRIA-REPORT-FINAL-ONLINE.pdf.

[1334] Комиссия по делам женщин-беженцев (Women’s Refugee Commission, WRC) – неправительственная организация, созданная в 1989 г. в рамках Международного комитета спасения (International Rescue Committee, IRC), целью которой является содействие улучшению условий жизни и защита прав женщин, детей и молодежи в условиях вооруженных конфликтов и в кризисных ситуациях. С 2014 г. организация имеет статус самостоятельного юридического лица.

[1335] https://www.amnesty.ie/greece-refugee-women-coping-fear-violence-camps/, https://blogs.cdc.gov/global/2014/11/17/implications-of-latrines-on-womens-and-girls-safety/.

[1336] http://refugeerights.org.uk/wp-content/uploads/2017/03/RRDP_Hidden-Struggles.pdf.

[1337] http://www.wame2015.org/case-study/1124/; https://blogs.cdc.gov/global/2014/11/17/implications-of-latrines-on-womens-

Поэтому большинство женщин пытается решить проблему посещения туалета самостоятельно. Даже через год после цунами 2004 г. женщины и девочки, пострадавшие от удара стихии и оказавшиеся в лагерях для перемещенных лиц в Индии, были вынуждены ходить в общие туалеты и ванные по двое, чтобы защищаться от домогательств мужчин[1338]. Несколько езидок, спасающихся от сексуального рабства в ИГИЛ[1339] в лагере Неа Кавала на севере Греции, во время походов в туалет организовывали круговую оборону. Другие беженки (по данным одного из исследований 2016 г., 69 %)[1340], включая беременных, нуждавшихся в частом посещении туалета, вообще не ходили в туалет по ночам. Во временных центрах размещения в Германии некоторые женщины, чтобы не ходить в туалет, воздерживались от еды и питья. Об этом же сообщали и беженки в Идомени, в то время крупнейшем в Греции неофициальном лагере беженцев[1341]. В 2018 г. газета *The Guardian* писала, что женщины выходили из положения с помощью памперсов для взрослых[1342].

Неспособность европейских государств обеспечить женщинам защиту от насилия со стороны мужчин в лагерях беженцев, с одной стороны, объясняется тем, что у таких стран, как, например, Германия и Швеция (которые, надо отдать им должное, приняли гораздо больше беженцев, чем большинство других стран Европы), было очень мало времени для того, чтобы справиться с кризисом[1343]. Но, с другой стороны, дело еще и в том, что во всем мире во временных центрах размещения женщины страдают от насилия со стороны охранников-мужчин. В 2005 г. беженки, находившиеся в одном из временных американских центров размещения иммигрантов, сообщали, что охранники снимали их на телефоны, когда они спали или выходили из душевых и ванных[1344]. В Кении в 2008 г. двое полицейских изнасиловали семнадцатилетнюю беженку из Сомали, содержавшуюся в полицейском участке, когда та вышла из камеры и направилась в туалет[1345]. В Великобритании во временном центре размещения беженцев «Ярлс Вуд» в течение многих лет не могли справиться с многочисленными случаями сексуальных домогательств и насилия[1346].

Учитывая непрекращающийся поток сообщений о сексуальных домогательствах в лагерях беженцев по всему миру, видимо, пора признать: представление о том, что в лагерях, где содержатся женщины, может, как и в мужских, работать персонал, состоящий из мужчин, создает ситуацию, в которой гендерная нейтральность в очередной раз оборачивается гендерной дискриминацией. Возможно, разделение по половому признаку не должно ограничиваться рамками строительства отдельных санузлов для мужчин и женщин. Возможно, мужчин, работающих в лагерях беженцев, не следует назначать на должности, дающие им власть над женщинами. Возможно. Но дело в том, что для этого властям сначала придется признать, что мужчины, занимающие такие должности, используют женщин, которых они обязаны охранять и оберегать, для удовлетворения своих сексуальных потребностей. Но в настоящее время власти к этому не готовы.

В электронном письме гуманитарному информационному агентству IRIN пресс-секретарь Государственного управления по делам беженцев в Берлине писал: «По результатам множества бесед с руководством лагерей беженцев можно с уверенностью утверждать, что никаких

and-girls-safety/.

1338 https://www.hrw.org/sites/default/files/report_pdf/wrdsanitation0417_web_0.pdf.

1339 Террористическая организация, запрещена на территории Российской Федерации.

1340 http://refugeerights.org.uk/wp-content/uploads/2017/03/RRDP_Hidden-Struggles.pdf.

1341 https://qz.com/692711/the-radically-simple-way-to-make-female-refugees-safer-from-sexual-assault-decent-bathrooms/.

1342 https://reliefweb.int/report/greece/i-couldn-t-even-wash-after-giving-birth-washrooms-restoring-dignity-refugees.

1343 IRIN и Комиссия по делам женщин-беженцев.

1344 https://www.hrw.org/sites/default/files/report_pdf/wrdsanitation0417_web_0.pdf.

1345 Там же.

1346 http://www.bbc.co.uk/news/uk-england-beds-bucks-herts-36804714.

нештатных происшествий и случаев [сексуального насилия] во временных центрах размещения беженцев и муниципальных приютах для жертв насилия не зафиксировано»[1347]. Несмотря на многочисленные случаи сексуальных домогательств и насилия, представители власти уверены, «что серьезной проблемы нет». Точно так же, сообщает новостной сайт BuzzFeed, подозрения, что сотрудники пограничных служб европейских государств требовали от женщин расплачиваться за пересечение границы сексуальными услугами, не подтвердились[1348]. Однако материалы, опубликованные в газете *The Guardian* в 2017 г., говорят о том, что «случаи сексуальных домогательств и насилия широко распространены и постоянно имеют место в пунктах пересечения границы и на контрольно-пропускных пунктах. Треть опрошенных женщин и детей сообщила, что на насильниках была военная форма или они были похожи на военных»[1349].

Государственное управление по делам беженцев в Берлине обосновывало свое заявление об «отсутствии серьезной проблемы» «очень небольшим количеством обращений в полицию» – в том числе всего десяти обращений в связи с «преступлениями против сексуальной свободы» женщин, проживающих в приютах для беженцев, зарегистрированных полицией Берлина за весь 2016 г.[1350] Но можно ли считать данные полиции убедительным доказательством отсутствия случаев насилия, или мы имеем дело еще с одним свидетельством нехватки гендерных данных? Когда журналисты BuzzFeed обратились в полицию крупнейших европейских транзитных стран (Греции, Македонии, Сербии, Венгрии и Хорватии) с просьбой предоставить любую имеющуюся информацию о гендерном насилии, многие страны вообще не отреагировали на «неоднократные запросы». Венгерская полиция в конце концов ответила, но лишь в том смысле, что она «не собирает данные о потерпевших из числа обратившихся с просьбой о предоставлении политического убежища, в том числе сообщивших о случаях изнасилования или попыток сексуального насилия». Хорваты заявили, что «не могут предоставить данные о случаях правонарушений в разбивке по категориям жертв» и в любом случае у них «нет данных о случаях сексуального насилия в отношении лиц, обратившихся с просьбой о предоставлении политического убежища». Вполне возможно, что это правда, хотя и не потому, что насилие не имело места. Дело в том, что, как указывают многие женские организации, работающие с беженцами, женщины в приютах для беженцев, ставшие жертвами сексуальных домогательств и насилия, из-за множества культурных и языковых барьеров «не сообщают в полицию о многих, очень многих случаях сексуального насилия»[1351].

В кризисных ситуациях нехватка данных о сексуальных домогательствах осложняется тем, что мужчины, наделенные властью, перестают понимать, где кончается помощь и начинается сексуальное насилие. Так, используя служебное положение, они принуждают женщин к сексуальным отношениям в обмен на продукты питания[1352]. Данных, как обычно, не хватает, но те, что у нас есть, свидетельствуют о том, что при ликвидации последствий стихийных бедствий это происходит практически всегда[1353]. Один такой случай недавно попал в заголовки СМИ во всем мире. Сначала Oxfam, а затем многие другие международные гуманитарные организации

[1347] https://www.thenewhumanitarian.org/investigations/2017/05/10/women-refugees-risk-sexual-assault-berlin-shelters.

[1348] https://www.buzzfeednews.com/article/jinamoore/women-refugees-fleeing-through-europe-are-told-rape-is-not-a#.tgnEGvDv89.

[1349] https://www.theguardian.com/world/2017/feb/28/refugee-women-and-children-beaten-raped-and-starved-in-libyan-hellholes.

[1350] https://www.thenewhumanitarian.org/investigations/2017/05/10/women-refugees-risk-sexual-assault-berlin-shelters.

[1351] Там же.

[1352] http://www.huffingtonpost.com/soraya-chemaly/women-and-disasterrelief_b_5697868.html.

[1353] http://odihpn.org/magazine/linking-food-security-food-assistance-and-protection-from-gender-based-violence-wfp%C2%92s-experience/.

стали объектом критики в связи с тем, что покрывали сотрудников, обвиняемых в сексуальных домогательствах[1354].

Парадокс в том, что, игнорируя при разработке инфраструктуры для беженок возможность насилия со стороны мужчин, власти забывают, что именно от насилия женщины зачастую и бегут[1355]. Мы обычно считаем, что беженцы спасаются от войн и стихии. В отношении мужчин это верно. Но указанное представление – еще один пример «мужского перекоса» в нашем сознании, потому что, хотя женщины тоже бегут от этих бедствий, они также часто покидают свои дома из-за насилия со стороны мужчин. Они бегут и от «воспитательного» насилия (мужчины насилуют лесбиянок, чтобы «вправить им мозги»); и от массовых изнасилований (как в Боснии); и от принудительных и детских браков; и от насилия в семье. Из-за такого насилия женщины бегут из дома в бедных странах, и из-за него же покидают свои дома женщины из богатых стран Запада.

Бездомность исторически считалась мужской проблемой, но достоверность официальных данных вызывает сомнения. Джоан Брезертон, научный сотрудник Центра жилищной политики Йоркского университета, поясняет, что женщины на самом деле «гораздо чаще становятся бездомными, чем мужчины»[1356]. В Австралии, например, сегодня «типичный бездомный – это молодая женщина в возрасте от 25 до 34 лет, часто имеющая ребенка и все чаще спасающаяся от насилия»[1357]. Однако эта «серьезная социальная проблема»[1358] явно недооценивалась. Из-за неверного понимания и неправильного измерения феномена бездомности имеет место дефицит гендерных данных[1359]. По оценке Канадского центра политических альтернатив[1360], «в большинстве исследований, посвященных проблеме бездомности […] отсутствует комплексный гендерный анализ»[1361].

Численность бездомных обычно измеряется количеством граждан, пользующихся услугами для бездомных, но такой подход был бы оправдан только в том случае, если бы мужчины и женщины пользовались этими услугами одинаково часто, а это не так. Женщины, лишившиеся крова из-за насилия в семье, ищут убежища не в приютах для бездомных, а в приютах для жертв домашнего насилия. Поэтому в Великобритании они не считаются бездомными[1362]. Эти женщины также часто находят пристанище у чужих людей на сомнительных условиях, «без собственной входной двери, личного пространства и законного права на жилье»[1363]. При этом, как и женщины в лагерях беженцев, они могут подвергаться сексуальной эксплуатации[1364], о чем свидетельствует наблюдаемый в последнее время в Великобритании рост количества контрактов «аренда жилья за секс».

Согласно исследованиям, проведенным в Канаде, женщины идут на такие сомнительные договоренности, потому что не чувствуют себя в безопасности в государственных временных

1354 https://www.telegraph.co.uk/news/2018/02/17/oxfam-warned-decade-ago-crisis-sex-abuse-among-worlds-aid-workers/.

1355 https://wssagwales.files.wordpress.com/2012/10/asawoman.pdf.

1356 https://phys.org/news/2017-04-uk-hidden-homeless-lone-women.html.

1357 https://www.theguardian.com/society/2017/dec/14/homelessness-women-seeking-support-outnumber-men-for-first-time?CMP=share_btn_tw.

1358 https://phys.org/news/2017–04-uk-hidden-homeless-lone-women.html.

1359 https://phys.org/news/2017-04-uk-hidden-homeless-lone-women.html.

1360 Канадский центр политических альтернатив (Canadian Centre for Policy Alternatives, CCPA) – независимый исследовательский центр левого направления, занимающийся изучением проблем экономической политики, международной торговли, экологической и социальной политики.

1361 https://www.policyalternatives.ca/publications/commentary/fast-facts-4-things-know-about-women-and-homelessness-canada.

1362 https://www.feantsaresearch.org/download/feantsa-ejh-11-1_a1-v045913941269604492255.pdf.

1363 https://phys.org/news/2017-04-uk-hidden-homeless-lone-women.html.

1364 https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/apr/19/sex-rent-logical-extension-leaving-housing-to-market.

центрах размещения, особенно если там проживают представители обоих полов[1365]. Опасность отнюдь не плод их воображения: Канадский центр политических альтернатив характеризует уровень насилия, которому подвергаются женщины в таких центрах, как «впечатляющий». По мнению этой организации, эти центры, якобы гендерно нейтральные и «в равной степени доступные для представителей обоих полов, на самом деле весьма опасны для женщин».

Поэтому женская бездомность не просто результат насилия в отношении женщин, но и один из главных предикторов его роста[1366]. В США бездомные женщины готовы жить в самых тяжелых условиях, лишь бы не обращаться в приюты, которые они считают опасными[1367]. Кэтрин Сакс-Джонс, директор благотворительной организации Agenda, поясняет, что в Великобритании приюты для бездомных «обычно ориентированы на мужчин» и что они «могут быть очень опасными для женщин, травмированных пережитыми издевательствами и насилием»[1368].

Приюты для лиц обоего пола не только не обеспечивают женщинам безопасность, но и создают проблемы для их здоровья. В Великобритании Национальная служба здравоохранения обязана снабжать (и снабжает) приюты для бездомных бесплатными презервативами[1369], но не женскими гигиеническими прокладками и тампонами. В результате приюты имеют возможность обеспечивать ими женщин только в том случае, если для приобретения гигиенических товаров есть свободные средства (а их обычно нет) либо если их кто-то передал в виде пожертвования. В 2015 г. группа активистов организовала кампанию The Homeless Period («Критические дни без дома») и обратилась к британскому правительству с просьбой выделить средства на покупку гигиенических товаров для женщин наряду с презервативами для мужчин[1370]. Несмотря на то, что этот вопрос рассматривался в парламенте, средства выделены не были. В марте 2017 г. активисты добились лишь того, что присоединившаяся к ним компания Bodyform согласилась до 2020 г. пожертвовать 200 000 упаковок гигиенических прокладок[1371]. Аналогичная кампания в США оказалась более успешной: в 2016 г. Нью-Йорк стал первым американским городом, снабжающим бесплатными тампонами и прокладками государственные школы, приюты для бездомных и исправительные учреждения[1372].

От последствий глобального и хронического нежелания считаться с тем, что у женщин бывают менструации, страдают и беженки. На закупку гигиенических товаров, в которых позарез нуждаются женщины, средства зачастую не выделяются[1373]. В результате женщины и девочки годами вынуждены обходиться без средств личной гигиены[1374]. Даже там, где гигиенические товары раздаются бесплатно, закупки традиционно производятся «из расчета на семью, без учета количества менструаций у конкретных женщин»[1375]. При распределении гигиениче-

---

1365 https://www.policyalternatives.ca/publications/commentary/fast-facts-4-things-know-about-women-and-homelessness-canada.

1366 http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/088626001016008001.

1367 https://www.bustle.com/articles/190092-this-is-how-homeless-womencope-with-their-periods.

1368 https://www.theguardian.com/housing-network/2016/aug/22/sex-in-return-for-shelter-homeless-women-face-desperate-choices-government-theresa-may.

1369 https://www.telegraph.co.uk/women/womens-health/11508497/TheHomelessPeriod-Campaign-for-homeless-women-to-have-free-tampons.html.

1370 http://thehomelessperiod.com/.

1371 https://www.change.org/p/help-the-homeless-on-their-period-thehomelessperiod/u/19773587.

1372 https://www.thecut.com/2016/06/nyc-will-provide-tampons-in-schools-shelters.html.

1373 http://www.unhcr.org/uk/news/latest/2008/4/4815db792/corporate-gift-highlights-sanitation-problems-faced-female-refugees.html; ttp://www.reuters.com/article/us-womens-day-refugees-periodsfeature-idUSKBN16F1UU.

1374 https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Refugee-Women-on-the-European-Route-Balkans.pdf; https://www.globalone.org.uk/wpcontent/uploads/2017/03/SYRIA-REPORT-FINAL-ONLINE.pdf; https://globalone.org.uk/2017/05/a-14-year-olds-heart-wrenching-tale/.

1375 http://www.ifrc.org/en/news-and-media/news-stories/africa/burundi/upholding-women-and-girls-dignity-managing-menstrual-hygiene-in-emergency-situations-62536/.

ских средств также часто забывают о культурных табу, связанных с менструацией (например, о том, что многие женщины не смогут обратиться с просьбой выдать им прокладки к мужчине – работнику лагеря или в присутствии родственников мужского пола)[1376], и не заботятся ни о приобретении товаров, учитывающих культурные особенности, ни о соответствующих способах их утилизации[1377].

Эти недочеты в снабжении приютов для бездомных и лагерей беженцев негативно сказываются на здоровье женщин и ограничивают их свободу. Как показало одно из исследований, из-за вынужденного использования вместо прокладок негигиеничных подручных средств («старых тряпок, пучков мха, клочков обивки матрасов»)[1378] более 50 % женщин «страдали инфекционными заболеваниями мочевыводящих путей, которые часто не лечились» [1379]. Кроме того, «из-за стигматизации менструации и боязни протечек» женщины были ограничены в передвижениях и, соответственно, лишались возможности «нормально питаться, получать различные услуги и информацию, а также общаться с людьми».

Ликвидация дефицита гендерных данных не решит как по волшебству все проблемы, с которыми сталкиваются женщины – как имеющие крышу над головой, так и лишившиеся жилья. Для этого нужно кардинально изменить общество и покончить с насилием со стороны мужчин. Но если мы поймем, что гендерная нейтральность не ведет автоматически к гендерному равноправию, и сумеем изменить ситуацию, мы положим начало решению проблемы. А если у нас будут данные в разбивке по половому признаку, никто уже не сможет утверждать, что потребности женщин можно смело игнорировать ради высшего блага, – ведь у нас будут неопровержимые доказательства обратного.

[1376] https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Refugee-Women-on-the-European-Route-Balkans.pdf; http://www.nytimes.com/2013/12/11/world/asia/effort-to-help-filipino-women-falters-un-says.html.

[1377] http://www.ifrc.org/en/news-and-media/news-stories/africa/burundi/upholding-women-and-girls-dignity-managing-menstrual-hygiene-in-emergency-situations-62536.

[1378] http://www.reuters.com/article/us-womens-day-refugees-periods-feature-idUSKBN16F1UU.

[1379] https://www.globalone.org.uk/wp-content/uploads/2017/03/SYRIA-REPORT-FINAL-ONLINE.pdf.

Послесловие

Ссоры пап с королями, войны и чума на каждой странице! Мужчины ни на что не годны, а о женщинах вообще ни слова – до чего же это скучно!
Джейн Остин

Дайне Таймине потребовалось всего около двух часов, чтобы найти решение задачи, над которой математики ломали голову более 100 лет. В 1997 г. эта дама, математик из Латвии, участвовала в семинаре по геометрии в Корнеллском университете. Вел семинар профессор Дэвид Хендерсон. Он демонстрировал модели гиперболических плоскостей, сделанные из тонких полос бумаги, свернутых в кольца и скрепленных друг с другом. «Это было душераздирающее зрелище», – со смехом вспоминала Дайна Таймиња в одном из интервью[1380].

Гиперболическая плоскость – «геометрическая противоположность» сферической, поясняет Дэвид Хендерсон в интервью журналу *Cabinet*, пишущему о культуре и искусстве[1381]. «Сферическая плоскость, – продолжает он, – искривлена внутрь и замкнута. Гиперболическая плоскость в каждой точке искривлена наружу». В природе примером такой плоскости являются гофрированные листья салата, заросли кораллов, морские огурцы и раковые клетки. Гиперболическую геометрию используют статистики, выполняющие многомерный анализ данных, аниматоры Pixar, добивающиеся реалистичного изображения складок на одежде, конструкторы автомобилей, разрабатывающие аэродинамические модели, акустики, проектирующие концертные залы. Гиперболическая геометрия «лежит в основе теории относительности и, соответственно, лучше всего помогает приблизиться к пониманию формы Вселенной»[1382]. Иными словами, гиперболическая геометрия – штука очень важная.

Но тысячелетиями считалось, что гиперболического пространства не существует. По крайней мере, его не существовало в представлении математиков, которые считали, что есть только два вида пространства – евклидово, то есть плоское (например, поверхность стола), и сферическое, например шар. Гиперболическое пространство было открыто лишь в XIX в., но только в теории. Более 100 лет математики пытались найти способ его визуализации, но безуспешно – до тех пор, пока на семинар в Корнеллский университет не приехала Дайна Таймиња. Потому что Таймиња не только была профессором математики, но и прекрасно вязала крючком.

Дайна Таймиња научилась вязать, еще когда училась в школе. Она выросла в Латвии, бывшей республике Советского Союза, где, по ее словам, «людям все приходилось чинить самим – от автомобиля до водопроводного крана»[1383]. «В то время, если вы хотели носить оригинальное платье или свитер, вы должны были уметь вязать», – рассказывает она. Однако, хотя Дайне Таймине всегда нравились и алгоритмы, и узоры для вязания, ей и в голову не приходило, что традиционное, уютное дамское рукоделие может помочь в такой серьезной науке, как математика, – до того семинара в 1997 г., когда она увидела, как профессор Хендерсон мучается с непослушной бумагой, пытаясь изобразить гиперболическое пространство. В тот момент она поняла: это можно сделать с помощью пряжи и крючка.

И она это сделала. Все лето Дайна Таймиња просидела у бассейна с вязанием в руках, пока не связала несколько наглядных пособий для демонстрации гиперболического пространства.

[1380] http://discovermagazine.com/2006/mar/knit-theory.

[1381] http://www.cabinetmagazine.org/issues/16/crocheting.php.

[1382] https://www.brainpickings.org/2009/04/24/margaret-wertheim-institute-for-figuring/.

[1383] http://discovermagazine.com/2006/mar/knit-theory.

«Люди, проходившие мимо, спрашивали, что я вяжу, а я отвечала: “Гиперболическую плоскость”»[1384]. На сегодняшний день она связала более 100 моделей. По ее словам, сам процесс вязания «помогает получить наглядное представление об экспоненциальном расширении пространства: первые ряды вывязываются очень быстро, но над последующими приходится корпеть буквально часами – так много в них петель. В результате получаешь возможность наглядно представить себе, что такое гиперболическое пространство»[1385]. Вязаные модели помогают представить его всем, кто занимается геометрией. В интервью газете *The New York Times* Дайна Тайминя рассказывала, что один профессор, читавший лекции о гиперболическом пространстве, взглянув на ее рукоделие, воскликнул: «Так вот оно, оказывается, какое!»[1386] Сегодня модели Дайны Таймини широко используются в качестве наглядных пособий.

Фундаментальный вклад Дайны Таймини в изучение гиперболических плоскостей сам по себе, конечно, не ликвидирует дефицит данных, имеющих непосредственное отношение к женщинам. Однако история с вязанием лишний раз доказывает, что проблема ликвидации гендерной информационной дыры самым тесным образом связана с проблемой равноправия женщин. Закрытию этой дыры способствует рост участия женщин в политике, в мирных переговорах, в создании техники и технологий и планировании городского пространства, и от этого выигрывают все. Даже математики.

Отстраняя половину человечества от процесса создания новых знаний, мы проходим мимо идей, способных, быть может, изменить мир. Разве математики-мужчины додумались бы до такого простого и элегантного решения, какое нашла Дайна Тайминя? Вряд ли, учитывая, как мало среди мужчин умелых вязальщиков крючком. Но Дайна Тайминя увлекалась и традиционным дамским рукоделием, и математикой – традиционно мужской наукой. Это и позволило ей решить задачу, над которой безуспешно бились многие ученые. Дайна Тайминя увидела связь между двумя областями, которую не смогли бы обнаружить математики-мужчины.

Нередко мы просто не даем женщинам возможность обнаружить такую связь, и поэтому многие мировые проблемы по-прежнему кажутся нам неразрешимыми. Как и Фрейд, мы продолжаем ломать голову над тем, что кажется нам тайной. Но что, если эти проблемы, как и проблема визуализации гиперболического пространства, вовсе не являются неразрешимыми? Что, если для их решения, как для решения задач на телевизионных научных конкурсах, достаточно всего лишь взглянуть на них глазами женщины? Данные, которыми мы располагаем, неопровержимо свидетельствуют: строя, планируя и совершенствуя наш мир, мы должны учитывать жизненные потребности женщин, решая проблемы в трех главных областях, определяющих характер взаимодействия женщин с этим миром.

Первая проблемная область – женский организм, или, точнее, отсутствие внимания к нему. Постоянно забывая о необходимости учитывать особенности женского организма в дизайне, будь то дизайн медицинской техники и технологий, бытовой техники или архитектурных сооружений, мы создаем мир, в котором женщины чувствуют себя неуютно, потому что он таит в себе множество опасностей для них. Женщины получают травмы на рабочих местах и в автомобилях, не учитывающих особенности их организма. Они умирают, потому что им прописывают лекарства, которые на них не действуют. В итоге скроенный нами мир оказывается *либо мал, либо велик* женщинам.

Парадоксально, но факт: женского организма никто не замечает, когда речь идет о сборе данных, но в других обстоятельствах он (точнее, женское тело) становится объектом самого пристального внимания. Это – вторая проблемная область, влияющая на бытие женщин. Речь идет о сексуальном насилии со стороны мужчин в отношении женщин. Сегодня мы не изме-

[1384] Там же.

[1385] http://www.cabinetmagazine.org/issues/16/crocheting.php.

[1386] https://www.nytimes.com/2005/07/11/nyregion/professor-lets-her-fingers-do-the-talking.html.

ряем это явление, не стараемся изменить мир так, чтобы с этой проблемой считались, и тем самым позволяем ограничивать свободу женщин. Женщины становятся жертвами насилия не потому, что такова их биологическая природа. Не по этой причине они боятся находиться в общественных местах, опасаясь насилия. Причина не в половых особенностях, а в гендерных факторах, определяющих представления общества о назначении мужского и женского тел. Чтобы гендерные факторы работали, в обществе должно сформироваться определенное отношение к представителям того или иного пола. И оно сформировалось: как мы видели, «одного взгляда на женщину бывает достаточно, чтобы мгновенно оценить весь набор свойственных ей фенотипических проявлений и их значение»[1387]. В ней видят существо, которое можно оскорбить. Женщине можно сказать непристойность или присвистнуть ей вслед. Или начать ее преследовать. Или изнасиловать.

Или поручить ей разливать чай на работе. Это – третья проблемная область, которая, пожалуй, сильнее всего затрагивает жизнь женщин во всех странах мира. Речь идет о неоплачиваемой домашней работе. Женщины работают гораздо больше, чем этого требует справедливость, – и их работа необходима обществу, потому что без нее наша жизнь покатилась бы под откос. И, как и в случае с сексуальным насилием, женщины становятся «подтирательницами задниц» не потому, что такова их биологическая природа, а потому, что, воспитывая девочку, будущую женщину, родители с самого начала прививают ей соответствующие ожидания и готовят ее к принятию своей роли. Только потому, что женщина принадлежит к женскому полу, на нее смотрят как на работника, который будет, помимо выполнения основных обязанностей, убирать за всеми в офисе. А придя домой, она будет писать родственникам мужа открытки с поздравлениями с Рождеством и днями рождения (и ухаживать за ними, если они заболеют). На работе ей будут меньше платить, а когда у нее появятся дети, ее вынудят работать на условиях неполной занятости.

Не умея обеспечить сбор данных о женщинах и их жизни, мы продолжаем считать дискриминацию по признаку пола и гендера естественной и неизбежной, в то же время не замечая ее. А может быть, на самом деле мы не замечаем ее именно потому, что она кажется нам естественной и неизбежной – слишком очевидной, слишком обыденной, слишком прочно укоренившейся в нашей жизни, – чтобы возмущаться и говорить о ней. Парадокс нашего женского бытия заключается в том, что мы всегда на виду, когда к нам относятся как к подчиненному полу, но становимся невидимками, когда речь заходит о вещах, действительно важных для нас, – то есть когда нам нужно, чтобы с нами считались.

Существует еще одна проблема, с которой я столкнулась, пока писала эту книгу. Я постоянно слышала отговорки. Главная из них такова: женщины слишком сложны для измерений. Я слышала эту отговорку от всех – и от проектировщиков транспортных систем; и от медиков, занимающихся исследованиями лекарственных препаратов; и от разработчиков технологий, – все они ломали голову над «тайной женственности», о которой говорил Фрейд, и отступали, не в силах разгадать ее. Женский организм слишком изменчив, у женщин менструации и загадочные женские гормоны. Женские маршруты передвижения слишком хаотичны, график работы слишком непредсказуем. У женщин слишком высокие голоса. Даже когда в начале XX в. выдающийся швейцарский архитектор Ле Корбюзье разрабатывал стандартную модель человека для проектирования архитектурных сооружений, особенности женского телосложения «рассматривались в последнюю очередь и были признаны не вписывающимися в гармоничные пропорции»[1388]. В результате представителем всего человечества назначили мужчину

[1387] Cikara, Mina and Fiske, Susan T. (2009), ‘Warmth, competence, and ambivalent sexism: Vertical assault and collateral damage’, in Barreto, Manuela, Ryan, Michelle K. and Schmitt, Michael T. (eds.), *The glass ceiling in the 21st century: Understanding barriers to gender equality*, Washington.

[1388] https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2Fs00004-000-0015-0.pdf.

шести футов ростом (183 см) с поднятыми вверх руками (способного дотянуться до верхней полки в шкафу, которая мне недоступна).

Приговор женщинам был вынесен единогласно: они ненормальные, нетипичные, с ног до головы неправильные. Почему женщина не может быть больше похожа на мужчину? Положим, я была бы готова от имени всех представительниц женского пола извиниться за то, что мы такие загадочные, но ведь мы не такие, так что и извиняться не за что. Это реальность, которую должны мужественно принять ученые, политики и разработчики технологий. Да, я понимаю: чем проще, тем лучше. Чем проще, тем дешевле. Но дело в том, что в жизни нет простоты.

Еще в 2008 г. Крис Андерсон, в то время редактор технического журнала *Wired*, написал статью «Конец теории: поток данных и устаревшая модель научного познания» (The End of Theory: The Data Deluge Makes the Scientific Method Obsolete)[1389]. Он утверждал, что теперь мы можем «перестать искать закономерности». Есть более совершенный способ познания. Петабайты (для таких чайников, как вы и я: петабайт равен 1 000 000 Гб или миллион миллиардов байт) позволяют сказать: «Достаточно корреляции». Нам больше не нужно строить гипотезы об этом и о том, достаточно просто обработать данные – или, точнее, «позволить статистическим алгоритмам» сделать это. В эпоху Трампа, Брекзита и Cambridge Analytica эти рассуждения кажутся наивными и прекраснодушными, совершенно в духе Поллианны[1390], но даже до всех недавних скандалов с данными было ясно, что утверждения Андерсона слишком оптимистичны, потому что в 2008 г. у нас было еще меньше данных о женщинах, чем сейчас. А если данные, которыми питаются статистические алгоритмы, не включают информацию о половине населения планеты, эти алгоритмы лишь создают путаницу.

Крис Андерсон восхваляет Google как яркого представителя эры, которую он окрестил «эрой петабайтов», и поет ему дифирамбы как «основоположнику теории», согласно которой «мы не знаем, почему эта страница лучше, чем та, но если статистика внешних ссылок говорит, что это так, значит, это действительно так. Ни семантический, ни каузальный анализ не нужен. Вот почему Google может переводить с одного языка на другой, не зная языков (при наличии соответствующего языкового корпуса он переведет текст с клингонского[1391] на фарси так же легко, как с французского на немецкий)». Вот только, как мы видели, качество переводов оставляет желать лучшего – даже сегодня, десять лет спустя, – во всяком случае, с точки зрения тех, кому не нравится, что женщин «вычеркивают» при переводе.

Вот так-то. Не все так просто.

Впрочем, в одном Крис Андерсон был прав. «Более совершенный способ познания» действительно существует. И он не так уж сложен: надо просто увеличить долю женщин во всех сферах жизни – ведь по мере роста количества женщин, занимающих посты, дающие власть и влияние, все ярче проявляется другая тенденция: женщины не забывают о существовании (других) женщин так же легко, как многие мужчины.

Женщины, работающие в киноиндустрии, чаще принимают на работу представительниц своего пола[1392]. Журналистки значительно чаще выражают точку зрения женщин и цитируют их[1393]. Так же ведут себя и писательницы: в 2015 г. в США 69 % женщин – авторов биографий писали о женщинах (мужчины – авторы биографий – только 6 %)[1394]. Способность женщин

[1389] https://www.wired.com/2008/06/pb-theory/.

[1390] Поллианна – героиня одноименного романа американской писательница Элизабет Портер (1913). Ее имя стало нарицательным для обозначения неисправимого оптимиста, видящего во всем только хорошие стороны. – *Прим. ред.*

[1391] Клингонский язык – искусственный язык, разработанный лингвистом Марком Окрандом по заказу Paramount Studios для одной из инопланетных рас в вымышленной вселенной сериала «Звездный путь». – *Прим. ред.*

[1392] http://womenintvfilm.sdsu.edu/wp-content/uploads/2017/01/2016_Celluloid_Ceiling_Report.pdf.

[1393] http://wmc.3cdn.net/dcdb0bcb4b0283f501_mlbres23x.pdf.

[1394] http://www.slate.com/articles/news_and_politics/history/2016/01/popular_history_why_are_so_many_history_books_about_men_by_men.html?via=gdpr-consent#methodology.

прислушиваться к голосу своих сестер и становиться на их точку зрения проявляется и в академическом сообществе. В США в период с 1980 г. по 2007 г. доля женщин в общей численности преподавателей истории выросла с 15 до 35 %[1395], и примерно за такой же период (с 1975 г. по 2015 г.) доля историков, пишущих о женщинах, выросла с 1 до 10 %[1396] (то есть в десять раз). Кроме того, женщины-ученые чаще рекомендуют студентам работы других женщин[1397].

Немаловажно и то, как именно женщины интерпретируют историю. В 2004 г. известная британская телеведущая и комическая актриса Сэнди Токсвиг в статье в *The Guardian* рассказала о том, как в те времена, когда она изучала в университете антропологию, одна преподавательница показала студентам фотографию кости оленя, на которой было 28 засечек. «Считается, – сказала преподавательница, – что это первый календарь, сделанный человеком». Студенты смотрели на кость с восхищением. «Но скажите, – продолжала преподавательница, – зачем мужчине отмечать на календаре именно 28 дней? Лично я считаю, что этот календарь сделала женщина»[1398].

Когда в 2017 г. в Великобритании было приведено в действие законодательство о выходе из ЕС и принят так называемый Акт (уведомление) о выходе из ЕС (European Union (Notification of Withdrawal) Act 2017), Акт о правах человека 1998 г. (Human Rights Act 1998) был прямо исключен из процесса изменений – и все благодаря женщине, Марии Миллер, члену парламента от партии консерваторов от Бейзингстока, которая убедила правительство сделать заявление о том, что Брекзит не затронет Закон о равенстве 2010 г. (Equality Act 2010)[1399]. Без этой оговорки после выхода Великобритании из ЕС многие права женщин могли бы оказаться под ударом, причем без возможности правовой защиты. На рабочем месте женщины (такие как лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине Кристиана Нюсляйн-Фольхард, создавшая фонд помощи аспиранткам, имеющим детей) тоже на практике устраняют структурный «мужской перекос», который руководители-мужчины десятилетиями не замечают или намеренно игнорируют.

Женщины-ученые делают больше, чем мужчины, для ликвидации пробелов в гендерных данных. Проведенный недавно анализ 1,5 млн публикаций за период с 2008 г. по 2015 г. показал, что количество исследований по проблемам гендера и пола «растет по мере увеличения доли женщин среди авторов работ»[1400]. Особенно наглядно эта тенденция проявляется, когда женщины возглавляют коллектив авторов. Женщины-политики больше заботятся о женском здоровье, чем мужчины. В Великобритании именно женщина (Пола Шеррифф, член парламента от партии лейбористов от Дьюсбери) в 2016 г. создала первую в стране Межпартийную парламентскую группу по охране здоровья женщин. А в США именно две бесстрашные женщины – члены Республиканской партии пресекли попытки Дональда Трампа отменить проведенную Бараком Обамой реформу здравоохранения (что больнее всего ударило бы по женщинам), трижды проголосовав против его предложений[1401].

Женщины влияют на политику и в более широком смысле. Две женщины, Мелинда Гейтс и Хиллари Клинтон, возглавили поддерживаемую ООН организацию Data2x, нацеленную непосредственно на устранение глобального дефицита гендерных данных. Именно жен-

---

[1395] https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-onhistory/may-2010/what-the-data-reveals-about-women-historians.

[1396] https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectiveson-history/december-2015/the-rise-and-decline-of-history-specializationsover-the-past-40-years.

[1397] https://duckofminerva.com/2015/08/new-evidence-on-gender-bias-in-ir-syllabi.html.

[1398] https://www.theguardian.com/world/2004/jan/23/gender.uk.

[1399] *Sex Discrimination Law Review* (January 2018), www.fawcettsociety.org.uk.

[1400] Nielsen, Mathias Wullum, Andersen, Jens Peter, Schiebinger, Londa and Schneider, Jesper W. (2017), 'One and a half million medical papers reveal a link between author gender and attention to gender and sex analysis', *Nature Human Behaviour*, 1, 791–6.

[1401] https://www.vox.com/policy-and-politics/2017/7/18/15991020/3-gop-women-tank-obamacare-repeal.

щина, Хиллари Клинтон, в 1995 г. настояла на поездке в Пекин, чтобы сделать знаменитое заявление о том, что «Права человека – это права женщин, а права женщин – это права человека».

Когда случается беда, женщины тоже первыми бросаются исправлять оплошности страдающих от «мужского перекоса» служб борьбы с последствиями стихийных бедствий. Ученые установили, что «фотографии с изображением мужественных, брутальных спасателей», наводнившие СМИ после урагана «Катрина», искажали реальность, потому что женщины, которые «трудились без устали, остались в тени»[1402]. Такая же ситуация наблюдалась и в Пуэрто-Рико, практически брошенном правительством США на произвол судьбы после того, как в 2017 г. над ним пронесся разрушительный ураган «Мария». «Реальность такова, что в общинах в основном именно женщины организуют работу на местах и руководят ею», – сказала в интервью журналистке Джастин Калма Ади Мартинес-Роман, руководитель некоммерческой организации, оказывающей правовую поддержку семьям с низким доходом[1403]. Именно женщины собирают данные, «посещают районы затопления» и выявляют общины, нуждающиеся в помощи[1404]. Именно они принимают решения, исходя из реальности, и проводят их в жизнь. Они организуют полевые кухни. Они собирают деньги и восстанавливают дороги. Они распределяют «лампы солнечного света, генераторы, бензин, одежду, обувь, гигиенические прокладки, батарейки, лекарства, матрасы, воду». Они оказывают пострадавшим семьям «бесплатную правовую помощь, чтобы те могли ориентироваться в запутанных и плохо продуманных процедурах подачи заявлений в Федеральное агентство по управлению страной в чрезвычайных ситуациях». Этим женщинам даже удалось достать несколько стиральных машин общего пользования, работающих на солнечной энергии.

Решение проблемы нехватки данных по проблемам пола и гендера очевидно: надо бороться с недостаточной представленностью женщин во всех областях. Когда женщины участвуют в процессе принятия решений, в научных исследованиях, в создании новых знаний, они не дают о себе забыть. Жизнь и представления женщин выходят из тени. От этого выигрывают не только сами женщины, но и, как показывает история Дайны Таймини, профессора математики, умеющего вязать крючком, – все человечество. А значит, разгадка фрейдовой «тайны женственности» всегда была у нас перед глазами. Чтобы узнать ее, «людям» достаточно было просто спросить у женщин.

[1402] Ransby, B. (2006), 'Katrina, Black Women, and the Deadly Discourse on Black Poverty in America', *Du Bois Review: Social Science Research on Race*, 3:1, 215–22, DOI: 10.1017/S1742058X06060140.

[1403] https://grist.org/article/hurricane-maria-hit-women-in-puerto-rico-the-hardest-and-theyre-the-ones-building-it-back/.

[1404] https://www.vogue.com/projects/13542078/puerto-rico-after-hurricane-maria-2/.

Благодарности

Работа над книгой похожа на одиночное плавание, и часто автор действительно пускается в путь в одиночку. Но в то же время книга рождается в результате усилий многих людей. В первую очередь мне хотелось бы поблагодарить Рейчел Хьюитт, которая познакомила меня со своим, а теперь уже и моим замечательным литературным агентом Трейси Бохан из Wylie Agency, потому что без этого знакомства книга никогда бы не увидела свет. Работать с Трейси было одно удовольствие. Я глубоко признательна ей за то, что она согласилась со мной сотрудничать и помогла написать синопсис книги, благодаря которому она была принята издательством, и, конечно, за то, что эта женщина всегда была рядом и с присущими ей как истинной канадке спокойствием и тактом решала проблемы, которые я взваливала на ее плечи (включая те, что я создавала себе сама). Я также благодарю ее помощницу Дженнифер Бернстайн, которая помогала нам на протяжении всей работы над книгой.

Далее мне хотелось бы поблагодарить двух замечательных редакторов, Поппи Хэмпсон и Джеймисона Стольца, которые сразу же загорелись идеей выпустить книгу на тему, на которую никто еще не писал. Они кропотливо и методично трудились над рукописью, деликатно заставляли меня перерабатывать один вариант за другим. Их вопросы и замечания помогали мне оттачивать аргументы и более убедительно отстаивать свою точку зрения. Именно благодаря им книга стала такой, какой вы ее читаете, и я глубоко признательна обоим редакторам за то, что они помогли мне сделать ее лучше. Моя особая благодарность – Поппи, которая дважды отпаивала меня кофе, когда я была на грани срыва, потому что мне казалось, что работа над книгой не кончится никогда. Огромное спасибо и всем работникам Chatto & Windus и Abrams Books за то, что приняли рукопись и с самого начала целеустремленно работали, чтобы превратить ее в книгу.

Мне хотелось бы поблагодарить очень многих людей, которые не пожалели времени и помогли мне, поделившись своими знаниями. Спасибо Нишату Сиддики, прочитавшему мне краткий курс кардиологии и ответившему на все мои, несомненно, глупые и смешные вопросы о работе сердечно-сосудистой системы. Спасибо Джеймсу Боллу, который прочел мне курс статистики и, кроме того, проявил себя как настоящий друг, терпеливо выслушивая мои почти ежедневные жалобы на то, что книга никогда не будет закончена. Спасибо и другому моему замечательному другу, Алексу Кили, который тоже учил меня статистике и тоже терпел мои постоянные жалобы. Я не могу не поблагодарить и Алекса Скотта, любезно согласившегося прочесть мои «медицинские» главы, чтобы убедиться, что там нет откровенных глупостей, и Грега Каллуса, выполнившего фактчекинг разделов, посвященных вопросам законодательства.

Особую признательность мне хотелось бы выразить Хелен Льюис за сделанный ею четкий план книги, который, как оказалось, было чрезвычайно полезно держать в голове, чтобы заставить себя написать первые строки. Огромное спасибо ей, а также Саре Дитум, Элис Форд, Ники Волфу и Люку Макги, которые мужественно читали первые наброски рукописи (а Хелен еще и за то, что она как эксперт просмотрела некоторые особенно сложные разделы книги). Надеюсь, никто из этих людей не пострадал в процессе чтения.

Спасибо всем моим замечательным друзьям за поддержку и за то, что они мирились и с моими исчезновениями на месяцы, и с тем, что я постоянно нарушала свои обещания. Спасибо им за терпение и понимание. О таких друзьях можно только мечтать, и я благодарна судьбе за то, что они у меня есть. Спасибо вам, мои дорогие HarpySquad и все остальные, кто каждый день мучился со мной, пока я писала книгу. Вы знаете, кого я имею в виду.

Но больше всего я, конечно, благодарна моему Официальному Другу и чирлидеру Трейси Кинг, которая не только участвовала вместе со мной в моих безумных феминистских кампаниях, но и читала самые черновые варианты рукописи и всегда поддерживала и вдохновляла

меня, уверяя, что книга обязательно будет написана. Без нее я никогда не закончила бы работу и не сохранила бы (относительное) душевное здоровье.

Наконец, я хочу поблагодарить еще кое-кого: мою любимую собачку Поппи. Она очень помогает мне в работе – не только когда сидит у меня на коленях, но и когда отвлекает меня от работы, если я слишком долго сижу за компьютером. Когда я напечатала эти строки, Поппи облизала мне руку. Она – чудо, и без этой красотки у меня ничего бы не вышло.